

Татяна
Гармаш-Роффе

Детство
и юношество
и зрящее

Шантаж от Версаче



Annotation

Что делать, если ты хороша собой, но слишком застенчива? А тут еще на банкете знакомишься с частным детективом, французом Реми Деллье, и понимаешь, что он – твоя судьба. И тогда сестра Александра, модная журналистка, придумывает всю эту историю с убийством стареющего развратника и шантажиста, где ты – главный фигурант. И теперь пусть только попробует галантный француз отказать тебе, несчастной, в помощи. Но самое невероятное, что убийство действительно случилось и исчезло тело. А ты становишься главной подозреваемой. И чтобы вытащить тебя, Реми и русский сыщик Алексей Кисанов готовы пойти на все...

Татьяна Гармаш-Роффе

Шантаж от версаче

*Все лица и события в этой книге являются вымыслом, любые
совпадения могут оказаться только случайными.*

Глава 1

Телефонный звонок оторвал Ксюшу от уютного созерцания старой кинокомедии по телевизору – под горячий чай с воздушным печеньем, под веселый обмен репликами и комментариями с родителями. Она любила такие мгновенья радостной беззаботности и семейного единства, напоминавшие ей детство... Совсем недавнее, впрочем.

Неохотно покинув большую комнату, Ксюша сняла трубку в прихожей.

– У тебя завтра занятия заканчиваются в котором часу? – без лишних сантиментов поинтересовалась трубка.

– Последняя пара в два. А что?

– Отлично. Будь к четырем возле Дома кино.

– Зачем это? – нехотя протянула Ксюша. – Опять коктейль?

– Ксения, – строго сказала Александра, – помрешь старой девой!

– Ну, Саш, мне надоело... – попробовала поспорить Ксюша, не надеясь, впрочем, на успех.

– К четырем, слышишь!

Гудки отбоя были категоричны, как голос Александры.

...На девятнадцатом году жизни у Ксюши случился полугодовой, неудачный и единственный роман с однокурсником.

На двадцать втором году Ксюша все еще была одинокой девицей на выданье, и ее старшая сестра, Александра, стала проявлять нешуточное беспокойство.

Ксения попыталась отвязаться от назойливой опеки сестрицы: «Мужчины меня не интересуют. Я, наверное, фригидна».

Ох, как Сашка взвилась! Она накричала на Ксюшу, велела выбросить глупости из головы и пообещала лично заняться подбором приличной кандидатуры, «а не каких-то там сопливых студентов, которые ничего толком не умеют и только отравляют юным девицам само представление о любви и о сексе!».

И Александра занялась. Она брала Ксюшу на все презентации, пресс-конференции, приемы и тусовки, которые посещала вне зависимости от того, собиралась писать статью или нет. Модная журналистка, Александра считала необходимым держать руку на пульсе светско-политической жизни, а модные тусовки считали необходимым украсить ряды приглашенных модной журналисткой – так, к обоюдной выгоде, происходил симбиоз Александры со столичной жизнью.

Нельзя сказать, чтобы Ксюша ощущала себя в своей стихии, таскаясь за Александрой по приемам. В отличие от старшей сестры она терялась, смущалась, была напряженной, фальшиво смеялась и постоянно краснела, когда к ней обращались, всякий раз испытывая острое желание сбежать. Но Александра твердила со смехом: ничего, мы из тебя сделаем цивилизованного человека! Главное, присмотри кого-нибудь, кого можно назвать мужчиной!

Ксюша огрызалась: а сама-то присмотрела? Ты отчего это до сих пор одна – от избытка настоящих мужчин?

– А ты где собираешься их искать, в университетской библиотеке? – парировала Александра. – Одного

придурка уже нашла, мало показалось?

И в тот понедельник, который позже Ксюша окрестила роковым, она, уже давно перестав сопротивляться, послушно потащилась за старшей сестрой-журналисткой на международный симпозиум частных детективов...

...Реми Деллье приехал в Москву на симпозиум, организованный русским МВД, мэрией Москвы и крупной компьютерной компанией-спонсором. Изучив программу, Реми за гладкими официальными строчками без труда увидел его истинные задачи: российские правоохранительные органы надеялись поднять при помощи более опытных зарубежных собратьев правосознание русских частных сыщиков и приручить их к себе; московская мэрия питала надежды на то, что удастся навести хоть немного порядка в том бардаке, который представляла собой на данный исторический момент русская столица; компьютерный спонсор рассчитывал приучить русских Шерлоков Холмсов пользоваться компьютерами и в особенности покупать их у фирмы-спонсора – и все вместе они устроили международную тусовку для детективов всех мастей и стран, которым предстояло нежно брататься друг с другом и с русской милицией в течение пяти дней.

Открытие симпозиума, происходившее в Доме кино, где устроители арендовали зал с фойе, было торжественным, претенциозным и скучным. Приветственные речи, блестящие в свете телевизионных юпитеров лысины, мятые, хоть и дорогие костюмы, нелепо сидящие на упитанных телах московских чиновников, – все вызывало у Реми зевоту, и он с сомнением качал головой, спрашивая себя, не сгруппил ли он, приехав сюда.

На коктейле народу оказалось примерно вдвое больше, чем участников симпозиума. Откуда взялся народ, Реми так и не понял. Похоже, прибилась на съестные запахи. «Говорят, в Москве голод... – подумал Реми, – можно людей понять...»

Впрочем, те, кто попадал в его поле зрения, на голодных похожи не были.

Между разномастными международными детективами заблистали то там, то сям женские наряды, заструился женский смех. Реми женщин любил. Тем не менее, дожив до тридцати одного года, все еще был холостяком. Сменив двух близких подружек (не считая неблизких), он на данный момент пребывал в состоянии вполне удовлетворительного одиночества, жениться не желал и даже новую подружку заводить не хотел – устал от семейных сцен и пристально-придирчивого интереса к его заработкам. Так что если Реми и любил женщин, то примерно так, как некоторые любят кошек: вообще да, но иметь их дома – нет. Поэтому при знакомствах он стал последнее время осторожен: чуть зазеваешься, так и с новой сожительницей окажешься.

Тем не менее он стал оглядываться с интересом. Вокруг него было, по крайней мере, что-то новенькое: вокруг него были *русские* женщины. Он был о них наслышан – то знакомые, то пресса подкинет сюжетик, и притом в самых разных тональностях. Одни утверждали – красятся и одеваются, как проститутки, да и ведут себя так же. Другие рассказывали, что азиатские устои у них в крови и русская женщина по сути – мусульманка, которая покорна мужу и не имеет права голоса в семье; третьи пускали слюни от потрясающих русских манекенщиц; четвертые на русских женились... Последние ничего не рассказывали (ну кто же это вам во Франции расскажет о личной жизни!) – но их выдавали глаза: еще недавно потухшие, они вдруг начинали светиться новой жизнью... Впрочем, тоже не у всех. Некоторые начинали пить.

Реми не верил ни тем ни другим – он верил себе. И поскольку любопытства (мм-м, скажем, исследовательской страсти) ему не занимать, он решил воспользоваться моментом и составить

собственное мнение о предмете.

Предмет был представлен широко. От толстых теток в чем-то блестящем, сверкавших яркими тенями на глазах и яркими тканями на чересчур круглых боках, – до голенастых стройных малолеток, сверкавших ягодичками и любопытными глазками, чрезмерно подведенными. Первое Реми не интересовало. Второе, пожалуй, тоже – возраст, мои милые, возраст. Мы уже вышли из возраста, когда... И еще не вошли в его другую стадию, когда...

Так что ни первое, ни второе. Реми с высоты своего роста окинул взглядом фойе, в котором происходила кормежка детективного, а также приبلудного народа, в поисках третьего. И третье не замедлило попасть в поле его зрения.

Нет, в ней не было ничего броского и вызывающего, тонкое лицо было серьезно, хотя едва заметная усмешка бродила в уголках полных, чуть тронутых помадой губ. В костюме светло-серой тонкой шерсти, в узкой длинной (до середины икр) юбке, обнимавшей стройные ноги, она ничем не сверкала, кроме рубина на пальце, который вспыхивал темно и кроваво каждый раз, когда его обладательница вскидывала на прицел небольшой микрофон ко рту собеседника, как только последний этот рот открывал. Вместе с микрофоном вскидывались на прицел темные глаза, и представители самой мужественной профессии, до сих пор провожавшие взглядами-фотовспышками каждую короткую юбчонку, вдруг замороженно столбенели, наткнувшись на темные, с золотой искрой глаза журналистки. Реми решил подобраться поближе к этому чуду – в конце концов, почему бы ему тоже не дать интервью? – как по дороге наткнулся на еще одно удивительное создание.

Сначала была спина в светло-голубом. Просто спина, узкая, женская. А по спине струилась коса. Шелковистая каштановая коса до поясицы. Кажется, последний раз такие косы он видел в каком-то кино. И то в детстве.

Потом был полупрофиль нежной щеки (совсем девчонка!); он слегка прикоснулся, прося разрешения пройти (теплые плечи!), и обрел лицо. Лицо на него глянуло так, словно оно его узнало: радостно взмахнуло ресницами и порозовело. Этакое свежее яблочко... Актриса, должно быть, – начинающая, на ролях сусальных ангелочков. Тут народ какой-то натек на буфет детективов, а кто может натечь в Доме кино, как не его постоянные киношные обитатели?

Французскому детективу было невдомек, что народ в России может натечь откуда и куда угодно, если там тусовка.

– Бонжур, – сказал Реми, – вы не знаете, кто здесь отвечает за организацию? Я не вижу здесь одного своего русского друга и хотел бы о нем расспросить... – и вдруг спохватился, что говорит по-французски. Мир нынче говорит все больше на английском, что Реми несколько удручало как патриота: то ли дело в старые добрые времена, когда высшим шиком считалось... Впрочем, приходилось мириться с реальностью, и Реми переспросил на вполне приличном английском: добрый вечер, организация, русский друг...

– Я говорю по-французски... – заявило существо и распахнуло глаза. Реми тоже распахнул: в придачу к сказочной косе у этого существа водились неправдоподобные, почти круглые, теплые карие глаза.

– О, какая удача! – запел Реми. – Это необыкновенное везение! У вас потрясающее произношение! – Он врал: девушка говорила с акцентом. – А вы здесь тоже участвуете в симпозиуме?

В вопросе была легкая ирония – он был абсолютно уверен, что нет. Кареглазка не замедлила смутиться:

– Нет... Я просто пришла... И я не знаю, кто отвечает за организацию. Ничем не могу вам помочь, к сожалению.

– Вы актриса?

На этот-то вопрос Реми предполагал утвердительный ответ. Но она смутилась еще больше: «Н-нет...» – и покраснела еще больше.

Ресницы упали, лицо отвернулось, предоставив ему снова нежный овал розовой щеки, и Реми вдруг разозлился. Какого хрена он пристаёт к какой-то писюхе? Чего ему от нее надо? Чего ему вообще надо от женщин? Ничего! Ни-че-го! Он взял от них бессрочный отпуск.

Он суховаато извинился и протиснулся дальше. Журналистки уже не было на прежнем месте. Он и ее не стал искать: чего ему надо от нее? Ни-че-го!

Симпозиум проходил в конференц-зале гостиницы «Космос», буфет был поскромнее, чем накануне, в день открытия, и, главное, уже не дармовой, и незваные гости больше не смущали рабочее настроение детективов. Сегодняшняя конференция заканчивалась в четыре, после нее в программе был какой-то музей, и Реми, выйдя из зала, решал дилемму «ехать – не ехать». Любителем музеев он не был, если не брать в счет музей криминалистики, но, с другой стороны, чем ему еще заняться в незнакомом городе, где люди говорят на незнакомом языке? Алексей, его русский друг, оказался болен ангиной – Реми навестил его вчера. Алексей звал к себе и сегодня, но... Неудобно беспокоить человека два дня подряд. К тому же больного, к тому же занятого... Так что, похоже, придется ехать в музей.

Вот тут-то он и увидел ее.

Он не сразу понял, где он видел эти круглые, теплые, карие глаза. Да и косы на этот раз не было: волна каштановых волос, с легкой рыжинкой в выгоревших за лето прядях, выплескиваясь из-под белого берета, свободно бежала по спине, цепляясь лишь по краям за белый ворс легкого пальто. Пальто было расстегнуто; под ним виднелся бежевый костюм, напомнивший ему чем-то Журналистку: тонкой шерсти, с узкой длинной юбкой, обнимавшей стройные ноги... В этой одежде кареглазка выглядела немного старше, чем показалась ему на открытии, – Реми поднял планку до двадцати – двадцати двух лет.

Он не знал, двинуться ли навстречу длинноволоске или притаиться, последить: чего это она тут делает, в гостинице, к кому пришла? Но карие глаза настигли его, распахнулись, рванулись к нему, и вслед за ними рванулась их обладательница.

Реми приготовил для нее лучшую из своих улыбок.

Долетев до Реми, девушка остановилась перед ним как вкопанная. Он только сейчас заметил, что ее верхняя губа слегка вздернута вверх, приоткрывая ровные зубки и придавая ее лицу выражение детской непосредственности.

Несколько мгновений она смотрела на него своими глазищами. Реми уж было озадачился: влюбилась, что ли? – и начал подыскивать фразу, которая могла бы вывести их из неловкого молчания, как она выговорила по-французски помертвевшими вдруг губами: «Помогите мне...»

Реми давно не столбенел в своей жизни – ни от страха, ни от избытка впечатлений, – но тут пришлось вспомнить, как это делается. Наверное, роль столба ему удалась на славу, поскольку девушка, не видя никакой реакции с его стороны, в совершенном отчаянии ухватила за его свитер и горячо заговорила:

– Мне больше не у кого попросить помощи! Любой русский детектив будет обязан сообщить в милицию! А вы здесь чужой, вы – иностранец, и вы – не обязаны! Только вы можете мне помочь... Прошу вас!..

Все это было до такой степени неожиданно, что Реми не нашелся что ответить и уставился на нее изумленно, ожидая продолжения. Но продолжения не было. Девушка смотрела ему куда-то в грудь, кусая

нежные губы. Ее рука в бежевой перчатке, до сих пор цеплявшаяся за его свитер, вдруг обмякла, разжалась, упала. Молчание затягивалось. Реми понял, что надо срочно выходить из столбняка.

– Что же у вас случилось? – проговорил он тихо и ласково, как разговаривают старые добрые доктора.

Но он, должно быть, передержал паузу, и кареглазка успела за эти мгновения прожить какие-то неведомые ему сомнения, поскольку она вдруг откинула голову назад, посмотрела на него в упор и заявила:

– Ничего.

Круто повернувшись, она направилась к выходу.

Реми колебался. Будь он причастен к научным, политическим, военным секретам – он бы сразу заподозрил неладное. В этом маленьком спектакле мог быть спрятан тайный интерес. Но какой тайный интерес можно иметь к частному детективу? Он быстро перебрал все возможные мотивы, отверг их все разом и заключил, что у девушки действительно что-то случилось серьезное, раз она – явно застенчивая! – решилась обратиться к незнакомому человеку за помощью.

Реми догнал ее в два прыжка и взял под локоть.

– Это не дело, девушка. Объясните, что у вас стряслось! Иначе как я могу вам помочь?

– Я зря пришла... – Она остановилась и повернулась к нему, и Реми увидел на ее глазах слезы. – Вы не сможете мне помочь. И никто не сможет...

И она снова направилась к выходу.

Еще один прыжок:

– Погодите!

Не остановилась.

Еще прыжок:

– Стойте, я вам говорю!

Поймал в дверях:

– Не знаю, в моих ли будет силах сделать что-нибудь для вас, но дайте мне хотя бы попытаться!

– Вы не станете мне помогать.

– Вы так уверены?

Горькая усмешка в ответ. Но, слава богу, осталась стоять на месте.

– Что у вас стряслось? – требовательно произнес Реми.

– Хорошо, – решилась Кареглазка. – Раз вы так настаиваете...

(Как это у нее получилось, что *настаивает* – Реми?)

Длинноволоска несколько мгновений поизучала свитер Реми. Наконец подняла свои огромные карие глаза и посмотрела в упор:

– У меня вот что стряслось...

Шумно и судорожно перевела дыхание.

– Я убила человека.

Реми не стал грешить повторами и исполнять во второй раз роль столба, даже если эта роль получалась у него отлично. Он просто сказал ей «подождите меня» и поднялся в номер, чтобы взять куртку, боясь, что она за это время уйдет.

И одновременно желая этого, предчувствуя, что он втягивается в историю, да еще в чужой стране...

Но она его ждала.

Где можно поговорить, если у вас нет ни своего личного кабинета, ни даже своей квартиры? Гостиничный номер – двусмысленно... Конечно, в баре! Ну, а если нужно поговорить так, чтобы никто не понял ваших слов? Конечно, в том баре, где меньше всего шансов встретить соотечественников! Учитывая, что предстоящий разговор предполагался на французском, Реми предпочел свалить из гостиницы, битком набитой всевозможными иностранцами, включая франкоговорящих.

Всю дорогу он сомневался в том, что принял правильное решение. Хм, «я убила человека». А он-то тут при чем? Он, ровно наоборот, как раз из тех, кто ищет убийц, а не помогает им!

– Вы вчера были на открытии нашего симпозиума, я с вами говорил, помните? Я еще спросил...

– Помню, «кто отвечает за организацию...».

– Что вы там делали? Вы не похожи на частного детектива...

– Я журналистка.

Ба, еще одна!

– Вернее, студентка...

– Вы приходили брать интервью?

– Нет... Я просто... Мне надо привыкать к атмосфере шумных собраний... Потому что я... Я всегда теряюсь, когда так много людей вокруг...

Понятно. Это, правда, никак не отвечает на вопрос, при чем тут он, Реми. И почему она выбрала именно его из всех собравшихся на симпозиум разномародных детективов. С другой стороны, когда именно на нас обращают внимание, мы ведь принимаем это как должное, правда? Мы ведь самые лучшие, разве не так? Стоит только разглядеть наши достоинства? Они ведь имеются в неограниченном количестве, даже если и глубоко спрятанные? Но когда нас выбирают, мы верим, что кому-то удалось их разглядеть? – иронизировал Реми. И, польщенные вниманием к нашей драгоценной особе, уже тащимся с этой кареглазой незнакомой девицей, чтобы выслушивать ее исповеди...

А точнее говоря, Реми отдавал себе отчет, что уже почти ангажировался ей помогать... «раз он так настаивает...». Но фокус в том, что она успела еще произнести другие слова: «Помогите...» А еще больший фокус заключается в том, что «*только вы* можете помочь!..». И как же было отказаться хотя бы ее выслушать? Среднезвзятый француз – существо отзывчивое, а уж если просьба о помощи сопровождается прелестным взглядом прелестных глаз – то среднезвзятое мужское французское существо начинает бежать впереди паровоза, предлагая свои услуги.

Кафе в тихом переулке выбрала Ксения – так представилась ему девушка. Впрочем, добавила она, вы можете называть меня Ксюша, меня все так зовут. Реми, пытаясь создать непринужденный тон, восхитился: как это нежно – Ксю-ю-ша! К тому же «ша»^[1] – это ей ведь известно, она здорово говорит по-французски! – означает «кошка», и вместе получается так ласково и пушисто: Ксю-ю-ша, и так идет к ее круглым карим глазам!

Ксюша не имела представления, как выглядят знакомые кошки Реми, но лично она никогда не

встречала кареглазых кошек. Тем не менее ей было приятно, и она даже слегка порозовела и улыбнулась, слушая эту птичью французскую трель – «Ксюша».

В малолюдном кафе они выбрали столик, покрытый красной клетчатой скатертью, у окна. Это, собственно, была чайная, и разнообразная домашняя выпечка занимала всю витрину. Реми взял две чашки чая и соблазнился куском воздушного торта, который русские называют французским неприличным словом «безе»^[2]. Ксюша от сладкого отказалась и тревожно ожидала, пока он устроится за столом.

– Рассказывайте, – обжегшись первым глотком чая, сказал Реми.

История выглядела одновременно банально и ужасно. Ксюша задумала отселиться от родителей и снять квартиру. Звонила по телефонам, приходила смотреть жилье. Вот и вчера, ближе к вечеру, она поехала осматривать квартиру, которая, по ее представлениям, должна была ей подойти во всех отношениях. Ее встретил мужчина лет пятидесяти, показал жилье, предложил чашечку кофе, за которой они и должны были обсудить детали – квартира Ксюше очень приглянулась. За кофе последовал ликер, потом он стал гладить ее коленку... Ксюша несколько раз вежливо снимала с себя его руку и уже решила покинуть чересчур гостеприимного хозяина, с которым она к тому же уже обо всем договорилась, как хозяин вдруг перегородил ей дорогу...

...Пока Ксюша отбивалась, он ей рассказывал, какой он богатый и как засыплет ее своими щедротами, если она не будет упрямиться.

Пока он пытался сорвать с Ксюши одежду, он угрожал и запугивал, рисуя перед Ксюшей страшные картины ожидающей ее кары за несговорчивость. Он-де могущественный мафиози, и дружки у него водятся не менее всесильные. И вот тогда...

И вот тогда Ксюша схватила какую-то вазу и шарахнула этого мужика по голове. И мужик упал.

Ксюша долго не могла поверить, что он умер...

Когда наконец поверила – то сбежала без оглядки. И только теперь понимает, что там остались ее отпечатки, все ее следы... А если ее найдут... (слезы на глазах), она никогда не докажет, что это была правомерная защита, потому что в этой стране нет законов – все управляется деньгами и мафией (слезы по щекам). И тогда, если ее не погубит русская милиция и русская тюрьма, ее погубит русская мафия, к которой, несомненно, принадлежал хозяин квартиры... (хлюпанье носом и платочек из сумочки).

Поставив точку, Ксюша стала выводить ноготком квадратик на скатерти. Ясно, что поле действий теперь было предоставлено Реми. Но он никак не мог понять, чего от него хочет Кареглазка. История была вполне тривиальна, необычно в ней было только одно: что убийца, хоть и невольный, приходит за помощью к частному детективу. Ксюша была права в своих расчетах: случись это во Франции – он был бы обязан сообщить в полицию, обратиться она к русскому детективу – вышло бы то же самое. Закон есть закон! Именно по этой причине с Реми никогда не случалось подобных историй. И именно поэтому он никак не мог понять, чем он в состоянии помочь Кареглазке.

– И что вы хотите? – попробовал угадать Реми. – Чтобы я вас увез во Францию и спрятал там?

– О, нет! – Ксюша немедленно залилась краской. – Я думала, вы сможете мне просто подсказать, как уничтожить следы моего пребывания в этой квартире! Вы ведь в этом должны хорошо разбираться, правда же?

Эта просьба показалась Реми легче выполнимой, чем вывоз Ксюши во Францию, и он горячо принялся инструктировать Ксюшу по поводу отпечатков (не забудьте дверные ручки!), посуды на двоих (вымойте вашу чашку из-под кофе, обе ликерные рюмки и уберите на место!), следов обуви (снять туфли и протереть

пол!), возможных записей в его еженедельнике о свидании с ней...

– Вы уверены, что этот человек был мертв? – внезапно спросил Реми, перебив сам себя. – Иначе неоказание помощи...

– Уверена! Я проверила и пульс, и даже веко подняла, и сердце послушала... Он был мертв.

– Значит, тело все еще там?

– Да...

– Вы нашли этого человека через агентство?

Ксюша ответила непонимающим взглядом: при чем тут...

– Да, через агентство...

– Это очень плохо.

Встрепенулась: почему?!

Все очень просто, объяснил Реми: как только тело найдут в квартире, то начнут искать, с кем могла быть встреча, кто мог прийти к нему домой... И могут выйти на агентство – вполне логично, кто-нибудь да знает, что хозяин хотел сдать квартиру, правильно? – и тогда легко найдут и Ксюшу. Если, конечно, тело найдут *в квартире*.

– А если не в квартире?

– Это будет не столь очевидно. Если тело вынести, а следы вашего пребывания в квартире уничтожить... И тело найдут, допустим, на улице...

Реми задумался. Ксюша начала бормотать, что она сделает все так, как он ей скажет... Вынесет тело... Вычистит следы...

– Этот мужчина жил один?

– Да, как я поняла...

– Тогда едем! – сказал Реми.

Ксюша опешила: едем – куда?

На квартиру, разумеется! Такой хрупкой девочке никогда не вытащить, к тому же незаметно, мужское, к тому же мертвое, тело! Реми чувствует себя обязанным помочь ей! Раз уж «только он может помочь».

Ксюша еще больше опешила. Долго глядела на него своими глазищами. И вымолвила наконец с трудом: когда?..

– Прямо сейчас!

Реми показалось, что девушка грохнется в обморок. Ну да, подумал он снисходительно, ей должно сделаться нехорошо при мысли о трупе, который она к тому же сама...

– Мужайтесь, Ксюша. Если вас интересует мое профессиональное мнение, я вам говорю: это надо сделать. Если вы действительно хотите, чтобы я вам помог, – то я вам помощь и предлагаю. Поехали!

– Я... Конечно, раз это необходимо... Только я сейчас... Я не могу прямо сейчас, у меня дело... То есть мне надо позвонить... – лепетала она. – Мне надо срочно позвонить сначала!

– Звоните, – милостиво разрешил Реми.

Ксения вышла из кафе – там телефона не было – и исчезла на долгих двадцать минут. Реми даже стал

волноваться и подумывать, уж не сбежала ли от него Кареглазка... У него даже возникло чувство, что его водят за нос.

Но она появилась. Бледная и растерянная, она сообщила, что готова.

– А ключи – у вас есть ключи?

Ключи? Какие ключи? Ах, ключи от квартиры... Нет, у нее нет... Хозяин ей не успел дать... Но как же тогда они попадут в квартиру? Тогда нет никакого смысла ехать!

Что ж, это будет им стоить заезда в гостиницу, сообщил Реми. Там у него есть кое-что, способное заменить любой ключ. Привез в Москву специально, чтобы обменяться опытом с другом – помните, Ксюша, я вас еще о нем спрашивал?..

Из окна такси Ксюша никак не могла узнать дом. Снова у Реми возникло чувство, что его водят за нос, но быстро растаяло: Ксюша шла пешком от метро, и с этой стороны (с которой подвезло такси) никак не могла сориентироваться. В конце концов дом нашелся. Большой каменный дом, смотревший окнами на Москву-реку. Под окнами газоны, кусты, деревья. Дальше проезжая часть. За ней – река. Реми прикидывал, куда будет лучше пристроить труп. Сбросить в реку? Это было бы наиболее разумным решением... Если уж он всерьез намерен отвести все подозрения от Ксюши.

Надо продумать, как это сделать незаметно. Сейчас темнеет рано – осень...

Подъезд заперт, на стене домофон. Ксюша нервничала.

– Проблема в том, что подъезд либо открывается своим ключом, либо нужно позвонить в ту квартиру, в которую идешь, и тебе откроют...

Она посмотрела на Реми беспомощно. Тот улыбнулся:

– Вы способны произнести весело и уверенно – разумеется, по-русски: «Это я!»?

– Наверное...

– Давайте, я послушаю.

– Это я...

– Не годится! Повеселее!

– Это я.

– Еще разочек!

– Это я!

– Ну вот и отлично.

Реми быстро нажал подряд все номера квартир, и нестройный хор голосов откликнулся из домофона: кто там?, кто там?, кто там?..

– Это я!!! – выпалила Ксюша.

Загудел зуммер, и они оказались в подъезде.

Дверь на втором этаже на проверочный звонок не ответила и спустя каких-то семь минут уступила Реми, несмотря на три замка. Темная прихожая пахла на них пустотой. Ксюша замерла у стенки.

– Не снимайте ваши перчатки. Где осталось тело?

– Т-там, – она слабо махнула рукой в проем двери, ведущей в комнаты.

Реми прошел вперед, оставив девушку, умиравшую от страха, в коридоре, и через мгновение из комнаты донесся его голос:

– Но тут нет никакого трупа!..

Поскольку ответа не последовало, он выглянул из комнаты. Мелькнула мысль, что она сбежала со страху – но она не сбежала, она просто сползала по стенке. Реми подбежал, тряхнул мягкое белое пальто вместе с тем, что в нем находилось. Берет слетел на пол – поднял, побил о бедро, отряхивая, протянул:

– Держите себя в руках, Ксюша, сейчас не до обмороков. В чужой квартире надо действовать быстро. Где оставалось тело, когда вы уходили?

Он почти насильно ввел девушку в комнату. Ранние сумерки размыли очертания вещей, а зажигать свет было бы неосторожно. Но все же комната была достаточно хорошо видна.

– Покажите, где? В этой комнате? Или в другой – там есть еще одна, я туда не заходил. Здесь сколько комнат?

– Три... Но он собирался сдавать две. В третьей владелец квартиры хранит свои вещи, и она заперта...

Реми подергал ручку третьей, запертой двери и вернулся к Ксюше, покачивая головой:

– Так где же оставалось тело?

Ксюша поводила глазами по комнате, словно пыталась вспомнить. Реми терпеливо ждал.

– Там. – Ксюша указала на свободный угол ковра.

Реми ступил на указанное место и пригнулся. Светил фонариком, всматривался в пестрый узор.

– Крови было много?

Ксюша бессильно опустилась на какой-то стул. Реми отправился на кухню, нашел чашку, принес ей воды:

– Пейте.

Подождал, пока выпьет, и переспросил:

– Много было крови?

– Н-нет. Совсем чуть-чуть...

– Вам повезло, ковер темный, красно-коричневый, ничего не видно. Но лучше было бы его сдать в химчистку... Если его выбросить совсем, это будет подозрительно. Ох, этот ковер очень осложняет нашу задачу!

– На ковре не должно быть следов крови... Он упал головой туда. – Ксюша ткнула пальцем в направлении окна.

– Покажите, как лежало тело!

– Я не запомнила точно, я так испугалась!.. Примерно вот так...

Выходило, что голова действительно прилась на половицы паркета. Но и там не было следов крови. Ни трупа, ни следов.

– На вашей одежде не могли остаться следы крови? Вы вчера были одеты так же?

– Нет, на мне была куртка.

– Проверьте ее, а лучше сразу постирайте. Как вышло, что вам удалось его ударить по голове? Он

пригнулся?

– Да...

– Покажите как.

Ксюша медлила. Реми подождал и, видя ее растерянность, сменил тему: попросил описать мужчину.

– Среднего роста... Лет пятидесяти... Лысоватый... – с трудом говорила она, вспоминая.

– Какого телосложения? Худой, толстый?

Ксюша поняла: Реми пытается представить, могла ли она, довольно хрупкая девица, убить одним ударом мужчину. Значит, он ей не доверяет до конца... Она придала голосу вескость:

– Худощавый. Но с небольшим животиком. Дрябловатый такой, спортом явно не занимается.

– А лицо можете описать? Глаза запомнили, цвет волос?

– Это имеет значение? – в голосе Ксюши прозвучал вызов.

Реми эта информация была не нужна – он же не собирался разыскивать сбежавший труп, – но что-то в истории этой милой девушки с наивными глазами не сходилось...

– Не прямое, – ответил он. – Просто я хочу проверить, как хорошо вы запомнили происшедшие события и можно ли доверять вашей памяти, – выкрутился он и подумал, что это не так уж далеко от истины. – Так сможете описать лицо?

– Оно такое невыразительное, рядовое... Даже не знаю, какими словами его описывать.

– Нет никаких примет? Рост средний, телосложение среднее, возраст средний, лицо среднее? Ничего, что бросилось в глаза?

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Право, он такой невзрачный... Ничего примечательного... Кроме...

Ксюша запнулась.

– Кроме? – поторопил ее Реми.

– ...Кроме перстня на пальце.

– Вот как? – заинтересовался Реми. – А перстень описать можете?

– Золотой... С большим синим камнем.

Реми посмотрел на Ксюшу внимательно:

– Сапфир?

– Я в камнях не разбираюсь. Синий.

– Ну и как же вышло, что вам удалось его ударить по голове? Вы ударили сзади? Спереди? Он наклонился?

– Наклонился, – угрюмо ответила Ксюша. – Хотел с меня трусики сорвать.

Реми немного смутился. Он бестактен, непростительно бестактен. Решил помогать девочке, а ведет себя, как ее враг, как полицейский, подозревает. Зачем ей врать? Она же пришла к нему за помощью! Какой ей смысл скрывать что-либо? Тут уж как у гинеколога: показывай все. Или не ходи.

Молчание затянулось. Он оглядывал комнату, пытаясь представить развитие сцены.

– А почему тела нет? – вдруг проговорила Ксюша.

– Либо его кто-то унес, либо оно ушло само.

– Мертвые сами не уходят!

– Возможно, он все-таки остался жив.

– А... А что же мне теперь делать? Если он жив, он найдет меня! И засадит в тюрьму!

– Послушайте, Ксения, – Реми осторожно взял ее за плечи, – вы должны радоваться, что не убили человека. Ничего он вам не сделает. Если он жив, то вся ваша вина лишь в том, что вы его стукнули по черепу. За это никто вас под суд не отдаст! Хуже, если тело кто-то унес. Тогда ситуация выходит из-под нашего контроля... Однако все, что мы можем сделать, – это уничтожить здесь следы вашего пребывания. Чем мы и займемся. Где ваша ваза?

В нише стенки стояли две большие китайские эмалевые вазы: желтая и голубая. Ксюша указала на левую, желтую.

– Это вы ее поставили на место?

– Не помню...

Реми заметил, что в тонком слое пыли, покрывавшем мебель, кружок от вазы был не смазан, аккуратен. Тот, кто поставил эту вазу на место, постарался попасть точно в этот кружок – значит, ставили не машинально, а прицельно. И если Ксюша об этом не помнит, то ее поставил кто-то другой.

Реми ничего не сказал Ксюше, только повертел вазу в перчатках, посветил, пожал плечами:

– На ней нет видимых следов... вмятин.

Вытащил из своего чемоданчика тряпочку, накапал на нее из флакона и протер.

– Вы уверены, что желтой вазой? – поинтересовался Реми, рассматривая вторую, голубую. Пыль вокруг второй вазы тоже не была смазана.

– Кажется...

– Вам удалось не оставить следов... Впрочем, вазы крепкие, металлокерамика. Вспоминайте, Ксюша, к чему прикасались, – говорил Реми, лихо проходя, как заправская домохозяйка, по всем ручкам и поверхностям. – Во второй комнате были?

– Только на пороге. Когда хозяин мне ее показывал.

– А где вы пили кофе?

– Кофе?.. Мы пили кофе... на кухне.

– Но там нет никакой посуды! Ни на столике, ни в мойке. Пойдите взгляните.

Ксюша с трудом поднялась и направилась на кухню. Она открыла дверцу какого-то шкафчика и увидела ряд кофейных чашек, а за ними, поглубже, набор маленьких рюмок из позолоченного серебра.

– Мы пили кофе из таких! – крикнула она Реми. – И вот из этих рюмок – ликер!

Реми возник на пороге. Сунул нос в шкафчик, оглядел все чашки и рюмки, прошелся по ним своей тряпочкой.

– Может, вы сами вымыли посуду, уходя?

– Я? Не знаю... Кажется, нет...

Что-то в этой истории было не так. Кто-то пришел сюда после Ксюши и уничтожил все ее следы? Или

владелец квартиры остался жив и все прибрал сам? Или девушка морочит ему голову? Но зачем?

– А ликер какой был? – спросил он.

– Французский.

– О-о! Название помните?

– Нет. Бутылка была пузатая... Из темного стекла...

– А где она стояла?

– Хозяин принес ее из комнаты, я не видела откуда.

– А почему он принимал вас на кухне?

Ксюша пожала плечами. Так в России принято. Если это не «гости», то принимают на кухне...

Реми вернулся в комнату и, осмотрев мебельную стенку, нашел за одной из дверей бар. Среди прочего находилась бутылка французского ликера «Гран-Марнье». Реми обтер и ее. Передвинувшись к секретеру, он нашел еженедельник и позвал Ксюшу. Изучив его содержимое, Ксюша сообщила, что в нем нет записей о встрече с ней.

– Тем лучше. А теперь поищите пылесос!

Ксюша безошибочно нашла его в небольшом чуланчике между комнатами.

– Пропылесосить?

– Нет, я сам. А то ваши волосы могут остаться в квартире. Ждите в прихожей.

Реми провозился еще минут пятнадцать. Он что-то поковырял в половицах паркета, протер тряпочкой пол, отходя назад, к порогу. Затем, выглянув на лестничную площадку, с предосторожностями послал Ксюшу вытряхнуть мусор из пылесоса в мусоропровод.

Наконец все было вычищено, протерто, проверено, и они покинули квартиру, ни с кем не столкнувшись на лестнице.

Миссия Реми была выполнена, и теперь, кажется, наступила пора расставаться.

Но расставаться не хотелось. Реми привык к одиноким вечерам своей одинокой жизни, более того, он ими наслаждался; но в чужом городе одиночество было каким-то некомфортным, неожиданно пронзительным – может, оттого, что еще не улеглось возбуждение от только что предпринятого приключения и хотелось его как-то отметить, завершить, например, бокалом вина; а может быть, просто на фоне оживленных москвичей, гуляющих, несмотря на холодную осеннюю погоду, парочками, группками, компаниями – шумными и веселыми. Казалось, в этом городе у всех постоянный праздник, и трудности, переживаемые страной, о которых столько говорят во Франции, показались Реми враньем и пропагандой – по крайней мере, на этих лицах отпечатка пресловутых трудностей не было. И ему отчего-то вдруг захотелось принять участие во всеобщем веселье.

Не хотелось отпустить от себя Ксюшу еще и потому, что он ощущал недоговоренность, странность во всем, что он только что увидел и услышал. Все, что увидел, – не сходилось с тем, что услышал. Убила – тела нет, и даже следов от него нет, кофе с ликером пила – посуды нет, ударила вазой – та девственно чиста. Согласитесь, что-то тут не то. В этой истории либо все же много лжи, либо все куда хуже, и в Ксюшину историю вмешался некто третий, который теперь подчинил развитие событий своему сценарию... Тогда что-то опасное заслонило горизонт, и Ксюша впутана в чужую игру. Тут Реми бессилен... И уже не сумеет ее ни поддержать, ни защитить. Ему вообще уезжать через три дня...

Можно ли что-нибудь сделать для нее за оставшееся время? Он хотел бы ей помочь: он уже, можно сказать, стал ее соучастником и чувствует за нее ответственность... И даже некоторую близость...

Короче, не хотелось оставаться одному и хотелось понять. И он позвал Ксению поужинать.

Ксюша согласилась.

В ресторане он, стараясь ничем не выдать своих сомнений, осторожно расспрашивал ее о том о сем. Ничего такого, что могло пролить свет на эту загадочную историю, ему узнать не удалось, все было просто и ясно, как в детской книжке: студентка, живет с родителями, есть старшая сестра, которая живет отдельно, есть подруги, парня нет (отчего-то вдруг обрадовался). Зато к концу вечера он ощутил странный, уже подзабытый трепет сердца при мысли о расставании и, против всякого благоразумия и правил своей холостяцкой жизни, пригласил ее завтра снова на ужин, убеждая себя, что ему все равно через три дня уезжать и он ничем не рискует...

Глава 2

Алексей Кисанов, к которому со времен его детства прочно прилепилось прозвище Кис, был в самом мрачном расположении духа. Во-первых, болело горло. Не просто болело – пошло какими-то отвратными нарывами. Три раза в день полоскать прописанной врачом гадостью, глотать антибиотики, шататься и потеть от слабости, вызванной высокой температурой, – спрашивается, у него есть на это на все время? Отвечается: нет! Нет у него времени, нет у него такой роскоши – поболеть в кровати! У него дела, причем неотложные. А во-вторых – дела эти не двигаются. Отчасти из-за ангины, отчасти из-за... хрен его знает отчего. Есть еще и в-третьих: пропустил симпозиум. Кису на симпозиум начихать – это все мэрия с милицией затеяли, чтобы прибрать частных детективов к рукам, попытаться вытеснить их с криминальной территории, оставив частникам слежку за неверными супругами и конкурентами. Но Кис рассчитывал во время симпозиума зацепить кое-какие контакты как в России, так и за рубежом: иногда бывает нужна помощь, и вот тут и спасают личные знакомства... Так что он планировал разжиться визитками. А вышло что? Ангина и несделанная работа.

И негодника Ваньки нет – наделал хвостов в прошлом году и теперь мучительно сдает их. В большой трехкомнатной квартире Киса на Смоленке, в которой и процветало его сыскное агентство АКИС (Алексей Кисанов, понятно ведь?), стало тихо и пусто без Вани – веселого прогульщика, который снимал маленькую комнату у Киса, расплачиваясь за нее услугами. На время экзаменов Ванька перебрался к своим родителям: кормят-поят-обслуживают его важно-экзаменационную персону. И вот теперь сидит бедный Кис, всеми заброшенный, у себя на кухне, размешивает в стакане водку с медом и жалеет себя. И Реми тоже хорош – вчера прискакал, а сегодня даже не позвонил.

Строго говоря, Кису было весьма кстати побыть одному: если днем бегать, а вечером пить водюру с приятелем, то когда же думать? Ночью надо спать – особенно в его состоянии, когда его буквально подкашивает температура под тридцать девять. Так что вечер высвободился, оно и к лучшему... И все же ему было обидно, что Реми не пришел. Кис болел, как болеют маленькие дети: капризничал без причин – просто изводился от высокой температуры и ломоты в теле. Ему хотелось забраться в постель и чтобы кто-нибудь за ним ухаживал: приносил противные лекарства, горячую еду на подносыке – а он бы привередничал и нос воротил... Отчего это Реми не пришел? Нового приятеля завел в Москве? – ревниво думал он.

Нет, Кис вовсе не был сторонником однополый любви. Он к своим сорока трем годам вообще не был сторонником никакой любви. Разучился он любить. Может, не любить, а просто доверять – но Кис не умел любить без доверия. А доверять перестал – всем. Жена сбежала семь лет назад с его близким другом со студенческих лет, финансы которого неизмеримо превосходили финансы Алексея, тогда еще только начинавшего частного сыщика. Вот так, пришла в один прекрасный день и сказала: «Я с тобой развожусь, Алеша...» А Кис до того самого дня ни сном ни духом не ведал, что отношения жены с другом не то что зашли так далеко, а вообще существовали!

Спрашивается, можно после этого доверять кому бы то ни было – будь то друзья или женщины?

А Реми ему сразу показался симпатичным. Он вышел на него через знакомых, когда ему понадобилась помощь в Париже – выслеживал одного хмыря с любовницей. Реми охотно подключился, они познакомились – и Алексею понравилось в нем то, что в душу не лезет, умеет молчать, чутко чувствовать настроение и даже мысли. Дружба их была странной, во всяком случае, для русского человека: они виделись крайне редко, ничего интимного и философского не обсуждали, да и английский в качестве международного средства общения не очень-то способствовал обмену мыслями, а вот поди ж ты –

понимали друг друга. Неожиданно выяснилось, что не нужна ни общность взглядов, ни общность воспитания, культуры, биографии, возраста – все было разным, но им друг с другом было хорошо. Каждый чувствовал – на другого можно положиться. И Алексей очень ценил это уже подзабытое ощущение.

Кис осушил сладкую медовую водку залпом, кривясь – гадость какая! – и решил идти спать. Кис ложился обычно поздно, а сейчас было всего каких-то одиннадцать часов, но благоразумие подсказывало, что лучше всего завернуться в одеяло, согреться и уснуть. К тому же пустота квартиры его угнетала... в чем он, впрочем, не хотел себе признаваться; и телефон, паршивец, молчал: вечно трезвонит как проклятый, когда не надо, а вот сейчас, когда Кису так неуютно и одиноко, молчит, подлец!

Может, домработницу завести? – думал Кис, волочась к постели. Какую-нибудь пожилую заботливую тетю Машу-Дашу... Она бы за ним поухаживала, уложила бы его в постель... Чушь какая! Тетя Маша-Даша, если бы и существовала, уже давно бы убралась к себе домой, кормить своего пьяницу-мужа и прочее семейство! Так что одиночество Кису, видать, на роду написано, и даже домработнице не суждено его скрасить...

И тут телефон зазвонил. Прямо у Киса в руке – он нес его к кровати. «Алло?» – просипел он в трубку.

Это был Реми. Рассыпавшись в тысяче извинений, что не сумел позвонить раньше, француз сообщил, что познакомился с одной девушкой... Да, с *русской* девушкой... Так что сегодняшний вечер оказался неожиданно занят... Впрочем, история получилась несколько странная, он завтра расскажет Кису... Завтра, скажем... мм-м... если Киса устроит часов в... мм-м... одиннадцать вечера? Не поздно будет? Кис ведь обычно поздно ложится? Поскольку в семь у Реми ужин... С ней? Конечно, с ней, с кем же еще! Выздоровливай, Кис!

Ну вот, приехали. Когда это он успел? – ревниво пробурчал про себя Кис. Он почувствовал себя преданным, как будто у них был сговор состоять в профсоюзе холостяков всю жизнь, а вот Реми теперь решил из профсоюза выйти.

Резвый какой, однако! Не успел приехать в Москву – и нате вам, девушка у него уже! Кис в Москве живет, и временем располагает, и русским языком – а вот поди ж ты, никаких девушек у него нет! Впрочем, это он просто так, ворчит по-стариковски. Реми еще совсем молодой. Надоели ему женщины? В тридцать один год такие слова звучат скорее как шутка... куда же он от них денется! То ли дело Кис – ему сорок три, и его намерения уже можно принимать всерьез.

А что касается «несколько странной истории» – так с женщинами всегда странные истории приключаются, ничего удивительного, брюзжал Кис, закапываясь в холодное одеяло. Но только вряд ли его можно считать специалистом в области женской психологии, тут у него имеются сомнения, что он может оказаться хоть чем-то полезен Реми...

Кажется, где-то посреди этой мысли Кис и уснул.

Весь следующий день Реми пребывал в полном разладе с самим собой. Он пропустил мимо ушей почти все доклады, он рассеянно и невпопад отвечал на приветствия новых и старых знакомых по симпозиуму. Он думал о Ксюше, он заново и заново прогонял в голове ее рассказ. Во всей этой истории было явно что-то не то... Он просто нутром чувствовал какую-то... фальшь, что ли? Нет, нет, в Ксюше фальши не было! Напротив, в этой девушке было столько искренности, столько тепла, которое, казалось, щедро струилось от нее, столько открытости миру, готовности этот мир (включая Реми!) понять, принять, любить, что он не мог ей не верить...

Вечером они снова ужинали вместе, и в ресторане он вел себя непринужденно, болтал и острил

вовсю – может, даже чрезмерно: прятал беспокойство.

Кажется, удачно: Ксюша беззаботно смеялась его шуткам – может, даже чрезмерно... Слишком беззаботно для человека, совершившего всего лишь два дня назад убийство! Тем более что труп сбежал... Даже бывалому детективу не по себе от догадок.

Он смотрел в эти чудные, карие, глубокие глаза, словно пытаясь найти ответ на свой вопрос. Но в глазах ответа не было, в глазах искрилась радость, смех, удовольствие – он ей нравился, ей было хорошо с ним, и она непринужденно смеялась его шуткам, и верхняя, немного вздернутая губа обнажала ровные веселые зубки. Его мучило ощущение обмана – но она была так по-детски открыта, простодушна! Невозможно было ей не верить! И в то же время во всей этой истории были какие-то мелочи, которые его настораживали, которые ему шептали: тут что-то не то!

Где же было запрятано «что-то не то»? – ломал голову Реми. А оно было! Оно дразнило, оно подкрадывалось, оно накатывало нехоти посреди очередной смешной фразы, и Реми делал усилия, чтобы не выдать своих сомнений.

И в то же время – оно интриговало. Оно обостряло ощущения. Более того, оно обольщало. И Реми чувствовал, что теряет голову.

После ресторана, прощаясь у подъезда, он уже грел ее холодные пальцы в своих руках, он дышал на них и целовал розовые нежные подушечки, прижимая их к своему лицу; он добрался до застывших, робких губ, он нырнул в умопомрачительно-воздушную, прохладную волну волос и шептал, шептал, шептал – что они встретятся завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и вообще он поменяет билеты и задержится в Москве...

А потом что? – думал он. Разве это спасет?

Реми обхватил ее за плечи.

– А потом я пришлю тебе приглашение на Рождество... В Париже очень красиво на Рождество... Приедешь?

Она кивнула, и ее волосы нахлынули на него вслед за руками, потянувшимися к его шее.

С проспекта Вернадского, куда он проводил Ксюшу, Реми направил свои стопы – вернее, колеса такси – на Смоленку, к большому старинному желтому дому, где в просторной трехкомнатной квартире обитал Кис.

Реми начал с порога: познакомился вчера с девушкой, имя какое чудное, только послушай – Ксю-ю-уша, но такая странная история приключилась, хотел бы услышать мнение друга...

– Спросил бы хоть для приличия, как я себя чувствую! – буркнул Кис.

– Я и так вижу – плохо.

– Мне почему-то всегда казалось, что французы – народ деликатный.

– Это всего лишь один из мифов.

– Спасибо, что просветил. Рассказывай свою странную историю. Только, предупреждаю, я вряд ли могу быть советчиком по части женской психологии.

– Во-первых, ты русский. И как русскому человеку тебе легче понять...

– Ты мне напоминаешь одну мою знакомую, – бесцеремонно перебил Кис, – она вечно приходит ко мне и спрашивает совета: скажи мне, Леша, как мужчина... А что я могу сказать как мужчина? Мужчины все

разные! Одному надо сразу дать, чтобы его зацепить, а другого надо поводить за яйца (Кис вставил французское слово, которому его научил Реми: слово звучало как родное – «куй») как следует, потомить, чтобы дело выгорело...

– Ты – русский, – упрямо повторил Реми, не улыбнувшись шутке, – и ты знаешь то, чего не знаю я. И во-вторых, ты детектив.

– Ты, кажется, тоже?

– Ты русский детектив!

– Ладно, – сдался Кис, – чего торговаться, валяй.

Реми рассказывал, тщательно припоминая детали. Алексей не перебивал, только один раз спросил, не хочет ли Реми водки. Реми не хотел.

– Подобная история сама по себе у меня никаких сомнений не вызывает: убила, защищаясь, – итожил он. – Она могла приключиться где угодно, в любой стране. Но что-то в ней меня напрягает, что-то в ней звенит...

– В истории или в девушке?

– Не знаю, – признался Реми.

– Девушка фальшивит?

– Нет, в том-то и дело, что нет. Она очень естественна, непосредственна, ей хочется верить... И верится. Но не веришь глазам своим. От нее веет нетронутой чистотой, добротой, наивностью... Что часто встречается – ты согласен со мной? – у милых, но недалеких людей. Но она при этом умна! Слышал бы ты, сколько тонкости в суждениях, какая глубина!.. Может, это у вас в России существуют такие редкие экземпляры? Кто вас, русских, знает, у вас все как-то по-другому происходит. Во Франции о русских ходят легенды, все разные и все преувеличенные... Что бы ты подумал на моем месте?

– Я такие вещи, мой друг Реми, не думаю, а чувствую. И поскольку я почувствовать за тебя не могу, то не знаю, что тебе и сказать. Наивные девушки и у нас перевелись, особенно за последние годы...

– И в то же время она как-то странно равнодушна к совершенному ею убийству. Человек, убивающий впервые в жизни, обычно подавлен... А уж тем более такой юный и неопытный, как она... Что-то тут не вяжется! Может, она сумасшедшая? Душевнобольная? Не ведает, что творит?.. Нет, нет, не похоже.

– Ну, давай попробуем мозгами раскинуть. Так что насчет водки?

– Уговорил, снимем стресс. Только мне с тоником.

– Добро с тобой только переводить, с французом. В прошлый раз ведь чистую пил?

– Поэтому сегодня и прошу с тоником...

Кис убрал кипу газет и журналов со стола, аккуратно сложил какие-то вырезки в папочку, пристроил все это на широком подоконнике, ворча, что этим хозяйством обычно Ванька занимается, а вот, подлец, уже вторую неделю как пропадает; смахнул со стола обрезки бумаги и поставил стопку для себя и стакан для Реми. Принес с кухни запотевшую бутылку водки из морозильника, пузатую пластиковую бутылку тоника, в двух тарелках устроил закуску вперемешку – горсть чипсов соседствовала с соленым огурцом, нарезанным на толстые кружки, сыр притулился возле копченой колбасы, – и, жестом пригласив Реми к столу, Кис заговорил:

– Значит, как я понимаю, основной вопрос в том, врет девушка или не врет, правильно?

– А второй – если не врет, то тогда во что мы с ней влипли.

– погоди, до второго вопроса еще дойти надо... Значит, врет или не врет. Ты, с одной стороны, ей веришь, но что-то тебя смущает?

– Да в том-то и дело, что верю... Да и зачем ей было меня обманывать? Никакого смысла! У нее действительно беда, она убила – или считает, что убила, – какого-то мужика и просит помочь замести следы. Зачем меня водить за нос?

– Может, она просто мифоманка? У мифоманок часто бывает повышенно-честное выражение лица...

– У нее не повышенно-честное! У нее доверчивое, открытое, искреннее!

– Ты часом не влюбился? – осведомился Кис.

Реми промолчал.

– Ну-ну. Как я понимаю, сомнения у тебя по поводу доверчивой и искренней начались именно в квартире? Сбежавший труп, мытые чашки, чистая ваза, нетронутый кружочек в пыли – да? В показаниях не уверена, куда упал да как упал, где чего стояло – так? Значит, тогда сформулируем вопрос таким образом: могла ли она привести тебя не в ту квартиру? И если да, то зачем?

– Не имею представления...

– Допустим, испугалась, что ты слишком сильно впутываешься в это дело, слишком конкретно... Это в ее планы не входило. Она тебя не знает, не доверяет до конца. И с ходу ведет тебя не туда, где совершилось убийство. Как тебе такой расклад?

– Туго. Я предложил ей конкретную помощь: ладно, отпечатки – могла бы и сама справиться, но я предложил ей вынести труп! Если она пришла ко мне – значит, больше не к кому было. И если она уклонилась от моей помощи – то как же она будет выкручиваться? Я ведь ей объяснил: тело не поднять в одиночку, тем более мертвое. Она должна была воспользоваться такой возможностью! Поверь мне, она умирала от страха в этой квартире! Нет, квартира та.

– Примем за рабочую версию. Значит, квартира – та, но трупа нет. И следов нет. Кто-то пришел после нее? Вынес труп, замел следы? Или труп – не труп, а прочухался и куда-то смылся? Может, в больницу потопал? Или «Скорую» вызвал?

– Она пульс пощупала, сердце послушала, даже веко подняла! Говорит – был мертв.

– Что она в этом понимает? Нагляделась, как это в кино делают! Она же не медик! Тоже мне, пульс пощупала! Надо уметь прослушивать пульс!

– Ты считаешь?.. Почему бы и нет... Она могла ошибиться! А мужик был просто без сознания!

– В таком случае вы сильно рискнули, пойдя в эту квартиру. Хозяин скорее всего уже на ногах: посудку прибрал... На вазе, говоришь, следов нет?

– Ни крови, ни вмятины.

– Слушай, друг мой Реми, не могла она насмерть угробить мужика, не помяв бок у вазы! Я знаю эти китайские вазы с медной проволокой в керамике – они не бьются, а продавливаются! Не могла она не помять бок! Она тебе как сказала, крови было много?

– Нет, мало. Но она, кажется, ничего толком не помнит с перепугу. Кстати, я выковырял грязь из паркетных щелей в том месте, где он, по ее словам, упал. Можешь сделать анализ на кровь?

– Давай.

Реми протянул приятелю целлофановый пакетик, и Кис исчез в своем «офисе» на несколько минут.

– Ничего, – вернулся он. – Нет крови.

– Ну да, если было немного, запеклась в волосах...

– Короче, – заключил Кис, – не ломай себе голову. К счастью, эта твоя Ксюша никого не убила... Этот козел вонючий очухался. Девчонку насиловать, сволота! Они тут у нас совсем... – Кис искал адекватное матерное ругательство на английском, успешно нашел и продолжил: – Им дензнаки карман жгут, чувствуют себя хозяевами всего и всех! В общем, так: если у нее возникнут неприятности с этим гадом, то скажи ей, чтобы обращалась ко мне.

– Кис, я как раз собирался тебя об этом попросить!

– Считай, что попросил.

– Ты классный парень. Я еще прихватил еженедельник хозяина квартиры... Ксюша сказала мне, что там нет пометки о встрече с ней. Мне это показалось странным: обычно люди либо ведут еженедельник, либо нет. Но если ведут, то записывают в него все, не так ли?

Кис занялся изучением толстого, в черном кожаном переплете еженедельника. Минут пять спустя он оторвал свой взгляд от довольно плотно исписанных страниц и хмыкнул.

– Пометки о встрече с Ксюшей там действительно нет... Зато есть много чего другого, весьма любопытного. Ну и фрукт этот мужик, скажу я тебе! Пожалуй, с таким действительно опасно иметь дело!

Реми забеспокоился: что там написано?

– Ох, там много чего написано. Денежные суммы, причем крупные и в долларах, какие-то шифры, какие-то фамилии, большей частью закодированные, какие-то расчеты и подсчеты... Если эти суммы проходили через руки этого хмыря, то лучше бы ей с ним дела не иметь...

– Он действительно из мафии? – с почти детским ужасом спросил Реми.

– Ты так говоришь, будто у нас тут такая мафия, вроде итальянской – с крестным отцом, с круговой порукой... У нас, друг мой Реми, тут мафии! Вот так, во множественном числе: ма-фи-и. Это структуры, которые распространяются не горизонтально, семьями, как все остальные мафии мира, а вертикально – от уличных воришек до крупных политиков... Так что кто у нас не из мафии – тех легче сосчитать.

– Алексей... Знаешь что? Вызови мне, пожалуйста, такси, подъеду-ка я сейчас к тому дому...

– Что ты хочешь там увидеть?

– Горят ли окна.

– Второй час ночи, Реми. Человек может спать.

– В Москве многие ложатся поздно, я заметил. Столько окон горят за полночь – в Париже такого не увидишь... Понимаешь, если окна не горят – я ничего не узнаю. Но если вдруг свет есть – то я буду знать точно, что он жив.

– А дом найдешь?

– Бережковская набережная. Найду.

– Ладно, поехали. Не нужно такси, сейчас я свою тачку заведу. Здесь рядом.

Они ехали медленно, и Реми внимательно всматривался в темные громады зданий. Действительно, горело не так уж мало окон. Но окна, на которые наконец указал Реми, были темны.

«Нива» Киса остановилась напротив дома, на обочине тротуара, пролежавшего вдоль парапета набережной.

– Знал бы наверняка, что хозяина нет, – залез бы в квартиру, – задумчиво проговорил Кис. – Уж больно заинтриговал меня этот еженедельник... Но рискованно, вдруг он спит? Там какая система на подъезде?

– Домофон, – ответил Реми. – Или ключ.

– Эти замки обычно ерундовые, раз плюнуть открыть. Погоди, я сейчас.

Он выбрался из машины и, запахивая поплотнее полы куртки, пошел к дверям подъезда. Наклонился к замку, посветил крошечным фонариком, висевшим на связке ключей, и поковылял обратно.

– Да, открывается элементарно... Надо будет подумать над этим делом, – сказал он, заводя машину. – Хотелось бы мне в этой хате покопаться...

– А мне хотелось бы узнать, жив мужик или нет.

– Впрочем, – развивал Кис свою мысль, – лучше не ввязываться. Темные там делишки... Это так, профессиональное любопытство разыгралось.

– Завтра я сюда приду, – сообщил Реми. – Погляжу на обстановку.

– Что ты тут углядишь? – возразил Кис, делая разворот.

– Видно будет, – упрямылся Реми. – Вдруг в окна мелькнет кто-нибудь...

– Знаешь что? Я попробую по своим каналам навести справки об этом типе... Ксюша тебе не сказала, как его зовут?

– Я не спрашивал. Мне вроде бы незачем было.

– А ты с ней когда увидишься? Ты ведь собираешься с ней еще встретиться, не так ли? – усмехнулся Кис.

– Завтра вечером. А на еженедельнике нет его фамилии?

– В том-то и дело, что нет... Ладно, найду сам... Адрес есть, дело нетрудное. Попробую пронюхать, что это за фрукт такой. Я тебя в гостиницу везу? Или, хочешь, оставайся у меня ночевать, у меня есть свободная койка!

Реми, не желая обременять больного друга лишними хлопотами по извозу, согласился ночевать. Машина, едва не чиркнув боком по кустам, поехала в обратном направлении.

И никто из сидящих в машине не заметил, как стоящий в черноте кустов человек царапал вслепую на бумаге номер Кисовой машины.

Глава 3

Ксюше не спалось. Сердце билось. Ксюша вспоминала прощание у подъезда. Ксюша купалась в розовых мечтах. Ксюша ликовала.

Невероятно, но факт: Сашкин план удался! А ведь казалось бы – Сашка придумала полный бред, и Ксюша до последней минуты не верила в успех ее сумасшедшего замысла... Нет, не зря она доверилась Александре – сестра, как всегда, оказалась опытным и тонким психологом!

...На международный симпозиум частных детективов Ксюша, уже давно перестав сопротивляться, привычно потащила за старшей сестрой-журналисткой. В день открытия симпозиума Сашка, разумеется, помчалась брать интервью, строчить в блокноте, руководить фотографом, очаровывать, ловить на себе восхищенные взгляды, отвечать язвительными шуточками на комплименты, тихо пихать Ксюшу в бок, чтобы не забывала улыбаться, и смотреть таинственным взглядом в глаза представителей мужественной профессии, пить на банкете шампанское и следить, чтобы Ксюша невзначай не выпила много. Впрочем, для Ксюши «много» было все, что превосходило три глотка алкоголя...

Реми Ксюша заметила сразу – голубые глаза на загорелом лице, умное и слегка насмешливое выражение которого ей понравилось. Понравилось отстраненно, вовсе без всякой задней мысли, не для себя, а вообще – просто такая отметка: понравилось. Ну, пусть даже очень понравилось... и что с того? Когда он заговорил с ней, она почувствовала только знакомое желание сбежать поскорее. И так бы из этого «понравилось» ничего не получилось, если бы не Александра. Если бы она в тот же день вечером не заявила домой...

...В замке повернулся ключ, дверь распахнулась. «Э-эй! Я надеюсь, кто-нибудь есть дома?» – раздался ласково-требовательный голос.

Разумеется, Александра считает, что, если она уж в кои веки заехала навестить семью, пусть и без предварительного звонка, семья обязана непременно быть на месте, мысленно прокомментировала Ксюша и двинулась в прихожую навстречу старшей сестре.

Дверь шумно закрылась, звякнув валдайским колокольчиком. Простучали каблучки, хлопнул, закрываясь, зонт. Ксюша появилась на пороге прихожей и, обнимая мокрую от дождя сестру, подумала в очередной раз, что Сашка ухитряется свое появление – не только дома, а в любом месте – превратить в праздник и событие. Вот уже мама спешит с кухни, вытирая руки о передник. Мама у них маленькая, плотненькая, у нее розовые щеки и очки на маленьком носу, и ее уже поседевшие волосы выются, как и во времена Ксюшиного далекого детства, шестимесячной завивкой. Она уже стряхивает мокрую Сашкину куртку из тончайшей темно-коричневой лайки, которую та царственно скинула с плеч, а в это время степенно появляется папа, тоже в очках, тоже седой, еще более седой, чем мама. Он невысок, худощав, на нем спортивные штаны и старый свитер, в руках газета, которую он читал в момент прихода Сашки. Папа с мамой чем-то неуловимо похожи – видимо, сказывается количество вместе прожитых лет, да и общность профессий: они оба преподаватели физики, только мама в школе, а папа в институте – студенческая любовь, вынесенная с физфака МГУ в далекие и жизнерадостные шестидесятые годы. С физфака была вынесена также Сашка, в самом прямом смысле, в мамином животе, с празднования диплома в роддом – молодые супруги немножко просчитались со сроками родов.

После появления на свет Александры программа деторождения в дружной семье физиков-лириков была приостановлена. Папа защищал диссертацию, сначала кандидатскую, потом докторскую, писал научные работы и статьи, повышался по службе, и только спустя десять лет он счел свою карьеру

состоявшейся, достигнув положения замзавкафедрой. Потому что дальше он просто уже продвинуться не мог. Ему были не по зубам иные методы продвижения по службе, кроме знаний и компетентности. А этого, увы, и в те, и во все времена мало, чтобы занимать посты. Нужно еще многое другое, нужна особая покладистость, дипломатичность, умение себя выгодно представить...

Впрочем, на эту тему лучше поговорить с Сашкой: во всей семье она единственный человек, который знает, что и как нужно. И не только это знает, но и *умеет*. А Ксюша – в родителей. Она ребенок поздний и балованный, тепличный. Только посмотреть в ее круглые карие глаза, как становится сразу ясно: наивняк. Даже ей самой ясно. И имя у нее подходящее: сю-сю, Ксю-ю-ю-ша. То ли дело Александра: звучит гордо, благородно. Впрочем, она тоже не просто так, она на самом деле – Ксения. Но ее никто так не называет. Называют – Ксю-ю-ша...

Учится Ксюша, как и Сашка когда-то, на журфаке. Только Сашка сделала блистательную карьеру в годы перестройки, она теперь одна из ведущих журналистов, по которым другие определяют моду, политический климат и интеллектуальную погоду. А Ксюше, говорит ее старшая сестрица, с такой наивностью нечего делать в журналистике, разве что вести раздел «Рукоделие» в каком-нибудь дамском журнале...

Пока Ксюша обо всем этом размышляет, созерцая свое семейство, Сашка уже сидит в кресле, болтая ногой, и щебечет, пересыпая свою речь известнейшими именами, которые ей звонили, приглашали, были у нее дома, встречались на выставке, на презентации, на коктейле... Светская жизнь, одним словом, в которой Ксюша частично и вынужденно участвует.

Сашка красивая. Так, строго говоря, может, и не очень, но очень эффектная. Она высокая и тонкая, у нее короткая стрижка, точеная мальчишья головка, темные, как у всех в семье, глаза, только если в Ксюшиных круглых читается сразу же наив, то в ее миндалевидных – тайна и непроницаемость. У нее довольно большой рот с пухлыми, чуть потрескавшимися на ненастье губами и саркастической складкой возле уголков. От нее пахнет потрясающими духами, на ней неброские и дорогие вещи, на ее крупных и красивых руках нет ни лака, ни особых украшений, если не считать единственного кольца с рубином, который ей подарила бабушка, когда она еще была жива и когда Сашка была выпускницей школы. Обручального кольца нет – Александра замуж выходить не желает. Хотя ей уже 32 года. Правда, ей никогда не дашь больше двадцати пяти... Замуж ее звали, и не раз, и видные люди звали. А она не идет. Неизвестно почему – Сашка о своей личной жизни ничего не рассказывает в отличие от светской. Наверное, ждет своего «единственного», своего принца. Ишь, принцесса. И ведь дождется! У Александры все всегда получается.

Не то что у Ксюши. Как говорит ее старшая сестра, Ксения – тетеха и неумеха.

Выждав момент, когда родители занялись приготовлением чая, Александра посмотрела на Ксюшу с видом политического заговорщика:

– Ну, и как тебе?

– Что? – не поняла та.

– Ну, у детективов.

– А!.. Хорошо.

– Что значит – «хорошо»? – возмутилась Сашка. – Там столько отменных мужиков было! Я тебя туда зачем потащила, спрашивается? Неужели ты ни с кем не познакомилась? Ксения, тебе двадцать один год! И у тебя до сих пор нет мужчины! Не станем же мы, право, считать за мужчину то, что у тебя было! Я тебя

официально предупреждаю, Ксения, – ты помрешь старой девой, если будешь себя так вести!

– Ты это уже говорила раз сто...

– И говорю в сто первый! Я тебя вывожу в люди, чтобы ты знакомилась! А ты – дикарка, которая умирает от страха при виде каждой брючной пары...

– Ну почему, я познакомилась... – слабо попыталась защититься Ксюша.

Александра немедленно заинтересовалась:

– И с кем?

– С одним французом...

– С каким? Их там четверо было!

– С... Такой шатен... Голубоглазый... Лет под тридцать...

– Как зовут?

Ксения смешалась. Александра, пылливо глянув в лицо сестре, расхохоталась:

– И это ты называешь «познакомиться»? Ты даже не знаешь, как его зовут!

– Знаю! Его зовут Реми!

– Представился? – живо заинтересовалась сестрица.

– Нет, я слышала...

– Ха! Ха! Ха! О чем же ты с ним говорила, несчастная?

– Он спросил, не знаю ли я, кто здесь отвечает за организацию. А я ему сказала, что не знаю...

– И все?!

– Ну, еще он мне пояснил, что хотел бы узнать, почему он не встретил на этой конференции одного своего русского знакомого...

– И это все?!!

Ксюша пожала плечами. В конце концов, что она должна была делать? Кидаться на шею этому парню и кричать, что он душа и ей нравится?

Александра горестно качала головой минут пять. После чего, вздохнув, спросила:

– Ну и как, он тебе понравился?

Ксюша кивнула.

– А еще кто-нибудь понравился?

– Не знаю. Не разглядела.

– Ну ты даешь! – фыркнула Саша. – Полторы сотни мужиков, и она сумела разглядеть за несколько часов только одного из них! Куда же ты смотрела, моя милая?

– На француза, – смутилась Ксюша. – У него такая морда приятная... Умная. Но знаешь, без пижонства, без такой скучающей маски, как у наших интеллектуалов, типа: «я умный, а вы дураки»... Ты понимаешь, о чем я?

– Красивый?

– Вполне..

– На мужика похож?

Ксюша закатила глаза – так похож!

– Тогда будем брать француза.

Ох, в этом вся Сашка! «Брать» – видели вы такое? Вот только как это она собирается «брать» незнакомого мужчину? Сашка болтала ногой, и на лице у нее отражалась работа мысли.

Наболтавшись ногой вдоволь, она ушла болтать к телефону. Вернулась минут через десять и сообщила:

– Его зовут Реми Деллье. Он пробудет в Москве до субботы, сегодня у нас понедельник... У тебя есть четыре дня, поняла, Ксения? И за эти четыре дня ты должна с ним познакомиться и прочно заинтересовать его собой!

– Отличный план. Ну просто без изъяна! И времени навалом. Ты только забыла сказать, как я это должна сделать! «Здравствуйте, господин француз, я вас не знаю и вообще ничего о вас не знаю, но вы мне очень понравились, и поэтому давайте скорее знакомиться и начинать роман, а то у нас всего четыре дня, и Сашка рассердится, если я не успею», – так, что ли?

– Ох, Ксения, до чего же ты глупа! Ну кому нужны твои излияния? Зачем ему знать, что он тебе нравится? Это бесперспективный ход! Мужчина должен сам неожиданно почувствовать, что ты ему нравишься, что ты его привлекаешь, притягиваешь...

– Да как же он может почувствовать, если у меня нет даже никакой возможности с ним встретиться?

– Ну, это-то дело нехитрое, я узнала расписание их мероприятий, и твоего француза можно легко разыскать... Вот, смотри, – Сашка углубилась в чтение листочка, записанного под диктовку по телефону, – завтра у них конференция кончается в четыре...

– И что? Ну, разыскала, положим. А дальше? Что я ему, по-твоему, должна сказать?

Сашка молчала, скептически разглядывая младшую сестру.

– Да... – промолвила она наконец. – С такой внешностью...

Ксюша расстроилась. Ну вот, опять! Сашка вечно критикует ее! То она старомодная, то она провинциальная...

– Может, мне сделать стрижку, как у тебя?

Саша обошла Ксюшу.

– Нет, – заключила она. – Косы – это в наше время очень оригинально. И потом, не забывай, мужчины любят длинные волосы. Раз уж отрастила такие волосищи – нет смысла их отрезать, мучайся дальше мыть-чесать...

– Тогда что тебя не устраивает?

– Вид твой наивный. В тебе загадки нет, ты вся как на ладони, слишком простодушна. И стервозности не хватает. Мужчины любят стерв, запомни это! Ты думаешь, отчего это секс-символ нашего времени – Шарон Стоун? Не так уж она и хороша, ничего особенного, подумаешь, вполне рядовая физиономия, стандарт! А все дело в том, что она сыграла в «Основном инстинкте»! Она в моде, потому что она убийца! Хорошие, добрые девочки вроде тебя – скучны до отвращения. «Но нынче все умы в тумане, мораль на нас наводит сон, порок любезен, и в романе – и там уж торжествует он»! Скоро уже два века будет, как народу «порок любезен»! А ты все никак не просечешь.

– Ну не могу же я, Саша, в самом деле сделаться убийцей, чтобы заинтересовывать собой мужчин!

– В самом деле – не можешь. А вот прикинуться...

И она снова задумалась.

– Чай готов, девочки! Идите сюда! – донеслось с кухни.

– Сейчас! – откликнулась Ксюша.

– Ты пойми, – снова заговорила Александра, – быть хорошей девочкой – этого мало, чтобы привлекать к себе внимание. И даже быть хорошенькой – мало. На рынке выигрывает не тот товар, который лучше, – на рынке выигрывает тот товар, у которого *реклама* лучше! Реклама, подача, презентация! Такая, которая точнее схватывает психологические особенности покупателя на данный момент общественного развития... Ты следишь за моей мыслью?

– Товар – это я, покупатель – это мужчина, а реклама – это... Что? Быть стервой? Именно это соответствует «психологическим особенностям покупателя»?

Сашка не ответила, глядя на Ксюшу исподлобья, задумавшись. За ней водился такой взгляд: опустив голову, она поднимала сосредоточенный взгляд, фиксирующий некий предмет. И если этот предмет оказывался ее собеседником, то предмет начинал ерзать и чувствовать себя не в своей тарелке. Но Ксюша привыкла к причудам сестры и только поинтересовалась:

– Эй! Кто-нибудь есть дома?

С кухни снова долетело: «Девочки, где вы? Чай стынет!»

– Даже хорошо, в конечном итоге, – прорезалась Сашка. – Даже еще лучше! Твоя коса, твои наивные глаза создадут контраст. А чем сильнее контраст, тем больше он вызывает интереса, интригует... Да, именно!

– А с чем будут контрастировать мои глаза и коса? – поинтересовалась Ксюша.

– С душой убийцы.

Ксюша покрутила пальцем у виска и отправилась на кухню пить чай. Александра не замедлила появиться следом. Молча прихлебывая горячий чай, она не принимала участия в общем разговоре и сидела с отсутствующим выражением.

– Что ты, Сашенька? – участливо спросила мама. – У тебя все ли в порядке?

– У меня, мамочка, не только все в порядке, у меня все потрясающе отлично! – отозвалась Сашка. – Просто я статью сочиняю.

Что верно, то верно – у Сашки всегда такой вид, когда в ее уме разворачивается план и складываются фразы. Но сейчас – Ксюша была уверена – у Сашки в голове складывался другой план: план захвата француза, в котором Ксюше отведена роль Шарон Стоун.

И она не ошиблась. Потому что, едва закончив пить чай, Александра звонко опустила чашку на блюдце и потянула Ксению за рукав.

– Пойдем, пойдем. Мне надо тебе кое-что сказать.

Едва они очутились в комнате одни, Саша заговорила, понизив голос:

– Ты придешь к нему просить помощи! Ты скажешь, что убила человека и просишь его помочь тебе замести следы! Потому что – объяснишь ты – ты не можешь обратиться с такой просьбой к русскому детективу: они все обязаны сообщать о преступлениях в милицию. А он – француз! И он – не обязан!

Ксюша помотала головой. Нет, Сашка просто сошла с ума! Надо же такое придумать!

– Ничего не получится, Саша. Я не смогу это сделать. Я на это не способна. Ни на убийство, ни на такой спектакль!

– Получится, еще как получится! Я же не прошу тебя убивать кого-нибудь, а спектакль – ты сыграешь, вот увидишь! В конце концов, тебе не приходило в голову, что умение играть – это часть твоей будущей профессии? Какой из тебя журналист, если ты не можешь подобрать ключ к собеседнику? А собеседники у тебя будут разные, и ключи придется подбирать разные – и потому актерский талант совершенно необходим журналисту...

Что и говорить, когда Сашка рассуждала о профессии, ей можно было верить на все сто – она своей личной журналистской карьерой доказала это. Ксюше сразу стало стыдно за свой непрофессионализм.

– Ну, и как ты себе это представляешь? – неохотно сдавала она позиции.

– Значит, так: приходишь, глаза огромные, серьезные и загадочные. Коса... Нет, лучше распусти! Так женственней, сексуальней, мужики сходят с ума от длинных волос! Объясняешь: я к вам пришла... чего же боле... что я могу еще сказать... В общем, письмо Татьяны к Онегину помнишь? Примерно в таком духе. Мне нужен совет... Я попала в такую ситуацию... Мне не к кому больше обратиться... «Теперь, я знаю, в вашей воле меня презрением наказать»... – Александра плавно водила по воздуху кистью своей красивой руки, будто дирижер в такт будущим Ксюшиным словам, которые она произносила с драматическим завыванием. – Вы здесь чужой, вы никакими обязательствами не связаны, вы можете мне помочь... Потому что только к вам я могу... только вам я могу рассказать... «А вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня, – вы не оставите меня...»

И здесь ты р-раз – и замолчала! Молчишь, молчишь, молчишь и смотришь на него. Он тоже молчит. Ждет продолжения. Но ты настойчиво молчишь, и глаза твои – желательно – наполняются слезами. Тут он не выдерживает. Он спрашивает: так что у вас стряслось? Тогда ты вдруг выкрикиваешь: ничего! Ничего я вам не скажу! И убегаешь. Он тебя догоняет и...

Не выдержала пока что Ксюша. Ксюша ее перебила:

– Как это у тебя все получается здорово! Только с чего ты взяла, что именно так и будет? Почему это он меня спросит, что со мной, и почему он должен броситься за мной вдогонку?

– Объясняю, – сказала Саша с жалостью. – Для умственно отсталых специальный выпуск. Значит, так: он тебя непременно спросит, потому что в затянувшейся паузе всегда кто-то нарушает молчание первым... и если это не ты, то это – методом исключения – он. Понятно?

– Понятно...

– Далее, он побежит за тобой, потому что ты будешь убежать. Ты убегаешь – мужчина догоняет, понятно?

– Нет.

– Мужчина всегда догоняет убегающего, у него такой инстинкт. Охотника.

– А вдруг у него нет такого инстинкта?

– Тогда он не мужчина.

– А что мне тогда делать?

– Тогда он тебе не нужен.

– А-а... А может, лучше ему все сразу объяснить? Может, не надо убежать и ждать, что он за мной

побежит?

– Надо! Так ты интересней. Слушай внимательно и по возможности запоминай на будущее. Пункт первый: когда ты что-то недоговариваешь, то возникает загадка, интригующая тайна. А тайну всегда хочется *раскрыть*. Пункт второй: ты в нем уже вызвала какую-то жалость, сочувствие, желание помочь и...

– Почему?

– Что? – опешила Сашка.

Ксюша почувствовала себя действительно идиоткой, поскольку старшая сестра даже не поняла ее вопроса.

– Почему я уже вызвала желание помочь? – пояснила она.

Саша потерла губу об губу, будто помаду растирала. Посмотрела на Ксюшу внимательно.

– Ты прикидываешься? – поинтересовалась она.

– Нет. Хочу быть уверенной, что я все правильно понимаю, – выкрутилась младшая сестра с достоинством.

– А-а-а... Ладно, значит: хорошенькая девушка с круглыми наивными глазами приходит и лепечет, что только он может помочь... И слезы на глазах... Какой мужчина может устоять?

– Ясно. Значит, я уже вызвала желание помочь, а тут еще и интригующая тайна. Да?

– Да. Далее, когда ты якобы решила ничего не говорить и стала убегать, в этой композиции из эмоций возникает еще один компонент...

– Инстинкт охотника...

– Верно, но не только. В этом жесте есть еще и твое отчаяние, которое его пугает! Он уже боится за тебя, потому что уже немножко почувствовал свою ответственность за тебя, за что-то, что может с тобой случиться: ведь ты пришла – к нему! Ты явно сделала какую-то глупость и, похоже, собираешься сделать другую, еще большую. Надо тебя спасти! Женская глупость – это ядерное оружие. Против него не устоит ни один мужик. Это фон, на котором он полноценно реализуется как мужчина, и в эту ловушку попадает любой представитель сильного пола. Тут он умный, сильный, защитник и спаситель. Как же ему за тобой не побежать?

– С тобой все становится так ясно, как в математике. Я думала, что человеческие отношения непредсказуемы.

– Ну, отчасти непредсказуемы...

– Утешила. А то было бы очень скучно.

– Романтичная ты моя! А не уметь ни с кем выстроить отношения – весело?

Уела. Прямо в больное место, зараза.

– Ладно, давай дальше «выстраивать», – смирилась Ксюша. – Значит, он за мной побежит. И меня вернет. И скажет: расскажите мне, что там у вас случилось. Так?

– Примерно, – одобрила Александра.

– И что же я буду ему рассказывать?

– Скажешь, что сама не понимаешь, как это произошло, но только ты убила... мм-м...

– Своего любовника?

– Нет, это перебор. Ты же не Шарон Стоун, в конце концов!

– Спасибо за комплимент. Тогда просто ухажера?

– Да! Он был слишком навязчив, он тебе не нравился, он полез к тебе... и тут на тебя что-то нашло необъяснимое, ты схватила нож и... Или лучше что-нибудь тяжелое – и...

– Саш, а такое вообще бывает? По-моему, такие персонажи водятся только в кино. Или в психушке. Он мне не поверит!

– Слышала: «чужая душа – потемки»? Вот, не забывай: люди и себя-то не знают толком, а уж на что способен другой – никто и представить не может! Потому допускает, что другой способен – на все! К тому же твои глаза вызывают доверие. Только глянешь, сразу понимаешь: эта – не соврет.

– Даже когда я вру?

– А ты что, врешь когда-нибудь? – снисходительно поинтересовалась Сашка.

Ксюша обиженно пожала плечами: вот, дожили, теперь и правдивость – недостаток!

– Короче, – продолжала Александра, – ты ему все это расскажешь и попросишь совета: как, мол, скрыть следы преступления? Он начнет тебе объяснять про отпечатки, про следы крови, то стереть, се отмыть... Ну а дальше все само образуется. Будь я не я, если он тобой не заинтересуется! В тот же день свидание назначит!

– А вдруг я у него не вызову сочувствия? Вдруг он мне скажет, что не хочет иметь дела с преступницей и убийцей?

– Ксюша! Ты меня приводишь в отчаяние! Ну, если бы ты была похожа на крокодила – тогда сказал бы! Но у тебя же глаза как блюдца, но у тебя же волосы до попы! Ты молодая, стройная, хорошенькая девушка! Как же он может такое сказать?

– Значит, он мне посочувствует только потому, что я хорошенькая?

– А что ты хочешь, Ксения? Мир устроен до удивления несправедливо. Ты тоже не на инвалидов засматриваешься, верно? То-то и оно... Главное, напирай на то, что ты сама не понимаешь, как ты могла это сделать. Что на тебя нашло. И что ты очень переживаешь из-за этого! Именно такая версия великолепно соответствует твоей внешности. Он поверит! И увидишь – посочувствует! Скажешь, что вся жизнь твоя рухнет теперь, если кто-нибудь узнает, что это ты его убила. Тогда суд и тюрьма, а русская тюрьма – это, если вам приходилось слышать в вашей Франции, хуже смертной казни...

– Знаешь, лучше я скажу, что мужик этот пытался меня изнасиловать. А то я что-то никак не могу представить, как это я убиваю человека из-за того, что он мне не понравился! Да Реми мне и не поверит.

– Слушай, в «Основном инстинкте» Шарон Стоун вообще убивает тех, кто ей нравится! И все ей верят!

– Как ты тонко заметила, я не Стоун и не ее персонаж из кино, – твердо сказала Ксюша. – Я скажу, что меня пытались изнасиловать. И я убила человека, защищаясь.

– Ага, а чего ж ты тогда в милицию не обратилась? Правомерная защита! Зачем тебе скрывать подобное преступление и просить помощи у частного детектива в уничтожении следов?

Александра скептически подняла брови, всем своим видом давая понять, что Ксюше лучше было бы не возникать со своими версиями поперек старшей и умной сестры.

Ксюша долго обиженно смотрела на Александру и вдруг воскликнула обрадованно:

– Идея! Я объясню, что этот человек имел большие связи, из мира большого бизнеса, а большой бизнес – это бизнес криминальный, и наша коррумпированная милиция на пару с коррумпированным

судом меня не смогут защитить от мести его подельников...

Сашка даже открыла рот – настолько ей понравился сюжетный поворот, предложенный сестренкой.

– Смотри-ка, твоя голова иногда варит кое-что употребимое... И тогда твой француз почувствует себя чуть ли не правозащитником! Это придаст его жесту еще и политический оттенок! Ему почудится, что он чуть ли не вступил в борьбу с русской мафией! Это гениально, Ксюша!

Ксюша была польщена. Оставалось только непонятным, почему это Саша так уверена, как именно почувствует себя Реми. Но спрашивать у сестры бесполезно: Сашка убеждена, что она крутой знаток человеческой психологии.

Что, в общем-то, не так уж далеко от истины.

– Саш, надо придумать, что за человек-то был. Ну, которого я как бы убила... Возраст там, лицо...

– Зачем?

– А вдруг он спросит?

– Какая ему разница? В крайнем случае опиши что-нибудь такое средненькое, без особых примет.

– Саш, а вдруг он начнет спрашивать, какая квартира да где?

– Господи, да сочини что-нибудь! Однокомнатная в Бибиреве, окно слева, дверь справа – что, квартир никогда не видела?

– А если он захочет ее осмотреть?

– Сразу видно, Ксения, что ты врать не умеешь.

– ?

– Слишком хорошо готовишься. Успокойся, ввязываться в это дело он не станет. На фига ему это – в чужой стране совать свой нос в какие-то приключения? Нет, он просто тебя проинструктирует, тем более что ничего сложного в этом нет: стереть отпечатки и другие следы – это даже я могу тебе рассказать! Не дрейфь, Ксения, так далеко человеческая благотворительность не простирается.

За разговором последовал тщательный подбор костюма – Ксюше перепал Сашкин костюм из тонкой бежевой шерсти, – обсуждение прически, макияжа, поведения, голоса, взгляда... «Брать француз» было решено на следующий же день, по окончании конференции.

Поначалу все пошло как по маслу. Сашкин план не подвел, все случилось в точности так, как она предсказывала. К тому же Ксюша до такой степени нервничала и трусила, что у нее не на шутку прерывалось дыхание и с легкостью появлялись слезы на глазах, и, глядя на нее, любой непосвященный решил бы, что у этой девочки случилось что-то ужасное.

Осечка вышла лишь тогда, когда Реми предложил свою помощь в выносе никогда не существовавшего трупа из никогда не существовавшей квартиры.

Ксюша бросилась звонить Александре. Счастье, что у сестры есть мобильный, иначе бы ее никогда не сыскать в городе!

– Саша, – взмолилась Ксюша, – он хочет ехать на квартиру выносить труп! Умоляю, придумай что-нибудь!

Александра не на шутку растерялась. Перебрала все возможные отговорки, но ни одна из них не убедила Ксюшу: было совершенно ясно, что Реми заподозрит, что его обманывают, и тогда из их с Сашкой затеи ничего не получится... А Ксюше, ободренной успешным началом, очень хотелось, чтобы получилось.

– Саша, – ныла она, – у тебя же есть знакомые, которые сдают квартиры! Ну, подумай, у кого квартира свободна сейчас?

– Не знаю, – бормотала Александра, – понятия не имею.

– Вера сдает! Андрюша сдает! Витек сдает! – настаивала Ксюша. – Может, сейчас там никого нет? Надо же мне Реми куда-то привезти!

– Не знаю, – опять бормотала старшая сестра. – И потом, свободная квартира тебя не спасет: если там никто не живет, если там нет вещей и вообще следов присутствия человека – он тебе ни за что не поверит!

– Что же делать? – в отчаянии прошептала Ксюша. – Что же мне делать?!

Александра молчала, раздумывая.

– Ой, послушай, – вдруг радостно заговорила Ксюша, – все очень просто! Я его куда-нибудь привезу – а войти-то мы не сможем! Ключей же у меня не должно быть, правильно? Так что я перед подъездом спохвачусь и...

– Если он действительно детектив, то он войдет в любую дверь, – мрачно сообщила Александра. – Иначе грош ему цена.

– Ну так помоги же мне! Это, в конце концов, твоя идея! Я же тебе говорила, что нужно запастись квартирой! И это ты меня заверила, что она не понадобится! Вот – понадобилась, я была права! Теперь надо выкручиваться!

– А что тебе это даст? Трупа-то там нет!

– Я сделаю удивленное лицо: труп сбежал! Так даже интересней! Получается настоящий детектив!

Сашка помолчала.

– Эй! – позвала ее Ксюша. – Ты куда делась?

– Думаю. У Веры стоит пустая – сдает слишком дорого, пока никого не нашла. У Вити жильцы есть, но там, кажется, семья с ребенком – он недавно жаловался, что, поганец, обои исписал фломастером... А у Андрюшки... Был у него кто-то, но не знаю, как там сейчас... Перезвони мне через пять минут.

Ксюша перезвонила. Оказалось, что квартира Андрея сдается одинокому мужчине, но жилец сейчас в отъезде – то, что надо! Так что если уж детектив всепроходной, добавила Александра, то он может попытаться счастья и управиться с тремя замками...

Александра дала адрес, описала дом, подъезд, квартиру и, сообщив, что не нравится ей все это, мрачно пожелала сестре успеха.

В чужой квартире Ксюшу охватил такой необъяснимый ужас, как будто она и вправду ожидала увидеть на полу мертвое тело. Никакого трупа, разумеется, там не было – и быть не могло. Зато все остальное оказалось в наличии: и ваза, и чашки, и рюмки – все то, что можно найти в любой квартире.

В какой-то момент Реми, похоже, засомневался – что ж, его можно понять, она бы тоже засомневалась на его месте! Ее везде подстерегала опасность, ей постоянно приходилось придумывать на ходу объяснения. Где стоял ликер? Откуда же ей знать! Выкрутилась: не видела, пили на кухне, а хозяин принес из комнаты. И, к счастью, ликер нашелся! Куда упало тело? Вон туда упало... А Реми ей в ответ про ковер! Срочно менять ситуацию: нет, головой туда... А как это ей удалось дядьку по голове стукнуть? Бог мой, как-как! Ну, примерно так... Он наклонился... А зачем наклонился? И так без конца.

Особенно сильно Ксюша сдрейфила, когда он попросил описать мужчину. Средний, во всех отношениях средний! – наставляла ее Сашка на случай, если детектив спросит. Она так и ответила. Но,

кажется, переиграла: в глазах француза было недоверие. Требовалась для разбавки деталь – яркая, запоминающаяся деталь! – и Ксюша судорожно искала в своей памяти что-нибудь подходящее. И вспомнила! В аэропорту, когда они с Александрой улетали в Рим (у сестры была командировка, и она взяла Ксюшу с собой «на мир посмотреть»), выходя из туалета, Ксюша заметила одного типа... Вернее, она не его заметила, а перстень. Он ярко сверкнул в лучах солнца, щедро струившихся через стеклянные стены, и Ксюша аж замерла: никогда не видела таких крупных синих камней, такого блеска, да еще на мужском пальце! Мазнув глазами по загорелому, ухоженному лицу мужчины, который уже стал коситься в ее сторону, она пошла дальше, заметив краем глаза, что тот поднялся после объявления рейса на Лугано. Помнится, Ксюша еще тогда заключила: швейцарец, стало быть... Так он и запомнился ей, по контрасту: невыразительная, ничем не примечательная внешность – и такой запоминающийся перстень! Вот это воспоминание ее и спасло. Ксюша окольцевала тем перстнем свой несуществующий труп.

Кажется, в конечном итоге Реми ей поверил. И вся эта невероятная история со сбежавшим трупом стала ему казаться правдоподобной. Он всерьез озадачился, забеспокоился и в результате заинтересовался Ксюшей даже еще больше! И вот теперь они встречаются! Завтра они поедут гулять на Красную площадь, потом в ресторан, послезавтра Ксюша покажет ему Поклонную гору, потом опять в ресторан, послепослезавтра они снова куда-нибудь поедут и снова будут ужинать вместе... И снова прощаться у ее подъезда... Он будет греть ее руки, он будет ее целовать... осторожно и мягко забирая ее замерзшие губы в свои...

Ксюша жмурилась в темноте от удовольствия. От Реми так хорошо пахнет! Пахнет потрясающим парфюмом и – мужчиной. Тот однокурсник, с которым у нее когда-то был роман, пах какой-то неопределенной свежестью, лишенной половых признаков. А Реми пахнет мужчиной – зрелым, сильным, нежным. Она раньше не знала, как это важно в отношениях между мужчиной и женщиной – запах...

Кажется, она влюблена. Да и как можно не влюбиться в такого – красивого, умного, большого, сильного! А он... Наверное, он тоже... Как он на нее смотрит! Как он ныряет в ее волосы, вдыхает их запах, говорит, что хотел бы там жить!.. Вот как бывает: не знала, не ведала, что встретится с ним. И, честно говоря, если бы не Александра, так ничего и не было бы... Спасибо сестрице!

Хотя неловкость от разыгранной сцены мучила Ксюшу. Она даже покраснела в темноте. Никогда в жизни она столько не врала! Каждый, вернее, каждая кладет на завоевание мужчины то, что может. Ксюша положила к ногам Реми целую гору вранья...

Ну да ладно, чего об этом думать? Все позади, как страшный сон! Впереди только счастье! Он, конечно, скоро уедет, но пригласит ее в гости на Рождество...

Но... А вдруг? С глаз долой – из сердца вон?.. А вдруг у него в Париже кто-то есть? А вдруг появится до ее приезда?..

Ксюша металась, мысли мешались, волосы путались на подушке, сердце билось. Не спалось.

Глава 4

...В четверг к вечеру Кис уже знал, кому принадлежит квартира на Бережковской набережной. Андрей Зубков, тридцать три года, бизнесмен. Не женат. К суду не привлекался. Ничего за ним нет.

Эта информация Киса насторожила. Ведь, если память ему не изменяет, по словам Реми, выходило, что мужчине было около пятидесяти!

И как это прикажете понимать?

В четверг к вечеру человек, прятавшийся ночью в кустах у дома на набережной, уже знал, кому принадлежит песочного цвета «Нива».

Она принадлежала частному детективу Алексею Кисанову, проживающему на Смоленке.

Оставалось непонятным, какого черта он приперся ночью к дому на набережной? К тому же не один – в его машине кто-то сидел. Кажется, мужчина. Личность не удалось установить.

Но это всего лишь дело времени.

В четверг к вечеру Реми убедился, что Ксения рассказала ему чистую правду. Что-то она, конечно, недоговаривала... Но он ведь и не спрашивал, правильно? Она рассказала ему то, что считала нужным. Они едва знакомы, и почему она, собственно, должна?.. Она к нему как к детективу обратилась, а не как к исповеднику! А у него, у Реми, из-за этого совершенно естественно возникли какие-то неувязочки.

Но в целом ее рассказ был правдой. Увиденная в четверг вечером сцена принесла тому несомненные доказательства...

И испугала.

...До встречи с Ксюшей у него был свободный час, то есть их было два, но вычесь побриться, вычесь переодеться, вычесь поймать тачку и заехать за Ксюшей – получалось час. И этот час Реми решил посвятить небольшой экскурсии к дому на набережной. Понаблюдать за окнами, понюхать обстановку. Он не искал и не ожидал увидеть ничего конкретного, но практика расследования его приучила не пренебрегать наблюдением, особенно в тех случаях, когда не знаешь, с чего начать.

Хорошая привычка (одна из, разумеется!) оправдалась и на этот раз. Скучно пронаблюдав в течение почти сорока минут редких входящих и выходящих из подъезда людей, два окна на втором этаже, в которых никто не появлялся и не зажегся в ранних сумерках свет, он собрался уже было уезжать, как увидел худого чернявого парня, выходящего из подъезда. В этом не было, конечно, ничего необычного, кроме того, что он вошел в этот подъезд всего лишь минут десять назад. Выйдя, парень никуда не направился, а, прикурив, остался стоять у входа, словно кого-то поджидая. Скорей всего он не застал дома кого-то из знакомых и решил подождать...

Реми тоже стал поджидать. Прошло еще минут двенадцать, прежде чем у подъезда оказалась пожилая толстая женщина в зеленом пальто с большой сумкой. Парень заговорил с ней. Женщина поставила сумку на землю, что-то переспросила и покачала головой. Затем снова заговорила, размахивая руками, – слов Реми не понимал, да и слышать не мог, но один жест понял: соседка обвела руками свою голову и потом провела ребром ладони по бедру... Реми этот жест понял таким образом: вот такой берет, а из-под него – вот такой длины волосы...

Это было, несомненно, описание Ксюши.

Парень покивал, спросил еще что-то, но соседка пожала плечами, после чего чернявый торопливо покинул ее.

Реми велел таксисту ехать за ним, но был вскорости вынужден оставить эту затею, поскольку парень исчез в метро.

Итак, кто-то интересуется Ксюшей? Как могла соседка ее заметить? Когда? Тогда ли, когда Ксюша приходила смотреть квартиру и сбежала, оставив там труп ее владельца? Или в тот день, когда они приходили вместе? Ксюша выносила мусор... Он, конечно, предварительно выглянул и окинул взглядом пустынную лестницу, но ведь в дверях есть «глазки»... Впрочем, сейчас это уже не так важно. Важно лишь то, что кто-то ее уже разыскивает...

Плохо это. Нужно будет с Алексеем переговорить.

... Весь вечер Реми продолжал успешно начатое накануне дело по терянию головы. Он удивленно смотрел на миловидное Ксюшино лицо и пытался понять, что же его так приворожило. Можно, конечно, объяснить это тем, что Ксения весьма хороша собой, что она интересный собеседник – умна, образованна, с милым, легким юмором... Только на самом деле это не объясняло ничего. Суть была в чем-то другом...

Но определение ускользало от Реми. Он привык видеть в женщинах довольно откровенное желание понравиться, произвести наивыгоднейшее впечатление, продемонстрировать свои женские достоинства, переиграть реальных и потенциальных соперниц при помощи набора явных и неявных колкостей и уловок – короче, завоевать мужчину всеми средствами. Что, в общем-то, Реми всегда нравилось... Или – при ближайшем рассмотрении – что ему всегда льстило и на что он неизменно покупался.

Однако в Ксении вовсе не было этого духа завоевания и соперничества, не ощущалось ни малейших усилий произвести впечатление. Напротив, в этой девушке было какое-то хрупкое, ненавязчивое обаяние, которое он сравнил бы с ароматом духов, легко коснувшимся лица, как дорогое, нежное воспоминание... Слова, которыми он привык выражать свое отношение к понравившейся женщине, грубые мужские слова, употребляемые в мужской компании, – эти слова не могли бы быть произнесены в отношении Ксюши даже мысленно. Он испытывал к ней неодолимую, оплавляющую его нежность – хотелось сгрести ее в охапку, прижать к себе покрепче, закрыть глаза и вдыхать яблочный запах волос, свежих щек, тереться своей колючей скулой, быстро зараставшей щетиной, о нежную персиковую кожу; он хотел пить тепло ее тела, которое шло из-под двух расстегнутых верхних пуговиц платья, и думать – это принадлежит мне. Хотелось озарять свое утро теплым радостным взглядом этих глаз, хотелось заканчивать день прикосновением к ее коже, волосам, губам, погружением в этот чистый источник счастья... Вот, вот оно, слово: от Ксюши веяло счастьем. Словно она носила в себе чистое, прозрачное озерко счастья, и безудержно манило в него войти, напиться, окунуться... Это было бы высшим мигом блаженства, и дальше его воображение не хотело идти, потому что можно было все только испортить всякими «дальше».

Реми даже усомнился на какое-то время в здравости своего ума. Ему даже подумалось, что он стареет, что его на девочек потянуло, что детская свежесть и невинность сводят его с ума... Раздираемый беспокойством, он особенно остро чувствовал трепетную власть ее обаяния и ненадежную хрупкость их едва начавшихся отношений, над которыми нависла смутная угроза, явившая себя в лице чернявого парня...

Он не осмелился снова потревожить Алексея поздно вечером и решил повидаться с другом назавтра. Но Кис сам нашел его, позвонив в гостиничный номер, куда Реми вернулся, проводив Ксению до дома.

– Эта твоя красотка с наивными глазами – как сказала? Что мужику было лет пятьдесят? Так вот, представь себе, я узнал, кому принадлежит квартира! И ее хозяину тридцать три года! А теперь скажи мне

– может тридцатитрехлетний мужик выглядеть на пятьдесят? То-то. Боюсь, что рассказала тебе девушка небылицу. Уж не знаю зачем...

– Я ее понимаю, – возразил Реми. – Она хотела от меня помощи, но не хотела меня посвящать в конкретные детали. Знаешь, когда я ей предложил помочь вынести тело и поехать на квартиру, она явно растерялась. Я отнес тогда эту растерянность за счет страха... А вот теперь думаю – она решила, что ни к чему посвящать постороннего человека в детали! Что она тогда обо мне знала? Ничего! Вот и не доверилась. И правильно, между прочим, сделала. Грамотно, я бы даже сказал.

– Оно, конечно, могло быть и так... А все же мне это не нравится. Не люблю, когда врут. Даже если понимаю зачем.

– Это ерунда, Кис. В основном она сказала правду.

– Почему ты так уверен?

– Потому что ее уже ищут!..

И Реми описал сцену, увиденную у подъезда. Кис задумался. Результатом его задумчивости было невнятное бормотание, в котором Реми понял только слова «завтра пойду». Затем последовало более внятное «завтра встретимся».

– Ты снова проведешь с ней завтрашний вечер? Ну, давай тогда ко мне сразу после ресторана. Может, и Ксюшу эту прихватишь с собой? Глянул бы я на это чудо-юдо...

– Она не может поздно возвращаться домой, ее мама с папой ждут, – мечтательно проговорил Реми, как будто всю жизнь только и делал, что ждал встречи с девушкой, которой положено возвращаться домой не позже одиннадцати! А ведь совсем еще недавно, каких-то пять лет назад, ему нравились независимые и самостоятельные девицы, распоряжающиеся лихо собой, своим временем, привязанностями, мужчинами и их деньгами... – И потом, – добавил он, – я не хотел бы ее пугать без необходимости.

– Мной, что ли?

– Ты, конечно, способен напугать маленьких детей, особенно к ночи... Но я имел в виду рассказ про парня, который о ней расспрашивал.

– Ладно, приходи сам. Надо будет обсудить.

Ночью Реми долго бессонно ворочался в гостиничной неудобной кровати, думая о пропавшем кадавре, о чернявом парнишке, задавшем соседке вопросы о Ксюше, о двух безжизненных окнах на втором этаже большого дома на набережной; вспоминая душистое прикосновение Ксюшиных волос к своему лицу, мягкие губы, охапку белого пальто, которое бесконечно уминалось в его объятиях, неожиданно твердея на тонкой талии, и медленно пропускало тепло ее тела под его руками...

Сердце его билось. Не спалось.

...В пятницу, пока Реми отсиживал закрытие симпозиума, Алексей Кисанов, отбегав утро по своим делам, предпринял путешествие к дому на Бережковской набережной с весьма конкретной целью – расспросить о хозяине квартиры. Удостоверение частного детектива позволяло ему беззастенчиво задавать вопросы соседям, к чему он и приступил прямо у подъезда, обнаружив на скамейке мамашу, мерно потряхивающую синюю коляску.

Неожиданности подстерегали его с первых же слов.

– Не живет тут такой, – сообщила молодая женщина.

– Андрей Зубков, тридцать пять лет... Не женат... Подумайте, – настаивал Кис.

– Не видала. У нас есть молодые люди в подъезде, но женатые. А неженатых – нет.

– А вы хорошо знаете соседей? – недоверчиво спросил Алексей.

– Да вроде... Я тут уже третий год живу, но вот такого, как вы описываете, – не знаю. Из какой он квартиры?

– Двести шестой.

– Две-ести шесто-ой?!

– Что? – напрягся Кис на странную интонацию, с которой были произнесены эти слова. – Что такое?

– Там Тимур живет. Не знаю фамилии. Только он больше там не живет...

– ?

– Его убили! – понизила голос женщина.

– Откуда вы это знаете?

– Сегодня тут милиция толпилась с утра... Говорят – убили. Вроде как тело нашли...

– Где?

– Да откуда же мне знать? Милиция же ничего не рассказывает! Это мне соседка сказала... А может, и соврала! Откуда ей знать-то? Ей, что ли, милиция станет докладывать?

– Вы на каком этаже живете?

– На седьмом.

– Пользуетесь лифтом?

– Конечно.

Значит, мимо двери на втором этаже женщина не проходила. Надо было срочно посмотреть на эту дверь!

– Откройте мне, пожалуйста, подъезд, – ласково попросил Кис. Не пользоваться же отмычками на глазах у женщины!

Женщина выполнила его просьбу и вернулась на лавочку, к коляске. Кис взлетел по лестнице.

Дверь квартиры номер двести шесть была опечатана.

Дома, не сняв куртку, он ринулся к телефону.

– Серега? Скажи мне, у вас есть что-нибудь интересное по дому тридцать пять по Бережковской набережной? – осторожно спросил он.

– А тебе зачем? – осторожно спросили его.

– Ну, ты меня знаешь, я всегда кого-нибудь ищу!

– Я тоже.

– Ты кого ищешь?

– А ты кого ищешь? – поинтересовался глуховато-басовитый Серегин голос.

– Хозяина этой квартиры.

– Хозяина? Или жильца?

Вот оно что! Андрей Зубков – это хозяин, но квартира сдавалась! И там жил другой... некий Тимур, которого он, Кис, якобы ищет!

– Жильца, – быстро ответил Кис.

– А-а... Он у нас.

– Где?

– В морге. Тебя кто нанял?

– Серега, я не имею права разглашать...

– Ну и иди в задницу.

– Не пойду. Расскажи, где тело нашли.

– А что я буду с этого иметь?

– Ты гнусный взяточник.

– Я беру борзыми. Информация на информацию.

– Серега, ты же знаешь, я как только смогу... У меня пока ничего нет: я его искал и не нашел.

– Плохо работаешь, Кис. Надо было рядом с домом искать!

– То есть?

– В речке.

Кис присвистнул.

– Да... Я действительно не подумал туда заглянуть... Да и сезон, прямо скажем, не купальный... Что, совсем рядом с домом?

– Чуть дальше. Зацепился за пилон моста.

– Давно нашли?

– Вчера. Личность не сразу установили – его, бедолагу, голяком спустили поплавать в холодной водичке. Ни документов, ни зацепочки. Только незагорелый след от перстня – он-то нас и вывел.

– Перстня?

– А ты чего, ищешь чувака и не знаешь, что он перстень носил?

Точно, точно, Реми упоминал: Ксюша не сумела толком описать того мужчину, но перстень – большой, с синим камнем – описала!

– Знаю, конечно. С синим камнем. Просто не понял, как вы его сумели найти по следу от перстня?

– Так и нашли. Мы теперь народ компьютеризованный, ядрить твою в дышло.

– Не любишь ты, Серега, технику!

– Я женщин люблю. И водку. На кой ляд мне железный ящик любить? Да еще принудительно? Я принудительно любовью не занимаюсь.

– Не идет, стало быть?

– Мягко сказано.

– А знаешь, Серега, – вкрадчиво проговорил Кис, – я могу тебе помочь. У меня помощник Ваня – золото. В три урока тебя научит. Причем – бесплатно!

– Это в качестве взятки борзыми?

– Ну что ты, это в качестве дружеской услуги хорошему парню, – льстиво врал Кис.

– Подхалим и взяточдатель, – припечатал Серега. – Когда твой Ваня свободен?

– Как только ты сам сможешь – так сразу, – засуетился обрадованный Кис. – У него, у двоечника, завтра последний «хвост», и он сразу приступает к обязанностям. А причина смерти какая?

– Похоже, оглушили чем-то тяжелым по голове и утопили.

Кис ничем не выдал своих эмоций, только губы сжал. А эмоции у него были, о, были! «Козел! – ругался он мысленно. – Козел недоделанный! Надо было настоять, чтобы Реми притащил девчонку ко мне! Наивная, блин! Естественная, ексель-моксель! Реми-то ладно, чего с него взять – француз, чужой, молодой, дурной – что он в них понимает! Но он, но Кис! Так купиться! Ай-яй-яй, нехорошо как вышло, ай-яй-яй!»

– И давно он в водичке прохлаждался?

– Трудно установить – водичка-то холодненькая. И жмурик в ней почти как новенький. Где-то, по предварительным данным, от четырех до восьми дней. А точнее экспертиза позже скажет...

У Киса была масса вопросов, гора вопросов, которые он хотел бы задать приятелю. Но, сказав, что ищет этого человека, Кис сам загнал себя в угол: он же должен был знать об этом человеке хотя бы минимум! И теперь он не мог задавать эти вопросы Сереге. Кроме того, у него дома лежал еженедельник убитого. Если он вякнет хоть слово, то придется его сдавать следователю. А Кис хотел бы еще чуть-чуть поддержать его у себя: он чувствовал, что история эта еще не кончилась... Хуже: она только начинается.

– Ладно, Серега, ты настоящий друг, – только сказал он, – Ванька тебе позвонит завтра, договоритесь насчет компьютера...

– Так не откупишься. Будет информация – звони.

– Всенепременнейше.

– ...То есть не зря тебя сомнения мучили, – говорил он Реми, который приехал на Смоленку по срочному Кисову вызову, отменив прогулку с Ксюшей по Кремлю. – Понятно теперь, в чем она тебе лгала, негодница: ей надо было уничтожить следы ее пребывания в квартире с твоей помощью, а убила она мужика просто где-нибудь в другом месте, на улице. А я-то, кретин несчастный: бок у вазы не помят – значит, не убила! Е-мое, аж стыдно делается! Так прокатить двух мужиков, двух профессионалов! Мерзавка! – разражался англо-русскими проклятиями Кис. – Здесь все вранье, все! Жильцы не сдают квартиры! Их сдают хозяева! А девка эта описала – жильца! Да и знаешь ли ты, сколько стоит снять двухкомнатную квартиру в Центре? Состояние целое стоит! Откуда у студентки такие деньги? Не-е-ет, она все придумала, все – от начала и до конца! Одно только правда: она была знакома с этим чуваком по имени Тимур, и она его убила!

Реми молчал. Ни звука не проронил, только побледнел. Так над его чувствами еще никто не смеялся. Он слушал Киса, глядя куда-то в сторону, и думал, что он хочет домой. К черту их всех – этих русских с их непонятно как устроенными мозгами в этой непонятно как устроенной стране!..

Глава 5

Сначала Реми не хотел ей звонить. Ни звонить, ни встречаться – уехать в Париж, не прощаясь. Чтобы его так обвели вокруг пальца? Как мальчишку, как полного придурка, использовали в своих целях? А он, осел, за эту неделю чуть не влюбился! Разомлел от круглых карих глаз и свежих девичьих щек! На экзотику его, видите ли, потянуло! Загадочную русскую душу разгадывать! Вот, разгадал – и что же? В дерьме по уши! Нет, спасибо, экзотика не для него. Ему бы что-нибудь попроще, отечественное. Русский шарм, конечно, – это очень мило, но француженки понятней. А эта... Кто бы мог подумать?! С такими глазами!..

Вот глаза-то его и удержали. Соблазнился в них посмотреть, когда скажет, что он ее раскусил. Ну и еще интерес профессиональный отчасти: захотелось все-таки понять, что же за история приключилась...

Короче, он ей все-таки позвонил. И пригласил поужинать.

...Голос Реми немного насторожил Ксюшу: он был необычайно серьезен. «Необычайно»! Они знакомы четыре дня, и что она знает об этом французе толком, чтобы судить, что для него «обычайно», а что «не-»? Впрочем, кое-что Ксюша знает: он ей страшно нравится, если не сказать – влюблена... И еще одну вещь она знает: она ему тоже нравится. Если не сказать – влюблен... Он даже поменял билеты из-за нее! Что же он приготовил ей сегодня? Ему через два дня уезжать... И эта серьезность... Неужто собирается признаваться ей в любви?

А почему бы, собственно, и нет? Четыре дня, конечно, не срок для отношений, но ведь ему уезжать! И перед отъездом он должен ей что-то сказать! Как же иначе? Ксюша чувствует: Реми человек серьезный. И его отношение к ней – серьезно. Пусть оно еще только-только принимает формы, но Ксюша для него уже значит кое-что. И поэтому перед отъездом он должен ей сказать слова... Ну, может, не слова любви, но что-то такое, что позволит им эти отношения продолжать, несмотря на разделенность странами, расстоянием...

Ксюша особенно тщательно выбирала платье для этого вечера. Долго укладывала свои длинные каштановые волосы – Сашка ей помогала. Старательно делала неброский, едва заметный макияж.

И чувствовала себя невестой.

Когда Ксюша вошла в ресторан – праздничная, сияющая, – Реми на мгновение усомнился. Эта девушка, от которой, казалось, исходил нежный свет, не могла оказаться холодной, расчетливой интриганкой!

«Могла, не могла, – пробурчал мысленно Реми, – ты кому будешь верить? Себе или этой хитрой, загадочной русской девчонке? Себе, конечно. То-то».

Когда Ксюша уселась напротив него, он почувствовал, как на самом деле она напряжена. Нервничает! Учужа, стало быть, зачем он ее позвал. Так что он прав: хоть свет, хоть нимб, хоть крылышки за спиной – его не проведешь. У него в руках факты. А за его спиной отнюдь не крылышки: за его спиной жизненный опыт частного детектива. Он их много видел, таких ангелов, с карими глазами, с синими глазами, с серыми, зелеными, в крапинку... И он больше не покупается на их маленькие спектакли.

Ксюша не ошиблась. Реми действительно был очень серьезен и немного смущен. Избегал ее взгляда, пока вокруг них крутился официант. Конечно, он собирается признаться в любви! Ксюша с замиранием сердца ожидала, когда они наконец останутся одни. Тогда Реми ей скажет... И это так красиво звучит по-французски... А она ему ответит... Что же она ему ответит? «Moi aussi, je t'aime...»? [\[3\]](#) Или это будет слишком откровенно? Сашка всегда говорит, что мужчины любят тайну. А она, Ксюша, слишком открыта, слишком легко просматривается, слишком распахнуты ее круглые наивные глаза... Господи, а ведь сейчас, вот прямо сейчас, как только официант отойдет, Реми ей признается в любви; а она так и не успела

подумать, что же она скажет сама! Катастрофа! Нужно что-то срочно придумать, какие-то такие слова, которые должны ему дать понять, что он ей тоже очень понравился и что ее отношение к нему тоже серьезно, и в то же время, по Сашкиным заветам, накинуть флер тайны на свои чувства...

Но она не успела ничего придумать. Официант уже отчалил от их столика.

Реми проводил глазами спину официанта.

Ксюша замерла. Вот, сейчас! И будь что будет!

Реми оперся локтями на стол.

Подался вперед.

Придвинул свое лицо близко к Ксюшиному.

И, глядя прямо в ее круглые карие глаза, произнес тихо и жестко:

– Вы меня обманули!

«Вы»!!! А ведь уже два дня, как они на «ты»! Все, она пропала... Как ему теперь все объяснять, как ему теперь все объяснить?.. Ксюша даже закрыла глаза от разочарования.

Не думала она, что он так быстро догадается! Да и что вообще догадается – не думала. Вот тебе и «загадка», вот тебе и «флер тайны»... И что же ей теперь делать? Придется признаваться, упираться бессмысленно...

– Я... Извини... – пробормотала она, не поднимая глаз от накрытого белой скатертью стола. Перейти с ним на «вы» было выше ее сил.

Ксюша чувствовала, как Реми сверлит ее настороженным, обвиняющим взглядом. Ее щеки медленно и мучительно заливал румянец. Она потянулась к бокалу шампанского, налитого услужливым официантом, и утопила свой взгляд в золотистых пузырьках.

Реми молча рассматривал ее, ожидая ответа. Молчание затягивалось, и Ксюша вдруг поняла, что если она ничего не объяснит прямо сейчас, то он встанет и уйдет.

– Я действительно... – заговорила она, глядя по-прежнему в свой бокал, который медленно крутила за тонкую холодную ножку, – я все это выдумала... Никто на меня не покушался, и никого я не убила, и труп никуда не сбегал... – пролепетала она окончательно упавшим голосом.

Реми нахмурился. В его взгляде было непонимание, холодное, отчужденное непонимание.

Она отвернулась, чтобы не видеть взгляда Реми. Стыд какой! Теперь он поймет, что вся эта история, все это вранье было лишь поводом для знакомства с ним! Надо же было так опростоволоситься! А все Сашка! Дура, что послушалась ее советов! Какая из Ксюши Шарон Стоун!

– Может, вы перестанете? – донесся до нее ледяной тон француза.

Ксюша изумленно повернула голову. Перестать – что? Смотреть в сторону?

– Может, хватит наконец врать? – так же холодно продолжал Реми.

Вот и весь «амур». Все так быстро и так постыдно кончилось... Какой у него голос! Словно она и вправду убила кого-то!..

– Я ведь уже призналась тебе, что все выдумала! Чего ты еще хочешь? Унизить меня? Я и так унижена, своей собственной глупостью унижена! – Слезы копились в уголках карих глаз, и Ксюша смахнула их, отметив мельком, что на них уже с любопытством поглядывают из-за соседних столиков. К счастью, хотя бы одно преимущество в этой ужасной сцене есть: они говорят по-французски, и никто не понимает ни слова...

В глубине души Реми надеялся, что она растеряется. Расплачется, раскается, признается. Он думал, что будет с ней суров, но она расскажет что-то такое, из чего будет следовать, что она запуталась... И он сможет ее простить... А она все отрицает! Она врет, нахально обманывает, глядя на него мокрыми несчастными глазами, и рассчитывает, что он сейчас растает от ее обаяния и невинности! Ну нет, больше этот номер не пройдет! Больше Реми не купится, баста!

– Э-э-э, нет! Так дело не пойдет! – Реми тоже почувствовал на себе взгляды и понизил голос. – Слезами вы ничего не добьетесь! И ваши жалкие попытки продолжать лгать ни к чему хорошему не приведут! Вы ведь убили этого человека вовсе не защищаясь, как вы мне сказали, а хладнокровно и преднамеренно! Вы его убили и сбросили тело в реку, а из меня сделали сообщника, дьявольская интриганка!

Ксюше показалось, что это ее сбросили в реку и она ушла под воду с головой. Она не могла дышать, грудь сдавило. Она не верила своим ушам, в которых все еще звучал металлический голос, тихо чеканивший каждое слово.

– Я не... – попыталась что-то сказать в свое оправдание Ксюша.

– Хватит! Довольно! Я сыт по горло!

– Я его не убивала! И вообще никого не убивала!.. – пролепетала Ксюша, пытаясь поймать безжалостный взгляд.

Но тщетно. Не глядя на нее, Реми встал и, бросив салфетку на стол, направился к выходу. Ксюша беспомощно провожала его взглядом. Она видела, как Реми расплатился и покинул ресторан, так и не обернувшись.

Оставаться под перекрестным огнем чужих взглядов было неважно. Ксюша, усилием воли сдерживая уже булькавшие в горле рыдания, прошла через зал и вышла на вечерний бульвар. Дождя не было, ночное небо было ясным и холодным. Ксюша растерянно брела по Страстному, не видя и не слыша ничего вокруг себя, и в ее мозгу царил хаос. Что он сказал? Почему? И, главное, он ее бросил!!! Не просто в ресторане бросил, а вообще бросил. Четырехдневный роман, набравший обороты не то что с каждым днем – с каждым часом! – закончился. Закончился нелепо, глупо, обидно, горько...

Правильно, не надо было и начинать. Это все – от начала и до конца – была надуманная идея. Совершенно глупая, бесперспективная идея! Просто высосанная из пальца! Из таких идей никогда ничего хорошего не получается... Не в свои сани не садись – вот в чем мудрость! Какая из нее Шарон Стоун? А все Сашка! И как это только Ксюша позволила себя уговорить? Когда, в какой момент она потеряла разум?.. Все началось тогда, в тот роковой понедельник...

Качаясь в пустоватом вагоне метро, который вез ее в сторону проспекта Мира (где жила Александра), она с осуждением разглядывала свое расплывчатое отражение в темном стекле и пыталась понять, проанализировать свою роковую ошибку. Ксюша считала, что ошибки нужно непременно анализировать и делать из них выводы, которые должны застраховать ее на будущее от повторения оных...

В ее возрасте было совершенно прощательно не знать, что в подавляющем большинстве случаев люди и не повторяют старых ошибок. А просто совершают новые.

Остаток вечера был выплакан на плече у старшей сестры. Увидев у своей двери Ксюшу – берет сбился на глаза, тушь отпечаталась темными кругами под глазами, лицо несчастное, как у побитой собачонки, – Александра отменила выход на какое-то светское мероприятие и, заставив сестренку умыться и снять тушь косметическим молочком, усадила рядом с собой. Слушать горькую повесть о растоптанной любви пришлось недолго: она укладывалась в несколько коротких фраз.

– Ты его спросила, с чего он это взял? – дослушав, задумчиво поинтересовалась Александра.

– Не знаю... Нет, не спросила.

– Боже мой, какая же ты идиотка! Ты хоть поняла толком, что произошло?

– Он догадался, что я его обманула...

– Да нет же! Дело вовсе не в этом! Ксения, у тебя от чувства собственной вины мозги совершенно перестали работать! Приди же в себя наконец! Ты понимаешь, что он обвинил тебя в убийстве?!

– Почему? – изумленно спросила Ксюша. – В каком убийстве?

– Хотела бы я знать ответ на этот вопрос... – пробормотала Александра. – Не нравится мне это. С тех самых пор, как он вынудил тебя поехать на квартиру, – не нравится. Откуда это взялось – река? И при чем тут ты?

– Он считает, что я этот труп убила? То есть что это я убила человека и труп в реку сбросила?!

– Дошло, слава богу. Судя по всему, именно это он и считает! Может, Андрюшиного жильца и вправду кто-то убил?

– Утопил?!

– Или сбросил мертвое тело в реку...

– Как такое может быть?

– Как-как! Не знаешь, как людей убивают?

– Но почему Андрюшиного жильца?

– А почему нет? Тебя надо было спросить сначала, что ли? В Москве каждый день убивают кого-то!

Ксюша смотрела на сестру с отчаянием. Губы ее снова начали дрожать и вспухать от наступающего плача.

– Саш, он меня бросил!

– Другого объяснения я не вижу... – бормотала Александра себе под нос, не слушая патетические восклицания сестры. – Это единственно возможное объяснение... Ладно, попробуем это дело поправить!

В Ксюше тут же проснулась надежда. Она не знала, что придумала Александра, но доверяла ее творческим способностям и была уверена – сестра придумала что-то действительно дельное. Она смотрела на Александру глазами преданной собаки, которая знает, что участь кусочка сахара, зажатого в руке, находится во власти ее хозяина.

– Давай мне телефон твоего Реми.

Александра решительно набрала номер гостиницы и попросила ее соединить с Реми Деллье.

Но француза в номере не было.

Француз сидел у Киса на кухне и вот уже битый час каялся, запивая горькую иронию горькой водочкой.

– Ясно же было, что убила она этого мужика в другом месте! Так же не бывает: убила – тела нет, кофе пила – чашек нет, на вазе следов нет, на полу крови нет! А я, кретин, глядя в ее наивные глаза, все это кушаю! И еще причмокиваю от удовольствия! Пропылесосил! Паркетик протер тряпочкой! Просто бюро добрых услуг! Бойскаут! Мать Тереза!

Реми застонал от испытанного унижения.

– Да, – сочувственно произнес Кис, – убийство было преднамеренным... И вся эта история с попыткой изнасилования – вранье. Только я одного не усек: зачем ей надо было тащить тебя в квартиру, если преступление было совершено в другом месте? Если бы она тебя использовала на месте преступления с целью уничтожить ее следы – я бы понял. Но убийство было совершено не в квартире – там нет следов, там нет ничего тяжелого, чем можно было бы всерьез оглушить... Так зачем она тебя туда притащила?

– Ты знаешь, она не тащила меня в квартиру. Я сам настоял... Как последний придурок! Труп решил помочь вынести!

– Разыграла! – убежденно сказал Кис. – Она сама тебя подвела к этому предложению. Разжалобила рассказом о попытке изнасилования... Сказала, что труп там лежит до сих пор... Ты и поперся... Но только зачем ты ей понадобился, вот что я хочу понять? Отпечатки стереть? Она в этой квартире бывала, раз знает ее хозяина – а она его знала, раз убила и утопила! – и отпечатки ее там, безусловно, есть, но она могла стереть их сто раз без тебя. Для такой ерунды ей не нужен профессионал. Что ее могло еще беспокоить в квартире, если квартира не является местом преступления?

Реми посмотрел на Алексея.

– Знаю. Понял! Вот зачем: ей нужно было что-то забрать из квартиры, какую-то улику, вещь, которая могла указать на нее! И меня использовали как средство для открывания замков, как вульгарную отмычку! И пока я там корячился, ползая по паркету, она прихватила то, за чем пришла!

– Очень возможно... По крайней мере, это объясняет ситуацию... Ну, а она-то что тебе сказала?

– Опять стала врать. Что никого не убивала и все это придумала... Дальше я не дослушал.

– А ты знаешь, – задумчиво проговорил Кис, – если мы с тобой на верном пути и она воспользовалась твоей помощью, чтобы попасть в квартиру... То вполне могло быть и так, что она действительно никого не убивала...

Он едва заметно улыбнулся, увидев, как встрепенулся Реми.

– Она, несомненно, знает убитого, – продолжал Кис, забавляясь оживлением в лице приятеля, сменившим угрюмую и подавленную мину. – И, несомненно, знает, что его убили. И решила – тут ты, я думаю, прав – забрать какую-то вещицу из его квартиры, чтобы его имя не связывали с ней... Сам посуди, как ей было сбросить тело...

Реми вскочил.

– Я идиот! Ты прав, Алексей, ты прав! Вот проклятье, эмоции – враг рассудка! Какую я глупость сморозил! У меня голова совершенно выключилась, это же ясно! Подстеречь его на улице, оглушить чем-то по голове, притащить это тело к реке, перевалить через парапет набережной – она? Ты бы видел ее хрупкую фигурку! И, главное, раздеть мертвеца – это не женский ход мышления! Это дело профессионала или хотя бы мужчины! А я, кретин...

Кис улыбался, глядя на бурную реакцию Реми.

– Ты бы видел ее! – заметил Реми ироничный взгляд друга. – Ты бы глянул в эти глаза! У самого бы крыша поехала!

– Надо бы увидеть, – заметил Кис. – Объясниться.

– Сейчас же!!! Можно ее позвать сюда?

– Десять вечера. – Кис с сомнением покачал головой. – Давай завтра.

– У меня нет завтра! Я через два дня улетаю! У меня все – сию минуту! Прошу тебя, вот ее телефон. Позвони, объясни, как доехать, пусть возьмет такси, я встречу внизу и оплачу... Или я сейчас сам за ней поеду!

Алексей покачал головой и набрал номер. Ксении, однако, дома не было, и вежливый мужской голос продиктовал номер ее сестры, у которой Ксюша находилась в данный момент.

К телефону долго не подходили, но Кис был упрям, и едва ли не на десятый гудок трубку сняли. У телефона оказалась ее старшая сестра по имени Александра, сообщившая приятным хриловатым голосом, что Ксения не совсем хорошо себя чувствует, в связи с чем к телефону не подходит. Кис не без удовольствия стал объясняться с приятным голосом. После всех извинений от имени и по поручению, всех объяснений, всех кто, почему, куда и когда, он сообщил Реми:

– Едут. Ксюша и ее сестра.

Реми, следуя указаниям Алексея, разыскал кофеварку, кофе, сахар и занялся приготовлением кофе, а Кис бросился убирать свою постель и складывать диван-кровать...

Глава 6

Девушки вошли.

Кис при виде еще припухшего от недавних слез лица Ксюши понял Реми. Понял быстро и очень ясно, что потянуло француза к этой девушке. Он за границей бывал не раз и чувствовал тот выгодный контраст, который Ксюша представляла с западными женщинами и от которого могла растаять добрая половина мужского иностранного населения.

Реми при виде еще припухшего от недавних слез лица Ксюши испытал мучительное раскаяние, не менее мучительную жалость и все так же не менее мучительную радость снова увидеть эти чудные глаза.

Кис при виде Александры подумал коротко: «Если бы эта осталась у меня, я бы... И вообще, что-то давно у меня женщины не было. Работа проклятая, жить не успеваешь».

Реми при виде Ксюшиной сестры подумал еще короче: «Журналистка!»

Ксюша глянула на обоих мужчин настороженно: вдруг снова начнут...

Александра холодным взглядом окинула обоих. Характеристики были не слишком лестными: Алексей похож на ловкую лохматую обезьяну, устройство рук и ног которой наводило на мысль о дереве, за которое она вот-вот уцепится и быстро-быстро полезет вверх... Отчего-то на мгновение она представилась самой себе этим деревом. Реми ей показался вовсе не таким уж привлекательным, как описывала его Ксения, – довольно приятное, но какое-то слишком гладкое, слишком стандартное лицо, как почти у всех иностранцев, – на таких не выражаются чувства и мысли, и она такие лица не любила...

Впрочем, что любила Александра? Кого любила Александра?

Но это ее проблемы. И другим о них знать ни к чему. А Ксюша... Пусть радуется жизни, пока молодая и глупая. Александра старалась не мешать сестре любить всё и всех... Может, Ксюше больше повезет, чем ей?

По крайней мере, Александра любила свою сестру.

Сели вчетвером в кружочек – девушки рядышком на диване, мужчины на стульях. Кис заторопился на кухню – за кофе. В течение нескольких минут никто не проронил ни слова.

– Давайте договоримся, – нарушил тишину Кис, ставя кофе на столик, – говорить правду. Иначе смысла в нашей встрече нет.

– Мы для этого и пришли, – сухо сообщила Александра.

– Вот и чудненько. Вопрос первый...

– Погодите, – перебила Журналистка, – вопросы потом. Сначала дайте нам объяснить.

– Нет уж, извольте сначала ответить на вопрос. Ксения, вы убили этого человека?

– Нет, – вскинула на него глаза Ксения.

У нее и вправду чудные глаза. Но у старшей-то, у старшей! Если у этой чудные, то у той просто магические!

– Я готов вам поверить. Вы хотели просто забрать какую-то вещь в его квартире?

– Нет.

– Та-ак, а ведь мы договорились не врать.

– Она не обманывает, – надменно сообщила Александра. – А если вы дадите мне рассказать, то все поймете сами, и куда быстрее, чем если будете задавать ваши дурацкие вопросы.

Кис поразмыслил. В основном для важности.

– Валяйте, – согласился он с достоинством и снова подумал, что если бы эта осталась у него, то он бы... Ух!..

– Это моя вина, – заговорила Журналистка. – Это я придумала такой план... А все дело в том, что Ксюша слишком наивна и прямолинейна... – Александра решила рассказать все как есть. – В Ксюше не хватает тайны, игры, стервозности...

Что верно, то верно, подумал Кис, плотоядно поглядывая на старшую сестру. В этой-то хватает, даже с избытком! Эти глаза персидские, непроницаемо-темные, с какой-то странной сумрачной искрой; это тонкое высокомерное лицо, на котором лежала тень утомленности, усталости от жизни, смесь меланхолии и горьковатой иронии, и в то же время печать тайны, словно ее тяготил какой-то грех... И – ох! – если бы эта у него осталась... и так далее, и так далее, и так далее...

«И слава богу, – подумал Реми, – в том-то ее и прелесть. Стервозностью я сыт по горло. Выше крыши я сыт...»

До самого конца рассказа Александры мужчины стойко не проронили ни слова, хотя восклицания – типа «не может быть!» – так и рвались.

– ...Вот так оно и вышло, что Ксюша с Реми попали именно в эту квартиру, – подытожила Александра, и в комнате наступила тишина.

Кис оценил оригинальную выдумку Александры. Нестандартный подход к проблеме, ничего не скажешь. Да девушка и сама нестандартная...

Реми ни за что бы не взялся описать те противоречивые чувства, которые вызвал у него рассказ Александры. Он был потрясен, оглушен, виноват, смущен, польщен – и все это одновременно, и у каждого из этих чувств были свои причины, и требовались долгие слова, чтобы их выразить...

И он был благодарен Ксюше за этот букет ощущений.

Когда девушки умолкли, Кис поинтересовался:

– И этому мы должны поверить?

– А что вам остается делать? – пожала тонкими плечами Александра. – Правда есть правда, даже если она на правду не похожа, – заявила она.

«Так бы и впился в эти плечи», – морочился Кис.

– Значит, – продолжал он сухо, – вы с Ксенией просто сочинили историю с убийством жильца квартиры номер двести шесть? Такой вот плод воображения? И найденный в речке труп – не более чем совпадение?

– Теперь вы мне ответьте на вопрос: что это еще за труп из речки? – спросила Александра.

– Жильца из этой квартиры нашли в Москве-реке.

– Утонул?

– Его сбросили в реку. Возможно, в бессознательном состоянии. У него рана на голове... А Ксения, находясь в квартире убитого, рассказывала Реми, что она нанесла ему удар по голове... И теперь вы хотите нас уверить, что это просто совпадение? Вот такая выдумка, которая нечаянно совпала с действительностью?!

– Именно так, – подтвердила Александра.

– И перстень, значит, тоже не более чем совпадение? – допытывался Кис, поглядывая на молчавшего Реми.

Француза, похоже, убедила рассказанная история, лицо его смягчилось и приняло немного растерянное и виноватое выражение.

– Боже мой, но мы же вам уже все объяснили! – проговорила в отчаянии Ксюша. – Я в жизни не видела этого человека! Никогда в жизни! Я его придумала, понимаете? И перстень придумала!

– Какой еще перстень? – спросила Александра, устремив свои темные глаза на Алексея. – О чем речь?

– Человек этот был сброшен в реку голым. Тот, кто убил его, не хотел, чтобы труп сумели опознать, и снял с него не только одежду, но и перстень... А может, просто украл дорогую вещицу. Но в милиции на этот продукт вашего воображения есть какие-то данные, он, видимо, проходил по некоему делу – мне не удалось пока выяснить, по какому именно... И они по следу от перстня на пальце сумели установить его личность.

– Объясни мне... – Александра в полном недоумении повернулась к Ксюше. – Объясни, откуда ты это взяла – перстень? И какой?

– Крупный... С синим камнем... – виновато проговорила младшая.

Александра долго и сурово молчала. Наконец она произнесла небрежно – и Кис уловил нотку искусственности в этой небрежности:

– Почему именно такой: с синим камнем? Ты его где-то видела раньше?

Ксюша, краснея и сбиваясь, стала рассказывать про аэропорт, туалет и рейс на Лугано.

Александра слушала ее, прямая и бледная, как изваяние. Столкнувшись взглядом с Алексеем, отвела глаза. И Кис задавал себе вопрос, что у нее могло быть связано с этим перстнем? Он готов был поспорить, что Александра этот перстень знает. А может быть, и человека, его носившего?..

– Какая глупость! – бросила Александра через плечо, даже не повернувшись в сторону совсем оробевшей Ксюши. – Я ведь тебя предупредила: ничего примечательного!

– Я почувствовала, что Реми не до конца поверил в мою историю... – пролепетала младшая, переводя отчаянный взгляд огромных потемневших глаз с сестры на Реми.

– Ну, описала бы какую-нибудь печатку золотую... А то – надо же! – с синим камнем! Теперь любой мертвец, который, по случайному совпадению, носил такой перстень, будет твой!

– Я в случайные совпадения не верю, – заявил Кис. – А ты, Реми?

Последний пожал плечами, не отрывая взгляда от Ксюши, которая в свою очередь старательно изучала пол.

– Однако же они бывают в жизни, – ответил француз. – Возможно, Ксюша видела в аэропорту именно жильца этой квартиры. Почему бы ему было не лететь в Швейцарию? Я вот не так давно прилетел в Брюссель по делам, а в аэропорту встретил своего соседа по дому! Или еще и так могло быть, что перстень этот принадлежал какое-то время назад другому человеку... А теперь был куплен – или подарен, или

украден! – жильцом этой квартиры... Почему нет?

– Значит, и труп – совпадение, и перстень – совпадение, так, что ли? – недоверчиво уточнил Кис.

– Именно, – холодно подтвердила Александра.

– Допустим, – кивнул Кис. – Не то чтобы я вам до конца поверил, но допустим. А вы чем занимаетесь, если не секрет? Кроме того, что состоите в должности наставницы вашей младшей сестры?

– Саша статьи пишет, она – журналистка! – горячо воскликнула Ксюша. – Вы должны знать ее фамилию: Касьянова! Если вы, конечно, читаете газеты...

Александра посмотрела на сестру с упреком.

Что верно, то верно, младшенькая отличается непосредственностью... Чего вовсе не скажешь о старшей. Эта – закрытая, загадочная, холодная, как мрамор. И все же Кис чувствовал какой-то скрытый, грешный огонь в тайных глубинах мраморного изваяния. И этот огонь сводил его с ума.

Фамилию «Касьянова» Кис знал. Ее статьи, обычно политико-нравственного аспекта, он читал не без интереса. Написаны живо и остроумно, они легко запоминались и легко узнавались по стилю. Он не всегда был согласен с ее точкой зрения и иногда, читая, спорил вслух. Теперь ему показалось забавным то, что он видит перед собой автора и слова, столько раз обращенные к ней, но высказанные в никуда, можно было бы адресовать непосредственно объекту его порой раздраженных, порой пламенных реплик...

Но сейчас явно был неподходящий момент для политико-нравственных споров. Посему Кис только спросил:

– Это ваша настоящая фамилия или псевдоним?

– Настоящая! – снова воскликнула Ксюша. – Я тоже Касьянова!

Не замужем, значит, удовлетворенно подумал Кис. Конечно, такая независимая девица могла оставить и в замужестве свою фамилию... Но такая независимая девица, пожалуй, долго не выйдет замуж. Капризничать будет, выбирать, взвешивать... И выйдет в конечном итоге за какого-нибудь козла, который польстится на ее известность и совсем не поймет и не оценит, что за жемчужина попала к нему в руки... Вот Кис, к примеру: он бы такую ценил. Но что такие, как она, понимают в таких, как он? Он для нее не слишком взрачный, не слишком высокий, не слишком обеспеченный, не слишком... Ох, много чего «не слишком» он для нее! Вот только разве что – оценил бы...

– То-то я смотрю, воображение у вас... Хорошо развитое. А это, оказывается, профессиональное! – то ли съехидничал, то ли польстил Кис.

Он снова посмотрел на Реми, который подозрительно отмалчивался, не участвуя в «допросе», и увидел, что Ксюша уже сидит рядом с ним и рука его обвивает ее плечи. Кис умилился. И позавидовал. С этой, старшей, норовистой, так не посидеть рядышком... Уж во всяком случае, Кису. Да и с кем ему посидеть? Никого у Киса нету...

– Дайте мне координаты вашего Андрея, – распорядился он. – Мне нужно будет его кое о чем расспросить, чтобы окончательно понять, что здесь правда, а что нет.

– Здесь – все правда, – заявила Александра. – Сколько раз вам нужно это повторять!

– Координаты дадите? Или самому искать?

– Пожалуйста. – Саша презрительно протянула ему свою записную книжку, раскрытую на букве «З». – Переписывайте.

Кис не смутился. Он деловито переписал номер и, глянув на часы, сообщил, что позвонит владельцу

квартиры завтра.

– А пока что, – сказал он, – если поверить в ваши совпадения, то вопрос вот в чем: куда вляпалась Ксюша, в какую историю, и чем это ей теперь грозит. Ведь милиция – это не два частных детектива, обалдевших от вашей неземной красоты и готовых верить вашим распрекрасным глазам. Эти сказочки никого не убедят, будь они сто раз чистой правдой.

– Но ведь никто никогда не свяжет имя Ксюши с этим убийством! – возразила Александра. – Ведь это только вы знаете нашу «сказочку», которую мы сочинили в соавторстве специально для Реми! Ксюша в жизни не была в этой квартире, ее хозяина в глаза не видела! Кто об этом может узнать?

– Неприятность заключается в том, что некто уже начал интересоваться Ксюшей...

Реми пришлось рассказать немую сцену у подъезда. Ксюша округлила и без того круглые глаза и стала похожа на Чебурашку.

– Вы думаете, Алексей, это был человек из милиции? – спросила Журналистка.

Ох, как Кису понравилось собственное имя из уст Александры! Музыка просто: «А-л-е-к-с-е-й...»

– Вряд ли. Но и милиция может докопаться...

– Но кто же тогда это мог быть – тот, чернявый?

Кису не хотелось пугать девиц и рассказывать о своих открытиях, сделанных по прочтении еженедельника безвестного до сих пор жильца квартиры двести шесть.

– Не знаю. Надо бы для начала понять, что за личность там проживала, а потом строить догадки, кто да что... Фамилию его не знаете?

– Как я могу знать фамилию человека, которого я выдумала? – обиженно удивилась младшая.

– Понятия не имею, – бросила старшая.

Кис задумался. Ситуация зашла в тупик. Он вызвал девушек в основном из-за Реми – наладить его расстроившийся роман. Реми, похоже, им поверил и вон сидит уже в обнимку с разругавшейся Ксюшей. Лично у Киса остались сомнения – уж больно все сказочно выглядит... Не то чтобы он совсем в совпадения не верил, но... Но что-то за ними тут имеется. И дразнит его любопытство. Хорошо было бы разузнать об убитом побольше. Хорошо было бы покопаться в его квартире, понять, что это за фрукт такой. Хорошо было бы разыскать ту соседку в зеленом пальто и расспросить ее о чернявом; хорошо было бы понять, кто стоит за ним: друзья убитого или его недруги? Станут ли люди, пославшие чернявого в разведку, мстить за смерть жильца двести шестой квартиры? И рискует ли в таком случае Ксюша? Маловероятно, что они ее разыщут...

С другой стороны – зачем все это ему? Его миссия выполнена, его больше никто ни о чем не просит.

– Кому кофе подлить? – осведомился он.

– Спасибо, не надо, – ответила Александра, глядя на часы. – Поздно уже. Я полагаю, что мы объяснились и инцидент исчерпан?

– Ну, как вам сказать... – загадочно ответил Кис, желая поинтриговать.

Но ему не удалось: Александра посмотрела в упор на Реми и добавила:

– А, Реми? Можно считать, что все встало на свои места?

– Вы потрясающие девушки, – блаженно улыбаясь, ответил тот. – Я вами восхищаюсь. Все это придумать, – он сделал легкий поклон в сторону Александры, – и все это разыграть... – это было уже

выдохнуто в нежную Ксюшину шейку. – Ты отважная девочка, – мурлыкал он. – И знаешь, все-таки я рад, что не ты это придумала...

Александра встала:

– Пора, Ксюша.

– Уже? – покрасневшая Ксюша оторвала свой взгляд от Реми с сожалением.

– Уже час ночи! Поехали.

Реми с не меньшим сожалением выпустил Ксюшу из своих рук, понимая, что в присутствии этой суровой дуэньи невозможны ни нежности, ни торги, и только провожал Ксюшу зачарованным взглядом.

– Спасибо вам, – произнесла Александра. – За кофе.

– Не за что, не за что, – засуетился Кис, вставая. – До свидания. Если еще свидимся...

Александра загадочно глянула на него и ничего не ответила.

– Рад был познакомиться с сестрой Ксюши... – Реми расцеловался с Александрой. – Завтра в пять, Ксюша, да?

Ксюша послала Реми взгляд, который говорил все то, что не сказали ее губы.

Мужчины проводили девушек до машины Александры, помахали им ручкой и поднялись к Кису.

И никто не придавал значения целующейся парочке в припаркованной у соседнего подъезда черной машине «Волге». Никто не забеспокоился, когда дверца ее открылась – ровно в тот момент, когда закрылись дверцы в машине Александры, – и девушка выпорхнула наружу, тут же скрывшись в подъезде.

И даже тогда, когда мужчина, оставшийся за рулем, развернулся и поехал вслед за машиной Александры, – даже тогда никому не пришло в голову искать в этом совпадении какой-то смысл...

– Ну что, все теперь в порядке? – спросил Кис, когда они вернулись в квартиру, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучала подначка.

Реми кивнул.

– Ты зря, Кис... Ты не чувствуешь людей. Ты веришь или не веришь мозгами. А надо еще и чувствами.

– Ну, с твоими чувствами только и верить. Другого варианта просто не может быть. Ты же влюблен, как младенец!

– Младенцы – влюбляются?

– А хрен их знает... Но ты – да!

– Я? Она мне нравится.

– Ага. Мне тоже.

– ?

– Ну, если ты говоришь «нравится», то мне – тоже.

– Но... Ладно, я хотел сказать – я влюблен...

– Так-то оно лучше, старина. Комедий мне и так хватает на сегодня.

– Ты не веришь им?

– Сам не знаю.

– Дело твое. Как бы там ни было, меня пока что больше всего беспокоит чернявый. Если я не ошибся и правильно понял, что речь шла о Ксюше... Я хотел бы тебя попросить...

– Я съезжу завтра.

– Погоди, ты еще не услышал просьбу!

– Да знаю я, чего ты хочешь! Я сам об этом думал. Расспрошу завтра соседку в зеленом пальто. И к этому Андрею Зубкову наведаюсь.

– Кис, я тебе заплачу за работу.

– Иди ты!

– Нет, не отказывайся. Это слишком много для дружеской услуги, ты потратишь свое рабочее время, и оно должно быть оплачено. Какой у тебя тариф?

– Иди, я сказал. На «куй».

– Кис, ты только осложнишь мне жизнь! Мне придется ломать голову, как отблагодарить тебя, если ты не возьмешь деньги!

– Мы друзья?

– Ну?

– Ну и все.

Реми принялся было объяснять, что французская поговорка гласит: «Хорошая дружба – это щепетильность в расчетах», но ему помешал звонок телефона. Услышав забархатевающие модуляции в голосе Киса, Реми, хоть русский и не понимал, догадался, что звонит Журналистка...

И оказался прав.

– Я богатею с каждым часом, – сообщил Кис, положив трубку. – Теперь и Ксюшина сестра просит меня узнать о чернявом. За деньги, разумеется. Она при Ксюше не хотела об этом говорить.

– Ну нет, Кис, это для меня вопрос чести. Ты возьмешь деньги от меня и не позволишь платить этой Медузе-горгоне!

– Это которая обращала взглядом людей в камень?

– А что, не похоже?

– Похоже, – признал Кис. – Я почти окаменел, пока мы беседовали, особенно...

Он хотел было сострить: «Особенно одна специфическая часть моего тела...» – но удержался.

– Тебе Александра не понравилась? – лишь сдержанно поинтересовался он.

– Сильная личность. Умна, эгоистична, холодна. В ней есть класс, высокий, я бы даже сказал, класс, но... С такой жить нельзя, Кис. Такой можно только служить...

Реми прав, подумал Кис, черт возьми, прав! Но отчего-то хочется ей послужить... Так бы и кинулся исполнять приказания, мазохист хренов! А если бы в награду допустили к телу... Сгрыз бы, сожрал бы, высосал, как мозговую косточку! Тут бы мазохист мгновенно сделался садистом!.. Если бы не умер раньше от счастья у ее ног.

И как это у нее получается, у стервы?

Глава 7

К Андрею Зубкову они поехали вдвоем с Реми. Реми, конечно, по-русски не понимал, но полезен мог быть. Пре皮раясь и посмеиваясь друг над другом, оба прекрасно знали достоинства каждого – ведь не зря, поработав на пару, заружились! – и знали также, что друг друга в чем-то дополняют. У каждого была интуиция, но – у каждого своя. Интуиция ведь вещь составная: тут перемешаны догадливость, способность к предчувствиям, телепатия, чувство фальши, понимание психологии, знание жизни и прочее, прочее. Понятно, что у каждого в этой области свои сильные стороны, свои одаренности и способности – ведь всегда так, у каждого свои таланты: один силен в рисунке, другой в живописи, хотя оба называются словом «художник»; прибавьте теперь личный опыт, культурный и интеллектуальный багаж обладателя интуиции – и вы получите совершенно разные интуиции. По той же схеме – разные логики, разные системы анализа – разные инструменты работы, одним словом. Потому и результаты хороши были в сопоставлении и дополнении.

Андрей их ждал, казалось, у дверей – едва Кис прикоснулся к кнопке звонка, как дверь распахнулась. Круглоголовый молодой человек, темные волосы стрижены коротко, две девичьих ямочки на загорелых щеках, карие близорукие глаза; подтянутый, в хорошей физической форме – бассейн небось, бег, борьба, что-нибудь в духе дзюдо, – прикинул Кис. Одет по-сипаритски в роскошный шелковый халат шоколадного цвета – золотая марочка какая-то на груди... Кис в них не разбирался, а Реми легко опознал медузу Версаче.

Квартира была сипаритской, как ее хозяин, – портьеры из тяжелого шоколадного шелка, такого же цвета диван и два глубоких кресла; стены обиты светло-бежевым штофом, овальная стеклянная столешница низкого столика крепилась золотыми клепками к ножкам из слоновой кости, гармонировавшим с маленькими сливочными подушками на диване; бронзовые старинные подсвечники отливали тусклым золотом в мягких шоколадных сумерках, царивших, несмотря на яркий солнечный день, в этой квартире; кремовая лестница уходила, изгибаясь винтом, на второй этаж... Ясно было, что при оформлении интерьера своей квартиры Зубков не считался ни с какими другими соображениями, кроме своей личной прихоти и вкуса, и она необычайно соответствовала своему хозяину.

Сыщики, следуя гостеприимному жесту Зубкова, сели на диван и растворились в недрах шоколадного, кремового и золотого. Здесь не хотелось суетиться, здесь не хотелось думать о проблемах – здесь хотелось отдыхать, слушать хорошую музыку, говорить о поэзии, о живописи... Да, к вопросу о живописи: на стене висел натюрморт голландской школы. Кис даже не осмелился предположить, что это подлинник, только подпихнул локтем Реми и вопросительно кивнул в сторону полотна, на котором тихо сияли золотые кубки в окружении пузатых тыкв и баклажанов и мертвая цветистая птичья шея печально свешивалась с края дощатого стола. Тона картины прекрасно вписывались в интерьер. Реми приблизился.

– Чудесная работа, – сказал он по-английски.

– Согласен с вами, – откликнулся Андрей на превосходном английском, стоившем английского Киса и Реми, вместе взятых. – Это оригинал, – добавил он.

– Такая картина должна потянуть не меньше, чем вся эта квартира, – предположил Кис.

– Ну, мне она обошлась только в стоимость ремонта, – охотно откликнулся Андрей. – Что будем пить?

Он разлил виски по стаканам, принес в хрустальной чаше лед, серебряными щипчиками звонко опустил каждому по два кубика и устроился в кресле напротив.

– Чем могу быть полезен? – любезно и непринужденно поинтересовался он на все том же

превосходном английском.

– Я хотел расспросить о вашем жилье... Но, с вашего позволения, сначала хотел бы узнать немного о вас, – произнес Кис, удивленно вслушиваясь в собственную речь, в которой зазвучали светские и почтительные интонации.

– Обо мне? Мне тридцать три года, разведен, имеется дочка... она живет с матерью. Коммерсант.

– В какой области?

– В области коммерции.

– Уточните, пожалуйста.

– Фирма «Орхидея».

– И чем занимается орхидея, кроме того, что цветет и пахнет?

– Коммерцией.

– Послушайте... – Кис начал злиться. – Вы, конечно, не обязаны мне отвечать, я не милиция, но играть со мной в игры все же не стоит!

– Помилуйте, какие игры? Кто же может вам ответить на вопрос, чем занимается коммерческая фирма? Да всем! Мы продаем все! И покупаем – все! Вчера лес, сегодня лекарства, завтра произведения искусства, послезавтра – куриные ножки!

– Это куриные ножки приносят такой доход? – Кис сделал жест, опоясывающий квартирное пространство.

– А вы как думали? – удивился Андрей. – Вы, наверное, никогда не занимались торговлей? А то бы знали, что на дешевом товаре делаются дорогие деньги – конечно, если товар массового потребления... Вас смущают мои доходы? Вы, может, из налоговой инспекции? Я ведь не спросил ваши документы!

– Пожалуйте. – Кис выложил на стеклянный столик свое удостоверение. – Меня ваши доходы не колышут. Меня смущает ощущение, что вы мне говорите неправду. Нехорошее начало для разговора.

Андрей надел очки в тонкой золотой оправе и, рассмотрев удостоверение Киса, сказал примирительно:

– Послушайте, Алексей... Я директор по маркетингу коммерческой фирмы. Вот вам моя визитка, – вложил он в руки Киса переливающийся кусочек картона, на котором изящной вязью было написано «Орхидея», причем «О» представляло собой символическое изображение цветка. «Коммерческая фирма» – было добавлено внизу мелким шрифтом. – И мы действительно фирма многопрофильная, – продолжал Андрей, – вкладываем деньги в товары, в проекты, в шоу-бизнес, в «от кутюр»... А в подробностях о деятельности нашей фирмы я рассказывать не буду. По многим причинам. Вы и не поймете, и секреты у нас есть, как у любой другой фирмы... Я ведь вас не спрашиваю, зачем вам мой жилец понадобился, понимаю: у вас свои секреты! Человек убит, и кто-то хочет знать, кем убит да зачем убит, правильно? Милиция тоже хочет знать, тоже меня расспрашивали... Так что давайте поговорим о нем.

Ох и не нравился Кису этот Андрей! Вежлив, доброжелателен, казалось бы, придраться не к чему – а не нравился люто! Не хотелось ему уступать и менять тему, хотя по существу этот Андрей был прав... Не говоря уж о том, что на вопросы частного сыщика он вообще не обязан отвечать и имеет право выставить их за дверь в любую минуту... А он вполне любезно просит вернуться к теме, на которую и согласился поговорить с детективом, когда тот позвонил Андрею с просьбой о встрече... Так что, хочешь не хочешь (не хочешь, не хочешь!) – а придется ему последовать вежливому предложению Андрея и сменить предмет разговора...

Выручил Реми.

– У вас превосходный английский, – полувопросительно адресовал он комплимент хозяину.

– Учил в школе, потом в институте, но главное – это практика! У нас партнеры – да и немало клиентов – иностранцы, говорим и ведем дела на английском...

– А вы где учились? Какое у вас образование, я имею в виду? – встрял снова Кис, боясь, что услышит в ответ «высшее» и тогда уже не сдержится, психанет.

– Журналистское, – услышал он, к своему облегчению.

– Ну и как, пригодился журналистский диплом в коммерции? – все же, не удержавшись, съехидничал Кис.

Андрей посмотрел на него своими карими близорукими глазами и мягко произнес:

– Вы знаете, Алексей, ведь в торговле главное – это уметь наладить контакт с людьми. Чтобы циферки складывать – для этого у нас есть специалисты: бухгалтеры, консультанты, финансовый директор, наконец, – это его епархия. А в контактах с людьми – может, вы уже обратили внимание на то, что я до сих пор вас не выгнал и даже не повысил тона? – я силен. И журналистское образование пригодилось. Вы знаете, что на Западе эта профессия входит в блок специальностей, относящихся к паблик релейшнз? Так что не беспокойтесь за мой диплом, не зря я учился.

Кису показалось, что он сейчас просто задушит этого наглеца. Выручил опять Реми.

– Человек, снимавший у вас квартиру, работал с вами? – спокойно сменил тему француз.

– Нет, совсем нет. У него было свое рекламное агентство.

– Вы с ним давно знакомы? – снова Реми. Алексей переводил дух, утихомиривая волну гнева.

– С тех пор, как он снял мою квартиру... Два года.

– Почему Тимур снимал квартиру, а не купил себе что-нибудь площадью с квадратный километр? – снова включился Кис.

– Трудно сказать. Я ему такого вопроса не задавал... У него есть дача в Подмоскowie. Он там проводит все выходные. А в городе... Может, ему просто не нужна своя квартира, не хотел вкладывать деньги? Или из соображений безопасности? Вы же знаете, нынче народ все больше за город стремится, за высокие заборы с надежной охраной.

– Адрес дачи есть?

– Я там никогда не был, и адрес мне как-то ни к чему... А вот телефон есть, Тимур оставил для связи. Сейчас поищу. – Он направился к небольшому дубовому секретеру и вернулся с коричневой с золотым обрезом (в тон к квартире, что ли?) записной книжкой в руках. – Вот, записывайте...

– Там кто-нибудь живет? – спросил Кис, переписывая номер.

– Да, там молодая пара. Работники. Парнишка вроде бы сторож, а девушка – домработница.

– Фамилия Тимура, кстати, какая?

– Алимбеков. Вы не знали? – с легкой поддевкой спросил Андрей.

– Проверял просто, – буркнул Кис, – может, она у него разная для разных людей! Этот Алимбеков не был женат?

– Разведен. У него семья осталась в Узбекистане.

– Узбек, значит?

– Наполовину. Московского разлива.

– Родители живы?

– Я не настолько осведомлен о его личной жизни... Мать, кажется, умерла. А отец...

– Мать русская?

– Да, отец узбек... У него теперь другая семья в Узбекистане.

– Стало быть, отец Тимура подался на родную землю, а сын, полукровка, остался в Москве?

– Тимур как-то обронил, что он у себя на родине изгой, что семья отца его осуждает за развод... К тому же у него с мусульманской религией нелады... Не помню точно отчего.

– А семье помогал, не знаете?

– Боюсь что-нибудь сказать. Ездил он туда – это точно. Привозил мне фрукты, дыни в подарок. Наверное, помогал, у них семейные традиции сильны. Они женщин презирают, но материально обеспечивают – иначе не мужчина, не джигит. Да и дети там у него.

– О прошлом его что-нибудь знаете? Чем занимался до рекламного агентства? С какого поля ягода?

– Не в курсе. Да и что вам это даст? Сейчас в делах все пришлые – кто из армии, кто из партийных чинов, кто из профессуры, кто из рабочих, творческой интеллигенции и даже крестьян, – все смешалось. Кого из нас учили делать деньги? Кого из нас учили азам бизнеса, маркетинга, рекламы, банковского дела? Никого! Мы все – талантливые самоучки.

– Больше всего мне понравилось в вашем рассуждении слово «талантливые».

– Неталантливые в хрущобах живут.

– А может, просто честные?

Андрей удивленно посмотрел на Киса и перевел взгляд на Реми. На лице Реми не выразилось ровным счетом ничего – ситуации, в которых Реми позволял своему лицу выражать эмоции, были крайне редки в его жизни; но пребывал он в полнейшем недоумении – он бы лично никогда не стал подначивать, как Кис, своего собеседника, согласившегося дать ему нужную информацию, и тем более почти прямо обвинять его в чем бы то ни было. Да чего там, он бы подобный тон не позволил себе даже с другом! У русских странная манера вести беседы...

– Честные? – нисколько не обидевшись, переспросил Андрей и покачал головой, словно Кис сморозил глупость. – Вот если бы, господин детектив, вы мне показали человека, причем неимущего, которому предложили, скажем, миллион долларов, уточнив, что деньги эти краденые, и этот человек от миллиона отказался, я бы назвал его честным. Такие люди, возможно, существуют, но их, должно быть, крайне мало на этом свете. А остальные... Вы знаете, Алексей, пространство вокруг нас просто наполнено деньгами. Миллионами, миллиардами дензнаков. Они летают вокруг вас. Они перетекают ежедневно по жилам банковских счетов, они переключаются из кармана в карман, из рук в руки... Суметь сделать так, чтобы этот поток омывал и ваш карман, ваш счет, ваши руки, – это и есть талант. И большая, трудная работа. А не суметь завернуть этот поток в свою сторону – отсутствие таланта. И лень. Вот и все. Зачем называть это честностью?

– Ну да, а то, что в этом потоке, омывающем карманы таких, как вы, крутятся...

Алексей хотел сказать: «невыплаченные пенсии и зарплаты людей, которым жрать нечего!» – но не договорил. То ли почуял невысказанное удивление Реми, то ли сам ощутил их бессмысленность и

неуместность, но продолжать не стал. Какого черта он полез к этому Андрею с нравоучениями? В самом деле, как мальчишка...

– Впрочем, не будем вдаваться в дебаты, – примирительно сказал он, – лучше расскажите, что можете, о вашем квартиросъемщике.

– Я, право, не знаю...

– У него были, по-вашему, враги?

– Как у всякого обычного человека – наверняка, и как у дельца – тем более. Но он со мной не откровенничал, друзьями мы не были – пару-тройку раз выпили с ним, и вся дружба.

– Что-нибудь о его рекламном агентстве знаете? Чем они занимаются?

– Рекламой! – удивился вопросу Андрей.

Кис подавил подступающее раздражение:

– Я догадался, хоть это и было трудно, что рекламное агентство делает рекламу. Я хотел бы узнать – для кого, как, какую?

– Слушайте, я сейчас попробую найти его визитку, и то, что в ней написано, равно тому, что я знаю. Подождите, – бросил он, выходя из гостиной.

Похоже, Кис все-таки достал этого Андрея и выдержка, которой тот хвастался, начала изменять ему. Кис злорадно хмыкнул.

Андрей вернулся с кусочком картона и протянул его Алексею.

– Я туда съезжу, – сообщил Кис, разглядывая визитку.

– Вот-вот, это будет лучше всего, – поддакнул Андрей.

«Сейчас придушу», – подумал Кис.

Андрей встал, давая понять, что вечер вопросов и ответов считает закрытым.

– Вы с Александрой давно знакомы? – проигнорировал жест хозяина Кис.

Андрей, помявшись, неохотно сел обратно и, сделав заметное усилие, снова придал своему лицу любезное выражение.

– Со студенческих лет, по журфаку.

– Вы женаты?

– Нет. Это имеет значение?

– Какие у вас отношения с Александрой? – не ответил на вопрос Андрея Кис.

Андрей посмотрел на Киса с нескрываемым раздражением. Достал его детектив, достал! Кис нежно улыбнулся ему в ответ и ласково повторил свой вопрос:

– Так какие у вас отношения с Александрой?

Поколебавшись мгновение – видимо, решал, нахамить Кису или ответить спокойно, – Андрей решил в пользу последнего и произнес сухо:

– Нежно-дружеские. Она талантлива (угу, – мысленно согласился Кис), умна (угу!), независима (угу!), красива, наконец (угу, угу, угу!), редкая женщина.

«Молодец, садись, «пять», – подумал Кис. – С минусом: про «стерву» забыл».

– Вы тут так убедительно рассказали о роли журналистского образования в паблик релейшнз, что навели меня на вопрос: Александра сотрудничает с вами? Она ведь тоже журналистка!

– Из этого не следует, что все журналисты непременно должны укреплять связи с общественностью различных предприятий!

– Как понимать ваш ответ?

– Александра со мной не сотрудничала.

– Допустим... Кто жил раньше в той квартире?

– Я. С родителями.

– Они живы?

– Да, к счастью. Живут за городом.

– «За высокими заборами с надежной охраной»?

– Что-то в этом роде.

– В вашей квартире есть третья комната...

– Я ее оставил за собой, – подхватил Андрей. – Я держу там свои вещи, и она всегда заперта.

– У Тимура был ключ от нее?

– Нет.

– А от квартиры у вас остались ключи?

– Нет. Я отдал их Тимуру и никогда не приходил туда без его ведома.

– Даже если вам нужно было что-то взять в квартире?

– Мне нечего там брать. Все, что нужно, я уже давно забрал. А в закрытой комнате хранится никому не нужная мебель и хлам, который я почему-то пожалел выбросить.

– Александра бывала у вас на той квартире?

– Конечно, в студенческие годы.

– Она была знакома с вашим жильцом, Тимуром этим?

– Сомневаюсь. Лично я их не знакомил.

– Вы ей сказали, что жилец уехал в командировку?

– Было дело. Она мне позвонила...

– Когда? – быстро спросил Кис, словно пытаясь уловить несовпадения в словах Андрея и девушек.

– Во вторник.

– Она вам объяснила, почему интересуется вашим жильцом?

– Ксюша, ее младшая сестра, хочет снять квартиру... И Саша спрашивала у меня, не освободилась ли моя. Ну, я объяснил.

– Вы сказали ей, что ваш жилец уехал в командировку?

– Да, она спрашивала, когда он думает съезжать да нельзя ли осмотреть квартиру... Ну, я и сказал, что вернется из командировки – спрошу.

– Что она вам на это ответила?

– Почему вас интересует Саша? Вы ведь пришли спрашивать о моем жильце?

В намерения Киса вовсе не входило посвящать этого шоколадного Андрея в историю сестер, и потому он только переспросил:

– Что она вам ответила?

Андрей пожал плечами:

– Спросила, когда вернется. Я ответил – в эту пятницу.

– Когда вы видели последний раз вашего жильца?

– В четверг на прошлой неделе. В пятницу он должен был уехать в Узбекистан.

– За границу Тимур летал?

– Бывало.

– Не знаете, летал ли он в прошлом году в Швейцарию?

– Не могу сказать.

– Ладно, – сказал Кис, вставая. – Спасибо.

Андрей с большим облегчением проводил их до дверей.

На свежем воздухе, пронизанном октябрьским неярким солнцем, Кис вздохнул полной грудью – ему казалось, что еще чуть-чуть, и он бы задохнулся в шоколадных сумерках. Переговорив с Ваней по телефону и велев ему подтягиваться к дому на Бережковской набережной, Кис завел машину и произнес, глядя на Реми:

– Врет?

– Недоговаривает.

– Где?

Реми подумал, пристегивая ремень.

– С работой – раз. Но не знаю, интересует ли нас это.

– А два?

– Я не уверен.

– Все-таки?

– С жильцом.

– Совпадает. Знает больше, чем хочет это показать?

– Осторожничает. Деловой человек – зачем ему лишние хлопоты и опасные связи? Но что касается девушек – все сходится.

– Тем лучше для них, – буркнул Кис.

И, попыхтев, добавил:

– Ксюша твоя... Наверно, и вправду никогда этого типа не видела... Он узбек наполовину. Если бы она это знала, то вряд ли рискнула бы настаивать, что никаких примет у него нет...

– А это какой из себя – узбек? – поинтересовался Реми.

– Монголоидный тип. Что, как ты понимаешь, является весьма конкретной приметой...

И, заметив краем глаза, как расплылось в довольной улыбке лицо Реми, воззвал с излишней суровостью: «Поехали!»

Глава 8

Ксюша была в полном смятении, не зная, какое заключение вынести: все к лучшему – или все плохо? С одной стороны, не будь этой истории, она бы не только не сумела завести отношений с Реми, но не смогла бы вообще с ним познакомиться! Но с другой стороны, ее раскрыли. Разоблачили! Она, из всех сил пытавшаяся быть «загадочной», – теперь как на ладони... Опять наивная, опять бесхитростная юная девица с удивленными круглыми глазами – без загадки, без тайны, которая так привлекает мужские сердца... И Реми теперь знает, что все это было наворочено только для него. И небось задается! Вот, мол, я какой бесценный экземпляр – ради меня девушка пошла на такое!.. А, как учит наставница-Александра, это мужчина должен быть в роли догоняющего и охотника, а вовсе не наоборот. Как только за мужчиной начинает охотиться женщина, он, мужчина то есть, становится нахальным и самоуверенным и теряет интерес к женщине, позволяя ей в лучшем случае себя обхаживать... В общем, «чем меньше мужчину мы любим, тем больше нравимся ему».

И что же теперь будет, когда она так бездарно расписалась в своем желании покорить Реми? Вчера он был очень нежен с ней... Как будто хотел ее успокоить, как маленького ребенка, который нашалил и теперь боится, что его будут ругать. И добрые родители спешат малыша утешить, что, мол, ничего страшного, все в порядке... И что же, ей теперь радоваться, что Реми относится к ней как к маленькой девочке? Она – женщина, а не дитя! Ей совершенно не нужен папочка, ей нужен мужчина! Любящий ее как женщину, а не как кисочку-деточку! У-ти-ти, идет коза рогатая за малыши ребятами... Агу-агу!.. Что они все пристали: наивная да наивная! Она, между прочим, вовсе не наивная и совсем не дурочка и понимает множество вещей, которые другие, может, даже не замечают. Вот, к примеру, детектив этот, Алексей: как на Сашку смотрел! Интересно, заметила ли сестра?

...Возможность выяснить этот вопрос представилась вскорости. Саша позвонила, и Ксюша, оторвавшись от размышлений, поплелась на кухню ставить чайник: Сашка сообщила, что сейчас приедет.

Она ворвалась, как ураган, сопровождаемый облаком духов. На шее развевался бледно-голубой шарфик, к темно-синей куртке очень шли ботиночки такого же цвета, зонтик был синий с голубыми полосками – даже, казалось, запах духов был синим! Да, Сашка это умеет...

– Что нового?

– Ничего. – Ксения пожала плечами. – А что должно быть нового? Все новое произошло уже вчера.

– Детективы наши не звонили?

– Они разве обещали позвонить?

– Я просила держать меня в курсе.

– В курсе чего?

Александра ответила уклончиво:

– Ну... Они же к Андрюше собирались! Хотелось бы понять, что там удалось выяснить... Ты мне вот что лучше скажи: тогда, в аэропорту, ты действительно видела мужчину с таким перстнем?

– Ты что, мне не веришь?!

– Верю, верю. Только вот... Он какой из себя был?

– Да я его не разглядела... Так этот перстень меня заинтересовал, что я на мужчину только мельком и взглянула. А что?

– Почему ты решила, что это иностранец?

– Потому что он встал, когда объявили регистрацию на швейцарский рейс!

– А лицом... Он похож на иностранца?

– Как это?

– Ну, не знаешь как, что ли! – начала сердиться Александра. – У них у всех такой стандарт на мордах написан!

– Стандарт?

– Ну, такой холеный-ухоженный, уверенно-самодовольный...

Ксюше показалось, что камень летит в огород Реми. Она помолчала, не зная, пропустить ли эту ремарку мимо ушей или возразить?.. Но на последнее она не решилась и ответила вопросом на вопрос:

– А зачем тебе?

– Просто я не понимаю, как может получиться такое совпадение! Был ли это другой человек с похожим перстнем или это был именно Тимур?

– Кто такой Тимур?

– Тот, которого убили.

– А откуда ты знаешь, как его звали?

– Я?.. – Александра немного замялась. – Кис сказал.

– Да? Я не слышала, – заметила Ксюша.

– Понимаешь, судя по имени, – Александра проигнорировала замечание Ксюши, – он должен иметь примесь азиатской крови... Ты ничего такого не приметил?

– Это точно, он загорелый был... Нет, пожалуй, смуглый... – Она прикрыла глаза, стараясь вызвать в памяти мельком увиденное лицо. – И общий контур лица, скулы... Да, ты права, наверное, это был он!

Александра помолчала.

– Странно все же... – заметила она вполголоса и спросила, на этот раз погромче и повеселее: – Так где мой чай?

Разливая чай, Ксюша хитро посмотрела на сестру:

– Саш, ты обратила внимание?

– На что?

– Этот Алексей, ты ему понравилась!

– Ну и что?

Вот так. Сашка как будто и не интересуется мужчинами. А сама Ксюшу ругает, что у нее до сих пор никого нет.

– Саш, а почему ты всегда одна? Ты вот мне твердишь, что нехорошо это, а сама – одна. Или ты от меня скрываешь кого-то?

Александра только фыркнула в ответ. Ксюша настойчиво повторила вопрос, поимев в ответ повторное фырканье, к которому добавилось несколько недоуменное поднятие бровей – мол, что за вопросы

идиотские? Ксения, однако, и не думала отставать от сестры.

– Са-аш, скажи честно, у тебя есть кто-нибудь?

– Нет.

– А детектив тебе понравился?

– Который?

– Алексей.

– Обезьяна. Лохматая кривоногая обезьяна с желтыми тигриными глазами. Впрочем, я его не рассмотрела.

– А у него один глаз зеленоватый!

– Не зеленоватый, а в коричневую крапинку.

– Ты же его не рассмотрела!

– Ну... Глаза заметила. Уж больно дурацкие.

– А почему ты замуж не выходишь?

– За кого?

– За кого-нибудь.

– За «нибудь» я не хочу.

– Ждешь принца?

– Зачем мне принц? Что это вообще за выражение – принц? Это какой из себя?

– Ну... красивый, умный, добрый... И чтобы был... ну, может, не так уж богатый, но чтобы деньги умел зарабатывать. Иначе у него будут комплексы неполноценности.

– А так будут комплексы сверхполноценности. Все одно.

– Ты чего, Саш, в мужененавистницы записалась?

– Ты не находишь, Ксения, что ты говоришь глупости? – строго спросила Александра, пытаюсь положить конец неприятному для нее разговору.

– Почему? Нельзя уж и спросить? Ты вот все обо мне знаешь, а я о тебе – ничего.

– На то я и старшая сестра.

– Что с того? Разве это мешает поделиться секретами?

– У меня нет секретов. А если бы и были... то что ты можешь мне посоветовать? Ты же сама наивная дурочка, тебя надо за ручку вести по жизни!

– Ну знаешь, – обиделась Ксюша, – в конце концов, не такая уж я дурочка!

– Я имела в виду, – мягко поправилась Саша, – что ты еще маленькая. А так ты, конечно, умница.

– Ты меня всегда упрекаешь в наивности! Это что, порок? Это глупость? Я должна стыдиться, да?

– Нет, боже упаси, нет! Наивность – это от доброты. Добрый человек полагает, что, относясь по-доброму к людям и миру, он пользуется их взаимностью. То есть что люди и мир будут относиться по-доброму к нему. Что есть ошибка... И наивность. Иногда это бывает от глупости. А иногда от недостатка опыта, как у тебя. Но это пройдет. Ты умная девочка, а жизнь научит...

– Чему научит жизнь? Что пройдет вместе с опытом? Доброе отношение к людям? А я, может, не хочу, чтобы оно проходило! Я, может, считаю, что это самое главное в жизни!

– Речь не об этом, Ксюшенька. Может быть, с годами тебе и удастся сохранить доброе отношение к миру, но ты перестанешь ждать от него взаимности... Впрочем, любить людей без взаимности крайне трудно. Почти невозможно. И ты с опытом это поймешь.

– «Опыт, опыт»! Ну нет его у меня, и что с того? Отсутствие опыта, между прочим, придает свежесть взгляду на вещи! И вообще – иногда стоит просто поделиться, выговориться...

– Мне не о чем выговариваться. – Голос Александры немедленно сделался сух.

Ксюша помолчала и сказала осторожно:

– Не хочешь – дело твое, только я ведь чувствую, что с тобой что-то не то. Ты последнее время... год, нет, больше! – ты какая-то замкнутая стала. И злая. Как будто тебя обидели. Сильно обидели. Раньше ты шутила, острела, и твои остроты хоть и кусачие были, а все же это юмор был! Теперь ты не шутишь, ты отрываешься о людях плохо – всерьез. И в твоих словах желчь, горечь. Как будто тебя постигло большое разочарование.

– Тоже мне психолог! Что за ерунду ты рассказываешь? Никаких у меня разочарований не было, просто...

Запнулась. Замолчала.

Ксюша спросила вкрадчиво:

– Просто – что?

– Просто жизнь – это такая штука, что отбивает охоту жить!

«Вот это да, – подумала Ксюша, – вот это уже серьезно!»

– Это случайно не тот депутат, – спросила она вслух, – с которым у тебя был роман два года назад, отбил у тебя охоту к жизни?

– Еще чего! – высокомерно пожала плечами Александра. – Это ничтожество?

– Ну, не такое уж ничтожество. Красивый мужик был, умный...

– Дерьмо. Взяточник, лгун и подлец.

– Тебя любил, между прочим.

– Мной пользовался, статьи у меня вымогал в своих интересах.

– Тогда кто?

– Что – кто?

– Кто у тебя отбил охоту...

– Ксения, давай прекратим этот разговор! Что ты заладила: кто да кто? Никто! Дед Пихто! Люди – ничтожные существа, и все. «О люди, жалкий род, достойный слез и смеха...» Чего тебе еще надо в качестве объяснения? Чем больше живешь, тем больше это понимаешь.

– Ты людей презираешь?

– Другого они не заслуживают.

– Но ты же сама раньше говорила, Саша, что любовь к людям – это и есть настоящее мужество! Я, между прочим, у тебя научилась...

– Говорила – сто лет назад! Я так думала – и так говорила. А теперь я думаю иначе.

– Почему?

– Отвяжись от меня! Все, закончили, меняй пластинку! Лучше скажи мне, ты со своим французом сегодня встречаешься?

– Да, в пять.

– Передавай привет.

– А... – Ксюше очень хотелось спросить, что думает Александра о Реми, но боялась очередной резкости со стороны сестры. И все же отважилась: – А как он тебе?

– Нормально. Примерно то, что тебе нужно.

– Так туфли выбирают!

– Мужей тоже.

– Для меня главное...

– Знаю, знаю – любовь. Большая, красивая, возвышенная, светлая... Что там еще? На всю жизнь, до гроба.

– Почему ты над всеми издеваешься, Саша? Ты не веришь в любовь, совсем, ни капельки?

– Ну что ты, верю, конечно. И в инопланетян верю, и в загробную жизнь.

– Ты пошлая.

– Я умная. И старая. И знаю, что почем.

– «Что почем»! Вся жизнь и отношения между людьми – рынок?

– Ага, один такой большой базар. Спрос и предложение. Рыночные отношения. Каждый выбирает, что может, в соответствии со своим карманом.

– Не поняла!

– Проще пареной репы: всем хочется молодых, красивых, умных, добрых и богатых. Ну, не все вместе, конечно, такое вообще не существует, а хотя бы что-нибудь из набора. Но и они в дефиците, да и стоят дорого... Дорого! Причем платежным средством являются не только деньги – еще физическая красота, возраст и очень важное примечание: положение в обществе. Согласись, торговец с рынка, набитый деньгами, проиграет перед известным и не менее богатым актером, даже если этот актер – старый урод! В общем, наличные, которыми расплачиваются на этом базаре, состоят в основном из денег, физических данных и престижа – славы, положения в обществе и проч. Но цены высоки, а платежеспособны – единицы. И потому, пересчитав наличные, каждый идет на компромисс: это, конечно, не совсем то, что мне нужно, но ведь на лучшее мой кошелек не потянет... Так что обойдемся и этим. Ей за сорок, ей, может, нравятся двадцатилетние мальчики, но где же ей, с сеточкой мелких морщин на шее, завоевать малолетку? Разве только если есть кое-что в ее закромах, кроме дряхлеющего тела, что можно выложить к ногам юнца, – известность, например. И сопутствующие ей деньги. У какой-нибудь звезды есть чем прикормить голодного щенка, а у моей соседки – нет. Поэтому у моей толстой соседки, которой не больше лет, чем, скажем, какой-нибудь певице, муж – нищий алкоголик. Опять же, почему она его терпит, а не разводится к чертовой матери? Потому что ей неохота быть одной. А ее шансы сменить пьянчужку на что-нибудь приличное равны нулю: она не богата, у нее трое детей, невзрачное неухоженное лицо и заплывающие с каждым годом бока... Даже мужчина ее лет ей не по карману!.. Возможно, какому-нибудь мужичку под шестьдесят она бы и показалась достойной кандидатурой, но в данный исторический момент наши

стареющие дельцы, утомленные советской властью, перестройкой и боями за жирный кусок на раздаче государства, отдыхают на молодых грудях стройных манекенщиц. И опять же вовсе не потому, что у всех у них поголовно проснулась страсть к юным женским телам – у многих уже даже в памяти стерлось, как выглядел их рабочий инструмент, когда функционировал, – но у них высокая покупательная способность на базаре, и они покупают на нем самый дорогостоящий товар: вопрос престижа! Ведь всем давно известно, что бляди стоят дороже, чем жены!.. Да поможет им виагра!

Ксюша с изумлением наблюдала, как кривились губы сестры в злой ухмылке. Она и сама начала злиться – ее возмутила эта циничная речь.

– Так что же, я, по-твоему, Реми по карману? Или он – мне?

– Именно так! Ты ему не просто по карману, ты тот самый случай, когда ему повезло, когда вдруг попал на сольд! По дешевке отдают хорошие вещи! Тебе ведь вскружить голову ничего не стоит! То, что во Франции стандарт, – умение себя вести, сдержанность, обходительность, – тебе представляется недоступным классом; то, что он не раздевает тебя глазами и не прикидывает пошло, сколько тебе предложить, – тебе кажется верхом благородства... Это не твоя вина, это у нас просто нынче время такое... Он нежен и заботлив – это приводит тебя в восторг. Опять же не твоя вина, просто не повезло: наши нежные не могут быть заботливыми, потому что не умеют зарабатывать деньги, а наши денежные – не умеют быть нежными: уж больно зачерствели в трудах несправедливых по добыванию звонкой монеты... А тут нате вам на блюдечке: и нежный, и заботливый, и воспитанный, и чистоплотный... в отличие от некоторых... пахнет хорошо... И деньги умеет зарабатывать к тому же. Не бешеные бабки, конечно, но профессия есть, причем неплохая. Да и француз он – это же так романтично! La France! Paris ! Mon Dieu, Champs Élysées!^[4] А уж какая ты для него находка – и рассказать невозможно! Он небось и не чаял найти такой розанчик! Умненькая, хорошенькая, свеженькая, да ко всему прочему и в кошелек к мужику не заглядываешь, тебе душу подавай! Конечно, твой Реми просто свихнулся от такой удачи! Ему души не жалко, он ее готов на подносики поднести, как кофе в постель; он, как и вся эта братия якобы сильного пола, только и ищет, куда бы ее, душу свою, приткнуть, куда бы головушку приклонить! Да он ради этого и свой умеренный кошелек готов вытащить! В тебе ведь любви на двоих хватит! Ты же как бутылочка с соской: только присосись, и потечет в жилы твоя любовь, твоё тепло, твоя чистая, добрая энергия...

Голос Александры дрогнул, и она отвернулась. Ксюша успела заметить ее блеснувшие влагой глаза, чем была потрясена не меньше, чем всем этим странным монологом сестры... Он оставил у нее тяжелый, душный осадок.

Ксюша встала, боясь, что Саша заговорит снова, – больше не было сил слушать эту горькую, пропитанную ядом речь. Она просто ушла на кухню и уже оттуда крикнула: «Не хочешь еще чаю?» – лишь бы что-нибудь сказать, лишь бы сменить тему.

Александра не ответила. Выглянув с кухни, Ксюша увидела, что сестра заперлась в ванной. Спустя десять минут она вышла оттуда с обновленным макияжем, наскоро попрощалась с Ксюшей и оставила ее одну.

До самого приезда Реми Ксюша просидела в глубокой задумчивости. Эти странные речи Александры не просто беспокоили ее – они врываются в ее добрый и разумно устроенный мир опасной, темной силой, приоткрывающей завесу другого мира – взрослых и опытных людей, которые любят произносить, тяжело вздыхая: «Это жизнь...»

Ксюша никак не могла понять – что это за «жизнь», из-за которой вокруг столько печальных вздохов. Ее жизнь и жизнь ее родителей была проста и ей понятна: в ее основе было интеллигентное, доброе отношение друг к другу и к окружающим людям. Ее родители никогда и никому не завидовали, никогда ни

о ком не отзывались плохо, прощая людям все маленькие и средненькие слабости, стараясь понимать и принимать человеческие недостатки – во всяком случае, в тех пределах, в которых эти недостатки не превращались в откровенную непорядочность и жестокость.

Да, порядочность была основой отношений в их семье, и – Александра была права – Ксюше казалось, что все семьи воспитывают своих детей по тому же принципу, что все прекрасно ориентируются в понятиях «хорошо» и «плохо» и стараются, как и она, поступать всегда хорошо. Конечно, она, будучи человеком достаточно тонким и умным – настолько, насколько можно быть тем и другим при отсутствии опыта и присутствии абсолютной неискренности, – не могла не видеть и не чувствовать, что люди вокруг нее живут иначе... Но объясняла это слабостью, трудными обстоятельствами, отсутствием поддержки и бог знает чем еще – и прощала людям их слабости, как приучили ее родители...

Но ведь и Саша всегда была такой! Несмотря на свой острый язык, она была к людям терпима и умела прощать... Более того, она была всегда примером для Ксюши! И вдруг ни с того ни с сего сестра стала вести эти странные разговоры, от которых веяло озлобленностью на весь мир!

Следовательно, в ее жизни возникли обстоятельства, которые заставили ее посмотреть иначе на жизнь и людей. И Ксюше совершенно необходимо понять, что это за обстоятельства!

Понять, чтобы помочь сестре восстановить в душе гармонию и любовь к миру.

Глава 9

На поиски зеленопальтовой соседки Кис призвал Ваню. Вручив ему небольшой кожаный кошелек, купленный в лавке по дороге, он приставил Ваню, одетого по настоянию Киса в костюм-галстук, к дверям подъезда, у которых Ваня простоял с озадаченным видом до тех пор, пока на горизонте не появился первый обитатель подъезда. Смущенный и интеллигентный молодой человек, коего являл собой весь Ванин облик, принялся объяснять, что ищет он полную пожилую женщину в зеленом пальто – да, да, с большой такой сумкой! – которая обронила вот этот кошелек... А он, интеллигентный молодой человек, помчался вдогонку, желая вернуть находку, но женщина скрылась в подъезде, и дверь захлопнулась перед его носом!

Их уловка удалась, и уже через минуту Кис входил в дверь подъезда, придерживаемую Ваней изнутри. Квартира 208, в которой проживала зеленопальтовая тетя, как и предположил Реми, находилась напротив квартиры Тимура. В двери, разумеется, был «глазок»...

Отправив Реми и Ваню подышать свежим воздухом – нельзя было пугать женщину нашествием троих мужчин! – Кис позвонил в дверь.

Женщина все равно испугалась и долго и недоверчиво изучала через цепочку удостоверение Киса, сверяя фотографию с лицом оригинала. Наконец Кису было дозволено войти.

Он решил остаться в прихожей и не делать резких жестов – он кожей чувствовал, как боится хозяйка. Привалившись к дверной притолоке, он задал ей несколько вопросов и быстро выяснил, что чернявый парень назвался частным детективом, удостоверение ей не показывал, но поскольку на улице она не испытывает повышенной подозрительности, то никаких бумаг и не спрашивала... Частный детектив интересовался посетителями квартиры 206. Она охотно рассказала: ходили редко, да в основном мужчины, а вот женщины... Она, пожалуй, не припомнит. Одну разве что недавно видела – такая юная девица в берете... Пылесос вытряхивала. Она еще удивилась: поселилась тут, что ли? Или домработница у соседа завелась? Не похожа девушка на домработницу – в пальтишке таком элегантном, белом... Нет, раньше не видела. Ну, имени она, конечно, не знает. И других по имени не знает, конечно. Что же это за вопросы такие, разве она подсматривает и подслушивает? Вовсе нет! Просто собиралась в магазин, была в прихожей, слышала шум на лестнице – ну и заглянула в «глазок»...

С этим скудным урожаем Кис ее и покинул.

– Может, и впрямь частный детектив? – с надеждой спросил Реми.

– Может. Только нам с тобой от этого не легче. Он приходил до того, как квартиру опечатали... Из чего следует, что кто-то искал либо самого Тимура, не зная, куда он пропал, либо – его убийцу, зная раньше милиции, что Тимур мертв...

Ваня был приставлен к подъезду до шести вечера – почти безнадежная затея подстеречь чернявого, если тот вдруг появится. В семь Ваня должен был отрабатывать барщину с Сергеем Петровичем – то бишь с Сергеем, который был вовсе не Петрович, но зловредный Кис дал ему отчество географическое – от Петровки.

Следующим этапом в бурной детективной деятельности был обед. Завернув в первое попавшееся пищезаведение, детективы заказали себе пивка, раков, рыбки разной и неплохо посидели, обсуждая насущное.

В кафе они и расстались – Реми умчался на свидание с Ксюшей, а Кис потопал в агентство Тимура.

Отреставрированный особняк на Садовом кольце; устеленные светло-серым ворсистым ковровым коридоры, мягкий, утопленный в стены свет, темно-вишневые кожаные кресла в приемной; на жемчужно-серых обоях превосходные репродукции Пикассо и Дали; секретарша словно сошла с афиши 50-х годов: тугой узел русых волос на затылке, воротничок кремовой шелковой рубашки повязан маленьким черным галстучком, строгий серый костюм сидит отлично на стройной фигуре, не обнажая, однако, ничего лишнего – и ничего лишнего не скрывая... При появлении Киса любезная улыбка моментально приклеилась к ее накрашенным красным губам. Выслушав Алексея, она элегантно кивнула русой головкой и попросила его подождать. Превосходные ноги в прозрачных чулках и черных туфлях-лодочках показались из-за стола и прочно приковали к себе внимание Киса на те секунды, в которые их обладательница прошагала три метра, отделяющие ее от двери начальственного кабинета, обитой, в тон к креслам, темно-вишневой кожей.

«Богатый тут народ водится, – рассудил Кис, – и не без вкуса...»

Полный мужчина лет сорока принял Киса незамедлительно. Он представился Анатолием Николаевичем, временно исполняющим обязанности директора. Врио усадил Киса в кресло, сам деликатно уселся напротив, в другое кресло для посетителей, а не за начальнический стол – воплощение такта и любезности, – и изобразил на своем лице бескрайнее внимание.

Анатолий Николаевич был лысоват, коротко стрижен, меж полных щек на круглом гладком лице застрял острый нос, голубо-серые глаза смотрели мягко и хитро, постоянно ускользая от прямого взгляда. Ощущение благодущия и довольства жизнью, исходившее от него, нахлынуло на Киса, как теплый душ, и он расслабился, раскинувшись с комфортом в удобном кресле (темно-вишневом, разумеется), и положил ногу на ногу.

Отказавшись от алкогольных напитков, предложенных в щедрой гамме, Кис остановил свой выбор на апельсиновом соке и, получив его из рук миловидной русой секретарши с красным ртом, пустился было в объяснения, что пытается, мол, установить... И был перебит.

– Не стоит тратить ваше драгоценное время на объяснения! Человек убит, и наш святой долг – помочь найти убийцу! Спрашивайте!

«О-о, тут в ход лозунги пускают! – насторожился Кис. – Тут, гляди, ни слова правды не добьешься... Попробуем, однако».

– И долго вам еще во врио ходить? – закинул он удочку.

– Это акционерное собрание будет решать.

– А шансы остаться на посту не временно – есть?

– Ну... – Он довольно поерзал в кресле. – Имеются.

– Это приятно. Поздравляю.

– Тьфу-тьфу. Сглазите!

– Чего там! Если такой человек, как вы, считает, что есть шансы... То они так-таки должны быть!

– А какой «такой человек, как я»? – насторожился полнощечий временный директор. – Вы же меня не знаете!

– Я наследственный физиономист. У вас на лице, дорогой Анатолий Николаевич, написано, что вы умеете просчитывать ходы вперед. Других кандидатур скорее всего просто нет, правильно?

Кис бил почти наверняка – в таких конторах все, как правило, «свои», чужака со стороны не возьмут, а среди «своих» крайне редко бывает больше чем один кандидат.

– Ну, практически нет... Но это не значит...

– Правильно, тьфу-тьфу. Береженого бог бережет. Дождемся решения акционеров. Но ясно одно: вам смерть Алимбекова оказалась кстати, а? Иначе не видать бы вам даже шансов на директорское кресло, – перешел Кис от лесты к грубым намекам.

Анатолий Николаевич, казалось, не верил своим ушам. Он долго молчал, переваривая фразу Киса, и на лице его отражалось почти детское непонимание.

– Вы что... Вы, кажется, намекаете?.. Что это я?

Кис, естественно, намекал. Он вовсе и не думал, что этот круглый мужичок мог оказаться убийцей, но это входило в его психологическую постановку сцены разговора: иначе не избежать бы ему лозунгов и общих фраз до самого конца. Надобно было маленько сбить чрезмерное благодушие врио.

– А почему нет? – невинно спросил он, наблюдая, как тот пытается прикурить от золотой зажигалки. Непослушные руки Анатолия Николаевича никак не могли высечь искру.

– Но... Но... Но помилуйте, с какой это стати? – зло швырнул он зажигалку на стол.

– Чтобы место занять, – протянул ему свою дешевую зажигалку Кис и дал прикурить. – Местечко-то тепленькое! Да и к начальству поближе – к акционерам вашим. Чем не мотив?

– Но это же не значит, что я убил Тимура! – выпустил непомерно большое облако дыма Анатолий. – Мало ли кто мог выгадать от его смерти! Тут и покруче моего найдутся интересы!

– Вот вы мне о них и расскажите.

– Да я не знаю ничего!

– А говорите – покруче найдутся интересы. Так что же? Либо ваши интересы, либо чьи-то еще, «покруче». Выбирайте.

Исполняющий обязанности совсем сник. Он жалобно посмотрел на Киса и, почему-то понизив голос, произнес:

– Я правда не знаю ничего. Там, – он показал глазами куда-то вверх, – люди крутые, а у крутых людей всегда есть проблемы, сами понимаете. Чего-то не поделил, или не вернул, или еще чего – я, честное слово, не знаю. Я в курсе только тех дел, которые касаются нашего агентства. А в нашем агентстве все чисто. Мы выполняем заказы, делаем видеоклипы, художественную рекламу, световую, делаем в прессе публикации – все нормально, работаем профессионально, ребята у нас квалифицированные, нанимаем по дипломам, а не по дружбе...

– Хорошо зарабатываете?

– Прилично.

– В чей карман идут доходы агентства?

– Акционерам!

– Проблем не было?

– Если и были, то до моих ушей не доходило. У нас все очень четко: дела агентства – для всех, а что у них наверху происходит – один Тимур знал.

– Он был хорошим директором?

– Я бы даже сказал – отличным! Все-таки он специалист, много лет на журфаке МГУ преподавал. Только один у него был недостаток – времени уделял маловато. Приходил сюда на несколько часов. Он, конечно, за эти несколько часов успевал все сделать: и приказы раздать, и проверить, и подписать, и важных клиентов принять... Но нам приходилось на ушах стоять. Бывало, Тимур нужен – хватать, а его нет. Правда, у нас с ним всегда была связь по мобильному.

– А где он пропадал?

– Да кто ж его знает? Мобильный – он всегда с собой, не поймешь – может, с клиентами, может, просто дома или на даче, может, в сауне или в ресторане – пойдешь разбери.

– Конфликтов с заказчиками не было?

– Что вы, Тимура знать надо! Умел обаять и расположить к себе даже врага заклятого. Он умел себя вести! Он со всеми дружил! Ему люди доверяли – и в деловом отношении, и в личном.

– И не подводил?

– Никогда. У меня даже такое ощущение, что к нему приходили за советом, за помощью – так доверяли. В наши времена, согласитесь, это большая редкость.

– А поподробнее?

– Поймите, я действительно не знаю. Никогда при посторонних он не вел личные беседы. Только иногда уловишь пару первых фраз по телефону, и он тебе показывает на дверь – закрой, мол, с той стороны. У нас тут не принято подслушивать, да и не подслушаешь, – Анатолий Николаевич показал на надежно обитую кожей плотную дверь. – А вот с каких-то отдельных фраз и сложилось впечатление, что люди звонят посоветоваться...

– Список ваших заказчиков дадите?

– Пожалуйста, пожалуйста, – засуетился временный директор и кинулся к селектору, чтобы вызвать секретаршу.

– Погодите, – остановил его Кис. – Потом. Среди ваших клиентов есть фирма «Орхидея»?

– Нет.

– Вы не слишком ли быстро отвечаете? Помните всех наизусть?

– Помню! – насутился врио. – «Орхидея» не была нашим заказчиком.

– Расскажите мне о ваших акционерах.

– Что именно?

– Кто такие, для начала.

– Два акционерных общества: «Квадро» и «Карат».

– «Карат» – это тот самый, который проводит аукционы антиквариата и ювелирных изделий?

– Он самый. А «Квадро» занимается сложными электронными системами охраны повышенной надежности – в основном для музеев, ювелирных магазинов, банков... У них свое конструкторское бюро есть.

– Тимур часто выезжал за границу по делам?

– Частенько. У нас свои иностранные контакты да плюс по делам АО.

– Не летал ли он в Швейцарию год назад?

– Секретарша даст вам список его командировок.

– Знаком ли вам Андрей Зубков? – Кис решил прощупать связи между «Фениксом» и «Орхидеей» с другой стороны.

– Нет. Кто такой?

– А Александра Касьянова?

– Не слыхал. У нас таких клиентов нет.

– Тимур никогда не упоминал эти имена?

– Нет.

– Почему он снимал квартиру, а не купил себе какие-нибудь хоромы в центре Москвы?

– Не хотел светиться. Вот дача у него – это не то что хоромы, а целый дворец! А в городе он не хотел.

– Вы бывали на даче?

– Бывал. Он там всегда устраивал приемы...

У Анатолия Николаевича разлилось по лицу блаженное выражение, и он даже зажмурился от удовольствия, вспоминая «приемы».

– Вкусная жратва, сауна, девочки? – предположил Кис, глядя на его замаслившиеся среди жирных щек глазки.

Временный директор неожиданно покраснел и, нервно сглотнув, кивнул головой. Кис не стал акцентировать щекотливый поворот в сюжете и, подавив волну отвращения, сменил тему:

– Бумаги Тимура еще здесь?

– Нет, забрали все, что было...

– Милиция?

– Акционеры.

– Что там было?

– Это его личный сейф, и я не могу знать...

– И все же?

– Папки с данными на каждого заказчика, все наши финансовые документы...

– Приворачиваете?

Анатолий Николаевич уставился на Киса с таким изумлением, что глаза его заслезились. Кис понимал, что шок вызван вовсе не повышенной честностью временного директора, а циничной прямоотой вопроса, и молчаливо ждал, холодно глядя на покрасневшее лицо собеседника.

Тот проглотил-пожевал свою слюну и нашелся наконец:

– Что вы себе позволяете?!

– Я позволяю себе задать вопрос. Кладете ли вы деньги к себе в карман?

– Лично я?

– Лично вы.

– Нет!

– А Тимур приворовывал?

– Знать не знаю!

«Он, конечно, тащит и берет – где может и с кого может, – подумал Кис. – А вот Тимур... Не исключено, что этот толстяк и впрямь не знает: вряд ли Тимур, будучи человеком тонким и умным – а он таковым был, раз к нему обращались за советом, – посвящал эту свинину в свои дела...»

– Ну что ж, давайте мне ваши списки, – сказал он, вставая.

Пока красноротая секретарша искала запрошенные Кисом сведения, временный директор нетерпеливо переминался, словно ему занудило срочно в туалет. Наконец он не выдержал и, не дожидаясь ухода Киса, спешно попрощался с ним, но направился не в сторону туалетов, а к себе в кабинет.

«Звонить будет, докладываться акционерам, – понял Кис. – Сейчас там тоже засуетятся... Ну и нехай суетятся».

Получив в руки список заказчиков, адрес дачи и список командировок Тимура за последние два года, Кис покинул особняк в полном недоумении. У него на руках была информация, которая могла оказаться очень ценной для следствия. Но вот только вопрос заключался в том, ведет ли он следствие? Зачем ему все это нужно? Следуя профессиональной привычке, он собрал максимум сведений в разговоре, а ведь все, что ему было необходимо, – это узнать, летал ли Тимур Алимбеков в тот день в Лугано! Из списка командировок следовало, что не летал. Ни в Лугано, ни вообще никуда. Хорошенький у него улов: выяснил, что все вокруг лгут. Ксюша солгала, что Тимура видела в аэропорту – поскольку, если он не улетал, то что он там делал? Александра и Андрей Зубков – что не знали Алимбекова раньше. Поскольку они на журфаке МГУ учились, а он там много лет преподавал...

Впрочем, возможно, что Алимбеков не улетал, а встречал кого-то в аэропорту, и Ксюша ошибочно связала объявление о регистрации на Лугано с тем фактом, что он поднялся со стула; а Александра и Андрей могли учиться в университете в годы, когда Алимбеков уже – или еще – там не работал... Все это следовало проверить, но зачем? Ему никто не поручал вести следствие, правильно? Он и так уйму времени потерял для Реми, а у него свои дела стынут. Хорошо бы, конечно, на дачу наведаться, и к акционерам этим, и к заказчикам... Но опять же зачем? Остается еще, конечно, этот парень, чернявый, который расспрашивал про посетителей Тимура и получил от соседки описание Ксюши... Кто и зачем интересовался посетителями? Ну, зачем, это понятно: кто-то ведет свое следствие. А вот кто?.. И насколько это чревато последствиями для Ксюши? Трудно предположить, что девочку разыщут: в друзьях Тимура она не числится, в записных книжках не указана – это он уже проверил, никто из его знакомых ее не видел и не знает. Все равно что искать иголку в стоге сена...

И Кис поехал домой.

Дома Кис для очистки совести снова уткнулся в ежедневник Алимбекова. В адресном разделе не было Александры. Андрей Зубков был, но наличие телефона владельца квартиры было абсолютно естественным и вовсе не свидетельствовало о том, что они с Тимуром давно знакомы...

Кис уже было убрал еженедельник в секретер, как снова вытащил его. Сам себя ругая за лишнюю трату времени, Алексей полез в раздел, где были цифры и шифры. Достав полученный в «Фениксе» список заказчиков агентства, он принялся сверять инициалы. Совпадения были. Немного, но были... Это заставляло задуматься. Список из агентства указывал сначала фирму, затем ее директора, затем ответственного – то есть того, кто непосредственно вступал в контакт с «Фениксом» от фирмы-заказчика. Было, помимо организаций, несколько политиков, обращавшихся за помощью в предвыборных кампаниях;

было несколько звезд шоу-бизнеса – эти две категории совпадали напрямую: Сергей Шувалов – СШ, Аня Протова – АП, Елена Цветова – ЕЦ, и так далее... Напротив были суммы в долларах. Взятки? Хорошо бы узнать, какие суммы были уплачены «Фениксу» официально – тогда можно будет понять, выражают ли эти цифры стоимость работы агентства или суммы эти не имеют прямого отношения к работе и тогда – имеют прямое отношение лично к Тимуру... Тогда взятки. А может, долги?

Была в еженедельнике еще одна странная таблица, в которой стояли цифры напротив цифр. Похоже, что порядковые номера. Но номера чего?

Вопросов много. Работы много.

Но с какой стати Кис будет ее делать?

Глава 10

...Весь вечер в ресторане Реми пытался быть непринужденным, но ему это слабо удавалось. На душе было смутно, и он, произнося какие-то банальные фразы, то и дело погружался в размышления. До отъезда оставалось мало времени, и необходимо было разобраться в себе, понять, с чем он уезжает...

Реми был истинным французом. А это означает, вопреки легенде, прочно утвердившейся в мире, что он был человеком, неуверенным в себе. Неуверенность сия, хорошо спрятанная за веселой раскованностью, черпала свои истоки в коренной преданности французам традициям и постоянной борьбе с ними. Медленно, но тяжеловесно вступали в силу новые ценности – достаточно тяжеловесно, чтобы расшатать представления о том, *как должно*, но слишком медленно, чтобы их полностью опрокинуть. *Как должно* – «*comme il faut*», или знаменитое «комильфо» – о, француз в этом силен!^[5] Он знает, как и где надо учиться, как надо одеваться, себя вести, работать, заводить семью, обставлять дом, принимать гостей, растить детей... И француз всегда поступает «комильфо», как надо; он живет, как должно.

Но на традиционные «надо» и «должно» наехали новые, разрушительные идеи. Так, вдруг стало очевидным, что надо найти себя, что должно время от времени заглядывать в собственную душу, жизнь которой не всегда совпадает с жесткими границами определенного традицией круга. Как совместить это с представлениями о предначертанном пути, который начинается со школы, продолжается в высшей – престижной, несомненно, – школе, затем в приличной фирме и ведет к вершинам успешной карьеры? К тому же вдруг оказалось, что в представления о необходимости иметь семью, обеспечивать ее и воспитывать детей, основанные на долгих католических традициях, врывается слово «любовь». Любовь как самоценность, любовь как личностная самореализация... Не то чтобы француз женился не по любви, но это – если повезет – могло стать хорошим, удачным приложением к делу. Само же дело было куда значительнее, фундаментальнее: основание семьи – то есть выполнение своего гражданского и общественного долга. Понятно, что с таким сверхсерьезным делом не торопились, отгуливали сначала молодость, становились на ноги в карьере, в финансовом положении, затем происходил выбор подходящей для такого важного дела кандидатуры, и в выборе руководствовались многими соображениями, среди которых любовь была лишь одним из. И то не всегда – Реми помнил, как еще друзья-мальчишки в лицее прикидывали: сделаю карьеру, женюсь на скромной женщине из хорошей семьи, которая будет заниматься домом и детьми, – и вот тогда, в придачу, заведу себе пару-тройку хорошеньких любовниц... Вот он, предел мечтаний, вот она, личностная самореализация, вот она, любовь а-ля франсез...

Да и с самим этим чувством не все было ладно во французском королевстве... В менталитете, сложившемся веками, этому чувству было отведено столь ничтожно малое место среди амбиций, тщеславия, притязаний на успех, стремления сделать карьеру – всего того, что связано с самоутверждением в обществе, – что когда оно вдруг накатывало на французам, то одному французам начинало казаться, что внутри его происходит нечто, сравнимое со взятием Бастилии – символом разрушения устоев общества.

И, будучи истинным французом, Реми терял почву под ногами от нахлынувших чувств, а в голову при полной неразберихе лезли мысли плоские, будничные, не соответствующие по размаху его чувствам, мелочно-бытовые... Хотя и важные. Например, что квартира для двоих маловата, что со своим незаконченным журналистским образованием Ксюша никогда не найдет работу и ей надо будет либо сидеть дома – а современные женщины этого не любят, – либо начинать заново учиться чему-нибудь другому во Франции... В общем, он не был готов столкнуться лицом к лицу с проблемами семейного устройства своей жизни и жизни своей будущей жены.

Но он и вовсе не был готов столкнуться с тем, что любовь разрывала его сердце на части, а тревога за Ксюшу просто добивала его. Он смотрел на ее живое кареглазое личико, на вздернутую верхнюю губку, тонкие пальцы, роскошные душистые волосы и умирал от желания быть с ней неразлучно и невозможности устроить это прямо сейчас... Однако Ксюше он не мог всего этого высказать и только молча терзался. И ему казалось, что Ксюша, не понимая его задумчиво-растерянного молчания, и сама впала в какое-то отчуждение, ушла в себя...

Ксюша весь вечер пыталась быть непринужденной, но ей это слабо удавалось. Она улыбалась Реми, роняя какие-то слова, но мысли ее возвращались постоянно к сестре, к их недавнему разговору. Она винила себя в том, что не была внимательна к Александре раньше, что ведь давно с ней что-то странное происходит, а Ксюша, как последняя эгоистка, была всегда занята только собой, как будто у сестры, старшей и самостоятельной, не может быть бед и печалей...

Любительница хорошей литературы и почерпнутых оттуда возвышенных идей, которые до сих пор не входили в противоречие с жизнью, Ксюша осмысливала все в простых понятиях добра и зла. Жизненный опыт еще не сместил, еще не размыл, не углубил и не омрачил эти понятия. Она была убеждена, что из любой ситуации есть выход, что тому, кто в беде, надо помогать. И она была даже готова навязывать свою помощь, относя нежелание других эту помощь принимать за счет их деликатной застенчивости и боязни обременить своими проблемами...

Вот и сейчас она продумывала меры оказания помощи старшей сестре. Необходимо срочно восстановить в ее душе мир, покой и любовь к людям. Что может быть спасительней этой любви? Только она способна помочь прощать, переносить стойко удары судьбы и не чувствовать себя несчастной и обделенной жизнью.

Но для начала надо было понять, что могло с Александрой приключиться – и когда? И Ксюша копалась в памяти, пытаясь восстановить лица и разговоры, пытаясь уловить в мешанине воспоминаний того или то, что было виновником горьких перемен с сестрой.

Но не находила. Да, старшая сестра никогда не делилась с ней своими секретами. Понятное дело, ведь разница между ними была большая и Александра для Ксюши была скорее чем-то вроде третьего родителя, чем подругой-сестрой. Но одно дело, когда Ксюше было одиннадцать лет, а Саше двадцать два, – и совсем другое сейчас, когда Ксюше двадцать один и когда она уже взрослый человек, способный понять многие вещи и даже дать совет. Необходимо поломать эту инерцию отношений, эту разделенность на категории «взрослые» и «дети», которая мешала им сблизиться! Нужно заставить Александру увидеть и признать в младшей сестре равноправного человека, у которого есть мысли, который способен ее понять и разделить ее проблемы, а может быть, и помочь в их разрешении...

И только поймав растерянный, какой-то беспомощно-обеспокоенный взгляд Реми, Ксюша поняла, что их предпоследний вечер провален. У них оставался впереди еще один день, последний – воскресенье. В понедельник он должен был улетать.

Проводив Ксюшу до дома, Реми, расстроенный собственной нерешительностью, поехал к Кису.

Но и Кис ничем его не утешил. Дело представлялось запутанным, сложным, в нем было множество ходов и ниточек, ведущих к разным людям, но это было не их дело. Они не имели к этому Тимурову никакого отношения и не собирались распутывать клубок загадок, связанных с его убийством.

Ровно до полудня в воскресенье.

Глава 11

В полдень Реми пришвартовался у Ксюшиного подъезда – в программе была Поклонная гора. Ксюша опаздывала, Реми спокойно ждал, шофер такси нервничал и уgomонился только тогда, когда Реми вытащил из кармана еще одну десятидолларовую бумажку.

Реми был готов к разговору. Ночь не прошла для него даром. Он знал, что он предложит ей выходить за него замуж, он знал ответы на все вопросы – на свои и на ее, которые он предвидел; он придумал, как все устроить во всех отношениях, как развеять все сомнения. Пусть только скажет, что любит его... Он, конечно, сам начнет с признания. Когда они будут на Поклонной горе, он остановится, возьмет ее за плечи, посмотрит в эти дивные глаза и скажет: я люблю тебя, Ксения. Я люблю тебя так, что мне даже не хочется произносить это слово – я произносил его уже в своей жизни, и то, что я этим словом называл, совсем не похоже на то, что я испытываю к тебе. Если именно это – любовь, то, значит, я никогда раньше в жизни не любил... Ты мне нужна, девочка, как воздух, – без тебя не дышится, не живется, не чувствуется... При мысли о том, что я должен уехать и оказаться без тебя, вдали от тебя, я начинаю задыхаться. Я начинаю умирать, Ксюша...

Когда истекло полчаса, занервничал и Реми. Ксюша была довольно пунктуальна, и ее единственное за все это время опоздание было в пределах десяти минут. Поколебавшись, он решил подняться в квартиру, у дверей которой не раз целовал на прощанье Ксюшу, провожая ее вечерами.

На его звонок открыла, по всей видимости, Ксюшина мама – маленькая полуседая женщина в очках, с такими же розовыми щеками и добрым выражением глаз, как у Ксюши. Она приветливо улыбнулась Реми и практически мгновенно поняла, кто он такой. Кивая усиленно головой, мама размахивала руками и громко кричала по-русски – словно оттого, что она говорила изо всех сил погромче, Реми должен был понять незнакомые русские слова:

– Ушла, ушла! Там, внизу! Ждет вас там внизу! – тыкала мама пальцем в направлении лестницы. – Вни-зу, вни-зу, там! У подъезда, понимаете? Вы разве не видели Ксюшу у подъезда?

На шум вышел Ксюшин папа. Он похлопал дружески Реми по плечу и, подведя его к краю лестничной площадки, произнес слова: «даун, дор!», в коих Реми не сразу опознал «внизу, дверь». Он пожал плечами и, вежливо покивав родителям, спустился вниз, удивляясь, как он мог не заметить Ксению.

Однако даже при самом тщательном осмотре он нигде не обнаружил девушку. Ее не было ни у подъезда, ни в ближайших его окрестностях, ни вообще во дворе. Для верности Реми обошел дом – тщательно. Ксении не было.

Он снова поднялся и позвонил в дверь, которая распахнулась мгновенно, и Ксюшин папа, одетый в куртку, ступил на лестничную площадку, покачивая головой, словно Реми был маленький несмышлениш. Реми стал показывать жестами, что, мол, нет Ксюши нигде, но папа легко побежал вниз. Реми не стал спорить, тем более что в его распоряжении не было языка, на котором можно было бы поспорить, и снова пошел вниз за ее отцом. Ему, решил Реми, должно быть, кажется, что если человек не может говорить на его языке, то этот человек вообще ни на что не способен...

Спустя десять минут растерянный и побледневший Ксюшин отец смотрел непонимающим взглядом на Реми. Тот тыкал пальцем в часы: мол, жду ее с двенадцати... Папа тыкал в ответ: она спустилась без десяти двенадцать!

Уже и Ксюшина мама показалась внизу, встревоженная не на шутку. Узнав от мужа, что Ксюши нет,

они, быстро посоветовавшись, потащили Реми снова наверх, твердя: «Александра, Александра!»

Втроем сгрудились у телефона. Начала мама – срывающимся голосом, в котором уже слышались слезы, она кричала: «И у тебя нет? И ты не знаешь?!»

Папа выдернул трубку из побелевших пальцев жены. Что-то объяснил старшей дочери и передал трубку Реми. Реми объяснил в свою очередь, что приехал... ждал... все осмотрел... нигде нет.

Александра бросила коротко: «Я еду, ждите».

– Погодите, – остановил ее Реми, – вызовите сюда Киса.

Около половины второго Кис с Ваней и Реми в хвосте начали обходить соседей. Одни видели Ксюшу – стояла у подъезда. Другие видели – садилась в машину. Черную, большую, вроде бы в «Волгу». Кто-то дополнил: машина подъехала к девушке, и оттуда что-то спросили. Ксюша к дверце наклонилась и стала рукой показывать – дорогу, должно быть. Потом Ксюша села в машину...

– Села? Или ее затащили? – приставал Кис к свидетелю.

– Села сама вроде бы...

Один из жильцов уверял, что это была «Волга-3110», номера машины не запомнил никто, и за тонированными стеклами никому не удалось разглядеть сидящих или сидящего в машине человека...

Александра рванулась вызывать милицию. Кис отвел ее в сторонку и тихо (чтобы не слышали ни во что не посвященные родители) предостерег: не стоит эту историю милиции рассказывать – всю эту байку с Шарон Стоун, с придуманным и сбежавшим трупом, ей все равно не поверят, да и Реми она таким образом подставит – он нарушил закон, вскрыл чужую квартиру – за это по головке не погладят...

Александра кивнула и исчезла в прихожей, где стоял телефон.

В комнате зависло молчание. Гнетущее, тяжелое молчание, нарушаемое лишь шлепаньем тапочек – Ксюшин отец ходил взад-вперед по комнате, как маятник.

– Перестань ходить! – выкрикнула Ксюшина мама. – У меня твои шаги отдаются в голове!

Ксюшин отец сел, ссутулившись, на краешек стула, зажав ладони худыми коленями. И снова зависла тишина, нарушенная лишь возвращением Александры.

– Сейчас приедут... – выдохнула она.

Присела возле Киса:

– Вы думаете, похищение Ксюши связано с этим делом?

– А вы как думаете, что это очередное «простое совпадение»? – ответил вопросом на вопрос Кис.

Александра промолчала.

– Могла ли Ксения принять от сидящего в машине предложение выпить... мм-м... допустим, чашечку кофе в баре? – тихо спросил ее Кис.

Александра вскинула злые глаза.

– А вы как думаете? – мстительно ответила она вопросом на вопрос.

– Что нет.

– Зачем тогда задавать идиотские вопросы?

– Ваше мнение для меня весомее моего собственного...

Бездействие угнетало всех, но никто не знал, что предпринять. Не выдержав, мама резко встала и ушла в соседнюю комнату, откуда сразу же донеслись сдавленные рыдания, похожие на тихий вой.

Всем сделалось тоскливо и тошно, воображение, поначалу парализованное, принялось рисовать сцены одна страшнее другой...

– Ксюша могла сесть в незнакомую машину? – не выдержал тягостной тишины Реми. Кис перевел его вопрос.

– Не понимаю, зачем? – спросил ее отец.

Мать затихла в соседней комнате, прислушиваясь к разговору.

– Допустим, кто-то попросил показать дорогу. Могла?

– Могла, – ответила Александра. – Она доверчивая идиотка. Когда она была маленькая, я ее постоянно наставляла: не ходи с чужими, не садись в машины... Ну и прочее, что говорят детям. Но она выросла, и я перестала ей об этом твердить. Я только предупреждала ее, чтобы никогда не голосовала на дороге, особенно вечерами...

– Как вы думаете, – спросил Ксюшин отец, робко подняв глаза на присутствующих детективов, остановив свой взгляд на Реми, который ему, должно быть, казался уже почти членом семьи, – за нее потребуют выкуп?

Кис уже было хотел солгать – что да, мол, скорей всего, – чтобы дать надежду родителям, но Александра взорвалась нервным, резким выкриком:

– Ты что – миллионер?! Чтобы у тебя красть дочь и требовать выкуп?!

Отец ссутулился еще больше, и Кис с Реми переглянулись: старшую нельзя было упрекнуть в излишней деликатности.

– Сашенька, – появилась, всхлипывая, мама, – а не могло это случиться из-за... Из-за твоих статей? Может, кто-то тебя шантажировать хочет?

– Мама, – Александра совладела с собой и говорила теперь мягко и горько, – если бы кому-то мешали мои статьи, то мне бы просто пригрозили: типа заткнись, а то мы тебя пристрелим. Или твоих близких... Сейчас, мама, это так делается. Никто не стал бы похищать Ксюшу ради этого. И вообще, давайте прекратим гадать и строить версии! Сейчас приедет милиция... Она и будет строить версии. А вам, – повернулась она в сторону Киса с Реми, – лучше уйти. Меньше людей – меньше вопросов, а меньше вопросов...

– Меньше лишних объяснений, – закончил за нее Кис.

Договорившись с Ксюшиной родней о постоянной связи, сыщики поехали к Кису на Смоленку. Вани не было – усакал в воскресный день к родителям поживиться вкусным маминым обедом.

Оказавшись в четырех стенах пустой, холодной (топить еще не начали) квартиры Киса, сыщики совсем захандрили. Казалось, что надо куда-то бежать, что-то предпринимать, делать, действовать! – но никто из них не понимал, с какой стороны можно взяться за дело. Искать машину, номеров которой никто не запомнил? Это и милиции не под силу, несмотря на имеющиеся в ее распоряжении средства поиска. В самом деле, даже если они передадут на все посты ГАИ описание машины, то вылавливать в мощном машинном потоке черную «Волгу»... Сами понимаете... Да она уже небось сто раз доехала до места назначения!

Не вынеся бездействия, Кис, не слишком представляя себе, что он станет объяснять, все же попытался разыскать Серегу. Но тот был на даче. Номера его мобильного Кис не знал, а ворчливая женщина – должно быть, Серегина мать, ревностно охранявшая выходные дни перегруженного сына, – не желала его давать. Конечно, скажи он милиции, что похищение Ксюши связано скорее всего с делом об убийстве Тимура Алимбекова, то в ход будут пущены совсем другие силы, средства и люди! Серегу и на даче разыщут, из-под земли достанут! Но ведь Кис сам советовал не говорить... Западня какая-то! Кис снова перебрал возможные объяснения, которые можно было бы дать милиции, связав Ксюшу с делом Тимура и в то же время обойдя молчанием эту дурацкую выдумку сестер и участие в ней Реми, – но ничто не приходило на ум. Либо рассказывать всю эту невероятную правду, в которую никто на Петровке не поверит и только впутает всех по уши в дело об убийстве, либо молчать. Но тогда и меры по розыску Ксюши другие, и срочность другая...

Ох-хо-хо! Он поплелся на кухню за выпивкой, в которой они с Реми явно нуждались для укрепления духа.

Тоскливо проползли два часа, в которые Реми медленно напивался, кляня себя за то, что не доверился своим предчувствиям, – ведь знал же он, ведь чувствовал, что девочке грозит опасность! – и в которые Кис увещевал его не валять дурака и не приписывать себе возможности, которых у него вовсе не было, чтобы теперь не сожалеть о том, что их не использовал. В самом деле, ну, будь Реми даже уверен на все сто, что на Ксюшу могут выйти, – что он, ее телохранителем бы заделался? Смешно, ей-богу, ему вообще улетать завтра. Ничего не смог бы Реми сделать для Ксюши, и незачем рвать теперь рубаху на груди, взывал к благоразумию француза Кис. У Реми вообще нет опыта криминальных расследований – у них там во Франции по таким делам к частным детективам практически никто не обращается, им все больше слежку за неверными супругами поручают да шпионить за конкурентами...

– Ну, что, скажи, разве я не прав? – Кис тоже начинал пьянеть, хотя, учитывая немалый стаж, присущий Кису как любому русскому мужику, он пьянел куда медленнее Реми. – А? Молчишь? Потому что я прав. Ничего бы ты не смог сделать, ни-че-го...

Звонок телефона выхватил их из тягостного полупьяного разговора. Звонила Александра – просила разрешения приехать.

– Валяйте, – не совсем трезвым голосом ответил ей Кис.

Александра замешкалась на том конце провода, учуяв его сомнительную интонацию, и, ничего не ответив, положила трубку.

Но все-таки приехала. Окинув взглядом детективов, она молча подошла к столу, брезгливо взяла за горлышко две бутылки, виски и водку, унесла их на кухню и убрала в первый попавшийся шкафчик. Так же молча унесла грязные стаканы и поставила их в мойку.

– Вымоете, когда протрезвеете, – бросила она холодно Кису. – И нечего француза спаивать. Он наш жених, можно сказать.

Все это было произнесено по-русски, и Реми ничего не понял, лишь молча наблюдал за решительными действиями Александры. Кис же в ответ только икнул.

Протерев столик, Александра отправилась на кухню и, разыскав все необходимое, заварила крепкий чай, нашла в холодильнике какую-то еду и накрыла столик.

– Ешьте. Пейте чай. И трезвейте.

– А вы не можете так почаще... Приходить? – спросил Кис. – Люблю, когда обо мне заботятся. Я даже согласен специально напиваться, если в вас это провоцирует материнские чувства... В виде заваривания чая и нарезания колбасы... А?

– Мои материнские чувства могут далеко зайти, – сухо отпаривала Александра. – Могут дойти до того, что я надаю тебе по пьяной морде.

«Ой! Она перешла на «ты»!» – возрадовался Алексей, не придав значения контексту, в котором это «ты» было произнесено.

– Расклеились! – продолжала Александра. – Распустили нюни! Сидят наклюкиваются! Мужики называется! Детективы, е-мое!

– Вы в своих статьях так не выражаетесь... – Кис нарочно придал пьяную интонацию своему голосу, чтобы подразнить Александру, – не настолько уж он был нетрезв, да и при появлении Александры хмель почти слетел с него.

– Я тебе еще не так выражусь, – пообещала Александра. – Я владею русским языком в совершенстве, причем всеми его пластами. Пей чай, и молча! Как это делает твой друг, – кивнула она на Реми.

Реми, поскольку никто не удостоил его переводом, действительно молча прихлебывал чай в полной и подавленной задумчивости. Уловив движение в свою сторону, он оторвался от созерцания своей чашки и произнес:

– Завтра сдам билеты. Я только не знаю, как с визой быть... Продлят ли?

– Улетай, Реми, – сказал Кис. – Подальше от греха. А то еще загремишь под суд за нарушение неприкосновенности жилища и работу без лицензии...

– Я тут останусь, пока Ксюша не отыщется, – угрюмо заявил француз.

– Как вы будете ее искать? – вмешалась Александра. – Я, собственно, за этим и приехала, чтобы обсудить! Родители после ухода милиции наглотались таблеток и немного успокоились... Я хочу понять: можем ли мы что-нибудь сделать?

Кис начал было мямлить: «Понимаешь, у нас нет средств...» – но Реми вдруг произнес:

– Она сама найдется.

– Как это? – в один голос спросили остальные.

– Мы все согласны, – принялся объяснять Реми, – что Ксюшу похитили в связи с делом Тимура, так? Совпадение очень маловероятно, правильно? И возможность похищения ради выкупа тоже отпадает?

– Правильно, так. Что дальше?

– Значит, ее похищение вытекает из того, что кто-то узнал у соседки о посещении ею квартиры Тимура. Далее, как они нашли Ксюшу? – Реми обвел глазами своих собеседников.

– Выследили, – произнес Кис.

– Именно. Что мы можем об этом сказать? Что мы олухи. Никому из нас не пришла в голову мысль об этом, никто не позаботился проверить, нет ли «хвостов»... А нас выследили – и Ксюшу скорее всего через нас. Потому что у квартиры Тимура она больше не появлялась, зато появлялись мы... Правильно? За нами был «хвост», и, когда Александра с Ксюшей приехали сюда, тот, кто следил, обрадовался: удача! Описанная соседкой девушка сама идет в руки! Помните, когда Александра с Ксюшей уезжали, там была черная машина у соседнего подъезда? Парень еще высадил девушку? И поехал сразу же вслед за машиной Александры?

– Вы хотите сказать?.. – Александра нервно передернула плечами. – Это за нами следили?

– Там стояла черная «Волга»! Молодец, Реми, – произнес Кис.

– Ага, молодец... Если бы раньше! Вовремя! А теперь-то что – «молодец»...

– Раньше! Как мы могли тогда предположить? Даже в мою русскую голову не пришло, что за нами кто-то может следить, – чего уж тогда ждать от твоей иностранной? Теперь-то, когда Ксюшу похитили, все становится ясно... Это, знаешь, как в детективном романе – как узнаешь разгадку, так думаешь: как все просто! Да не так-то оно и просто, раз не додумался сам!

– Реми, вы сказали, что Ксюша сама найдется! – требовательно перебила Александра. – И как же это?

– Да вот так. Они надеются у нее что-то узнать. И очень скоро поймут, что она ничего не знает. И отпустят ее.

Кис с Александрой переглянулись. Реми не представлял и даже не мог представить, что незнание вовсе не являлось спасением для Ксюши! Громкие криминальные дела, о которых они в отличие от Реми были наслышаны, говорили о том, что человека могут замучить до смерти в надежде выпытать (в прямом и переносном смысле) у него информацию...

Но никто не отважился объяснять это Реми. Почувствовав их невысказанное сомнение, которое словно зависло в воздухе, Реми резко поднялся, едва не перевернув столик, и отошел к окну.

За окном темно. Редкие снежинки заплесали в воздухе – в начале октября, когда во Франции еще все цветет, в Москве наступают холода... Было тоскливо, и все происходящее показалось ему нереальным, дурным, плохо сделанным фильмом, играющим на нервах у зрителя тягучими сценами «саспенс»...

За его спиной царил подавленное молчание.

– Может, выпьем? – раздался голос Киса. – Налить тебе, Александра? – Кис, пользуясь инициативой Александры, быстренько перешел с ней тоже на «ты».

– Нет, – хрипло ответила она, – и вам не дам пить. Думайте.

Реми только сейчас понял, что Александра плачет. Но он даже не повернулся к ней. Что он мог сказать? Что он мог предложить?

– У нас нет никаких средств для поиска, пойми это, – уныло ответил Кис. – Ни людей, ни информации, ни базы данных, ни постов ГАИ... Это все у милиции. А мы можем лишь продолжить расследование в нашем ритме: вопросы-расспросы, обход всех знакомых – и вычислять, напрягать мозги... Это весь наш арсенал. И это требует времени.

– Боже мой, но надо же что-то делать! – закричала Александра.

– Хорошо, – сдался Кис. – Давай выкладывать милиции все. Не знаю, куда нас, вернее, вас, это втянет, – но давайте. Делать больше нечего. Я сам позвоню.

Реми слышал, как Кис направился к телефону. Александра все еще тихо всхлипывала.

– Мне нужно срочно разыскать Сергея Громова, – говорил Кис в телефон. – У меня есть важная информация по делу, которым он сейчас занимается...

Кис молча ждал у телефона.

Александра плакала.

Реми смотрел в окно в полной прострации.

И только черная «Волга», затормозившая у подъезда, вывела Реми из оцепенения.

– Я был прав... – тихо проговорил он. – Она найдется сама... Или уже нашлась!

Фары, выхватывающие сухие снежинки из темноты, погасли. Мотор заглох. Помедлив, дверца распахнулась, и из машины выбрался мужчина. Лица его нельзя было разглядеть в сумерках, да и фигуру скрадывал угол зрения с высоты четвертого этажа, но все же он напоминал Реми...

Да, он был похож на чернявого парня, ведшего расспросы у дома Тимура!

– Почти. Почти нашлась... – пробормотал Реми.

Он отвернулся от окна и поймал на себе недоуменные взгляды Киса и Александры.

– По-моему, это к нам...

– Кто? – в один голос воскликнули Кис и Александра. Последняя вскочила и кинулась к окну, крича:

– Ксюша?..

– Нет, это какой-то мужчина... Чернявый.

Александра бессильно уперлась в окно лбом:

– Черная «Волга», Кис, слышишь, «Волга»!

Кис не успел ответить: в его квартиру позвонили.

Он бросил трубку телефона, так и не дождавшись ответа. Ринулся в прихожую, распахнул дверь. На пороге стоял молодой парень с кудрявой темной шевелюрой.

Кис молча пропустил парня в гостиную. Тот прошел, остановился в центре, подождал, пока все подтянутся, и наконец окинул цепким, холодным взглядом всех собравшихся.

– Меня зовут Женей, – проговорил он. – Вы – Алексей Кисанов, – ткнул он грязноватым пальцем в Киса, вы – Реми Деллье, а вы... Вы должны быть сестрой Ксении, Александрой.

«Нас не просто выследили, – заключил Кис, – они о нас знают все...» Быстрый взгляд, которым они обменялись с Реми, говорил о сродстве их мыслей.

– Где Ксюша?! Что с ней?! – Александра подошла вплотную к Жене и уставилась своими грозно почерневшими глазами прямо в его равнодушные зрачки.

– Пока ничего, – уклончиво ответил Женя, отступив все же от Александры на шаг и тряхнув головой, будто избавляясь от ее тяжелого, ненавидящего взгляда. – А дальнейшее будет зависеть от вас. Я вас приглашаю в гости.

– Куда это? – хмуро спросил Кис.

– В гости, – повторил Женя.

– Я спрашиваю: куда? – повысил голос Кис.

– Мы предвидели, что ваша реакция окажется неадекватной, – нахально сказал Женя. – И приготовили на этот случай одну маленькую штучку, которая отобьет у вас охоту задавать лишние вопросы...

С этими словами Женя вытащил из нагрудного кармана цветную фотографию, сделанную «Полароидом», и протянул ее Кису.

На фотографии была Ксюша. Она стояла, привязанная за руки к какой-то перекладине вроде турника... Если не сказать – висела. На щеке ее горел малиново-лиловый кровоподтек, усиленный ядовитыми

красками «Полароида», губы распухли, одежда на ней была разрезана вместе с бельем и висела двумя бороздами лохмотьев по обеим сторонам ее тела, обнаженная полоска которого беззащитно белела посередине...

Реми бросился к Кису, выхватил из его рук снимок и, увидев, непроизвольно вскинул руку, словно желая защитить глаза от образа, запечатленного на фотографии.

Они оба не заметили, как сзади приблизилась Александра, и только стук об пол заставил мужчин обернуться: Александра скорчилась на коленях, обхватив себя руками, склонившись головой к полу, как будто она собралась отбивать поклоны, – и в самом деле она раскачивалась в этой нелепой позе, едва не стучаясь лбом об пол, метя его короткими блестящими волосами, и выла: «Это все я, это все я, это я виновата-а-а!»

Кис с Реми кинулись ее поднимать и почти силой отволокли ее на стул. «За что? – кричала Александра. – За что?! Эта девочка, это дитя – это самое чистое, самое доброе существо на свете! Почему жизнь такая дрянь, такая помойка, такое говно, в котором мы все захлебываемся, почему?!»

Кис потрохал на кухню и притащил стакан воды, накапал валерьянки; Реми молча обнял девушку и прижал ее к себе, стиснув зубы, – он слов ее не понял, но столько было тоски в этом зверином крике, столько отчаяния, что и слова не нужны были...

Чернявый Женя молча созерцал эту сцену. Лицо его было равнодушно и одновременно внимательно – его, очевидно, интересовала реакция этих троих людей на принесенное известие. Впрочем, глаза его задержались на Александре, и в них, кажется, на долю мгновения мелькнуло некоторое сочувствие... Но тут же исчезло.

– Так идете в гости? – деловито осведомился он.

Кис мазнул взглядом по Жениному лицу, испытывая сильнейшее желание въехать как следует промеж глаз; но, разумеется, это было бы бессмысленным жестом. Сила была на стороне этого Жени – вернее, на стороне тех, кто его послал...

– Александра, останься здесь; приляг, тебе будет лучше. Реми побудет с тобой. Я ненадолго, – сказал он, накидывая куртку.

– Э-э, нет, – произнес Женя. – Вы мне нужны все. И сестра, и француз. Я жду вас в машине.

Он повернулся и вышел. Александра молча встала, зашла на две секунды в ванную – стереть тушь, черными кругами легшую под заплаканными глазами.

Они спустились втроем, сели в черную «Волгу» и поехали в направлении Измайлова.

Глава 12

Машина притормозила возле школы – старого здания образца пятидесятых годов, из красного кирпича, со светлыми цементными пробелами под окнами. В этот воскресный вечер она была безжизненна, темна и необитаема. Распахнув дверь запасного входа, Женя пропустил группу вперед и запер дверь за собой. Он провел их по пустому темному коридору, гулко звенящему старым паркетом, и, завернув куда-то направо, начал спускаться по лестнице в подвал.

Подвал оказался спортивным комплексом, весьма хорошо оборудованным. Идя по темному коридору, освещаемому лишь фонариком шествовавшего впереди Жени, Кис все же приметил дверь тира, шахматную, бильярдную. Наконец Женя открыл тяжелую металлическую дверь, пропевшую петлями, и они вошли в холодный полутемный зал, все освещение которого состояло лишь из двух обычных настольных ламп, стоявших на полу.

В сумраке просматривался спортивный арсенал: шведская лестница, брусья, бревно и турник – тот самый, к которому на фото была привязана Ксюша... Теперь турник был пуст. На низкой длинной скамье вдоль стены сидело двое мужчин. Ксюши нигде не было видно... Но едва глаза привыкли к мраку, клубившемуся по просторным углам спортзала, как скрюченный Ксюшин силуэт с трудом различился на матах, сложенных стопкой у края скамьи.

Реми словно окаменел и остался стоять у входа, не сводя с ее темного силуэта глаз. Александра бросилась напрямик к сестре, но тут же была схвачена за руки Женей, который вежливо, но твердо остановил ее.

– Пожалуйста сюда, – произнес Женя и подтолкнул Александру к двоим мужчинам.

Реми, казалось, ничего не слышал и словно прикидывал, с чего начать, кому нанести первый удар, чтобы разметать по углам троих мужчин... Со скамейки раздался голос, произнесший по-английски с сильным русским акцентом:

– Прошу вас, господин француз, присаживайтесь. Поговорим мирно.

– И без глупостей, – добавил второй голос по-русски, – мы вооружены.

Кис не замедлил перевести это дополнение.

Очнувшись, Реми подошел к остальным. Один из мужчин поднялся. Он был крепок, коренаст, белобрыс, лет под сорок. Простоватое лицо спортсмена было почти радушно, что как-то не вязалось с их насильным приглашением, да еще и при помощи кошмарной фотографии.

– Ну, милости просим, – сказал он и протянул им руку. – Вы можете не представляться. А меня зовут Борис.

Кис счел за лучшее ответить на пожатие, Реми молча последовал его примеру, Александра убрала свои руки за спину и посмотрела на белобрысого с вызовом. Борис лишь едва заметно пожал плечами.

– А это Валентин, – указал Борис на второго.

Валентин встал, но руки протягивать не стал. Кивнул головой и сел обратно. Этот был помоложе, ровесник Реми, а может, чуть младше. Худой, высокий, с мелкими чертами неприветливого лица, с тем неопределенным цветом жидких волос, какой бывает у потемневших с возрастом русых.

– Это хорошо, что вы приехали, – произнес белобрысый Борис. – Иначе мы могли далеко зайти... Впрочем, теперь не важно. Присаживайтесь. Женя, подтащи маты. И стульчик для дамы.

Женя выполнил распоряжение, приволоча тяжелый мат из угла, противоположного тому, где находилась Ксюша. Кис и Реми уселись на низкий матрас, одинаково обхватив колени руками. Реми моментально оценил хитрость хозяев: в этой позиции они находились ниже тех, кто их пригласил, и, кроме того, были вынуждены держаться за собственные колени, чтобы не откинуться назад – короче, детективы были таким образом нейтрализованы...

Александра остановилась возле своего стула, который Женя подвинул ей почти под колени. Но она осталась стоять.

– Присаживайтесь, – удивленно сказал белобрысый. – Не хотите, что ли?

– Сначала я хочу узнать, что с моей сестрой.

– Что с вашей сестрой? Ничего! В самом деле, Ксюша, деточка, иди сюда.

Все повернулись в сторону Ксении. Ксения не шелохнулась.

– Не бойся, иди сюда, – проворковал Борис. – Видишь, тут твоя сестра и твои друзья... Иди.

Ксюша сползла со стопки матов и настороженно приблизилась к остальным.

Она не была связана, и даже ее разрезанная одежда больше не свисала лохмотьями, а была подвязана... Кис с удивлением опознал прыгалки, обернутые вокруг талии Ксюши несколько раз. Деревянные ручки постукивали друг о друга, пока она шла.

– Иди сюда. – Белобрысый Борис сел на лавку и похлопал рукой рядом с собой. – Садись.

Ксюша посмотрела на Александру с затравленным выражением и села. Лицо ее в самом деле было распухшим, и на щеке горело яркое пятно. Ее, видимо, ударили. Слезы показались у Александры на глазах. Белобрысый заметил это и сказал примирительно:

– Мы ее не били. Только разочек, для постановочного эффекта. Надо же было вас заставить сюда прийти.

Александра безвольно опустилась на стул.

– Она под действием наркотика? – спросил Реми.

– Послушайте, – заговорил Валентин, – мы ей вкатили совсем небольшую дозу! Девушка начала нам рассказывать какие-то сказки для маленьких детей... Мы люди гуманные, никого не пытаем, – мы ж не ублюдки, не отморозки последние! И не надо так на нас смотреть, девушка, – это было обращено к Александре, сверлившей Валентина все тем же тяжелым взглядом, полным ненависти и презрения. – Что мы, бедные, что у нас, денег не найдется на лишнюю дозу? Все интеллигентно, все тип-топ: один укольчик, и клиент все рассказывает как на духу. Так что нечего тут строить из себя благородных девиц – ничего ей не сделается, вашей девчонке, от одного укола!

– А дальнейшее будет зависеть от вас... – подхватил белобрысый Борис. – Если вы все расскажете нам правду, то ничего больше с вашей Ксенией не случится. Валентин вам правильно сказал – мы действуем, как культурные люди. Валентин, между прочим, инженер... был до того, как занялся бизнесом, на трех языках говорит! Да и я тоже – преподаватель, тоже, правда, бывший. Физкультуру преподавал... Мы не бандиты, и не надо нас считать за врагов...

– За друзей, что ли, считать? – буркнул Кис.

– Нам просто нужно с вами поговорить, – назидательно пояснил Борис. – Так что давайте времени не терять.

Слушая, Кис удивлялся тому, что этот Борис, в котором он практически сразу опознал спортсмена,

вернее, какого-нибудь спортивного тренера, на пару с этим Валентином, нисколько не боялся, что Кис сможет установить их личности, даже подробности о себе рассказывают. Борис, «преподаватель физкультуры», скорее всего раньше учительствовал в школе, причем именно в этой школе, – учитывая, что у него есть ключи от черного хода и от спортзала. Должно быть, те люди, которых эти двое представляют, чувствуют себя до такой степени уверенными в своей безнаказанности, что даже не считают нужным скрываться...

Кто эти люди, Кису было невдомек, и гадать не имело смысла. Одна из крупных группировок так или иначе должна была прикрывать разветвленную сеть всяких разных дельцов и бандитов – в конечном итоге любой мелкий хулиганишка принадлежал к какой-нибудь да группе, и если бы была возможность проследить всю цепочку, то конец ее непременно привел бы к наиболее известным авторитетам...

– Я надеюсь, вы слушаете меня внимательно? – донесся до него голос Бориса.

Кис встрепенулся и сделал сосредоточенное лицо. Борис кивнул, словно учитель ученику (точно, он работал в школе!), и продолжил:

– Итак, мы интересовались тем, что делала эта юная девица в квартире Тимура Алимбекова. Юная девица нам рассказала такое, от чего наши достойные уши совсем завяли. Пришлось прибегнуть, как объяснил вам Валентин, к укольчику. Но и под действием укольчика Ксения рассказала нам ту же историю... Я нашим поставщикам доверяю, и наше «лекарство правды» всегда себя оправдывало... Ха, каламбур вышел, надо будет записать!.. И все же нам как-то слабо верится. Вот мы и пригласили вас, чтобы вы сами рассказали нам эту миленькую сказочку... Посмотрим, как совпадут ваши версии. Так что вперед, граждане, мы вас внимательно слушаем.

...Они действительно слушали внимательно. Каждый из «приглашенных» рассказал ту часть, в которой принимал непосредственное участие: Александра о «заговоре по взятию француза» (и Реми снова, несмотря на самые неподходящие обстоятельства, почувствовал себя польщенным); Реми, под тихий перевод Александры, изложил их с Ксюшей встречу в гостинице и затем визит на квартиру Тимура. Эстафету перенял Кис – рассказал о своем звонке на Петровку.

Общими усилиями они дошли до того вечера в пятницу, когда сестры рассказали им правду.

– Это ты был в тот вечер в машине с девушкой, у соседнего подъезда? – обратился Кис к Жене, который не участвовал в разговоре и тихо сидел на краю скамейки.

– Я-я-а, – довольно ответил Жень.

Кис понимающе кивнул.

Рассказы были окончены. Историю с придуманным перстнем, к счастью, все обошли, не сговариваясь. Той же фигуры умолчания был удостоен еженедельник Тимура, прихваченный Реми из квартиры убитого.

– А что вы делали у Тимура на работе, в рекламном агентстве? – спросил Валентин.

«Ну да, – подумал Кис, – они, конечно, из одного цеха все. То-то временный директор кинулся звонить, не дождавшись моего ухода!»

– Хотел понять, кто интересовался Ксюшей... Женю вашего пытался вычислить, – мотнул он головой в сторону Жени.

Странное дело, в этом Жене было какое-то неуловимое сходство с его Ванькой. Такой же юный балбес, смесь нахальства и воспитанности, игривости и серьезности, безалаберности и рьяной исполнительности. Да только Ванька вряд ли бы стал прислуживать бандитам, пусть даже и «культурным»...

– Ну и как, вычислили? – с насмешкой спросил Борис.

– Я, по правде говоря, считал, что этот интерес к Ксюше не представляет никакой опасности для нее...

– И не представляет! – с нажимом сказал Валентин. – Не нужна нам ваша Ксюша. Нам нужен убийца Тимура.

– Вот и ищите его! – воскликнула Александра, вскочив со стула. – А мы домой пойдем!

– Не горячитесь, мадам, – охладил ее пыл Борис. – Мы еще не закончили. И никуда ваша сестрица не пойдет, пока мы в этом деле не разберемся.

– Вы же хотели разобраться, правду она сказала вам или нет? Теперь вы видите, что все это – правда! Так чего же вам еще надо от нас?

– Убийцу.

– При чем тут мы? – снова вскочила Александра.

– Будете тут прыгать, – оборотил на нее холодный взгляд Борис, – свяжем. Положим отдыхать на матах, – кивнул он головой в угол. И, отвернувшись от Александры, которая так и осталась стоять у стула, униженная этой наглой ледяной интонацией, он обратился к Кису: – Вы ведь частный детектив? Мы вас нанимаем.

– Для чего?

– Нам нужен убийца Тимура.

– Мне понадобится информация.

– Дадим. Спрашивайте.

Не успел Кис открыть рот, как голос подал Валентин:

– Ты неправильно выразился, Боря. Нам не убийца нужен. Нам нужно кое-что, что у нас пропало... И мы полагаем, что это взял убийца.

– Наркотики? – спросил Кис.

– Нет. Тимур ими не занимался.

– Тогда что?

– Документы.

– Обожаю такие задачки: «найди то, не знаю что»! Либо вы говорите мне конкретно, либо...

– Пусть остальные выйдут, – сказал Валентин.

– Ксения останется, – ответил Борис. – А остальных Женя сейчас отвезет.

– То есть как это – останется? – взвизгнула Александра. – С какой стати? Зачем она вам? Вы ведь только хотели узнать...

– В залог, – перебил ее вопли Борис. – Пока ваш детектив не выполнит наше поручение. Это будет стимулировать его творческие способности.

– Зачем она нам, Боря? – поморщился Валентин. – Отпусти ее. Что мы будем с ней делать? Придет в себя, реветь начнет... Опять колоть? На кой хрен добро переводить? Нам с тобой надо убийцу найти, а не сопلي девчонке вытирать! Пусть едет домой.

Борис молчал. Все ждали.

– Борь, они же не маленькие, – снова заговорил Валентин. – Понимают, что у нас есть в запасе разные другие методы стимулирования творческих способностей... И платим мы прилично, правильно? Не правда ли, Алексей Андреевич («Гляди-ка, ему и отчество мое известно!» – отметил про себя Кис), это хороший стимул? – угрожающе-сладко обратился он к Кису. – Вы находите убийцу и в особенности интересующие нас документы в кратчайшие сроки, а мы вам платим хорошенькую сумму в... мм-м, скажем, тысяч десять баксов... Для начала. А?

Кис молча кивнул. Сумма ему и в самом деле показалась «хорошенькой», тем более «для начала», но, показись бы она ему хоть трижды недостаточной, вряд ли стоило бы торговаться с этими людьми.

– Ну, а если вы вдруг дурака надумаете валять, – продолжал Валентин, голос которого приобрел елейные интонации, – то может случиться какая-нибудь неприятность. Ксюша, например, может снова исчезнуть... Причем на этот раз насовсем. А вы по почте получите фотографияки, от которых вам всем жить расхочется... Или, скажем, ножки. Или ручки. Или и то и другое, рядышком. Или вот еще как может выйти – ножки одной сестрички, а ручки – другой, а? И прямо с доставкой на дом. А можно еще и так...

Дальше воздух неожиданно взрезали три резких жеста, разделенные лишь мгновениями секунды: взлетела рука Киса в направлении «промеж глаз» говорящего, рванулась ему навстречу перехватывающим выпадом рука Бориса, и обе они сошлись на руке Реми, которая поднялась – то ли остановить Киса, то ли защитить его.

– А-ай! – возопил Реми. – Мне, кажется, сломали руку.

– А нечего тут вые...ться, – зло сплюнул Борис. – Я же предупредил: я спортсмен. К тому же мы вооружены. Мы с вами как с приличными людьми, а вы!.. Тьфу! – снова сплюнул он. – Мы можем ведь и по-другому!

Александра, ни на кого не глядя, подошла к Реми и, засучив рукав его свитера, стала ощупывать его руку тонкими холодными пальцами.

Ксюша никак не реагировала на происходящее, глядя на всех огромными черными глазами без всякого выражения.

– А нечего тут мне... – Кис потирал свою, тоже зашибленную, руку. – Какого, блин, хрена этот бывший инженер тут страшилки рассказывает? Тут, между прочим, женщины находятся! Мы, кажется, о деле говорим? Так нечего нас стращать! Пусть Женя отвезет всех по домам, а мы поговорим. И Ксюшу тоже. Все всё поняли.

Борис внимательно посмотрел на Киса, словно проверяя: действительно ли понял? – и наконец кивнул.

Реми, который упустил последнюю часть разговора, никем ему не переведенную, увидев, что Ксюша с помощью Жени встала со скамейки, бросился к ней и, оттиснув Женю, обхватил ее двумя руками и замер. Александра подошла к ним и, недовольно морщась, произнесла по-французски: «Нужно скорее отсюда уходить». Реми повел Ксюшу за плечи к выходу. Увидев, что Кис остался сидеть, удивленно остановился и посмотрел вопросительно.

– Пойдем, пойдем, – произнесла Александра. – Кис остается. Я тебе потом объясню. Едем ко мне.

Кис махнул рукой и крикнул: «Позвоню, как только!..»

Гулкий коридор долго хранил звук их шагов.

– Приступим, – сказал Кис, когда все стихло. – Итак, о каких документах идет речь и у кого мог быть интерес к ним?

Тимур Алимбеков, бывший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма журфака МГУ, имел обширные связи. Он имел их еще до того, как пошел работать на эту плодоносную должность – требовался немалый блат, чтобы получить подобное местечко. Эти стартовые ценные знакомства Тимур получил по наследству – через отца, через обширную родню, опекавшую его, несмотря на то, что он был полукровкой, через узбекскую диаспору в Москве, имевшую надежный доступ к постам и благам – сам Рашидов был пригрит Брежневым! А то и Брежнев – Рашидовым, поговаривали некоторые... Каждый член родственного клана был поддержан материально и продвинут в карьере – восточная традиция заботиться о семье, да плюс то типичное самосознание любой диаспоры в любом городе мира, когда она оторвана от своей родины и члены ее жмутся друг к другу, помогают и опекают – только так можно выжить в чужой цивилизации... Впрочем, в Советском Союзе никто не был полностью оторван от малой родины, и национальные московские круги поспевали повсюду: пользовались благами и в столице советской империи, и в родимых пенатах.

Кафедра марксизма-ленинизма послужила Тимуру прекрасным трамплином для того, чтобы выскочить из-под опеки и присмотра родни в самостоятельную жизнь. Один диссидентствующий преподаватель, большой любимец студентов, метко охарактеризовал эту кафедру «гнилым прыщом, возомнившим себя горой». Преподаватель тот недолго продержался на факультете...

Действительно, место, отведенное этой и всем подобным кафедрам самой советской системой, было искусственно значительным, но власть они имели реальную. В конце концов, подавляющее большинство преподавателей высших учебных заведений являлись – пусть и вынужденно – членами КПСС и были обязаны отчитываться во всем перед вышестоящими по иерархической лестнице партийными чинами, а они чаще всего находились на кафедре... Чего? Правильно, марксизма-ленинизма.

Тимур привык к власти. Привык к тому, что люди, сознавая его власть, заискивают, спешат дружить, несут подарки, делают услуги. На этой «дружбе» делались хорошие, по масштабам советских времен, деньги – взятки за поступление, за то, чтобы не отчислили, за то, чтобы поставили проходные для перехода на следующий курс оценки... Стоило Тимуру слово сказать, и нерадивый студент оказывался там, где хотел. А благодарные родители нерадивого студента несли Тимуру не только деньги, но и услуги, связи. В результате росло и укреплялось его маленькое царство, в котором были «нужники», сидящие у Тимура на крепкой привязи, для всего, чего только душа пожелает: нужна путевка? – пожалуйста; билеты? – милости просим; импортные шмотки? – рады услужить... Он пользовался своими «нужниками», чтобы делать услуги другим, а эти «другие» оказывали в свою очередь новые услуги для Тимура и, через Тимура, для его «нужников»...

Тимур держал все эти нити в своих руках. Тимур правил своим царством. Тимур мог все.

Как же было не привыкнуть к власти? Он и привык, привык настолько, что, когда почва стала уходить из-под ног, когда марксисты-ленинисты сделались никому не нужны, кафедры стали закрываться одна за другой и связи, нажитые за долгие годы, рушиться, Тимур впал в депрессию.

Но ненадолго. Он был человеком жестким, хитрым и крайне самолюбивым. К тому же и родня подстегивала. Та самая выпестованная его узбекская родня, с которой он уже много лет был в весьма холодных, скрыто враждебных отношениях: когда после развала СССР в республике снова завоевало позиции мусульманство, возвращение к традициям и устоям, Тимур, в котором вдруг – кстати или некстати – сыграла его русская кровь, его европейская принадлежность, отказался последовать примеру своего отца, вернувшегося на родину и заведшего новую семью в духе национальных традиций. Тимур давно развелся со своей покорной женой-узбечкой, оставив ей четверых детей, которыми не интересовался никогда, только присылал деньги и привозил подарки в свои редкие наезды в Ташкент, со скукой слушая

детские отчеты об успехах в школе... И нынче он ни за что не хотел заводить новую семью, предпочитая ей холостую жизнь и пылкие любовные приключения со свободными, образованными и красивыми русскими женщинами. Для родни Тимур был отщепенцем, предателем семьи, устоев и веры. И теперь он не имел права ударить лицом в грязь и дать им повод там, в Ташкенте, потирать радостно руки и говорить: вот, без нашей поддержки он не выжил!

Нет, такой роскоши Тимур никому не устроит. Он был обязан выжить, причем не просто выжить, а преуспеть – ярко, с блеском – в новых условиях.

И Тимур ринулся ворошить свои связи. Перепробовав несколько разных сфер деятельности – сначала в совместных предприятиях, затем в частных фирмах, – он понял, что работать, как все, он давно разучился. Он плохо говорил на иностранных языках, он практически не владел компьютером, и вообще – он не мог быть рядовым. Он должен был властвовать.

Служба в одном из многочисленных фондов, расплотившихся повсюду и занимавшихся всем, чем угодно, кроме своего прямого назначения, принесла ему новые ценные контакты, но, самое главное, принесла ему понимание, как жить дальше и чем. Тимур наконец отчетливо осознал, что его сила – именно в его связях и в умении их расширять, в искусстве общаться с людьми. Еще на журфаке он усвоил эту манеру интеллигентного, мягко говорящего преподавателя, которая ему импонировала у некоторых других и которую он легко перенял – и с которой он мгновенно располагал людей к себе. Взгляд его азиатских глаз был внимателен и непроницаем, но люди – о, люди глупы! – не придавали значения этой непроницаемости, они западали на *внимательность*. Человек слаб, человек любит себя, он не любит слушать других, но обожает, когда слушают его... Тимур умел слушать. Он никогда не перебивал, он лишь делал маленькие жесты или тихие восклицания, которые можно было понять – и понимались – как одобрение, подтверждение мыслям говорившего, а то и восхищение этими мыслями...

И люди раскрывались перед Тимуром, доверяя ему зачастую сокровенные секреты, и говорили о нем: как он умен! Как проницателен! Как добр! Как тактичен!

Первую и вторую характеристики Тимур принимал как должное, над двумя вторыми подсмеивался: люди примитивны и хотят видеть то, что хотят... Тимур не был ни добр, ни тактичен: он был хитер. Его тактичность была не более чем стратегическим приемом, позволявшим собеседнику раскрыться до конца, а его доброта была вообще вольным умозаключением имевших с ним дело людей, почерпнутым из сочувственного выражения Тимурова лица и лстивых восклицаний. Да, лесть – лесть тонкая, повосточному изощренная, звучавшая невероятно искренне, стоило только Тимуру округлить узкие глаза, – была невероятно сильным оружием. Тимур не раз удивлялся тому, как люди, казалось бы, вовсе не глупые и хитрые, бывшие зачастую сами врунишками и проходимцами, попадали на ее острие.

В общем, Тимур людей презирал. Они были тупы, самодовольны и жадны. Жадны до всего – до лести, до денег, до славы, до женщин. И Тимур им все это поставлял. Одному помогал решить финансовые затруднения при помощи, к примеру, «знакомого консультанта, который способен обойти любые законы», другому помогал устроиться на работу в хорошую фирму, третьему приносил ценную информацию о конкурентах, не забыв при этом продать информацию и конкурентам, четвертому шептал, где можно отлично и секретно позабавиться с девочками...

Его любили, к нему шли, ему несли. Тимур бросил работу и занялся устройством дел своих ближних вплотную. Он не стал торопиться и открывать собственную фирму – это было рискованно, сразу наедут! – он просто назвал себя Консультантом, и клиенты пошли косяком. Старые приводили новых – Тимур принимал только по рекомендации в роскошной четырехкомнатной квартире на Ленинском проспекте.

Все шло как будто бы неплохо... И Тимур успокоился. Поживем – увидим, решил он, пока спрос на его

услуги есть, деньги текут рекой. А если поток жаждущих совета и помощи начнет иссякать... Что ж, тогда и подумаем о фирме, рекламе и прочем.

День, в который клиенты начали иссякать, так и не наступил. Зато наступил другой день. В который пришел к нему незнакомый человек. Человек отказался сказать, по чьей рекомендации он явился к Тимуру, к тому же без предварительного телефонного звонка, как это было заведено. Человек назвался Борисом, «а фамилия моя вам не нужна, – заявил он, – я пришел не помощи у вас просить, а, наоборот, сделать вам выгодное предложение...».

И Борис предложил Тимуру возглавить рекламное агентство: «Вы прекрасный специалист по связям с общественностью, нам такой нужен».

Описав все блага, которые посыплются на Тимура, если он примет предложение, и увидев, к своему удовлетворению, как на лице бывшего хитреца отразилось неподдельное изумленное восхищение, незнакомец добавил: «В вашу работу будет входить еще один аспект: вы будете вести досье на всех людей, с которыми будете иметь дело, и передавать данные нам».

– Подумайте, – добавил Борис, уходя, – у вас есть время до завтра. Завтра я вам позвоню. Только подумайте хорошо.

Тимур прекрасно понял замысел: за рекламой приходят люди денежные, дела которых процветают. Мелкие сошки сидят и не рыпаются, а в дорогостоящую рекламу вкладывают деньги настоящие киты бизнеса. И именно эта клиентура интересовала таинственного Бориса... Нет, не Бориса: «передавать данные *нам*». Скорее некую организацию, которая его прислала.

Впрочем, у организации, как бы она ни называлась, было название емкое, точное и Тимуру понятное: мафия.

И потому Тимур не стал ломаться: на следующий день он дал свое согласие. И еще через день он входил в только что отремонтированный, пахнущий краской и клеем, старинный двухэтажный особняк на Садовом кольце...

Тимуру были отданы на откуп все аспекты будущего хозяйства, с одним только условием – ставить в известность Бориса, который сделался как бы его куратором, обо всех своих планах и получать «добро». Он с энтузиазмом взялся за дело, прочитал немало книжек по рекламопроизводству – благо, переводная литература наводнила прилавки, и можно было без труда найти издания по всем интересующим его аспектам.

Два месяца спустя особняк сверкал отделкой, новехонькой мебелью, превосходно обставленным и продуманно устроенным кабинетом самого Тимура – директора агентства.

Он ликовал: все устроилось наилучшим образом – так, как он даже и мечтать не смел! Превосходная зарплата, независимость... относительная, конечно, но все же! К тому же он не собирался забрасывать свою прежнюю деятельность по «устройству дел своих ближних» и надеялся, с одной стороны, нанять среди старых друзей рекламодателей, на которых будет делать деньги его агентство, а с другой – продолжать по-прежнему зарабатывать на них деньги в частном порядке, сводя нужных людей и помогая решать их проблемы. Да и его скрытая от всех, но явно основная задача по сбору информации от этого совмещения только выигрывала: теперь на каждого из старых, пришедших за советом клиентов заводилось досье, и на каждого из новых, явившихся за рекламными услугами, тоже.

Только квартиру на Ленинском пришлось закрыть. Борис сказал: не светись в городе. Да не беда: встречи по всем вопросам, рекламным и личным, Тимур перенес в свой особняк, где за надежными

звуконепроницаемыми дверями его гость мог безбоязненно изливать Тимуру душу и рассказывать сокровенное... Соседняя с его деловым кабинетом комната, куда вела неприметная дверь за массивным книжным шкафом, выполненным под старину, была предназначена для отдыха и комфорта – там стояли глубокие кресла, там был бар, холодильник, телевизор, музыка, продуманное освещение... Из этой комнаты был свой выход на улицу, и Тимур частенько объявлял, что уходит, уходя на самом деле не дальше этой комнаты отдыха, куда, не примеченный никем из сотрудников, приходил лично к Тимуру гость.

Так и шли его дела рука об руку, и счета Тимура полнились, как и его сейф с досье. Поначалу Тимур пытался складывать все документы в папки, но, когда он понял, что никакой на свете сейф, даже самый вместительный, не способен поглотить разбухавшие скоросшиватели, он был вынужден, подавив отвращение к компьютеру, взяться за изучение хотя бы простейших азов этой адской машины – не мог же он, в самом деле, доверить столь конфиденциальные бумаги секретарше или какому-нибудь юнцу вроде своего учителя по информатике! Так что пришлось и ему приобщиться к прогрессу, и теперь Тимур держал свои досье в засекреченных файлах на твердом диске, хотя пухлые папки не исчезли, а лишь только похудели: кое-какие оригиналы представляли немалую ценность, и выбрасывать их нельзя было ни в коем случае!

Таким образом, у Тимура было два типа документов – первый находился в компьютере, второй – в папках.

Лишь только Тимур исчез (из Узбекистана пришел сигнал, что Тимур туда не приехал), как наверху тут же насторожились, и твердый диск был немедленно изъят хозяевами. К их, надо сказать, немалому облегчению, поскольку они уже было заподозрили Тимура в бегстве с ценнейшими документами...

А вот папки большей частью пропали.

По сведениям секретарши и сослуживцев, которые ничего не знали об этой скрытой работе Тимура, он перед отъездом в командировку забрал какие-то папки домой – якобы поработать. Может, Тимур и вправду хотел поработать, может, просто не хотел их оставлять в кабинете на время своего отсутствия – оставалось гадать. Но только папок этих дома у него тоже нет. Их нет в квартире на Ленинском проспекте, их нет на даче – их нет нигде. Пропали.

И теперь Кису предстоит их разыскать.

– Имейте в виду, Алексей Андреевич, – говорил Борис, – потенциальных врагов у Тимура Алимбекова было много. Узнай кто о содержимом его досье – Тимура уже бы сто раз попытались ограбить и убить. Но фокус в том, что Тимур не трепло и никто о них не знал. До сих пор. А вот, видимо, произошла утечка информации, и кто-то захотел заглянуть в его папочки и скорее всего уничтожить их содержимое... А там наткнулся на остальные. И эти остальные наверняка целы: информация, содержащаяся в них, бесценна, и тот, кто захотел уничтожить компромат на себя, наверняка решил сохранить компромат на остальных. Так что папочки где-то есть, ищите, Алексей Андреевич.

– Про бомбу скажи, – буркнул Валентин.

– Про бомбу? – обернулся на него Борис. – Ах, про бомбу!.. Вот что, Алексей Андреич, тут еще одна деталька маленькая: Тимур обещал нам сюрприз преподнести. Говорил, что, мол, настоящую бомбу вам приготовил, увидите – слюнки потекут от удовольствия... Но беда в том, что никто так и не узнал, о чем речь шла... То есть речь шла все о том же компромате, но что и на кого он разыскал – нам неизвестно, и в каком виде эта «бомба» существует – тоже. Задача не из легких, понимаю... Но надо бы ее найти, «бомбу»-то. Постарайтесь. Поможем всем, чем можем.

А можем мы все.

– Реми нужно продлить визу, – не замедлил воспользоваться Кис.

Борис сморщил курносый нос:

– Зачем он вам нужен?

– Он нужен Ксении, а Ксения нужна ему. Кроме того, он мог бы мне помочь.

– Зачем посвящать в эти дела иностранца? – снова наморщил нос Борис.

– Он для вас даже более безопасен, чем я, – он не умеет читать по-русски и ваши секреты провести не сможет. А голова у него толковая, мне будет очень полезен и в роли помощника, и в таком щепетильном деле вам подходит, если вы поразмыслите, лучше всего.

Борис посмотрел на Валентина, Валентин на Бориса, и последний заключил:

– Ладно. Поможем с визой, позвоните мне завтра, я скажу, куда и когда подъехать.

– Еще вот что: мне нужно содействие милиции. В частности, надо попасть в квартиру Тимура. А она опечатана. Не знаю, как на Ленинском, а на Бережковской набережной – опечатана.

– Можете смело входить в любую, если есть надобность. Проблем не будет. Содействие мы вам обеспечим.

– Ну что ж, – поднялся Кис, разминая затекшие от неудобного сидения ноги, – пока все. Если мне понадобится ваша помощь, я с вами свяжусь...

– Вот по этому телефону.

И Борис протянул ему клочок бумаги, на котором неровным почерком был записан номер его мобильного.

Кис спрятал клочок в карман.

– С чего собираетесь начать? – спросил Борис.

– Пока не знаю. Надо подумать.

– Что ж, подумайте, подумайте... Я полагаю, господин Кисанов, что вы человек достаточно умный и понимаете, что информация, которую вы получили от нас, строго конфиденциальна?

Кис промолчал.

– Не слышу ответа!

Кис почувствовал, как напряглись тела его собеседников.

– Вы ведь собрали обо всех нас информацию, не так ли? – сдержанно произнес Кис. – Тогда вы должны знать, что еще никто из моих клиентов не мог пожаловаться на разглашение своих секретов.

С этими словами Кис направился к выходу.

– Женя уже наверняка обернулся и ждет вас в машине у выхода, – произнес ему вдогонку Борис. – Дорогу найдете или проводить?

– Найду, – буркнул Кис.

– Вот еще что... – понесся ему вслед голос Валентина, и Кис остановился у дверей. – У нас есть подозрение, что Тимур исподтишка пользовался собранной информацией в личных целях. И если бы проверка, – которую мы начали, но не успели довести до конца, – подтвердила это, то Тимур... Кто-то нас

опередил. Но он так и так был бы не жилец.

– Что значит «пользовался информацией в личных целях»? То есть у вас есть версия, что он занимался шантажом?

– Версии будете строить вы, Алексей Андреевич, это ваша работа, – тихо произнес Валентин. – Но я хочу, чтобы вы поняли, хорошенько поняли одну вещь. Мы вам сказали, что мы люди культурные и без крайней необходимости никого не обижаем... Но если вы попытаетесь... Нет, если вы только *вздумаете* попытаться воспользоваться нашими досье, мы вас обидим. Крепко обидим.

– Ты, Валя, не можешь удержаться и не сказать гадость человеку. – Кис с грустным осуждением покачал головой, словно перед ним был несмышленный пацан, этакий Мальчиш-Плохиш. – Или я похож на идиота? Или нужно больше ума, чем у меня есть, чтобы все понять о вашей «культуре» и о вас, «культурных людях»?

Пнув со злым наслаждением железную дверь, которая загудела и тяжело поехала на петлях, Кис окунулся в непроглядный мрак подземного коридора и побрел наугад, вытянув перед собой руки, громко чертыхаясь и матерясь.

– А ты не выступай, – разнеслось ему вдогонку по гулкому коридору, – раз все понял, так и не выделяйся! А то...

Кис свернул на лестницу и так и не услышал, что будет «а то».

Глава 13

Пока Ксюша отсыпалась, а Александра сторожила ее тяжелый, похмельный сон; пока Реми ездил по адресу, указанному Борисом, за продлением визы, Кис успел смотаться на Ленинский проспект.

Он был разочарован – дверь, обитая кожей, уступила ему через десять минут, но за ней оказалась другая дверь, на этот раз металлическая. Ни вскрывать, ни ломать сейфовые замки Кис не умел и вернулся домой несолоно хлебавши.

– Ванька, ты где, шалопай? – зычно рявкнул Кис с порога. Встрепанный Ваня показался из дверей своей комнаты, потягиваясь. – Чего дрыхнешь с утра пораньше? Опять всю ночь тусовался?

– Ага, — зевнул он во весь рот. – В «Утке» был.

– Это еще что за шмасть такая?

– «Голодная утка», дискотека...

– Ничего себе названьице... Ты мне вот что скажи: как уроки идут с Петровичем?

– Лучше некуда.

– Ты серьезно? Он тобой доволен?

– Говорит, что до меня никому не удавалось заставить его уважать эту машину с искусственными мозгами...

– Отлично. Иди спать дальше.

– А?..

– Понадобисься – разбужу. Хотя, постой-ка... Ты там глянь, чего у Петровича в компьютере интересного для нас есть. Базы данных всякие, программы поиска... Ну и, сам понимаешь, что с этим надо сделать... С максимальной осторожностью, конечно, Петрович не должен...

Ваня молча прошел к себе в комнату и вынырнул оттуда через мгновение, кинув веером несколько дискет на стол.

– Чай, не пальцем деланы, – важно заявил он и снова скрылся в своей комнате, на этот раз досыпать.

Покрутив в руках дискеты, небрежно подписанные карандашом, и так и не сумев понять, что на них находится, Кис только покачал головой и направился напрямик к телефону.

Сергеа был необыкновенно покладист. Кис не знал, отнести ли это за счет Ваниных преподавательских успехов или за счет «обеспечения содействия» Борисом, но гадать не стал – какая разница, лишь бы дело двигалось! Главное, что Кис сумел выторговать материалы дела по убийству Тимура и ключи от его квартиры на Бережковской набережной, пообещав сделать с них копию и незамедлительно Сергее вернуть.

Кис снова набрал номер, на этот раз физкультурника Бориса, и сердито поставил условие: его снабжают ключами от железной двери, или пусть вскрывают своими силами. Он, Кис, не «медвежатник», он частный детектив, если вы понимаете разницу...

Борис заверил его, что приложит все старания, чтобы обеспечить доступ в квартиру на Ленинском, и обещал перезвонить, как только будут результаты.

Кис вернулся с Петровки через два часа, хмурый, как осенняя непогода.

Реми ждал его в квартире. Он продлил визу на десять дней, рассчитался в гостинице – по уговору с Кисом Реми с этого дня жил у него.

– Едем, – позвал он Реми, не раздеваясь. – На Бережковскую набережную.

В машине Кис рассказал озадаченному Реми, что, как следовало из материалов дела, осмотр квартиры милицией установил, что кто-то старательно стер все имевшиеся в ней отпечатки. И еще деталь любопытная: в деле отмечено, что таинственным образом исчез еженедельник убитого.

– Что крайне подозрительно, не правда ли, Реми?

Реми на лукавый взгляд Алексея не ответил и попросил продолжения.

Кроме того, послушно продолжил Кис, у них есть показания соседки о «девушке в берете». Что крайне тревожно. Но никакой зацепки, где искать эту девушку, у следствия нет. Что утешает. В то же время, судя по всему, квартира местом преступления не является. Что и вовсе окрыляет – ты согласен, Реми?

Реми был отчасти согласен, но «девушка в берете» его расстроила.

– Надо будет сказать Ксюше, чтобы больше берет не носила, – буркнул он. – Что еще интересного вычитал?

– Тимур, судя по всему, был убит в пятницу вечером. Он должен был уезжать в командировку в понедельник, а выходные провести на даче. В субботу он на дачу не приехал...

– А Зубков сказал, что он должен был уехать в пятницу!

– Тоже непонятно. Ему вроде бы нас обманывать не с руки. Тимур сказал ему неправду? Но зачем? И еще: кто-то из соседей показал, что в пятницу вечером видел машину, припаркованную у противоположного тротуара, у реки. Ни марку, ни тем более номер свидетель не запомнил. Только сказал, что большая и серая.

Они открыли дверь, с которой чудесным образом уже испарились печати, и вошли в квартиру.

– А оружие убийства установили? – спросил Реми.

– Нет. Вскрытие подтвердило, что травма головы, не смертельная, причинена тяжелым округлым предметом. Я даже снова подумал о вазе... Но, конечно, не о той, которую тебе показала Ксюша.

– И не в этой квартире?

– Во всяком случае, милиция не нашла здесь ничего, что могло бы послужить орудием преступления, равно как и следов крови. И придется нам с тобой, коль скоро места преступления у нас нет, разматывать эту историю от его личности, его контактов... Знаешь что? Ты покопайся здесь – вдруг чего интересного наскребешь, а я пока в университет сметаюсь. Надо понять наконец, с каких пор эта компания водит знакомство. Прислать тебе Ваньку?

Оставшись один, Реми собрался изучить самым тщательным образом все носители информации, имеющиеся в квартире. Компьютер он решил поручить Ване, который обещал подъехать через сорок минут, а сам стал просматривать немногочисленные книги, имевшиеся в квартире. В большой комнате было несколько толстых, солидных книг, явно не художественная литература, – Реми рассудил, что это издания профессиональные. В спальне тоже была этажерка, и на ней стояли потрепанные красочные издания карманного формата – судя по обложкам, большинство из них были детективы. Было несколько англоязычных эротических комиксов, а между ними царила «Камасутра» в роскошном переплете на английском языке.

Видеокассеты были подписаны по-русски, и Реми решился на небольшой просмотр. Он начал вставлять по очереди кассеты, просматривая каждую примерно по минуте.

Порнография. Опять порнография. «Девять с половиной недель». «Эмманюэль». «Дикая орхидея». Клинт Иствуд. Опять порнография. «Джульетта и духи». Еще несколько боевиков: Сталлоне, Брюс Уиллис...

Приехал Ваня. Реми отправил его к компьютеру и продолжил свой просмотр: еще несколько порнофильмов. Итого – четырнадцать кассет. Ничего интересного... Удивляло только одно: номера у них были вразброс. Была кассета номер четыре, пять, семь, пятнадцать, двадцать два... А где же первая, вторая? Откуда пятнадцатая и выше, если их только четырнадцать? Или где-то существовала другая видеотека, откуда Тимур брал кассеты сюда, в эту квартиру? Тогда где? На даче? В квартире на Ленинском? Или вообще у знакомых?

Голос Вани донесся из соседней комнаты:

– Тут, кроме его деловых досье, ничего нет! Они вас интересуют?

– Что за деловые досье? – подошел к нему Реми.

– Планы по выпуску рекламы. Разработки по рекламным мероприятиям.

– Список клиентов есть?

– Нет вроде...

– Тогда составь сам, по планам. Сверим с тем, что Кис получил в «Фениксе»... И, знаешь, распечатай-ка планы и разработки. На всякий случай.

Реми огляделся. Все, что его могло хоть как-то заинтересовать, он уже пересмотрел. И, похоже, ничего существенного не нашел... Он снова окинул квартиру взглядом, проверяя, везде ли успел сунуть свой нос, не упустил ли чего? Нет, не упустил, его нос побывал повсюду. Кроме третьей комнаты, разумеется...

Реми потрогал ручку – заперта. В ней Андрей хранит свои вещи. Квартира сдается как двухкомнатная, следовательно, Тимур не пользовался этой комнатой. Вот только на связке ключей от квартиры имеется лишний ключик... Точно, вот он, ключик. Посмотрим, к какому замку он подходит...

Реми угадал: ключ открывал третью комнату.

Реми вошел в комнату и осмотрелся. В левом углу высилась конструкция из старого стола, на котором стояло кресло; у стенки сгрудились пустой пыльный книжный шкаф, две тумбочки; рядом – велосипед с погнутым колесом, лыжи подпирали торшер, на полу стояло несколько потрепанных чемоданов – Реми не поленился, заглянул и обнаружил в них постельное белье и носильные вещи, все тоже старое, пожелтевшее; два пустых объемистых портфеля, картонная коробка у входа, тоже пустая; кучкой лежали спортивные снаряды: штанга, две гантели, эспандер, массажер с деревянными шариками; рядом высились стопки старых пыльных журналов... Все это не представляло никакого интереса, и Реми запер дверь, недоумевая, зачем Тимур хранил ключ от ненужной ему комнаты.

Спустя час они собрались на квартире у Киса. Кис рвал и метал. Кис ходил крупными шагами по комнате и злился.

– Врут, – кричал он, – все врут! Что же это такое, ни слова правды! Елки-палки, мы просто плаваем во вранье, как в дерьме!

– Ты бы рассказал, что случилось, – заметил Реми. – Тогда хоть вместе поплаваем.

– Случилось? Да, случилось! И еще случится, если мы будем продолжать в том же духе: верить, как последние идиоты, всем наивным и честным глазам! Ты понимаешь, Реми, Тимур Алимбеков был преподавателем в университете у Андрея и Александры! *То есть они знакомы уже двенадцать лет!*

– Вот оно что... – проговорил Реми. – Теперь я понимаю, почему Александра будто сжалась вся, когда Ксюша рассказывала о перстне...

– Ага, и ты заметил?

– Заметил. И думаю, что Ксюша не ведала, что говорит. Она явно не предполагала, что ее сестра может знать жильца той квартиры...

– Пожалуй, – буркнул Кис.

– А Александра... Тут может быть все, что угодно. Начиная от обычного желания избежать впутывания в криминальное дело и кончая ее прямым участием в нем.

«Эх, Саша, Саша, – подумал Кис. – Хороша Саша, да не наша...»

– Ты был прав, дружище, насчет стерв. Я, кажется, уже тоже сыт по горло...

Наскоро перекусив, детективы уселись за стол, положив перед собой чистый лист бумаги.

– Итак, – говорил Кис, рисуя кружочки и стрелочки на листе, – у Тимура могло быть много потенциальных врагов: все те, на кого он вел досье, при условии, что об этих досье стало известно. Известно о них могло стать двумя способами: случайно, предположим, кто-то на них где-то наткнулся, залез в сейф, в компьютер и так далее... И второй способ – шантаж. В таком случае надо искать того, кого он мог шантажировать.

– Это два совершенно разных подхода, – заметил Реми. – Если кто-то наткнулся случайно – надо искать среди близких, среди тех, у кого есть доступ к его квартире и кабинету. А если это шантаж – тогда круг неимоверно расширяется... Но во всех случаях не дальше, чем круг его клиентов, разумеется. Хотя, как я понял, круг этот велик...

– То-то и оно. Если мы начнем шерстить всех по очереди, то нам понадобится много времени... Разве что случайно повезет, конечно.

– А что, у Тимура нет женщины? Она могла бы оказаться для нас ценным источником!

– Хороший вопрос... Соседка сказала, что к нему ходили только мужчины, да и то весьма редко... Но это можно понять: его наниматели просили без надобности не светиться в городе, не привлекать к себе лишнего внимания. Тогда на даче.

– А кроме того, Александра скрыла от нас знакомство с Тимуром. Нужно выяснить почему.

– Андрей тоже скрыл. Еще один вопросительный знак.

Лист быстро заполнялся каракулями, понятными только им обоим.

– Этот временный директор, он у тебя не вызвал подозрений? – спросил Реми.

– На мой взгляд, он мало осведомлен. Если мои наниматели правы и дело в этих секретных материалах, которые собирал Тимур... Впрочем, его тоже нельзя упускать из виду. С чего начнем?

– С распечаток из компьютера Тимура. Было бы не лишним сверить список, который ты получил в «Фениксе», с тем, что Ваня нашел в его компьютере.

Протянув листы бумаги Кису, Реми встал.

– Я позвоню Ксюше, можно?

– Считай, что ты у себя дома, камарад.

Александра спала на раскладушке, поставленной возле кровати, на которой бредила Ксюша. Проведя почти бессонную ночь у постели Ксюши, – отравленная «одним укольчиком», сестра постоянно просила пить, – Александра свалилась под утро и забылась тяжелым, беспокойным сном.

По странному совпадению обеим сестрам снилось одно и то же: крупный темно-синий камень, оправленный в золото, сиял на смуглой мужской руке, покрытой темными волосками.

Рука взлетала. Камень сверкал. Темно-синий блеск приближался к глазам, поглощал все вокруг, заливал глаза – долго, мучительно, до нестерпимой рези в зрачках, – до тех пор, пока тяжелый удар не обрушивался на скулу... И тогда жгучие черные глаза с внимательным удовлетворением вглядывались в расцветающее на скуле ядовито-малиновое пятно... «Больно?» – ласково спрашивал мужской голос; «Больно!!!» – раздавался в ответ крик; «Бо-о-льно...» – довольно подтверждал мужской голос...

Звонок разбудил обеих. Александра нащупала лежавший на коврике у кровати телефон и сонно просипела «Алло», отметив одним, едва разлепляющимся глазом, что Ксюша села и дико оглядывается по сторонам, не понимая, где она и что с ней.

Реми, справившись о здоровье самой Александры и ее сестры, изо всех сил скрывая свое нетерпение, попросил Ксюшу к телефону.

И Александра с изумлением почувствовала, что завидует сестре. Ксюша, эта милая и наивная девочка, была оценена французом ровно за то, что она есть на самом деле, – не за ее положение в обществе, не за ее дерзкий взгляд, потрясающий вкус, независимость во мнениях и поведении, не за ее модную стервозность – за все то, что составляет *имидж*. Ксюша, так и не совладав со всем этим багажом поучений Александры, завоевала преданность и любовь этого милого Реми... Да, конечно, милого и довольно-таки красивого молодого мужчины... Если уж честно.

А Александра была одинока. Никто не любил ее за то, что она есть на самом деле, – и она никого не любила... Какая-то адская лотерея, эта жизнь! Одним выпадает счастливый билет, другим нет, думала она, слушая, как сонная Ксюша, едва размыкая пересохшие губы, воркует в телефон.

Нет, – осекла себя Александра, неправда. Лотерея здесь вовсе ни при чем. Ксюша влечет к себе *готовностью дать свою любовь*. Именно тем, чего нет у Александры. На что она не способна. Давно не способна, совсем не способна... Ее душу опустошили, ее душу кастрировали, и теперь она бесплодна...

– На, тебя. – Ксюша протягивала ей телефон.

– Кто, зачем? – недовольно поморщилась Александра.

– Это Кис, – прошептала Ксюша. – Хочет что-то сказать тебе.

Александра взяла трубку, думая о том, что, безусловно, все дело в ней самой, – вот этот Алексей, например, он мог бы любить ее так, как любит Реми Ксюшу – просто за то, что она есть... но ей не нужна его любовь. И дело не в том, что он едва выше ее на пару сантиметров, и не в том, что он похож на обезьяну – в конце концов, на весьма симпатичную обезьяну... И вовсе не в том, что он частный детектив, а это не бог весть что по сравнению с ее поклонниками из самых блистательных кругов... Дело всего лишь в том, что ей ничья любовь не нужна – ей нечего дать взамен...

Разговор не пошел дальше вежливого «Как ты себя чувствуешь?». Смятенный холодным тоном Александры, Кис быстро распрощался и повесил трубку.

Александра посмотрела на сестру.

– Встанешь или еще поспишь? – нежно спросила она, разглядывая отекавшее лицо девушки.

– Встану. Саш, знаешь, что мне приснилось? Мне снилось это кольцо... Рука с кольцом... Она меня была.

Александра похолодела.

– Не думай об этом, – ответила она спокойно. – Забудь. Это был кошмар. Как и все остальное. Тебе сделать чаю или кофе?

– Кофе... Я есть хочу, знаешь!

– Ну, вставай потихоньку... Осторожно... Вот так... Не делай резких движений, голова может закружиться! Теперь иди прими душ, а я приготовлю поесть...

Когда Ксюша с мокрыми волосами, завернутыми в полотенце, вышла из ванной, стол уже был накрыт и будоражащий запах кофе носился по квартире. Александра, усевшись за стол вместе с сестрой, рассказывала ей вчерашние события, которые Ксюша помнила смутно. Ксюша слушала с задумчивым видом, вопросов не задавала и, когда сестра закончила, произнесла:

– Он мне ночью приснился, этот человек...

– Ты мне уже об этом говорила, – несколько сухо ответила Александра.

– Помнишь, ты меня расспрашивала про аэропорт – действительно ли Тимур был там и все такое? Я все старалась вспомнить его лицо, у меня тогда не очень хорошо получалось...

Ксюша замолчала, намазывая гренку тонким слоем масла. Александра подождала и поинтересовалась осторожно:

– И что с того?

– Он мне приснился ночью. И я во сне увидела его лицо. Теперь я его хорошо помню.

Александра отправила гренку в рот и несколько минут сосредоточенно хрустела ею. Она словно чувствовала, что Ксюша что-то недоговаривает, что сестренка приготовила ей какой-то сюрприз, скорее неприятный...

И она не ошиблась.

– И еще, знаешь, Саш... Я этого человека видела однажды...

– В аэропорту, я знаю.

– Нет, в другой раз. Здесь, в твоём подъезде.

– Ты что?! Это невозможно!

– Ты знаешь, у тебя на втором этаже есть сосед, Кирилл? Я ему нравлюсь, и он пытался со мной заговорить несколько раз... Он совсем неинтересный, но неудобно ведь никак не ответить... И я однажды ночевала у тебя и уходила от тебя в университет, ты оставалась дома... Но на улице я столкнулась с Кириллом и остановилась, чтобы с ним поболтать... Я видела, как подъехал «Мерседес» к твоему подъезду. И человек вышел из него... Это был он. Тот самый, Тимур, которого убили. Он вошел в твой подъезд.

– Ну и что? – холодно, слишком холодно спросила Александра.

– Этот Тимур с кем-то знаком здесь! Надо сказать об этом Алексею!

– Мало ли с кем он знаком! Алексею нужно искать убийцу, а не знакомых!

Реми все еще витал в своих мыслях, поглядывая за окно, когда его окликнул Кис.

– Видишь ли, тут есть одна странность... Смотри сюда, – ткнул он пальцем в рекламные разработки Тимура. – Здесь наброски по рекламным роликам самого разного характера – то магазин, то пылесос, то детское питание, то женские прокладки. Они сделаны Тимуром очень схематично: видимо, Тимур задавал основную идею, а дальше работала группа сценаристов, художников и прочих специалистов... И Тимур не вдается в уточнения, в них нет ничего конкретного, никаких деталей, кроме одной: почти на всех актерах, которые снимаются в видеороликах, будь то реклама газонокосилки или питьевой воды, должна быть одежда от Версаче. Как ты думаешь, почему?

– Андрей Зубков, – ответил Реми.

– Он занимается, среди прочего, «от кутюр»!

– И на нем был халат марки Версаче.

– Но ведь Версаче убили?

– Фирма-то существует. Начнем с Андрея?

– Нет. С временного директора, Анатолия Николаевича. К Андрею нельзя ехать с пустыми руками.

Глава 14

То, что Анатолий Николаевич был не рад их появлению, было понятно издалека. Лицо его было испуганным и недовольным одновременно.

Кис не раз размышлял о странном оптическом эффекте: выражение лица человека издалека куда красноречивей, чем то, что видится вблизи. Захваченное на расстоянии, будь то глазами или объективом камеры, лицо словно несло на себе печать: этот трус, этот вор, этот просто законченный подлец. Но, как ни странно, при приближении то же самое лицо вдруг оказывалось искренним, обаятельным, доброжелательным, милым... Кис не знал, в чем тут фокус – в том ли, что лицо успевало сменить выражение, или просто «большое видится на расстоянии», как из космоса видны все перепады морского дна, не различимые глазами купальщика, который находится к этому дну несравненно ближе... Но доверял он, несомненно, впечатлениям издалека.

Кис тихонько толкнул Реми в бок и прошептал: «Глянь, аж затрясся, свинина!» – «Чего он боится, как ты думаешь?» – так же шепотом спросил Реми. «Он трус, у него это на морде написано. И потому он боится всего».

Анатолий Николаевич утомил их отнекиваниями. Делали ли рекламу для фирмы Зубкова? Нет. Лично для Зубкова? Нет. По любому другому заказу, но на одежду Версаче? Нет.

– А это как прикажете понимать? – ткнул ногтем в распечатки из компьютера Тимура Кис. – Сплошные Версаче?

Безостановочные пожатия пухлых плеч временного директора вызвали головокружение у детективов, и Кис велел ему прокрутить ролики.

Вне зависимости от предмета рекламы, версачевские медузы и росписи мелькали повсюду – на спортивных костюмах, на джинсах и купальниках, на поясах и солнечных очках; а на «серьезной» одежде было просто написано «Версаче Классик».

Врио был растерян:

– Я художественным производством не занимался при Тимуре, не знаю, почему здесь марка Версаче... Но у нас нет никакого контракта на рекламу Версаче, клянусь вам!

Растерялись и детективы. Некоторое время прошло в задумчивом молчании. Анатолий Николаевич взбодрился и велел принести кофе для гостей.

– Спроси его, какие еще рекламные средства задействует их агентство, кроме видеоклипов, – шепнул Реми Кису.

– Это зависит от заказа, – охотно откликнулся временный директор. – Можем сделать кампанию в прессе, уличную стендовую рекламу...

– Ля пресс? – откликнулся на знакомое слово Реми. – Пресса – это любопытно, у нас тут завелось много знакомых журналистов... Спроси его, Кис.

– В прессе вы что-нибудь делали по рекламе Версаче? – посмотрел Кис на вновь струсившего директора.

– Нет.

– Послушайте, Анатолий Николаевич, – Кис придвинулся к нему поближе и доверительно заглядывал в глаза, – может, вы просто забыли? Может, вы посмотрите ваши деловые бумаги?

– Я *лично*, – вдруг гордо выпрямился Анатолий Николаевич, и его полные щеки порозовели, – лично занимаюсь учетом всех наших заказов! И заверяю вас, что знаю их наизусть!

– Ну что ж... – Кис поднялся. – Спасибо и на том. Можно от вас позвонить?

«Ваня? – говорил он в трубку, кося одним глазом на «свинину». – Пойди-ка, милоч, в библиотеку и посмотри, что было в прессе по поводу Версаче за... примерно последние два года».

Разработки Тимура по рекламе как раз покрывали этот период.

«Да-да, где-то как раз после его убийства. Как только будут результаты, звони на мой мобильный».

Анатолий Николаевич ерзал на стуле и смотрел на детективов преданными честными глазами. Киса от него уже тошнило, но нужно было сделать еще один звонок – Андрею Зубкову.

Однако его домашний телефон не отвечал. Кис набрал рабочий номер Зубкова, указанный на переливчатой визитке, но там нежный девичий голосок сообщил, что Андрей Палыч на совещании и освободится не ранее пяти...

На дачу! – решили дружно детективы и покинули Анатолия Николаевича, к его заметному облегчению, которое он неумело пытался скрыть, суетясь у дверей и суя сыщикам на прощание свою потную мягкую ладошку.

Реми поразил резкий контраст между неухоженностью раскисших от осеннего дождя дорог поселка, неприглядностью газонов (если таким словом можно было назвать полосы стихийно разросшегося бурьяна, тянувшиеся по обочинам слякотной проезжей части) и добротными и дорогими, хотя и безвкусными по большей части домами, видневшимися за заборами. «Дачей» Тимура оказались хоромы, которые они заметили еще издали, при въезде в поселок. Это был огромный трехэтажный дом из красного кирпича, увенчанный двумя башенками с острыми жестяными крышами. Обнесенные высокой кирпичной стеной, по верху которой сидели вдобавок железные прутья-пики, выкрашенные в зеленый цвет, хоромы были похожи на небольшую крепость. Сплошные зеленые ворота были глухими. Площадка перед ними была усыпана мелким гравием. Возле них висело переговорное устройство.

Кис нажал кнопку и минут десять объяснял мужскому нелюбезному голосу, кто они такие и зачем явились. Наконец створки ворот разъехались и детективы ступили во двор.

Прямо у ворот была будочка, из которой навстречу им вышел неприветливый белокурый парень лет двадцати шести. Его старая рабочая куртка не скрывала фигуры атлета, а хмурое лицо не оставляло сомнений, что парень этот чертовски красив.

Справа и слева от ворот были разбиты две большие клумбы с увядающими, подмороженными астрами и хризантемами, в центре двумя полукружьями пологих лестниц спускалось крыльцо. На крыльце стояла девушка. Кажется, очень миловидная.

Детективы остановились посередине, ожидая, кто к ним подойдет. Подошли оба – парень и девушка.

Девушка действительно оказалась миловидной: прямые русые волосы до плеч, светло-серые кошачьи глаза... Или, пожалуй, непроницаемые эмалевые глаза фарфоровой кошечки. Личико, немного треугольное, сужавшееся к острому подбородку, было отмечено капризным ртом «сердечком»... Что-то в ней было от Хилари Клинтон, супруги американского президента, только эта была миловидней, моложе и кокетливей. Но вот треугольное личико действительно напоминало Хилари. И эти глаза фарфоровой кошечки. Или скорее их выражение.

Молодые люди смотрели на детективов настороженно и недоброжелательно. Кис заторопился задать

тон деловой и дружелюбный:

– Алексей Кисанов. – Он протянул парню удостоверение, затем руку для пожатия, на что тот неохотно ответил. – Реми Деллье, мой друг и коллега. И француз.

– Павел, – обронил парень. И, подумав, добавил: – Самойленко. А зачем тут француз?

– Мы вместе ведем расследование... А вас как звать? – повернулся Кис к девушке.

– Варя, – томно махнула прямыми ресницами она. – Варвара.

– Она тоже Самойленко, – добавил Павел. – Жена моя. Пошли в дом.

Кис задавал вопросы, на которые эти молодые хранители Тимурова дома отвечали крайне сухо и кратко. Каждое слово приходилось вытягивать клещами. Кто ходил в гости, когда ходил, что делал, как время проводил – послушать этих, так либо они не помнят, либо никого и не было.

– Толстый такой? – задумчиво переглядывались супруги. – Как вы говорите, лет сорока с небольшим? С работы?

– Да, Анатолий Николаевич, – нетерпеливо подсказывал Кис. – Заместитель Тимура.

– Не знаем... Тимур нам не представлял своих гостей... Мы ведь прислуга.

– Бог мой, но был среди них толстый сорока с небольшим лет?

– Да они почти все толстые...

Кис попытался описать Андрея Зубкова, затем Александру – с еще меньшим успехом. Супруги не были намерены узнавать кого бы то ни было.

Была ли женщина у Тимура? Не было. Был ли близкий друг или друзья, хаживавшие в дом по-свойски? Не было. Родственники? Не было.

Ничего не было, никого не было. Да и был ли сам Тимур?..

– Когда вы видели Тимура последний раз?

– В пятницу, – охотно ответила Варя. – Он ненадолго приезжал после работы, а потом уехал обратно в Москву. Должен был сюда в субботу вернуться. Но не вернулся...

Лицо ее приняло скорбное выражение, полагающееся при разговоре о мертвом.

– Зачем Тимур ездил в пятницу вечером в Москву? У него была встреча с кем-то?

– Он нам не докладывал! – возмущенно ответила Варя. – Я же вам уже объяснила: мы прислуга. И знать ничего не можем!

Слушая бесконечные вопросы и ответы, которых он не понимал, Реми потихоньку изучал эту странную пару. Оба были красивы, лица самолюбивы, цену себе знают... Что же заперли себя эти люди в глуши, на даче? Муж сторож, жена домработница... Неужто ничего лучшего не сумели найти? У парня морда глуповата, это верно, а вот у Барбары – так он переделал на западный лад Варвару – глаза умные...

Умные! Ох, не то это слово, не то! Мы говорим «он умный», когда он всего-навсего лишь хитрый, практичный, расчетливый. Опять говорим «умный», когда следовало бы сказать «хищник» – осторожный, умело выслеживающий добычу охотник, готовый перегрызть глотку как своей добыче, так и своим конкурентам... А вот действительно умных, тонких интеллектуалов, понимающих сокровенные глубины бытия, недоступные всем этим хитрецам и хищникам, называем дураками, потому что они не умеют урвать свой кусок зубами... Странен человеческий язык, странны человеческие представления об уме! Как,

впрочем, и обо всем остальном...

Да, если у Барбары глаза и умные, то именно в таком обывательском смысле: это глаза осторожной хищницы, холодной, продажной и расчетливой. Она постреливала в Реми своими фарфоровыми глазками, самолюбиво проверяя, удалось ли ей произвести на него впечатление. Реми ей улыбнулся почти нежно: пусть думает, что поддается ее чарам. Что ни говори, а для домработницы эта девица слишком высокого о себе мнения, чересчур уверенно себя держит... Да и одета странно: обтягивающие стройные – о, да, весьма стройные! – ноги белоснежные лосины заканчивались на середине икр, оставляя открытой часть золотисто-загорелой, гладкой кожи: прямая провокация, так и хочется погладить; на ногах пушистые тапочки без задников, с большими помпонами; темно-красная майка ловко сидит на тонкой фигуре, облекая высокую грудь. В такой одежде убирать дом? А дом большой, работы в нем много...

– Спроси их, есть ли еще персонал в доме, – негромко сказал Реми Кису.

И, словно в ответ на вопрос, который Кис еще не успел задать, в дверях просторной столовой, где они сидели, возникла женщина средних лет, в переднике и с тряпкой в руке:

– Паш, мне только тут осталось пыль протереть... Может, в гостиную перейдете?

– Потом протрешь, – буркнул Паша.

Женщина моментально исчезла.

– Это кто? – спросил Кис.

– Евдокия. Ходит к нам помогать Варе по хозяйству.

– Кто еще вхож в дом из персонала?

– А вам зачем?

– Я ведь вам уже объяснил, Павел, у Тимура пропали ценные документы. Поэтому я должен знать всех, у кого имелся к ним доступ.

– Поварша ходит. Ходила, вернее... Теперь надобности нет – ни Тимура, ни приемов. А с чего вы взяли, что бумажки эти тут, на даче, были?

Тимур после работы заезжал на дачу. А, как сказали Кису в рекламном агентстве, уходя с работы, он прихватил с собой какие-то досье... Следовательно, весьма возможно, что он оставил их на даче! Собирался над ними в субботу поработать? Но вернулся вечером в пятницу зачем-то в Москву. Зачем? Просто так он бы не поехал обратно – ведь с утра собирался снова на дачу приехать. Следовательно, было дело. Возможно, встреча. И тот, кто явился на это последнее randevu с Тимуром, скорей всего и был его убийцей...

– Я ни с чего не взял, Паша, – отвлекся от своих размышлений Алексей. – Пока что я только гадаю, где они могли бы быть.

– Тут ничего такого не было.

– Вы же мне с первых же слов заявили, что не имеете понятия, о чем речь! Откуда же вам знать, были тут документы или нет?

– Ну... Что я, по-вашему, не могу документы отличить от простых бумажек?

– А вы разве имеете доступ к бумагам Тимура? Вы ведь, кажется, не являетесь его секретарем?

– Сторожем я являюсь. Но не дураком.

– Разумеется, вы бы отличили документы от простых бумажек. При условии, что вы могли бы их

увидеть. Но вы их не видели, не так ли?

– Не видал.

– Возможно, потому, что Тимур их спрятал. Сейф в доме есть?

Кис прекрасно понимал, что уж такие места, как сейф, секретер, письменный стол, хозяева Тимура уже проверили. Но ему было необходимо разговорить этого угрюмого Пашу, который вызывал у него пока еще неясные подозрения. Как и его жена, впрочем. Тоже мне домработница: ноги на другой стул закинула, бедро изогнула, смотрит на Реми блудливо, а в это время некая тетя Дуня дом убирает... Да и много ли в таких тапках с пушистыми помпонами можно наубирать? Тапки без задников, при ходьбе шлепают по ухоженным, чистым, гладко-розовым пяткам – тапки для спальни, не для хозяйственных дел. Да и розовые пятки – Кис помнил, как его бывшая жена надраивала их в ванной пемзой, – чуть упустишь, жаловалась она Алексею, сразу кожа начинает шелушиться и отслаиваться... Была ли Варя любовницей Тимура? Кис сказал бы «да», мешало одно: муж. Любовница при наличии собственного мужа в доме?

– Есть сейф. Только там пусто, туда уже кто только не заглядывал. Сначала из фирмы пришли, потом милиция наведальась...

– Кто из фирмы приходил?

– Какие-то люди.

– Я догадываюсь, Паша, – едва сдерживаясь, проговорил сквозь сжатые зубы Кис, – что приходили люди, а не инопланетяне. Я спрашиваю – кто?

– Чего это вы на меня наезжаете! Они мне не представились!

– Вы же сторож, Павел! – матерные ругательства едва не слетели с языка Киса. – Вы меня десять минут у ворот продержали, расспрашивая, кто я да что я. И удостоверение не забыли посмотреть! Так кто приходил?

За мужа вступилась Варя.

– Ой, мы так испугались! – всплеснула она театрально руками. – Приехали двое мужчин, а с ними шестеро качков было! Они как рывкнули, так мы ворота по-быстрому открыли и больше вопросов не задавали!

Это могло быть правдой, но отчего-то каждое слово, произнесенное этой парочкой, казалось Кису фальшивым. Но делать было нечего, и, вздохнув, Кис продолжил расспросы, имеющие мало результата и смысла.

– Вам известны какие-нибудь тайники в доме?

– Вот еще! – переменила положение ног Варвара. – Вы как скажете! Какие еще тайники?

– Подпол, погреб, чердак, потайной шкаф... Не знаю.

– Ничего такого в доме нет, – заверила она детективов, не сводя фарфоровых глаз с Реми. – Правда, Паша?

Паша с энтузиазмом поддакнул. Кис решил, что энтузиазма было с перебором.

Поднявшись, он вложил свою визитку в руки Вари.

– Вдруг память прорежется, – прокомментировал он и продолжил: – Нам надо дом осмотреть. Проводите?

Нехотя поднялся Паша, и Варя опустила красивые ноги на пол.

– Пойдемте, – сказала она, стрельнув глазами в сторону мужа. – Я вас провожу. Ты, Паша, с нами пойдешь?

– Ключи-то у меня, – проворчал тот и пошел вперед.

Внизу было четыре больших квадратных помещения: гостиная, столовая, еще одна гостиная, поменьше, с камином, огромным телевизором и низкой мягкой мебелью – Кис окрестил ее «телевизионной», – и отлично оборудованная кухня. Паркет, дубовая мебель, мраморная отделка камина, ковры... На втором этаже находились спальные комнаты. Самая большая, двойная, принадлежала Тимуру и была обставлена по-царски: огромная кровать под бордовым балдахином, покрытая золотой с бордовым парчой, мебель, смахивавшая на французский антиквариат, восточный ковер, в котором утопали ноги... На стене висел портрет самого Тимура в рост. Сыщики с любопытством рассмотрели: польстил ли Тимуру художник или нет, но портрет изображал худощавого стройного человека среднего роста, с породистым, немного удлинненным лицом; правильные черты, крупный, чувственный, хорошо очерченный рот, темные внимательные глаза с легкой азиатской раскосостью – лицо приятное и интеллигентное, выражение мягкое и вдумчивое...

Кис не к месту вспомнил анекдот про филина: «Нет, он не говорит. Но такой внимательный!» Но сразу же понял почему: у Тимура было лицо внимательного слушателя, располагающее к откровениям, и Кис очень хорошо представил, как Тимур, роняя время от времени слова понимания и сочувствия, выслушивал людей, и те шли к нему, шли, несли свои проблемы и печали... А проблемы и печали возрастают в геометрической прогрессии с ростом благосостояния отдельных представителей народа. И растет их страх – каждый знает, как и на чем делалось его благосостояние... И уже по ночам не спится. И уже не естся. И не любит. И все те дорогие штучки, на которые кидались поначалу с жадностью оголодавших акул, уже не радуют. И куда-то надо девать этот подступающий к сердцу ужас, эту тоску пустоты и гадостности бытия. А тут Тимур – надежный сливной бак, в который можно собственные помои отлить и душу облегчить... А умный Тимур смотрит ласково и вдумчиво, слушает понимающе и внимательно и помои в компрометирующие документы превращает...

Реми сравнил бы выражение лица Тимура с той располагающей маской безграничного внимания, которую надевают на себя психоаналитики перед клиентами. Люди любят говорить о себе, а слушать их мало кто умеет – никому нет дела до других! Вот и ходит народ к психоаналитикам, и платит им безумные деньги за право выговориться! А Тимур бесплатно слушает, да вдобавок помогает разрешить любую проблему. Ясное дело, люди на него должны были просто кидаться – на этот гибрид моральной отдушины с палочкой-выручалочкой! Тем более люди, живущие в условиях начальной стадии дикого капитализма...

Во второй, смежной комнате был кабинет. В нем и находился сейф – довольно вместительный несгораемый шкаф с двойным кодовым замком, встроенный в книжный стеллаж и прикрытый несколькими книгами. Он, как и предсказывали Паша с Варей, был совершенно пуст и даже не заперт. Из спальни дверь вела в ванную: низкая ванна с джакузи была вделана в зеленый мрамор. Разноцветные и разнокалиберные флаконы с косметическими средствами, великолепные бирюзовые полотенца с длинным бархатистым ворсом... И на вешалке за дверью роскошный халат из черного блестящего шелка с едва заметными серебряными полосками.

Реми заинтересовался халатом и, оттянув на себя шелковую полу, окликнул Киса. На груди было написано: «Версаче Классик».

– Откуда этот халат? – обернулся Кис к Варваре. – Тимур его покупал? Подарили? Поручил кому-то купить?

– Кажется, он его получил в подарок. Я помню, как после какого-то приема я распаковывала подарочную коробку... Еще спросила у Тимура Рустамовича, что с ним делать. Он сказал – повесить в ванной...

Остальные комнаты на этаже были попроще и поменьше: одну занимали Варя с Пашей, три другие предназначались для гостей.

На третьем этаже было всего две больших комнаты. В одной стоял стол для пинг-понга, вторая была библиотекой, еще явно не законченной. Ряд полок в огромных книжных шкафах был пуст, на остальных стояли собрания сочинений в дорогих переплетах. В подборе писателей Кис не усмотрел никакого смысла или плана и решил, что «библиотека» – не более чем пижонство, чтобы поддерживать имидж и производить впечатление на простоватых «новых русских». Тимур, видимо, считал себя интеллигентом, имел репутацию человека культурного и старался ее поддержать. Кроме табуретки и лесенки, в библиотеке не было никакой другой мебели – Тимур не торопился закончить эту комнату, да и было совершенно ясно, что эта библиотека, по сути, дублировала его кабинет, примыкавший к спальне, где тоже были книги и книжные полки и где Тимур мог спокойно работать или читать.

Остальную часть третьего этажа занимало пустое помещение, предназначенное, как пояснили Варя с Пашей, для зимнего сада, который Тимур не успел закончить. Пол в нем был выложен керамической плиткой, а по нему тянулись высокие пустые ниши затейливой формы из цветного кирпича, в которых предполагалось посадить растения. В некоторых уже была насыпана земля, часть еще пустовала. Потолок над этой комнатой был стеклянный, и в ней было холодно.

Повсюду Кис с Реми оббегали цепким взглядом стены, щели, двери и стены, пытаясь обнаружить присутствие тайника, в котором могли – кто знает! – до сих пор лежать искомые документы, считающиеся пропавшими. Или хотя бы место, в котором они могли находиться раньше, потому что, установив место, можно было бы понять, у кого к нему был доступ.

Но ничего подходящего не попадало в поле зрения.

– Покажите, пожалуйста, нам подвал, – вежливо распорядился Кис.

Снова Павел гремел ключами, отпирая двери. Котельная – быстрый взгляд детективов по гладким стенам; неотапливаемая кладовка – ящик картошки, морковки, лука, банки консервов... Кис покопался в картошке на всякий случай, ничего не нашел, только руки испачкал и морковку с луком решил оставить в покое.

Прачечная – небольшая комната, в которой стояли стиральная и сушильная машины и бельевого шкафа.

Выйдя из прачечной, детективы попали в еще одно помещение – сауну. Она была большой, удобной, и в ней могли спокойно разместиться человек десять. Огромная круглая ванна – или небольшой бассейн – была также оснащена джакузи. «Сюда подается обычно холодная вода, для любителей освежиться после сауны», – пояснил Паша. Сауна и бассейн выходили в общий предбанник, в котором были шкафчики для одежды и большой деревянный стол с лавками по обеим сторонам в русском стиле. Тут, видимо, предполагалось, выбравшись из сауны, выпить холодненького пивка или водочки, или то и другое вместе.

– Тимур водил сюда гостей, – утвердительно произнес Кис, и Паша с Варей дружно кивнули. – А откуда брались девочки?

– Не знаю... – замялся Паша.

– Он привозил их откуда-то, нам не рассказывал, – заявила Варя. – Мы ведь обслуживающий

персонал, с какой стати Тимур Рустамович будет нам докладывать?

– Вы обслуживали его гостей? – уточнил Кис.

– Нет-нет, – заторопились оба. – На приемах мы не работали!

– А кто же тогда? Кто готовил, кто подавал, кто убирал?

– Готовила наша повариха, на больших приемах приходила еще одна женщина из соседней деревни помогать. Тимур не любил еды из ресторанов, он умел и любил сам готовить, особенно кавказскую и узбекскую кухню, так что он обучил нашу Валентину готовить блюда... А принимать-подавать – вот для этого он и привозил девочек. Они официантки.

– Официантки? Я слышал, что девочки приезжали с другой целью...

– Официантки – это официально. А там уж как получалось. Девочки всегда были красивые и знали, на что их нанимают... Тимур хорошо платил.

– Вы кого-нибудь из них знаете? Имя, телефон, адрес?

Муж с женой переглянулись, и Паша едва заметно кивнул Варе.

– У меня есть телефон одной из них... – сказала Варвара, потупив глазки. – Она давно работала на Тимура и последнее время занималась подбором «официанток» сама... Ее Рита звать. Я, когда надо было это дело организовать, звонила ей и называла сроки и количество человек.

И она продиктовала Кису номер телефона Риты.

Реми тем временем даже под полки в сауне заглянул в поисках возможного тайника, но ничего не обнаружил.

Оставались еще две двери в противоположной стене.

– А там что? – кивнул Кис на одну из них.

– Дворницкие орудия труда. Газонокосилка, метлы, грабли, пилы...

– Покажите.

Показали. Тоже ничего.

– Кто садом занимался?

– Я, – произнес Паша.

Реми, которому Кис иногда коротко переводил их диалоги, посмотрел на руки Павла. Затем перевел взгляд на руки Барбары. Эти две пары рук явно не знали тяжелой физической работы, во всяком случае, постоянной.

Детективам было достаточно обменяться всего лишь одним взглядом, чтобы понять, что ход их мыслей совпадает.

Снова Паша зазвенел связкой ключей, отпирая соседнюю с дворницкой дверь, и детективы попали... в спортзал. Это была странная круглая комната, довольно большая, пол которой был целиком выстлан матами с натуральным кожаным покрытием темно-малинового цвета. В ней были шведская стенка, брусья и несколько тренажеров – велосипед, бегущая дорожка, лежак, предназначенный для тренировки мышц живота. Под потолком висели довольно мощные лампы – в круглых стенах комнаты не было ни одного окошка, тогда как в остальных помещениях подвала окна были, хоть и почти под потолком.

– Тимур занимался спортом? – поинтересовался Кис.

– Он поддерживал себя в форме, – кратко пояснил Паша.

– И гости тоже?

– Не-а, он сюда никого не водил.

Они вышли, и Реми, обернувшись, уставился на соседствующие двери дворницкой и спортзала.

– Ты не находишь это странным?.. – Он еще не успел договорить, как Кис уже кивнул ему и задавал вопрос Паше:

– За стеной дворницкой комнаты есть еще что-то?

– Почему там должно быть еще что-то?

– Потому что спортзал площадью раз в двадцать больше, чем эта каморка!

– А-а... Так бы и спросили... Не, спортзал просто выдается из подвала и уходит в сад, вернее, под сад.

– Зачем?

– А где вы хотите, чтобы его Тимур разместил? – удивился Паша. – Тут больше места нету.

Действительно. Глупый вопрос.

Вернувшись в дом, Кис едва заметно кивнул Реми и сообщил небрежно:

– Пойду покумекаю с вашей уборщицей маленько... Она где?

– Не знаю... Ушла, должно быть, – без всякого энтузиазма ответил Паша.

– А разве она вам не докладывает, когда уходит?

– Ну... Обычно докладывает... А зачем она вам?

Но Кис уже скрылся из комнаты, оставив Реми наедине с молодыми супругами. Ему предстояло занять их, чтобы они не поволоклись вслед за Алексеем и не помешали беседовать с уборщицей.

Реми внимательно посмотрел на обоих: Паша все больше отводил глаза, тогда как Барбара не сводила с него загадочно-обещающий взгляд на протяжении всего их путешествия по дому.

– Вы говорите по-английски? – обратился француз к ней.

– Нет. И мой муж не говорит, – ответила она по-русски.

Реми подумал.

– Видео, – наконец произнес он. – Кас-сет ви-де-о.

Варвара поняла и, легонько кивнув ему – мол, следуйте за мной, – провела его в телевизионную комнату, где Реми перебрал все фильмы. Судя по этикеткам, набор был почти тот же – эротические и порнографические фильмы, боевики – все вперемешку. Исключение было сделано для Вуди Аллена и Верховена, присутствовавших здесь в качестве «серьезного» кино. И снова разрозненные номера. Он знаками дал понять Варе, что его интересуют недостающие кассеты. Варя поманила его в кабинет, где Реми нашел еще несколько кассет – первую, тридцать вторую, тридцать восьмую...

Все равно доставало несколько. Но, собственно, зачем они Реми? Из любви к порядку разве что... У нормальных людей есть место, где хранятся видеокассеты, – полки или ящики, видеотека, одним словом. У Тимура, кажется, ее не было.

Ну и что с того? Ничего.

Глава 15

Звонок мобильного застал Киса на выходе с дачи Тимура. Ваня отчитался: среди нескольких статей, явно или не явно рекламировавших марку Версаче, была одна, которую он счел наиболее интересной: она была подписана Александрой Касьяновой.

«Изысканный и капризный, с ощутимым привкусом роскоши, всего того, что называют словом «люкс», стиль Версаче завораживает и притягивает. Версаче любят не за качество – кто из уважающих себя кутюрье не предложит вам превосходного качества? – его любят за ту линию в одежде, за ту маленькую деталь, за то колдовское сочетание формы, фактуры и цвета, которое делает облик человека неповторимо-индивидуальным, которое делает его *единственным...*» – зачитал Ваня по телефону отрывок.

– Я сделал ксерокс с нее, – сообщил он. – С других делать?

– Думаю, что ты нашел именно то, что нам нужно, – медленно проговорил Кис. – Другие вряд ли понадобятся...

По дороге домой Кис спросил Реми, что он думает о Версаче.

– Я? – удивился тот. – Я о нем ничего не думаю. Он мне не по карману.

– Ну а был бы по карману?

– Я предпочитаю одеваться у кого-нибудь из французов... Тед Лapidус, Даниель Хештер, Хьюго Босс... Что-нибудь поспокойней. У Версаче слишком кричащий стиль... У нас в Париже его не очень жалуют.

– А вот Александра написала о нем статью, в которой хвалит его за «колдовское» сочетание цвета и формы.

– Вот как? Впрочем, о вкусах не спорят.

– Вряд ли это вопрос вкуса... Думаю, статья заказная.

– Я думал, что Александра – независимая журналистка.

– Когда хорошо платят – все зависимые.

– Что ж ей, по-твоему, Версаче платил?

– Бог с тобой, конечно, нет. У нас кто-то в него деньги вкладывал, раскручивал марку. И судя по тому, как раскручивал, деньги были большие. Очень большие.

– Статья недавняя?

– Давняя. Пару месяцев спустя после его убийства.

– И ты думаешь, что это Андрей заказал?

– Если допустить, что мы на верном пути и Андрей Зубков участвовал в продвижении Версаче на русском рынке – то тогда и Александра вписывается в картину. Она его давешняя подружка, репутация у нее как у журналистки отменная, статья, подписанная ею, должна была прозвучать мощно – это примерно то, что ему нужно было... Он ей, полагаю, заплатил хорошие деньги – она ему и услужила.

– Кис, а что мы, собственно, во всем этом ищем?

– Сам не знаю. Не нравится мне, что Зубков нам наврал. Не нравится, что реклама на одежду Версаче была втиснута каким-то обходным способом – в рекламные ролики других фирм, которые выложили

немалые денежки агентству за свою рекламу и заодно – не ведая того – за Версаче. Я только не понимаю: зачем надо было морочить себе голову и устраивать этот акробатический трюк с рекламой на Версаче, а не просто прикарманить деньги за нее?

– А объем продаж? Им же надо было как-то отчитаться перед заказчиком! Если объем продаж не возрастает, то заказчик начинает беспокоиться, начинает вникать: а ну, покажите-ка мне рекламу, да как она сделана, да отчего не работает, не производит эффекта и не приносит прибыли? А так – реклама, хоть и завуалированная, проходит, доходы фирмы-заказчика растут, и никто не интересуется, какая такая реклама умножает их доходы – лишь бы умножала...

– Вот я и говорю: Андрей с Тимуром аферы проворачивал, а нам что сказал? Что едва знаком! Припррем Андрея к стенке, посмотрим, что он расскажет. Да и вообще в этой истории странно все. Надо заметить, что девушки положили удачное начало со всеми своими выдумками. Мы завязли до зубов в странностях и продолжаем успешно в них барахтаться! Евдокия, слышишь, уборщица, сильно удивилась, когда я сказал ей, что Варя, по моим сведениям, – домработница. «Что вы, Варвара скорее домоправительница здесь. А домработница – это я... Она просто скромная, Варя, при посторонних умеет себя вести, свое место знает. Вот кто-то и решил, что она домработница. А так – она у нас тут главная. Вместе с мужем. У них, конечно, своя работа есть – Варя вещами и покупками ведает, Паша делает по хозяйству кое-какую работу – мужскую, что называется. Что надо – починит, кусты пострижет, пьяного гостя вынесет...» Ну, не странно ли? Что ты на это скажешь?

– «Скромная»?! Я бы скорее сказал, что она была любовницей Тимура – уж больно глаза распутные, – да только слабо представляю себе, как это при муже они устроились? Да и муж ли он?

– Евдокия подтвердила, что муж. Кто его знает, может, Тимур его просто купил?

– Я видел такой фильм... Там один богач покупает жену у ее мужа... Но это же кино? В жизни разве так бывает?

– Эх, друг мой француз, у нас еще не то бывает!

На этой философской ноте они подъехали к дому Андрея Зубкова.

Кис решил не звонить и глянуть, как выглядит шоколадная квартира и ее обитатель, когда являются незваные гости.

Однако в этой квартире гостей ждали. Но только не Киса с Реми.

Растерянный Андрей по-женски вытирал руки о фартук, по квартире носились вкусные запахи, стол, в центре которого царил бутылка белого бордо, был сервирован на двоих. Намечался ужин при свечах...

Реми был смущен их с Кисом бесцеремонным, без предварительного звонка вторжением. Кис подмигнул: ничего, мол, подумаешь, работа у нас с тобой такая, – и заверил хозяина, что они совсем ненадолго.

– Только ответьте мне на вопрос, почему вы сказали нам неправду, и мы сразу уйдем, – ласково обратился он к Андрею.

– Что значит – «неправду»? – Андрей неохотно присел на боковой валик шоколадного дивана.

– Ваша фирма занимается среди прочего «от кутюр», как вы нам сказали. И, полагаю, ваш основной протееж – это Версаче, правильно?

– Ну, положим.

– Положим, положим. Вы договорились с Тимуром, что он вставит в различные рекламные ролики,

заказанные другими фирмами, актеров, одетых в вещи от Версаче.

– Я не...

– Погодите! Это был не вопрос, это было утверждение. Вы получили от фирмы, раскручивающей у нас Версаче, деньги на рекламу, но эти деньги вы не заплатили агентству «Феникс», а поделили на двоих с директором «Феникса» – с Тимуром.

– Как вы смеете...

– Доказать это будет совсем не трудно. Есть видеоролики, – а контракта с «Фениксом» нет... И денег, которые предназначались на рекламу, – тоже нет. Это не понравится вашему клиенту!.. Впрочем, я ошибся: вы поделили деньги не на двоих, а на троих: кто-то в вашей фирме должен был вас прикрыть и провести для клиента несуществующую рекламу как сделанную...

– Что вам от меня нужно? – сдался Андрей.

– Правду. Вы скрыли, что Тимур был вашим преподавателем по марксистско-ленинской философии на журфаке. Вы скрыли, что Александра, как и вы, знакома с ним с 95-го года. Зачем?

– Мой принцип – как можно меньше информации. Я не скрыл именно о Тимуре и не с какой-то определенной целью – я скрываю все и всегда: чем меньше обо мне знают, тем лучше.

– И об Александре?

– Этот принцип распространяется и на моих друзей.

– Кто заказывал Александре статью о Версаче?

– Какую?

– Андрей, не стоит...

– Я имею в виду... Я заказывал.

– Хорошо ей заплатили?

– Хорошо. Александра – независимая журналистка, репутацией своей дорожит, и уговорить ее было не просто.

– Но удалось, – закончил за него Кис. – Значит, с Тимуром они были прекрасно знакомы. И – встречались время от времени?

– Почему мне...

– Андрей! Ну, полно! У вас, здесь, к примеру. Встречались?

– Да, – неохотно признал тот. – Мы отмечали публикацию статьи... Она очень подняла количество контрактов на марку Версаче. После того, как его убили, все будто сочли, что марка перестанет существовать, – его вдруг перестали покупать, начали перекидываться на другие имена... А фирма есть! Фирма существует, и марка существует! Ничего не изменилось! И нам было совершенно необходимо поддержать престиж марки.

– И вложенные деньги.

– Разумеется.

– В каких отношениях были Тимур с Александрой?

– Я не в курсе...

– Андрей, что же вас надо все время уговаривать! Я человек мирный, но могу ведь и настучать вашим

клиентам о том, как вы распоряжаетесь их деньгами, если выведете меня из терпения!

– Ох, не люблю я это – рассказывать за спиной... – покачал головой Андрей. – Спросите у Саши!

– И у нее спросим, не волнуйтесь. Вы ведь ждете гостей? – Кис обвел взглядом нарядный стол. – Или скорее гостю... так ведь? Тогда не будем терять времени! А то, представьте, как глупо выйдет: девушка явится, а тут два чужих дядьки развалились в креслах, вопросы задают. Что она о вас подумает?

– Вы просто шантажист по природе!

– Угу, – не стал спорить Кис. – Так отношения Александры с Тимуром?

– Откровенно говоря...

– Именно! Именно говоря откровенно! – патетически всунулся Кис.

Андрей, скользнув взглядом по циферблату золоченых настенных часов, хмуро посмотрел на него исподлобья.

– Во враждебных. Александра его не любила еще со студенческих времен. Он ей всегда ставил плохие отметки... Да и вообще она не любила этот предмет.

– Этим трудно кого-нибудь удивить!

– Верно, но только все не любили, но и не рыпались. А Александра вела себя вызывающе. Тимур ее постоянно срезал на семинарах, придирался, а она... Саша его ненавидела.

– Коли так, надо полагать, что после окончания университета Александра не поддерживала отношений с бывшим преподавателем? – Андрей кивнул. – И встретились они спустя много лет здесь, у вас, по случаю выхода ее статьи?

Еще один молчаливый кивок, и он снова посмотрел на часы, на этот раз демонстративно.

– И как прошел вечер празднования статьи?

– В том же духе, что и двенадцать лет назад на семинарах. Александра была язвительна, презрительна и холодна.

О, Кис это представлял! Это Александра может! Это она умеет, Снежная Королева, ледяная и надменная, которую ему отчего-то постоянно хочется растопить... Вот так, развести костерок рядышком и смотреть, подбрасывая в огонь веточки, как она будет таять и плакать, и молить о пощаде. И вот тогда Кис смирится... Вот тогда он... и потом еще...

Кис поймал на себе внимательный взгляд синих глаз Реми, который, померещилось Кису, будто считывал его грешные мысли и грезы.

Мгновенно придав лицу невинное выражение, Кис старательно уставился на Андрея.

– А зачем в таком случае вы их собрали вместе? – продолжил он расспросы.

Андрей не ответил, глядя в сторону.

Заговорил Реми:

– Об этом вас попросил Тимур, – тихо произнес он, – не так ли?

Андрей глянул на него с нескрываемым раздражением.

– Александра ему нравилась?

– Понятия не имею, – бросил Зубков.

– Александра была с ним дерзка... Некоторых мужчин это сводит с ума, – Реми скопил глаза на Киса с

едва заметной усмешкой. – Этот вечер вы устроили по просьбе Тимура, да?

Молчаливый кивок.

– Как события развивались дальше?

– Не знаю. – И, поймав взгляд Киса, который явно собирался снова напомнить ему об их афере с рекламой, он торопливо добавил: – Клянусь, не знаю!

Кис принял этот ответ, хоть и с долей недоверия, и детективы откланялись.

Уже в дверях Андрей, запинаясь и даже покраснев от несвойственной ему унижительной интонации, произнес:

– А вы... Вы не будете... Вы правда не будете пользоваться этим... этой информацией? Я, если хотите, мог бы заплатить...

– Я шантажом не занимаюсь, молодой человек, – сухо ответил ему Кис. – Все, что мне от вас нужно было, – это правдивые показания. Возможно, понадобятся еще. Но денег мне больше не предлагайте! – закончил он и величественно покинул квартиру Андрея. Реми вышел вслед за ним.

Ксюшу не удовлетворил ответ сестры. Она чувствовала, что Александра хочет уйти от темы, связанной с человеком с перстнем. Тогда, у Киса, – и Ксюша готова в этом поклясться – никто не сказал, что найденный в реке жилец этой проклятой квартиры имеет примесь азиатской крови. Саша будто бы сделала этот вывод из его имени – Тимур, – но...

Но дело в том, что имени его в тот вечер никто не называл!

А вот Саша знала, что его зовут Тимур...

И Ксюша видела – теперь она уверена в этом! – Тимура в подъезде Александры! Опять совпадение? Нет, увольте. Совпадения бывают, конечно, и ее ужасная, дурацкая, кошмарная выдумка – тому доказательство, но чтобы *столько* совпадений?! Нет, нет и еще раз нет. Он приходил сюда – к Александре. Они были знакомы! Когда Ксюша в первый раз описала перстень с синим камнем и рассказала о человеке в аэропорту, Саша прямо обмерла! Тогда Ксюша не обратила внимания, не придавала значения – подумала, что сестра за нее испугалась...

Но Александра, значит, за себя испугалась. Потому что они были знакомы.

И если они были знакомы, то... То выходит, что Александра знала, что отправляет Ксюшу в квартиру Тимура.

И что же получается? Что сестра... Отправила ее с Реми стирать отпечатки в квартиру, хозяина которой убили...

Отпечатки... Александры?

Мотор Кисовой «Нивы» уже урчал, готовый к бегу, когда Кис вдруг выключил его и взялся за ручку дверцы, открывая.

– О халате забыли спросить! – посмотрел он на Реми.

Реми тонко улыбнулся:

– А я-то думаю, неужто ты действительно собрался уезжать, так и не поглядев, кто идет в гости к Андрею?.. У вас в гости ходят к которому часу?

– По-разному. Начиная с шести примерно.

Реми посмотрел на часы. Было начало восьмого.

– Значит, гостя уже на подходе?

– Весьма вероятно.

– Тогда пошли спрашивать о халате.

Кис запер машину, и детективы, снова обогнув дом, в котором жил Зубков, вошли в подъезд и поднялись на нужный им этаж.

Дверь в квартире Андрея не была прикрыта до конца, и свет из нее пробивался на лестничную площадку. Детективы переглянулись и крадучись подошли к двери.

«...Давай сюда свое пальто... Что это? – раздавался негромко голос Андрея. – О-о-о, у тебя хороший вкус, спасибо... Можно, я тебя поцелую за такой чудесный подарок?..»

Детективы замешкались. Как-то, право, неловко врываться в дом в такой момент...

«Проходи в комнату... Ох, смотри-ка, я дверь не закрыл». Послышались шаги, и детективы отступили было на шаг, прижавшись к стенке, как до них донеслось ответное: «Это, должно быть, я не закрыл... Извини», – произнесенное приятным молодым мужским баритоном.

Не теряя времени, Кис кинулся к двери и произвел два одновременных действия: нажал кнопку звонка и вставил ботинок в просвет. Изумленный Андрей распахнул дверь, и Кис с Реми увидели позади него миловидного юношу лет шестнадцати, испуганно смотревшего на них, заливаясь мучительным девическим румянцем.

– Извините, – сказал деловито Кис, – что беспокою вас опять. Забыл один важный вопрос: вы дарили халат от Версаче Тимуру?

Андрей растерянно крутил головой, не понимая, что происходит. Это неожиданное и нахальное вторжение в его квартиру не оставило ему времени для размышлений, и его гость торчал на пороге комнаты, не сообразив скрыться от глаз посторонних... Теперь уж было поздно его прятать, и Андрей беспомощно отступил назад, впуская детективов. Все, что ему оставалось сделать – и что он немедленно сделал, – это придал своему лицу непроницаемое и холодное выражение. Впрочем, это служило весьма сомнительным прикрытием, учитывая, что его гость стоял пунцовый, как вишня, и с нескрываемым ужасом смотрел на двух незнакомых мужчин.

Кис с Реми оставили мальчика в покое и не стали смущать его разглядыванием – они и так увидели все, что хотели увидеть, – и спокойно смотрели на Андрея, ожидая ответа.

– Дарил, – безнадежно ответил он.

– И вы были...

Андрей перебил:

– И на даче бывал. Это все?

– Варя эта – кем она там?

– Домработница.

– Уверены?

– Тимур ее так представлял.

– И...

– И муж ее сторож. Все?

– Варя – любовница Тимура?

– Он мне не докладывал.

Кис повернулся к выходу, но снова остановился:

– А личное впечатление?

Кису показалось, что Андрей его сейчас ударит – до того тот был зол.

– Ах, личное? – процедил Зубков. – А не пошли бы вы?..

– Нет, – быстро ответил Кис. – Не пойдем. Личное впечатление, и не будем ругаться – сила не на вашей стороне...

– Блядь!

– Не понял?

– Блядь эта девка! У нее на морде написано – вот вам личное впечатление.

– Что ж, извините за беспокойство, приятно провести вечер!

Кис протянул руку, которую Андрей потряс с нескрываемым отвращением. Реми с рукопожатием экспериментировать не стал и покинул квартиру первым.

– Вот это номер, чтоб я помер! – пробормотал Кис, садясь за руль. – А я-то хорош: «Что о вас ваша гостья подумает!» – передразнил он самого себя.

– В России с какого возраста наступает совершеннолетие? – спросил Реми.

– С восемнадцати.

– Как у нас, значит... А парнишке этому восемнадцати-то еще нет. Я полагаю, что в вашем Уголовном кодексе, как и в нашем, половые связи с несовершеннолетними...

– Слушай, Реми, я скажу тебе одну вещь, с которой ты, может, и не согласишься, но... Видишь ли, я против одного: насилия. А если полюбовно... Скажи мне, почему двое шестнадцатилетних могут заниматься любовью безнаказанно, но если одному из них есть восемнадцать, а другому нет – то это становится преступлением? Логика мало, а? Гомик он или нет – их дело, в конце концов, лишь бы никто никого не принуждал, не насиловал ни морально, ни физически. Но мальчик сам пришел в гости, ты же видел – с подарком... Так что никуда стучать я не буду, не мое это дело. Пусть тешатся, раз их так природа устроила... Я это мало понимаю, но... Не все, наверное, можно на свете понять.

– Да я вовсе не предлагаю тебе в вашу полицию сообщать. Это я так, проверяю, насколько прочно мы его держим.

– Держим мы его прочно, хотя больше страхом, чем реальной угрозой: уголовное дело еще доказать надо, – кивнул Кис. – Ты к Ксюше? Я тебя довезу, а потом попробую к Рите наведаться – к той девице, которая «официантками» ведала... Где вы встречаетесь?

– У Александры дома. Я приглашен на обед.

– Везет тебе! И девушка есть любимая, и обедом накормят...

– А ты позови Александру поужинать. Она ведь тебе нра... Извини, не мое это дело... Но отчего не пригласить? И мне услужишь: побуду с Ксюшей наедине.

– Простой ты, парень. С какой это стати она пойдет со мной? Думаешь, ей не с кем по ресторанам шататься? Ты понимаешь, что такое известная журналистка? Да вся московская элита с ней дружбу водит, и половина мужской части за ней ухаживает! Куда уж тут мне, со свиным рылом да в калашный ряд...

– Что? – не понял Реми русское выражение.

– Придется тебе с этой дуэньей сидеть, вот что. Между прочим: о наших открытиях о знакомстве Тимура с Александрой, как ты понимаешь, ни слова – ни той сестрице, ни другой. Ну, а мне звать старшую в ресторан ни к чему: все равно откажет, не пойдет.

– Как знать... Что-то в ее глазах есть странное, когда она на тебя смотрит. Что-то такое... Похожее на сожаление.

– Ага, она так же и на стенку смотрит: жалеет, что та стенкой уродилась и что судьба у нее – стеночная. Ты славный парень, и я ценю твою тактичность, только давай не будем, Реми...

Глава 16

Стол был накрыт, салаты заправлены, пышущая жаром духовка выключена. Александра придирчиво оглядела принарядившуюся Ксюшу.

– Припудрись немножко. И румян добавь. Очень уж ты бледненькая. И синяк надо запудрить... Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

Ксюша была рассеянна и избегала смотреть на Александру. Слава богу, сестра отнесла это за счет пережитого Ксюшей шока и нервного состояния перед свиданием. Шок-то, оно, конечно, шок, но у Ксюши нервная система будь здоров, крепкая, а вот что ее донимало, так это мысли о знакомстве Саши с убитым Тимуром. Ей очень хотелось узнать, так ли это, и очень хотелось понять, к каким выводам этот факт ведет – если можно считать, что это уже *факт*, а не ее догадки. Но она не могла расспрашивать Александру, это было выше ее сил. Да и не скажет ей ничего сестра... Но только в ее уме вдруг связались разрозненные кусочки информации и начали выстраиваться в картину...

В ужасную картину! Саша, которая за последние полтора года так сильно изменилась, была знакома с этим Тимуром – вот и кандидатура, которую она до сих пор безуспешно искала, на то, чтобы объяснить причины этих перемен с сестрой и найти их виновника! Потому что Саша это знакомство тщательно скрывала и продолжает скрывать... А когда скрывают – то ничего хорошего, значит, в таком знакомстве нет!

И Саша не могла не знать, где этот тип живет... И Саша придумала всю эту историю с Шарон Стоун. И послала Ксюшу разыгрывать француза в квартиру, хозяина которой убили. И где, возможно, были отпечатки Александры. И тогда получается, что все эти разговоры о невероятном совпадении – пустая болтовня. Никаких совпадений тут вовсе и нет, и ими даже не пахнет, – а есть коварный, дьявольский план, чудовищный замысел...

– Ксюша!

– А? – очнулась Ксения. – Прости, я... Я задумалась.

Саша понимающе улыбнулась и погладила сестру по волосам:

– Я уйду. Не буду вам мешать.

– Почему?

– Ксюшенька, проснись, девочка. Я сказала: не буду вам мешать.

– А-а... Спасибо... А ты куда пойдешь?

– К Наташке. У нее переночую.

– Переночуешь? Ты хочешь уйти на всю ночь?

– Я же не бифштексы могу помешать вам есть! Я о другом! Пора бы и тебе было об этом подумать!

– Об *этом*? Но, Саша... Я к этому не готова! Мне надо к Реми привыкнуть, ты не понимаешь? Ты знаешь, сколько раз мы встречались в общей сложности? Пять! Всего пять! Он милый, чудный, Реми, я люблю его... Я люблю его так, как можно любить мужчину через пять дней... Но это еще не то, этого мало! Он еще чужой. Он волнует меня, да, когда целует, когда обнимает, но спать с ним? Нет-нет, я не могу, еще рано, я еще *этого* не хочу!

– Захочешь. Если он настоящий мужчина. Но ему надо предоставить возможность. То есть – квартиру.

Что я и собираюсь сделать.

– Я тебя умоляю, не надо! Иди к Наташке, если ты так решила, и спасибо, что ты такая деликатная, но приходи обратно! Не надо на всю ночь!

– Ксюша, ты думаешь только о себе. А нужно подумать о Реми. Он мужчина! И он должен обладать женщиной. Иначе ты его не удержишь! Он уедет к себе во Францию и заведет себе другую. А я хочу, чтобы вы были вместе, чтобы вы поженились... Он хороший парень, Ксюша, это видно. Я в тот раз со зла сказала тебе, прости. Он славный, добрый, умный мужик, и он тебя любит. Больше того – и важнее того, – он тебя ценит. Это далеко не всегда совпадает – любить и ценить... Я хочу, чтобы он женился на тебе и увез тебя отсюда. Подальше от этого страшного города, в котором каждый день убивают, пытаются, насилуют... И я не хочу, чтобы он, не зная, куда девать свои нерастраченные желания, которые ты в нем вызываешь, завел себе бабу в Париже. Ты должна с ним переспать!

– Боже мой, опять! Опять, Саша? Ты снова говоришь мне, что я «должна»? А нельзя ли просто любить, как любитесь? И заниматься любовью, потому что сгораешь от нетерпеливого желания, а не потому, что «надо»?

– Так это «надо» тебе, дурочка. Тебе, и никому другому! Если ты сейчас его упустишь – потом не вернешь. А мужика надо привязывать постелью. Тогда ты будешь – *его женщина*, а не абстракция. И вот тогда у тебя появится шанс, что он тебя не забудет. А так – ты всего лишь милый пушистый котенок: поиграли с приятностью, разошлись и забыли.

– Это цинично, Саша! Ты стала циничной, вот что. Раньше ты такой не была!

– Это жизнь цинична, сестричка. А не я. Я лишь стала эту жизнь понимать. И ты поймешь со временем... А пока что поверь старшей сестре. Я уйду с ночевкой. И предоставь Реми вести солирующую партию в эту ночь – просто забудь, что у тебя есть своя воля, свои желания... Он не пацан, тебе должно быть с ним хорошо. Знаешь, у него рот очень чувственный... И руки. По рукам многое можно сказать о мужчине. Он должен уметь в постели... Говорят, французы в этом деле хороши.

Александра сладко потянулась.

– Завидую тебе, – сказала она, без всякого, впрочем, выражения. – Извинись перед ним от моего имени, скажи, что мне пришлось ехать на какую-нибудь презентацию с гулянкой на всю ночь... И что я приду только завтра к полудню... Презервативы в тумбочке у кровати. Они, конечно, это дело сильно портят, но аборт делать еще хуже, как ты можешь догадываться... Да и СПИД не шутка... В общем, береженого бог бережет. Не забудь свечи на столе зажечь.

Кис тормозил возле подъезда Александры, когда она появилась в дверях подъезда. Она узнала «Ниву» Алексея и приветливо махнула рукой. Мужчины вышли из машины.

– Бонжур, – сказал Реми, – а разве...

– Мне надо по делам, – перебила его Александра, – так что придется вам развлекаться без меня.

– Тебя подвезти? – предложил Кис.

– У тебя проблемы с памятью? – поинтересовалась Александра. – И ты забыл, что у меня есть своя машина?

– Да нет, не забыл... Просто ищу повод, чтобы предложить тебе поужинать...

– Ну и как, нашел?

– Нет пока...

– Нет повода – нет и ужина! – отрезала Александра и направилась к своей машине.

Кис разозлился. Кивнув на прощанье Реми, который уже нетерпеливо входил в подъезд, он догнал Александру и тронул ее за рукав. Александра, не сбавляя шага, руку отдернула и покосилась на детектива. Тот сделал крупный шаг вперед и перегородил ей дорогу.

– В чем дело? Ты нашел повод? Имей в виду, это была шутка. Я тороплюсь, пропусти.

– Куда ты собралась?

– Не твое, кажется, дело?

– Мое.

– С какой это стати?

Честное слово, так и растерзал бы на месте. Как она злила его, это просто невероятно!

– А с такой: мне нужно с тобой поговорить. И я хочу, чтобы ты отменила свои светские мероприятия и пошла со мной.

– У меня сегодня нет никаких светских мероприятий. Я иду к подруге!

– Тем более. К подруге не обязательно.

– То есть как это? Ты за меня будешь решать?!

– Александра... Кончай дурака валять. Пошли поужинаем где-нибудь.

– Я тебя, кажется, не валяю.

– Не хами.

– Хочу и хамлю.

– Доиграешься, Саша, – тихо пообещал Кис. – Я не всегда такой добрый.

– Меня не волнует, какой ты всегда. И какой иногда – тоже не волнует.

И, обойдя Алексея, она снова двинулась вперед.

Кис едва сдерживался. Он удивлялся самому себе: у него возникло желание ударить Александру, дать ей пощечину, сбить с нее спесь... Казалось, сделай он это, и она внезапно переменится, как в сказке: была вреднючка – стала хорошая девочка... Но он, конечно, не мог позволить себе ударить женщину. Тем более если женщина эта – Александра.

Он снова схватил ее за локоть, больно сжал и произнес сквозь зубы:

– Я сказал, дождешься!

– И чего я дождусь? – Она резко остановилась и вонзила в него вызывающе-надменный взгляд.

Кис решил не отвечать, только смотрел на нее взглядом жестким и серьезным.

Под его взглядом Александра неожиданно как-то съежилась, сникла. Отвела глаза, повернулась и неуверенно пошла к своей машине, словно ждала от Алексея удара в спину.

И Кис не замедлил его нанести.

– Ты с Тимуром ведь была знакома, не так ли? – тихо спросил он ей вдогонку.

Остановилась. Помедлила. Полуобернулась к нему. Алексей видел ее изящный профиль, и у него сжалось сердце. Она стояла впереди с опущенными плечами, такая несчастная и беззащитная... Взять бы ее за эти плечи, притянуть бы к себе, приласкать...

Но вместо этого он добавил безжалостно:

– Какой ресторан ты предпочитаешь?

– Мне все равно, – ответила она погасшим голосом. – Все сойдет. Кроме «Макдоналдса».

Кис хороших ресторанов не знал по простой причине, что в них не бывал. Он решил завернуть в первый попавшийся где-нибудь в центре. Открыв дверцу «Нивы», он подождал, пока Александра сядет. У него было странное чувство завоевателя, который везет пленницу-добычу... И оно его не радовало. Ему не хотелось, чтобы Александра была унижена, и тем более – им.

И в то же время он ощутил свою власть над ней. Может быть, временную – но власть. И он невольно наслаждался этим ощущением, понимая, что она, скорее всего, ему не простит этого вечера и этой унижительной зависимости от него, Алексея Кисанова, детектива, выведавшего ее тайну...

Реми сразу понял маневр Александры и было обрадовался... Но тут же почувствовал, что Ксюша напряжена и явно не готова провести вечер по сценарию старшей сестры. Ну что ж, он и не торопился. Нежности в нем было столько, что на ее энергии он мог еще долго жить и функционировать, спокойно ожидая того мгновения, когда другая, новая энергия физической близости, яркая и сильная, придет ей на смену. Это могло быть сравнимо с музыкой: сейчас была пора блюза. Потом придет пора других ритмов... А Реми любил всякую музыку. Главное, чтобы это не была одна и та же мелодия. Заглядывая в глубокие, таинственные при свечах глаза Ксюши, Реми думал, что ему вряд ли грозит однообразие с этой девочкой. Ей еще предстоит открыть самое себя, и он ей в этом с удовольствием поможет, проведет ее по пути, ему уже известному, а затем отправится с ней вместе в неизведанное...

Он вспомнил свою последнюю пассию, кофе о лэ[6], мулатку. Просыпаясь по утрам и глядя на ее безупречное тело, он испытывал пустоту и легкое отвращение. Не к ней, она была великолепна в постели, темпераментная выдумщица, ему не в чем было девушку упрекнуть, а... он сам не знал, к чему. Разнообразие, видимо, было только физическим, в их отношениях это не меняло ни малейшего оттенка, нюанса, – они были те же, они были просты и незатейливы, и по утрам Реми чувствовал себя *отработавшим*, а красивое тело, вытянувшееся рядом, – розоватая пятка высунулась из-под одеяла, тонкая бронзовая рука изящно лежала на подушке – чужим. В их отношениях не было перспектив, они, едва начавшись, были уже исчерпаны, все было просто и схематично: по утрам, уходя на работу, деловитый поцелуй, вечером ужин из полуфабрикатов и телевизор, ночью бурный секс, и снова он просыпался с ощущением пустоты и легкого отвращения... Редкие всплески настоящего, неподдельного восторга Реми наблюдал в своей подружке только тогда, когда она прикладывала в магазине к своей безупречной фигурке новую вещицу, а всплески неподдельной нежности – когда Реми покупку оплачивал...

Они расстались. Сцен не было. Она чувствовала, что он от нее чего-то ждал, чего – не знал никто из них. И она тоже устала от этого ожидания, удовлетворить которое была не способна.

И, глядя на Ксюшу, Реми понимал, что у них впереди – океан. И никуда не торопился, как по-настоящему богатые люди не торопятся потратить деньги, как настоящие парижане не стремятся попасть на все столичные тусовки, куда ломятся провинциалы, как истинные звезды не маячат постоянно на глазах у публики, подобно старлеткам, как...

Как тот, кто по-настоящему любит, а не ограничивается словом «влюблен».

Однако их ужин протекал в некотором напряжении. Ксюша была немного скована, все больше избегала взгляда Реми, говорила без остановки, подробно расспрашивала об их с Кисом поездке на дачу, задавала вопросы, интересовалась странными супругами Павлом и «Барбарой».

Реми подозрениями делиться не стал, описал все вкратце, упомянул о проводившихся на даче «банных» приемах и отнес Ксюшино любопытство за счет ее страха, что он воспользуется их пребыванием наедине, и желания говорить, говорить, говорить, чтобы избежать опасных пауз и двусмысленных молчаний, в которые, за отсутствием слов, начинают возникать жесты.

«Не бойся, моя милая девочка, я не буду тебя торопить, — думал он и таял от немыслимого умиления. — Я подожду того мига, в который я пойму, что ты готова... Что ты больше не задаешь себе вопросов «а надо ли?», а просто протянешь руки и закроешь свои чудные глаза... И я буду целовать эти нежные веки, эти свежие губы, я распушу твои роскошные волосы по твоим обнаженным плечам... И вот тогда, когда станет слышным твое легкое дыхание, когда кровь твоя вскипит от электрического тока, ринувшегося по тонким голубым сосудам, когда тело твое сделается нетерпеливым и податливым, вот тогда я...

Но я подожду. И дождусь».

Кофе вызвался сварить Реми. Перед тем как отправиться к Ксюше, он тщательно выпросил Киса, с чем тут принято ходить в гости — весь его опыт исчерпывался приглашением к Кису, к которому он неизменно приходил с бутылкой водки. Кис посоветовал цветы, конфеты и бутылку шампанского или ликера. В большом супермаркете на Новом Арбате Реми долго и придирчиво выбирал конфеты и напитки, предпочитая, разумеется, французское происхождение товаров, и соблазнился заодно знакомой маркой хорошего итальянского кофе, который узнал по запаху.

Вооружившись туркой — это был, с точки зрения Реми, не самый лучший способ приготовления кофе, но иных средств в его распоряжении не оказалось, — он варил кофе, а Ксюша стояла рядом, наблюдая, и ее близость волновала его. Краем глаза он видел ее серьезный, сосредоточенный профиль, ее засунутые в карманы руки — она держалась отстраненно в полуметре от него, и вся ее поза, казалось, свидетельствовала о том, что она избегает даже прикосновения к Реми...

Реми подумал, что он, конечно, готов подождать, но тонкую стенку боязливого отчуждения, которой Ксюша от него отгородилась, следовало бы разрушить немедленно. У них в распоряжении не так уж много времени, и до его отъезда между ними должна обязательно возникнуть близость, если не совсем, не окончательно физическая близость, то, по крайней мере, такая доверительная близость, при которой легко сделать следующий шаг. И уж во всяком случае, не стена отчуждения...

Он протянул руку и взял ее за плечи, легонько притянув ее к себе. Плечи напряглись. Рука Реми замерла в неподвижности — ни одного лишнего движения, ее нельзя спугнуть! Покончив с кофе, он отпустил Ксюшу и понес дымящуюся турку в комнату. Ксюша последовала за ним с чашками. И когда Ксюша ставила перед ним его фарфоровую чашечку, он все так же легко и осторожно притянул ее к себе и усадил на колени, ласково глядя в ее большие напряженные глаза, стащил с ее волос заколку и зарылся в их душистую волну, пропитавшуюся запахом итальянского кофе...

Ресторан, который Кис приглядел в одном из переулков, прилегающих к Тверской, был полупустым, что его очень порадовало. Они сели за столик и уткнулись в меню. Александра не смотрела на него. Впрочем, он на нее тоже.

И только когда они сделали заказ и официант отчалил от их столика, Кис сказал: «Я хочу услышать об этом от тебя».

Александра посмотрела на него странно-глубоким, затравленным взглядом. Кис не выдержал и дотронулся до ее тонкой руки, напряженно лежавшей на столе.

Александра руку отдернула, как от змеи, и лицо ее приобрело свое обычное выражение – надменная и холодная маска человека, у которого душа за семью печатями...

Кис снова разозлился – он абсолютно был уверен в том, что не ошибся и верно почувствовал, что Александра нуждалась в помощи, в дружеской – а то и более близкой – поддержке. Что-то с ней происходило, и это что-то было скорее всего связано с Тимуром. Возможно, с его убийством... И ей, конечно, сейчас плохо и страшно. И чудовищно, катастрофически одиноко. Но эта гордячка ни за что не признается самой себе, что ей необходима поддержка. А уж Кису – тем более! Что за идиотская игра в прятки с собственным сознанием? – негодовал он. Что за детский сад, вся эта комедия оскорбленного самолюбия, непомерного гонора, нарочитого высокомерия?

Разумеется, всего этого он ей не сказал, но спесь сбить решил.

– Ты знакома с Тимуром со студенческих лет, – заговорил он, веско и отчужденно роняя слова. – Он был вашим с Андреем преподавателем философии. Марксистско-ленинской, разумеется. Ты его терпеть не могла, но ему, похоже, нравилась. Он за тобой ухаживал?

«Ухаживал, – отметил про себя Кис, глядя, как побледнело от гнева лицо Александры при последнем вопросе, – что бы она ни сказала сейчас в ответ – Тимур за ней ухаживал, причем не просто ухаживал, а весьма настойчиво...»

– Не слышу ответа, – грубо поторопил он Александру.

– Что за чушь?! Кто тебе об этом сказал?

Ага, лучший способ защиты – нападение! Ну-ну.

– Профессиональный секрет. Почему ты обманула меня?

– Я?

– А кто же? И сестру свою обманула. Ксюша ведь так и не догадывается, что ты отправила ее на квартиру к человеку, которого ты знала!

Молчит. Не хочет сдаваться. Смотрит на Алексея букой. Ладно, поднажмем.

– Ты свою сестру грубо подставила!

– Неправда!

– Правда, правда. Отправить ничего не подозревающую, наивную девчонку с придуманной тобой историей на квартиру убитого стирать отпечатки – это, по-твоему, не подставить? Честно скажу тебе, Александра, я мог предположить, что ты способна на многое, но только не на это. Так поступить с собственной младшей сестренкой, которую ты к тому же любишь...

– Я не знала, что Тимура убили! – не выдержала Александра. – Я не хотела... Я не могла представить, что из этого всего выйдет!

– Но тебе было известно, что он снимает квартиру у Андрея?

– Ну и что?! Ксюша меня умоляла помочь ей и найти квартиру, на которую можно было привести Реми, чтобы разыграть задуманный спектакль до конца!.. У меня не оставалось выбора!

– Почему ты не сказала мне правду?

– А зачем? Ты бы меня стал подозревать. Ты в совпадения не веришь и вообще ни во что не веришь, тебе одно надо – найти преступника, и любой, кто на эту роль сгодится, тебе подойдет, чтобы отдать его на заклатие твоим заказчикам! Ты деньги получил – надо отработать как можно скорее!

Кис не нашел даже слов, чтобы ответить на эту беспардонно-циничную чушь. Он обалдело смотрел на Александру, только что рот не открыл от изумления.

– Что, – с вызовом смотрела она на немую сцену в исполнении Алексея, – скажешь, что это не так?!

– Ты дура, – сообщил Кис. – Я думал, ты умнее.

Александра растерялась. Ему показалось вдруг, что она сейчас заплачет. Но ему не было ее жалко – Кис был зол.

– Прекрасно, – сказал он, – ты во всем отлично разобралась. Все так и есть: я, как паук, жду первую попавшуюся в мою сеть муху! И, будучи пауком кровожадным, собираюсь из нее выпить кровь! Причем всю, без остатка, – он приблизил свое лицо к Александре, – до последней капли, до донышка, – прошептал он, с наслаждением вонзая свой взгляд в ее глаза, в которых неожиданно промелькнули удивление и испуг. – И ты – моя муха, моя жертва. Такой расклад тебя устраивает?

Принесли их заказ, и они замолчали, пожирая друг друга глазами: жесткий, почти плотоядный взгляд паука-Киса боролся с обычным надменно-холодным взглядом Александры, за которым она из последних сил пыталась спрятать свою неуверенность.

– Итак, ты в лапах паука, сопротивление бесполезно. Так что колись. Тимур за тобой ухаживал – ты его отвергла?

– Кто тебе сказал?

– Не твое дело. Отвергла? Или уступила?

– Я его ненавидела.

– Это я знаю... За что? За то, что уступила его домогательствам?

– Я?! Ему? Ты в своем уме?

– Значит, отвергла. И чем он тебе не приглянулся?

– Всем! Он, он... – Александра не находила слов. – Он негодьяй!

– Значит, ты успела с ним неплохо познакомиться. Студент, слушающий лекции в аудитории, не может сказать о преподавателе, годяй он или негодьяй. Каким же это образом ты с ним настолько сблизилась?

Александра выбила из пачку сигарету и прикурила, молча поглядывая на Киса сквозь дым.

– Я жду, – холодно поторопил ее тот.

– Он приглашал меня... – послушно ответила Александра. – Он начал ухаживать за мной. Он ждал меня после лекций, он приносил мне цветы... Он приглашал меня несколько раз в ресторан...

– И ты согласилась с ним пойти?

– Я еще не знала тогда, что это за чудовище... Мне он не нравился, мне не нравилась кафедра марксизма-ленинизма – на таких кафедрах порядочных людей не водилось по определению...

– Но ты с ним ходила в ресторан?

– Да.

– Почему, если он тебе не нравился?

– Не хотелось ссориться. Во-первых, он был очень мил и вежлив. Во-вторых, среди преподавателей этой кафедры лучше не иметь врагов.

– Следовательно, однажды он сделался не мил и не вежлив... Так?

Александра грустно кивнула.

– Отвяжись от меня, Кис. Не лезь в душу, – попросила она. – Я его не убивала, если это тебя интересует.

– Не отвяжусь. И буду сам судить, убивала ты его или нет.

Александра до сих пор не прикоснулась к заливному из осетрины и только сейчас, после этих слов Киса, склонилась к тарелке и стала ковырять рыбу вилкой.

Кису показалось, что она плачет, вернее, пытается сдержать слезы. Ему было жалко ее, но в то же время он чувствовал, что с этой женщиной иначе нельзя – она из тех, кого нужно брать силой...

Интересно, в постели тоже? О, они бы тогда подошли друг другу, ведь Кис как раз такой садомазохист, который умеет все это делать так, как надо... Ах, еще как умеет! Он бы ей показал, он бы ей...

– И однажды что-то произошло между вами, – напирал он. – Что?

– Он пригласил меня к себе домой, – не отрывая глаз от тарелки, проговорила Александра. – На чашечку кофе... Сказал, что ему нужно серьезно поговорить со мной о моем будущем.

– И он попытался соблазнить тебя... Или изнасиловать? Он повел себя грубо, да? И все эти разговоры оказались только предлогом...

– Нет. Он действительно заговорил о моем будущем. Которое ему представлялось таким образом: я становлюсь его любовницей, а он мне обещает – в обмен на клятву в моей верности – квартиру и карьеру. Загранпоездки, престижное распределение... Стоял на коленях.

– Ты отказалась...

– Категорически.

– И тогда он попытался...

– Бог мой, ты что, под столом там сидел?

– Конечно, ты меня не заметила? Все видел, все знаю.

– Тогда чего ты ко мне привязался, раз знаешь?

– До чего ты глупа, Саша. Глупая, самоуверенная девчонка. Да я старый и умный, я жизнь знаю и людей насквозь вижу! И потому мне совершенно ясно, что Тимур попытался уложить тебя принудительно в постель... «Чашечка кофе»! Неужели ты поверила?

– В том возрасте я еще верила. Я была очень молодая и глупая... Как Ксюша.

– Ему это удалось?

Саша, так и не проглотив ни кусочка, отодвинула от себя тарелку, и официант, давно наблюдавший за их столиком, тут же подскочил, унес остатки закуски и принес горячее.

Саша демонстративно занялась своим шашлыком. Она тщательно жевала кусочки мяса и избегала смотреть на Киса.

Кис разлил красное грузинское вино по бокалам.

– Знаешь что? – сказал он. – Давай выпьем за тебя.

– Почему это?

– Ты не хочешь? Зря. Тогда давай выпьем за меня.

Право, он ее не будет уговаривать. Только начни – она тут же станет ломаться и строить из себя

неприступную хозяйку ледяной горы – была такая игра в его детстве...

– Такой тост тебе нравится? За Алексея Кисанова, человека и детектива. Чтобы у него всегда все получалось, чтобы ему сопутствовала удача и любовь красивых девушек! А? Хороший тост?

– Отличный! – вдруг улыбнулась Александра. – Будь здоров, Кис, человек и детектив.

– Всенепременнейше, – пообещал Кис. – Значит, ему удалось затащить тебя в постель... – полуутвердительно произнес он.

– Частично. – Александра открыто посмотрела ему прямо в глаза. – Раз тебе уж непременно надо знать все, слушай...

Ксюша нерешительно замерла. Реми сидел, не шевелясь, закопавшись куда-то в ее воротник. Он вроде бы не собирался переходить к дальнейшим действиям, удовлетворившись двумя едва коснувшимися ее шеи поцелуями и выдохом в ухо: «Мое сокровище...»

Ксюша не знала, как к этому относиться. Она так и не решила, последовать заклинаниям сестры или настоять на своем. Вот так всегда: Сашкин авторитет давит, и Ксюша делает наперекор тому, что чувствует сама – как тогда, со всей этой придумкой с убийством... Ей следовало раз и навсегда усвоить, что необходимо поступать так, как хочешь и считаешь нужным сама, лично! Но чего она хотела и считала нужным? Вот в чем была загвоздка!

Ксюша хотела, чтобы она не успела даже подумать, чтобы у нее не оставалось ни времени, ни желания взвешивать, что и как она должна делать и чего она хочет...

А пока Реми был еще чужой. Вернее, его тело было еще чужим. А для близости и даже для желания близости – должно быть родным. Иначе Ксюша не может к нему даже прикоснуться...

И чтобы оно стало родным, нужно время – как Сашка этого не понимает! Нужно сначала привыкнуть к губам, шее, рукам... Потом к ключицам, видимым из-под расстегнутых пуговиц рубашки. К темным волоскам на груди. К запаху вспотевших подмышек – к здоровому, пряному, терпкому запаху мужского тела... А Саша говорит – подчинись... Нет, в самом деле, что за глупость! Реми – совсем не такой, как думает сестра. Она-то думает, что все мужчины одинаковы, а вот и неправда! Саша считает, что она со своим умом и опытом все знает, но она ошибается! Реми не такой! В нем нет ни малейших признаков нетерпения, он зарылся в ее волосы и смирно, хоть и шумно, дышит в их шалаше... И даже теперь, когда Ксюша, сидя у него на коленях, осторожно, словно пробуя холодную воду ногой, целует его в ямку между загорелыми ключицами, а потом, все так же невесомо, прикасается губами чуть пониже, там, где видны первые волоски на груди, – даже теперь у него совершенно блаженный взгляд – взгляд, который не просит и не вопрошает ничего, а просто наслаждается тем, что ему дают... Правда, его руки, держащие Ксюшу за спину, сделались горячи и влажны, но Реми не шелохнулся. Он, ровно в противовес Сашкиным заклинаниям, предоставил себя в распоряжение Ксюши! И только откровенно балдел от ее пока еще робких, пока еще пробных ласк...

Это ей так понравилось, что она даже осмелела и расстегнула еще одну пуговицу на синей рубашке, что так шла к его глазам. Реми убрал руки с ее спины – то ли понял, что они сделались обжигающе горячи, то ли испугался, что против его воли, рефлекторно руки станут сжимать ее тело, – но убрал. Он свесил их вдоль тела и закрыл глаза, пробормотав: «Хорошо бы дожить до завтра...»

Ксюшу эти слова тронули и как-то даже развеселили, что ли... Во всяком случае, ей вдруг сделалось легко, напряжение пропало. Обняв Реми за шею, она дотянулась до его твердого, с легким намеком на ямочку, подбородка, на котором и запечатлела поцелуй. Прислушалась – ей нравилось ощущать эти волны,

которые вызывали в теле Реми ее действия! Снова прикоснулась губами, уже уверенней, и снова с удовлетворением ощутила, как каменеет его тело, твердеют колени, на которых она сидит, как напрягаются мышцы живота... Пристроившись поудобнее, поближе, она дотянулась до крепких мужских губ и осторожно, сложив свои губы трубочкой, растолкала их и впилась в их середину. Реми тихо застонал.

В Ксюшу словно бес вселился – эта игра, в которой она властвовала над мужчиной, ей нравилась. Она целовала его рот на все лады, всеми известными и с ходу изобретенными способами, прислушиваясь к тихим стонам и прерывающемуся дыханию Реми. Она была дирижером этого оркестра, она была сочинителем этой упоительной музыки...

Рубашка Реми уже была расстегнута до ремня брюк, и Ксюшины прохладные щеки терлись о его грудь и живот, купались в темных волосках, и Реми несколько раз импульсивно хватал ее, сжимая в объятиях, желая притянуть, опрокинуть на себя, но каждый раз усилием воли разнимал руки, прятал их за спину, еще дальше – за спинку кресла, и только глаза его туманились сладостной мукой... За эти мгновенья он был готов отдать весь свой сексуальный опыт предыдущей жизни.

Когда ее тонкие, нежные пальчики нашли его соски, он не выдержал. Он схватил Ксюшу за кисти и сильно сжал их. Он еле дышал.

– Все, – сказал он, – хватит, садистка. Не то я тебя изнасилую.

Ксюша не понимала, что с ней происходит, – ей было больно от хватки железных пальцев Реми, но она промолчала, более того, ей это доставило удовольствие; ей нравилось, что он в ее власти, ей хотелось его еще помучить, чтобы он снова умирал, едва дышал и вскрикивал...

Не вынимая своих кистей из его рук, крепко их державших, она, вызывая блеснув глазами, наклонилась и проказливо лизнула Реми в грудь.

В следующее мгновение она оказалась на кровати, и Реми бешено срывал с нее одежду.

– Я предупреждал, что я тебя изнасилую! – рычал он.

– Нет, это я тебя изнасилую, – кричала Ксюша и рвалась расстегнуть ремень на его брюках. – Меня нельзя насиловать, я фригидна! Слышишь, – смеялась она, – я думала, что я фригидна!

– Ты не в ту сторону ремень расстегиваешь! Дай, я сам!

– Кто кого насилует! – возмутилась Ксюша, встав над ним во весь рост на кровати и подбоченясь. Реми поднял на нее глаза, вдохнул и забыл выдохнуть, прихватив руками пах, словно его ударили. – Нет, это я буду тебя раздевать! – заявила Ксюша и склонилась к Реми.

– Не трогай! Не трогай меня! Иначе... О, негодница, что ты со мной делаешь!.. Ах ты, маленькая ведьма, я тебе сейчас покажу! Я тебе сейчас объясню, кто из нас мужчина, я тебя сейчас...

Тимур стоял перед креслом Александры на коленях. Ранняя пролысина на макушке была прямо перед ее глазами, и ее мучило искушение в нее плюнуть. Ее мучило от отвращения. Она выдернула свои ладони, которые он умоляюще держал в своих неприятно-мягких больших руках, и попыталась встать, отталкивая его от своих колен.

– Ты не должна так со мной поступать, Александра, – бормотал он, – ты просто не подумала! Не надо мне отказывать, не принимай сейчас решения, подумай хорошенько! Вся карьера, Сашенька, все твое будущее сейчас вот в этих самых руках. – Он протянул ей под нос свои ладони и, помедлив, опустил их на ее бедра. – Не прогоняй меня, моя красавица, не надо. Я, знаешь, человек самолюбивый, темперамент у меня восточный, лучше не делай этого...

И он опустил плешистую голову ей в колени, шумно вдохнув ее запах.

Саша снова предприняла попытку встать, сбрасывая с себя вспотевшие ладони и плешистую голову. Тимур не пускал, удерживая руки на ее ляжках, только лицо свое поднял, посмотрел на нее неожиданно холодно и произнес – очень спокойно и очень внятно:

– Я же сказал – не делай этого!

Александра оттолкнула от себя это лицо обеими руками и попыталась шагнуть. Но Тимур вскочил на ноги и перегородил ей дорогу.

– Не уходи, – попросил он еще раз, но в голосе его уже звучали ноты ярости. – Не уходи *так*. Это бесчеловечно. Я так нуждаюсь в тебе...

Саша молча отстранила его и пошла к двери.

Но она до нее не дошла. Взлетев в воздух, она оказалась на плече у Тимура, как мешок. И мешок этот был сброшен на постель.

Он даже не стал ее раздевать. Он не ласкал ее, не целовал, не пытался хотя бы блузку расстегнуть, нет! Запустив руки под юбку, он быстро стащил с нее трусики и, раздвинув силой ее ноги, попытался овладеть ею.

Ее спасло «техническое» обстоятельство – Тимур, пытавшийся силой войти в ее пересохшее влагалище, причинял ей страшную боль. Саша закричала.

Тимур замер и испуганно посмотрел на Сашу. Пожалуй, ему не удастся удовлетворить свое желание с женщиной, которая так не хочет его...

Во всяком случае, не удастся без помощи крема. Торопливо и равнодушно бормоча слова утешения и извинения, Тимур суетливо слез с Александры, чтобы пойти за кремом в ванную, и она с ненавистью и брезгливым отвращением наблюдала, как он запутался в спущенных до щиколоток трусах и брюках, как он содрал их с себя, бросив комом на пол, и почти побежал в ванную, и его длинный голый пенис болтался меж ног...

Она вскочила, одернула юбку и, схватив со стула сумку, бросилась к двери. Трусики ее так и остались в квартире Тимура на память ему об этой встрече...

Захлопывая дверь, она мельком увидела его недоуменное лицо, в котором проступала неожиданно-детская обида, висящий край помятой рубашки, жалкие, голые, волосатые ноги...

– Ну что, понравился тебе рассказ с подробностями? – с вызовом спросила Александра Киса, который слушал ее внимательнейшим образом, не сводя с ее красивого лица глаз, любясь гневом, раздувавшим ноздри тонкого носа, и черными молниями, блиставшими в загадочных глазах...

– Очень даже. Я страдаю вуаеризмом^[7].

– Рада доставить тебе удовольствие, – съязвила она. – Теперь ты доволен? Теперь ты оставишь меня в покое?

– Нет.

– Почему?

– Ты мне нравишься. Неохота с тобой расставаться. Я тебе, правда, карьеру не предложу, к тому же ты ее уже сделала... А вот сделку, пожалуй, могу предложить.

– Какую еще сделку? – нахмурилась Александра.

– Такую: ты мне рассказываешь, как ты убила Тимура и куда дела папки, а я постараюсь тебя выгородить. В конце концов, моих заказчиков убийца особенно и не интересует – им главное вернуть компромат...

– Я его не убивала.

– Ага, и папки не видела.

– И даже не знаю, о чем речь.

Кис посмотрел на нее. Поди разбери, правду говорит или нет! Лицо непроницаемое, усталое, печальное...

– Тимур собирал досье на крупные политические и финансовые фигуры... Что, впрочем, почти одно и то же... Компрометирующие материалы он должен был передавать своим хозяевам, и материалы эти предназначались для шантажа... После убийства Тимура они пропали.

– Впервые слышу.

– После окончания университета ты встречалась с Тимуром?

– Никогда.

– Врешь.

Молчит оскорбленно. Глазки опустила, прямо святая невинность!

– Ты с ним встречалась как минимум у Андрея...

– Ну и что?

– Так и не ври! Вы праздновали выход статьи, написанной тобой в поддержку марки Версаче. Кто тебе ее заказал?

– Мне статьи не заказывают! Я свободная журналистка!

– Кончай, Александра, дудеть в дуду. Теперь у нас свободных журналистов не осталось. Те, кто свободен, – те уже свободны и от профессии, а те, кто в профессии остался, – те...

– Что ты в этом понимаешь?!

– Я тебе уже сказал, я старый и мудрый. За последние пару лет наши мафии укрупнились, вобрали в себя всякую мелочь, уплотнились, структурировались и пустот вокруг себя не оставили... Это раньше, когда наши криминальные группировки кишмя кишели, как бактерии в питательной среде, – раньше был хаос, и были лакуны, не охваченные их влиянием. Теперь мы перешли в эпоху солидных мафиозно-государственных структур – капиталы их тоже укрупнились, сферы влияния возросли вертикально и горизонтально...

– Слушай, – с иронией перебила его Александра, – я сейчас за тобой записывать начну, а потом плагиатом займусь – в статье использую!

Кис только снисходительно улыбнулся ей в ответ, но сбить себя не дал и продолжил:

– ...и, как это ни странно, повысилась их компетентность – они поднаторели не слабо за последние пару-тройку лет в области политического маркетинга, политических интриг, создания имиджа... А все это, моя дорогая, делается через средства массовой информации! И не надо думать, что это понимаешь только ты! Масс-медиа для политика – все равно что нефть для коммерсанта: именно там делаются баснословные капиталы! И в таком раскладе, какой мы имеем нынче в нашем невероятном обществе, свободных журналистов просто не может быть! Раньше был коммунистический надзор, теперь – денежный и

криминальный. Не продашься за деньги – припугнем силой. Больно смелый, не боишься – припугнем детьми, женой, семьей... Кто ж тут устоит, Саша? Никто, и уж конечно, не ты, слабая женщина... Они тебе хорошо заплатили или припугнули?

– Заплатили, – едва слышно ответила Саша.

– Ну и что ты так переживаешь? Подумаешь, написала статью о хорошем модельере, который и так пользуется популярностью, причем заслуженной, и следовало только чуть-чуть поддержать его престиж...

– Я его терпеть не могу, вашего Версаче! – воскликнула раздраженно Александра. – У него дешевый вкус нуворишей! И эти все наши политики прибалтанные, которые вчера рэкетом мелких лавок занимались, а сегодня лезут своими грязными лапами страной руководить, – это как раз мода для них, в угоду им: что вкус, что цены! Отврат! Тогда как у нас есть свои модельеры – талантливые, оригинальные, русские, наконец! Чувствующие национальный характер! Нет бы вложить деньги в молодые отечественные таланты, хотя бы в такого гения нашей моды, как Корсаков, – куда там! Они на говенный носовой платок от этого итальянского выскочки готовы потратить больше, чем вся пенсия голодной старухи! Они свои деньги вкладывают в иностранные банки и в иностранные товары, – а на то, что страна гибнет, ими разоренная, им глубоко наплевать! – горячилась Александра. – Они как были, так и остались – уголовники, насильники! Изнасиловали страну для своей утехи и бросили, беспомощную, подыхать за дальнейшей ненужностью...

Кис любовался ею. Хороша, как все-таки она хороша! И в праведном гневе – прекрасна! Щеки разругались, глаза блестят... И умница к тому же. Тонкая, умная, интеллигентная девочка. Эх, если бы она могла обратить на Киса свое благосклонное внимание... Да, видно, не судьба. Куда уж тут, «благосклонное», когда он ее к стенке прижимает, допросы учиняет – это никому не понравится...

– Это кто такой – Корсаков? – спокойно спросил он. – Что-то не слышал.

– Это – гений моды. А что ты не слышал – не мудрено. Чтобы услышали – надо раскручивать, чтобы раскручивать – надо деньги вкладывать, а они деньги на дерьмо переводят...

– Значит, ты согласилась против сердца? Высоким гонораром соблазнилась?

– Соблазнилась, – угрюмо ответила Александра.

– Статью заказывал Андрей?

– Да. Только он дал понять, что за ним стоят заинтересованные люди, они и платят...

– И намекнул, что с ними лучше не ссориться?

– Андрюшка – хороший парень, Алексей. Только он тоже барахтается в этой системе, как в... А выбирать нищету – трудно.

– Значит, намекнул, что лучше не брыкаться. Скажем так: передал намек от имени и по поручению...

– Примерно.

– А какое участие в этом деле принимал Тимур?

– Я точно не знаю. Я его увидела впервые за долгие годы у Андрея дома... О делах почти не говорили, хотя он статью мою хвалил... Может, у него в этом был свой интерес, а может, просто чтобы мне польстить...

– И Тимур снова попытался за тобой ухаживать?

Александра вздохнула и посмотрела Кису прямо в глаза:

– Пытался. Только у него ничего вышло.

– И он от тебя прямо так и отстал?

– Так и отстал...

– И ты с ним больше не встречалась после той посиделки у Зубкова?

– Нет.

– Врешь.

– Иди ты!

– Грубиянка.

– Я еще не так могу, ведь предупреждала, что родным языком владею хорошо!

– Ладно, – смирился Кис, чувствуя, что в этот вечер больше, чем он уже узнал, выудить не удастся. – Что же это ты не ешь ничего?..

Звонок телефона заставил Реми вздрогнуть. На часах было два. «Кто это может быть?» – посмотрел он на Ксюшу.

– Сашка небось! Пусти, а то я никак из-под тебя не выберусь... Ну подвинься же! – Ксюша со смехом пихала Реми, который блаженно растянулся рядом с ней, зацепив ногой ее ногу и обвив рукой ее тело. Наконец Ксюша выбралась из плена и, скатившись с кровати, кинулась к аппарату.

Это был Кис. Извинившись, он предупредил, что везет Александру домой. И если Ксюша не имеет ничего против, то он заберет от нее Реми...

Покрыв Ксюшу поцелуями, Реми стал одеваться. Ксюша набросила халат и наблюдала за ним, любуясь, думая с восторгом, что вот этот красивый, нежный, сильный мужчина – ее мужчина...

Если бы еще не было вокруг них всей этой ужасной истории... Если бы не угнетали ее мысли об Александре...

И ее размышления приняли другой ход. Нужно узнать наверняка, была ли знакома Саша с Тимуром. И в этом ей помогут молодые супруги, жившие на даче. Судя по всему, именно там устраивал Тимур приемы, и если они с Сашей были знакомы, то эти люди должны узнать ее по фотографии...

– А где находится та дача? – невинно спросила она.

Реми завязывал галстук перед зеркалом и хоть и удивился вопросу, но только скосил глаза на Ксюшу.

– Я не помню, – сказал он, – мы ехали на машине... Название у поселка такое... Сейчас скажу... Оно похоже на название одного парижского пригорода... Малакофф... Нет, вспомнил, я еще подумал: Малакофф плюс Кафка – получается Малакоффка. А зачем тебе?

Ничего, подумала Ксюша, такой терем, как описал мне Реми, я найду и без точного адреса. А вот «Малакоффка» – это, наверное, та Малаховка, которая по казанскому направлению... У одной из теток была там дача, и Ксюша в детстве часто ездила в гости к ней.

– Мне? – переспросила Ксюша. – Так просто. Хотела узнать, где теперь строят дачи «новые русские», – добавила она.

Но Ксюша не учла тот самый недостаток, который много раз критиковала Александра: она не умела врать.

Реми насторожился, хоть виду не подал.

– Какие у тебя планы на завтра, мон кёр[8]? Когда мы увидимся?

– Я не знаю... – немного растерянно ответила Ксюша. – А когда ты хочешь увидеться?

Ну, точно, что-то у девочки в голове! Что ж она затеяла?

– А когда ты сможешь? – настаивал он.

– Я? Вечером, наверное.

– А что ты собираешься делать днем? – спросил он осторожно, придавая голосу заботливые интонации. – Отдохнуть? – вложил он в ее уста подсказку.

Ксюша на уловку клюнула.

– Да, – обрадовалась она подсказке, – отдохнуть!

Ну-ну. Посмотрим. Реми уже знал, что Ксюша старается спать не меньше чем по восемь часов, поскольку от недосыпа чувствует себя из рук вон плохо, и рассчитал: она ляжет не раньше трех, значит, плюс восемь – должна проспать до одиннадцати. Дам ей часок, чтобы принять душ и позавтракать – к двенадцати – нет, пораньше на всякий случай – я буду возле этого дома. Глянем, что моя девочка задумала...

Глава 17

На следующее утро Реми, воспользовавшись тем, что Кис отправился к Петровичу за информацией об обитателях дачи Тимура, устроился в такси недалеко от подъезда Александры. День выдался ослепительно солнечный, видимость была прекрасная, шофер такси оказался понятливый, и, как только Ксюша появилась у подъезда, им не составило ни малейшего труда проследовать за ее троллейбусом до какого-то вокзала.

Когда Реми убедился, что Ксюша вошла в здание вокзала, он долго не раздумывал и велел, поводя перед носом у таксиста долларами, ехать в «Малакоффка». Завидев жестяные острые крыши, он отпустил такси и пошел осторожно в направлении дачи Тимура. Ксюши еще не было, и Реми устроился на обочине, на небольшом пригорке. Отсюда были видны подходы к дому, но в случае чего можно было спрятаться за рядом невысоких кустиков.

Ксюша появилась минут тридцать спустя. Реми не ошибся – она высматривала дом Тимура. Он отполз за кусты и залег, наблюдая сквозь поредевшую листву за развитием событий. Ксюша осмотрелась у ворот, заметила переговорное устройство и что-то сказала в него. Ворота открылись почти сразу, и она исчезла во дворе.

Реми снова вылез на пригорок и собрался ждать ее выхода, уже не прячась. Пусть она, захваченная врасплох при неожиданной встрече с ним, объяснит, что она тут делала... К тому же Реми одному ни за что не выбраться из «Малакоффка». Так что – ждать.

Ксюша вошла во двор и огляделась. Напротив нее было каменное крыльцо с резным навесом, и стройная хорошенькая девушка подметала его, молча и без всякого выражения посматривая на Ксюшу. У крыльца стояла большая картонная коробка с мусором. Из дома вышла пожилая женщина с ковриками в руках, которые она лихо трянула, перегнувшись через перила, и, не обратив на Ксюшу ни малейшего внимания, снова скрылась в доме.

Ксюша вздрогнула, когда ее окликнули сзади. Повернулась на голос: красивый светловолосый и сероглазый парень, выйдя из будки у ворот, смотрел на нее настороженно, без улыбки.

– Так что вам надо? – повторил он.

– Я вас не задержу. Мне только нужно узнать, бывала ли здесь на даче вот эта молодая женщина. – С этими словами она вытащила из кармана фотографию Александры и протянула парню. Потом посмотрела на девушку: – Может, вы тоже глянете?

Девушка разогнулась и высыпала мусор из совка прямо через перила в картонный ящик. Ксения невольно проследила за точным попаданием мусора и чуть не вскрикнула: там, среди каких-то бумажек, упаковок и пустых пакетов, извивался цветной змеей... шарфик Александры!

Ксюша кинулась к коробке и выдернула шарфик из груды мусора. Сомнений не было: это шарфик Александры.

– Я уже узнала... – прошептала она и, кашлянув, поправилась: – Я уже узнала все, что мне было нужно. Извините за беспокойство.

Парень метнул взгляд на девушку на крыльце и покачал головой.

– Ну что ж вы так... Давайте поговорим. Проходите в дом.

Поколебавшись, Ксюша вошла. Может, они добавят что-то важное?

Парень пропустил Ксению вперед, а сам помедлил немного и перекинулся двумя словами с девушкой, которая бросила веник и вошла вслед за ними в дом.

– Меня Варей зовут, – протянула она руку Ксюше. – А это Паша, мой муж. А вас как звать?

– Ксения.

– Красивое у вас имя, – заметила девушка. – Вы хотели какую-то фотографию нам показать?

– Да... Вот. – Ксюша протянула снимок. – Но только я уже узнала ответ на свой вопрос. – И она помахала в воздухе пыльным шарфиком из тонкого шелка.

– Он принадлежит этой женщине? – спросила Варя, кивнув на снимок.

– Да. Так что теперь мне уже ничего...

– Я, кажется, узнаю это лицо, – не дала ей договорить Варя. – Да, точно, она бывала здесь. Кем она вам приходится?

Ксюша колебалась. В ее планы вовсе не входило посвящать кого бы то ни было в свои сомнения и догадки по поводу Александры; но, с другой стороны, Ксюша была девочка воспитанная и знала, что не ответить на вопрос – невежливо... Она решила ответить, тем более что этим людям и без того известно, что Александра бывала здесь, следовательно, для них это никак не является тайной...

– Это моя сестра.

– А, понятно. Я так и подумала, честно говоря. Вы похожи, – ответила Варя. Павел не произнес ни звука. – А почему бы вам не спросить вашу сестру прямо, бывала ли она здесь?

– Мне... Я не хочу... Я не хотела бы задавать ей такие вопросы...

– Но хотели бы узнать, да? – Варя была необычайно приветлива и вежлива с ней, и Ксюша призналась:

– Да. Она что-то скрывает... Я хотела понять – что.

– Ну что ж... Мы вам в этом поможем. Пойдемте.

Варя повернулась и пошла дальше по коридору, проигнорировав удивленный взгляд мужа. Ксюша спросила ее в спину:

– Чем вы можете мне помочь?

– Вы хотите понять, бывала ли здесь ваша сестра и что она здесь делала? – обернулась Варя. – Вот я вам сейчас это и объясню. Пойдемте.

Они стали спускаться по лестнице в подвал. Впереди шла Варя, Ксюша следовала за ней, а замыкал шествие Паша.

Подвал был огромный, со множеством дверей. Варя направилась к одной из них, Паша вытащил ключ из кармана и отпер замок. Варя распахнула перед Ксюшей дверь и, указывая вовнутрь помещения широким жестом, произнесла:

– Ваша сестра проводила большую часть времени здесь.

Ксюша нехотя ступила в помещение, с неприязнью предположив, что это та самая сауна, про которую говорил Реми... Свет, падавший из коридора, освещал его не полностью...

Но это была не сауна. Это было большое помещение, похожее на...

На спортзал! Недоброе предчувствие кольнуло грудь, и Ксюша рванулась было обратно, как дверь с

тяжким звоном захлопнулась перед ее носом.

Ксюша била в дверь до тех пор, пока кулак не начал саднить, и кричала до тех пор, пока не сорвала голос. Ей никто не ответил, ни звука не долетело до нее через плотную дверь, ни малейшего луча света не проникало в это помещение, в котором не было ни одного окошка, ни крохотной щели. Темнота была абсолютной. Ощупав в крошечной тьме дверь и стенку вокруг нее, она убедилась, что выключателя здесь нет.

На ощупь, вытянув вперед руки, Ксюша стала передвигаться вдоль стенки. Под ногами продавливались упругие маты. Она наткнулась на несколько спортивных снарядов, и только когда она попала на них в третий и в четвертый раз, она поняла, что зал круглый.

Она села на маты, обхватила колени руками и задумалась. Раз ее заперли – значит, чего-то испугались. Испугаться они могли только одного – упоминания об Александре. Ни о чем другом они просто-напросто не говорили. Чем же могла напугать их Александра? Ясно, что Саша бывала здесь... Что же в этом такого, что они испугались и хотят скрыть?

Что?

Паша растерянно смотрел на жену.

– Зачем? – переспрашивала та. – А затем, что эта девка знает, что Александра сюда ездила!

– И что с того?

– И начнет трепаться! А там и до всего остального дойдут! Прижмут Александру – сама она вякать не будет, не в ее интересах, – а вот если сестрица ее начнет болтать... Припрутся все – и милиция, и детективы эти чертовы... А там, глядишь, и до тайника доберутся! Тогда плакали наши денежки! Да и под суд можно загреметь, если до всего докопаются!

– И что ты предлагаешь?

– Укол.

– У нас разовых шприцев не осталось.

– Я вскипячу обычный.

– Какой будем делать, «правдивый» или «забывчивый»?

– Ты еще не понял?

Паша тупо смотрел на жену, в ее игриво-холодные светлые глаза. Спустя некоторое время тень догадки побежала по его лицу.

– Мне это не нравится, – угрюмо сказал Паша и уселся на стул. – Ты зря это затеяла. Сейчас надо быть осторожным – сама говоришь, милиция висит на хвосте, да и детективы эти...

– А что ты предлагаешь?

– Ну, не знаю... Надо было сказать, что никогда не видели.

– А шарфик?

– Ну... Что не знаем, как он сюда попал...

Варвара посмотрела на мужа с жалостью:

– И она тебе поверит, да?

– Ну, не знаю... Только мне не нравится, что ты задумала.

– Тогда давай ее убьем. Тело в лесу закопаем, никто не найдет.

– Ну и убивай. Я не буду.

– Боишься? – вызывающе спросила жена.

– Я ничего не боюсь! Ты знаешь... Я не люблю убивать.

– Ага, насиловать любишь, а убивать – нет.

– Я не насилую! Они сами этого хотят!

– Ты просто трус.

– А ты – гадина! Ты нарочно мне это говоришь, чтобы меня разозлить!

– Ну, допустим, – игриво ответила Варя, уперев руку в бедро, изящно выставленное. – Допустим, нарочно. И что мне за это будет? А, Паша? Что ты со мной сделаешь? Ударишь? Изобьешь? Убьешь?

– Я же не такая дрянь, как ты!

– Значит, я дрянь? А? Что молчишь? Повтори, что сказал! Я – дрянь? Гадина, да?

Паша угрюмо молчал. Варя, покрасневшая от ярости, стала наступать на мужа, но тот просто отвернулся от нее.

– Молчишь? Вот и молчи. Свою пасть вонючую лучше не открывай! У тебя мозгов-то с грецкий орех, а сам туда же!

– Ты опять? Опять? Я же тебе говорил: не смей мне напоминать!

– Напоминай – не напоминай, а в твоей медицинской карте написано: «незначительное умственное отставание».

– «Незначительное»!

– Мне хватает! И больше не смей рот открывать! Делай, что тебе говорят!

– Я когда-нибудь тебя пришибу... – прошипел Павел. – Пришибу, сука!

Варя залепила ему звонкую пощечину с такой силой, что голова мужа мотнулась в сторону. Павел сразу как-то сник, плечи его опустились, лицо приняло равнодушно-подавленное выражение.

– Ты комара пришибить не можешь, который сидит на твоей руке и сосет твою кровь! А если ты такой вдруг сделался отважный, что готов меня пришибить, то лучше пойдешь и задуши для начала девчонку. А ночью закопаешь тело в лесу!

Варвара издевательски посмотрела на мужа светлыми холодными глазами.

– Что, слабо, да? Не можешь? – с презрением продолжала она. – А не можешь – делай, как тебе умные люди говорят! И свое мнение будешь высказывать, когда тебя спросят!

– Ладно, – обмяк Паша, и ненависть окончательно погасла в его глазах. – Чего раскричалась? Говори, что делать...

– Готовь оба укола, по полной программе. И позвони Рональду, пусть приедет. Сделаем все как обычно. Соскучился небось по развлечениям? А?

Она ласково провела рукой по светлым кудрям мужа и пощекотала его, как собаку, под подбородком.

– Постарайтесь на славу, – прошептала Варя почти нежно ему в ухо. – Перед таким красавцем, как ты,

ни одна женщина не устоит... А я тоже все сделаю в лучшем виде... После этого девочка у нас забудет, где дача находится, а уж кто и когда на ней был... тем более. Звони.

– Так если никто не заплатит, чего я поеду? – капризничал Рональд, выговаривая русские слова с сильным акцентом.

– Развлечемся, – уговаривал Павел, – давно не развлекались! С тех пор, как Тимура убили.

– Это ты, может, не развлекался, а у меня тут каждый день... Да и кайфа никакого с этими наркотиками. Давай тогда без них!

– Нельзя. Нужно, чтобы все было как всегда.

– Ну давай хоть не сразу! Поиграем сначала немножко... А то я вовсе не приеду!

Паша посмотрел на жену, слушавшую разговор по громкоговорителю. Та кивнула ему.

– Ладно, – сдался Павел. – Пусть будет не сразу. Все равно она потом все забудет.

Ксюша вроде бы задремала – во всяком случае, так ей показалось, когда она услышала звук открываемой двери. Она помнила, что, нащупав дверь, отошла от нее таким образом, чтобы быть ровно напротив входа; однако, задремав, она поменяла положение тела и теперь смутно представляла себе, где дверь. Звук донесся откуда-то сзади, и Ксюша повернулась. Темнота была столь густой, что она рук своих не видела, не то что дверь – в коридоре, стало быть, тоже не зажгли свет...

Звук открывающейся двери сопровождало движение воздуха, овеявшее лицо, и вновь зависла звенящая тишина.

– Кто здесь? – спросила Ксюша и, подождав, переспросила настойчиво. – Кто здесь?

Ни звука.

– Здесь есть кто-нибудь?! – крикнула она, ощущая, как ужас пробирается по позвоночнику.

В ответ дверь медленно закрылась.

Ксюша вскочила на ноги.

– Кто здесь?! – снова крикнула она, и голос ее дрогнул от страха.

Вокруг нее стояла абсолютная, гробовая тишина и абсолютная, могильная чернота.

Ксюша стала медленно, стараясь не производить шума, отступать назад. Конечно, совсем бесшумно не получалось: кожаная обшивка матов поскрипывала под тяжестью ее шагов.

– Здесь кто-то есть? – сделала она еще одну попытку и вскрикнула – ее спина коснулась чего-то!

Она резко повернулась и, ударившись скулой о твердую холодную поверхность, поняла, что это был один из спортивных снарядов, кажется, брусья. Ксюша обхватила подпорку и осторожно опустилась на маты возле нее.

Сердце ее отчаянно билось. «Ничего и никого здесь нет, – пыталась она себя убедить, – просто... Что просто? Зачем было дверь открывать, если в нее никто не вошел? Здесь кто-то есть, кто-то прячется... Боже мой, зачем?! Я сойду с ума!»

Прошло томительных пять минут, в которые Ксюша безуспешно напрягала слух и зрение. Иногда ей казалось, что кто-то тихо вздыхал, но когда она пыталась вслушаться, то вздох не повторялся...

Она начала уже было успокаиваться, как вдруг услышала тихое шлепанье. Так шлепают босые ноги –

или руки – по кожаным матам.

Ш-щ-леп, ш-щ-леп, ш-щ-леп... – доносилось до нее. Она не очень понимала, откуда, с какой стороны, и отчаянно вслушивалась в эти звуки, когда до нее дошло, что они доносятся с обеих сторон! С двух сторон на нее медленно надвигались шлепки, с двух сторон к ней кто-то приближался, ступая босыми ногами – или передвигаясь на четвереньках! – по матам: шлеп-шлеп-шлеп, шлеп-шлеп-шлеп...

Она стала на ощупь отступать за брусья, пока не уперлась спиной в круглую стенку.

Шлепки затихли.

Ксюша прислушивалась.

Тишина.

Тишина.

Тишина...

И вдруг до нее донеслось хихиканье. Хихикали шепотом, тихо-претихо и противно-препротивно. Хи-хи-хи, – веселился шепот справа; хе-хе-хе, – вторил ему шепот слева.

Ксюша покрылась гусиной кожей от страха. «Меня пугают, – подумала она. – Пугают нарочно. Пугают, чтобы испугать».

Но от этой мысли ей не сделалось менее страшно. Хихиканье переросло в тихий свистящий шепот. Она сжалась в комочек у стенки, в отчаянии слушая нараставшие шорохи, приближавшийся к ней неразборчивый шепот, мешавшийся с подхихикиванием, носившийся в непроглядно-черном воздухе, и ей казалось, что она каким-то неведомым образом оказалась действующим лицом в фильме ужасов. Выскочи сейчас сам Фредди Крюгер из темноты – она бы не удивилась.

Когда она поняла, что источник шепота и шороха уже приблизился к ней где-то на метр, она вскочила, ужаленная ужасом, и бросилась в непроглядную тьму перед собой. Споткнулась обо что-то, упала, хотела встать, но... Ее придавили к матам чьи-то руки. Она закричала, тонко и страшно, как кричат в кошмарных снах.

В ответ раздалось тихое ехидное хихиканье...

Ксюша брыкалась, пока руки сдирали с нее джинсы. На помощь им подоспела другая пара рук, и теперь над ней работали четыре руки – одна пара сдирала джинсы, другая куртку, затем кофточку... Каждый раз, когда она делала попытку вырваться из этих рук, ее немного отпускали, но едва она успевала сделать один-два шага, как ее снова хватали, опрокидывали, срывали оставшуюся одежду, тискали, как куклу, как плюшевую игрушку... Тихое отвратительное хихиканье, улюлюканье, хлюпанье, хрюканье и всякие прочие наглые и плотоядные звуки сопровождали действия рук...

И вдруг ее отпустили. Куда-то исчезли руки, растворились в темноте их обладатели. В зале повисла тишина. Ксюша осторожно поводила вокруг себя руками: никого. И ничего. Она была совершенно раздета, на ней не осталось даже трусиков, но ничего из ее одежды, только что с нее сорванной, она не нащупала рядом с собой.

Вытянув перед собой руки, Ксюша сделала несколько шагов наугад. Казалось, что несколько минут назад в этом зале просто разгулялись привидения, которые, чем-то спугнутые, внезапно покинули его.

Ксюша сделала еще несколько робких шагов, вода вытянутыми руками перед собой.

Никого.

Тишина.

Еще осторожный шаг... И вдруг рука ее на что-то наткнулась. На что-то живое, теплое – она не успела понять, на что именно, как ее ладонь была схвачена и положена на мужской член, причем особо больших размеров – ее пальцы едва обхватили это явление природы.

Отдернув руку, как от раскаленной плиты, она снова закричала и кинулась бежать незнамо куда. В ответ в воздухе снова заносились шепот и хихиканье, они ее окружали, они надвигались на нее со всех сторон. Ксюша замерла на месте, ей казалось, что она теряет сознание, голова кружилась... Тихие кошмарные звуки наступали на нее, приближались, приближались, приближались...

Собравшись с силами, она снова осторожно вытянула руки, готовая к отпору, готовая оттолкнуть и увернуться, и медленно шагнула вперед. Прислушалась, пытаясь определить, откуда доносятся эти бесконечные «ша-па-ша» и «хе-хе-хе». Выбрав направление, которое ей казалось правильным – то есть свободным от жутких звуков, – она сделала еще один шаг. Потом другой...

Ей показалось, что она оставила звуки позади себя. Еще шаг... Ксюша не имела ни малейшего представления, что там, впереди, в непроницаемой тьме.

Шаг.

Шаг.

Другой.

...Ее растопыренные пальцы уткнулись в чье-то невидимое тело, жаркое, скользкое от пота. Чьи-то руки схватили ее за ягодицы, чьи-то ноги сделали подсечку, и Ксюша рухнула на мягкие маты, а на нее обрушилось тяжелое мужское тело. Ее руки были пойманы, раскинуты в разные стороны и с силой придавлены к матам, ее ноги были раздвинуты мощным коленом, и тяжелое, влажное тело, остро пахнущее потом, вжималось в нее, и жаркий и твердый, как дубинка, столбик больно давил ей лобок...

Мужчина шумно дышал ей в лицо. Ей показалось – по звуку дыхания, по запаху, – что это Павел. Ей вдруг стало менее страшно.

– Отпусти меня! – сердито крикнула она. – Отпусти сейчас же!

Снова тихое хихиканье в ответ, и мужчина скатился с нее, предоставляя ей возможность убежать.

Бежать, собственно, было некуда. Ксюша, совершенно обезумев, носилась по залу, словно белка в своем бесконечном колесе, и ее время от времени задевали, щипали, хватали, лапали сильные мужские руки, то за грудь, то за прочие интимные места – но неизменно отпускали и снова ловили и лапали...

Ксюша потеряла ощущение времени. Ей казалось, что это длится бесконечно долго, она выбилась из сил. Она дышала так шумно, что за звуком собственного дыхания уже не могла различить два других...

И вдруг до нее донеслись тихие, едва различимые слова. Ксюша задержала дыхание и прислушалась.

«...Не могу. Давай скорей кончать это дело, а то я кончу раньше», – донеслось до нее. Кажется, это был не Павел... Голос был странный, и, несмотря на шепот, Ксюше показалось, что она уловила акцент.

Опустившись на маты, она безразлично подумала – будь что будет, и приготовилась ждать своей участи.

Однако все неожиданно затихло. Никто к ней больше не прикасался, не трогал, не лапал, никто больше не шептал и не хихикал. Ксюша напряженно ждала, готовая к новому прикосновению, но почему-то ничего не происходило.

Она понимала, что с ней играют в такие своеобразные кошки-мышки, только не знала зачем... Они так развлекаются? Ее пугают? Или это прелюдия к чему-то еще более ужасному?

В зале было жарко, но, несмотря на это, кожа ее покрылась мурашками. Страх мучительно сводил тело слабостью. Ее подташнивало. Она попыталась думать о Реми, о вчерашнем вечере, проведенном с ним, обо всем том, что было так сладостно и радостно, что было так прекрасно... Но мысли ее путались. Страх и эта полная непроницаемая темнота сводили ее с ума, парализовали даже ее дыхание. Казалось, что ее тело теряет очертания и растворяется в этой темноте, ее воля, ее мозг, ее способность к действию – все расплывалось, смещалось, исчезало...

Она больше ни о чем не могла думать и только ждала: сейчас. Вот сейчас они снова подкрадутся к ней. И тогда...

Внезапно Ксюша услышала, как где-то сзади нее снова открылась дверь и в крошечной тьме кто-то то ли вошел, то ли вышел...

Глава 18

...От Сереги Кис узнал много любопытного о странной супружеской паре, обитавшей на даче Тимура. Павел Самойленко, 73-го года рождения, необычайно красивый юноша с незначительным умственным отставанием, был вывезен в Москву из Воркуты некоей Ниной Владиславовной Замойкиной, сорока восьми лет, занимавшей крупный пост в одном из комитетов московской мэрии. Нина Владиславовна была дамой политически активной, играла немалую роль в крайне правом крыле коммунистической партии, а также была известна своим большим состоянием, обаянием и красотой, было поблекшей, но почти полностью восстановленной в одной швейцарской клинике. Два года назад ее бросил супруг, человек тоже небезызвестный в коммунистических кругах, и Нина Владиславовна пережила тяжелую депрессию... От которой вполне быстро оклемалась и принялась развлекаться, утверждая направо и налево, что свобода – это ни с чем не сравнимое блаженство. В своих политических речах она, правда, утверждала обратное.

Судя по всему, Паша был вывезен из тайги для исполнения при ней роли постельного прислужника, иными словами – жиголо, за что имел от нее неплохое содержание. Она даже позволила себе появляться в его сопровождении в свете, охотно демонстрируя всем на зависть своего молодого, красивого, как Аполлон, любовника.

Восемь месяцев спустя Нина Владиславовна пережила очередное бурное увлечение директором одного из ведущих московских банков, увенчавшееся замужеством, и Паша был за ненадобностью выброшен на улицу.

Но тут же подобран Тимуром, который взял его к себе сторожем на дачу. Именно на даче Павел познакомился с Варварой Тихоновой, тоже приезжей, из Ростова. Варю Тимур подобрал немногим раньше на панели – она пыталась встроиться в тесные ряды московских проституток. Самолюбивая и самоуверенная провинциалка, желавшая зарабатывать большие деньги на московских тротуарах и искренне убежденная, что с ее красотой все московские мужчины и иностранные туристы будут у ее ног (а там, может, кто и женится, как в кино!), она не учла того обстоятельства, что доступ мужчин – не столько к ногам, сколько к телам московских проституток – происходит через сутенеров и красивая жизнь с высокими заработками достается в основном им. Несколько раз крепко побитая, она была вынуждена подчиниться правилам игры и стала выходить на Тверскую под прочным надзором своих покровителей-повелителей. Историю знакомства Тимура с Варей милицееское дело умалчивало, но, надо полагать, Тимур был ее клиентом... Так или иначе, их пути где-то пересеклись, скорей всего в постели, Варини достоинства были Тимуром оценены, и девушке была предложена работа на даче – не грязная и весьма прилично оплачиваемая.

Обслуживала ли она постельные запросы Тимура – оставалось только гадать, но несколько месяцев спустя после появления на даче Павла они с Варей поженились.

Какие выводы следовало делать из этой истории, Кис не знал. Тот факт, что у Варвары глаза блядские, он и без посторонней помощи заметил, только какой от этого прок? Ну, допустим, трахались они с Тимуром. А то и даже втроем. А дальше-то что? Это никак не отвечает на вопрос, где находятся документы, что за «бомбу» приготовил Тимур, в каком виде и где она находится, а также могли ли юные служители постельных услуг приложить к их исчезновению руку... А то и, как знать, к смерти Тимура?

Из открывшейся двери не доносилось ни звука, только повеяло прохладой. И снова воцарилась тишина. Ксюша не знала, сколько прошло времени, когда вдруг ослепительно вспыхнул свет. Он так больно резанул глаза, что она прикрыла их обеими руками.

Ее подхватили с обеих сторон и потащили куда-то. Руки оторвались от лица, и только крепко зажмуренные глаза спасали ее от ядовитого света. Ксюшу довольно грубо уложили на что-то холодное и привязали ее руки к чему-то не менее холодному. Она постепенно размыкала веки, и два черных силуэта прорисовались сквозь ресницы. Двое черных или, вернее, одетых во все черное мужчин склонились над нею!.. Она, не поверив своим глазам, раскрыла их чуть пошире и подняла их повыше, туда, где должны находиться лица, – и обмерла: над ней склонились две чудовищные африканские маски, расписанные по щекам краской!

Ужас, заматавшийся в ее глазах, вызвал у ее мучителей лишь знакомое, приглушенное масками хихиканье.

Она безвольно закрыла глаза. Она даже не спрашивала, что с ней будут делать. Она боялась спрашивать...

И только когда один из мужчин склонился над ее рукой и стал протирать ее спиртом, она поняла, что ей собираются сделать укол.

«Опять?!» – подумала она и закричала:

– Не хочу! Не надо-о-о!..

Минут через десять после того, как Ксюша исчезла за воротами, оттуда вышла Евдокия – уборщица, которую они видели с Кисом в прошлый раз на даче, – и торопливо пошла куда-то. Реми, проводив ее взглядом, решил, что вряд ли она заслуживает внимания, и снова уставился на ворота в ожидании, когда появится Ксюша. Время потянулось медленно и тоскливо.

Прошло еще минут двадцать пять, и в ворота въехала машина. Солнечные блики, отраженные стеклами, слепили глаза, и Реми не удалось рассмотреть, кто находился за рулем. Это ему еще пуще не понравилось. Что за гости? Зачем? Связано ли это с Ксюшей?

И вообще, зачем Ксюша отправилась на дачу? – задавал он себе уже в который раз вопрос. Она что-то хочет узнать, это ясно. И это связано с каким-то кусочком информации, который известен ей, но неизвестен Реми. Он припомнил все то, что рассказал ему прошлой ночью Кис, вернувшись после ужина с Александрой.

Александра была знакома с Тимуром... Реми был склонен верить в то, что Ксюшина сестра ничего не знала об убийстве Тимура: он видел, до какой степени сестры любят друг друга, и ему представлялась дикой мысль о том, что старшая могла сознательно подставить младшую, отправив ее с Реми на квартиру убитого.

Но и о своем знакомстве с Тимуром Александра умолчала. Она хранила его в тайне, как если бы в этом знакомстве было что-то неприятно-тяжелое... Может, Ксюша сама о чем-то догадалась? Может, она, как и Кис, почувствовала, что сестра что-то недоговаривает? Что загадочный полуузбек с сапфировым перстнем был знаком с Сашей? И поехала на дачу Тимура, чтобы узнать, бывала ли тут Александра?

Скорей всего именно так. Но что же она так долго там делает? Чай пьет? Как-то ему слабо представляется сцена мирного чаепития с этими странными молодыми супругами...

Александра утверждает, что с Тимуром не общалась, за исключением того раза, когда встретилась с ним у Андрея. Эти Паша с Барбарой тоже заявили, что такую не видели. Впрочем, их послушать, так они ничего и никого не видели. Но Кис Александре не верит, а уж этим хранителям дачи – тем более. И он, Реми, тоже. И если им действительно есть что скрывать, то они и Ксюше этого не скажут, зря девочка все затеяла, впустую... Но что же она там делает, mon Dieu [\[9\]](#)?!

Время казалось Реми безразмерным, растягивающимся на каждой минуте, как жвачка, бесконечно и нудно.

Он уже было решил подойти и нажать кнопочку переговорного устройства, уже встал и, решительно поглядывая на ворота, отряхнул брюки, как вдруг он разглядел то, чего не заметил в прошлый раз, – видеокамеру. Она была аккуратно приделана к стойке ворот и была не то чтобы совсем незаметна, но и в глаза не бросалась. По углу ее наклона Реми прикинул, что в поле зрения камеры должна попадать площадка перед воротами, а то место, где сидел на откосе Реми, вряд ли просматривается...

Но раз есть камера, значит, где-то должен был быть монитор наблюдения! А они в прошлый раз с Кисом ничего такого не видели... Следовательно, на даче есть какое-то помещение, которое от них скрыли! Что ж, теперь у Реми появился еще один повод, чтобы побеспокоить обитателей дачи.

Глянул на часы: прошел уже почти час с тех пор, как Ксюша исчезла за зелеными воротами. Пора!

Он решительно направился к дому. «Увидят, что я маячу перед воротами, и сами Ксюшу позовут, – решил он. – Тем более что они не говорят ни по-английски, ни по-французски, и им придется позвать Ксюшу в качестве переводчицы».

Минут десять он топтался перед воротами, ожидая, что сейчас переговорное устройство оживет Ксюшиным голосом и ворота откроются...

Но ничего не происходило. Никто не отреагировал на его нетерпеливое пританцовывание перед камерой. Тогда Реми нажал кнопку домофона, не имея ни малейшего представления, что он будет говорить людям, не владеющим иностранными языками... Он все же приготовил простую фразу по-английски: «Позовите Ксению». На худой конец имя-то «Ксения» они должны понять!

Но никто не ответил ему в переговорное устройство.

А вот это уже Реми совсем не понравилось. Он огляделся по сторонам и приметил в нескольких метрах справа деревянный ящик, бесхозно валявшийся на обочине, который он и подтащил к стене. Встал на ящик, гоня от себя мысль, что могут ему сказать обитатели поселка на непонятном русском языке, если застукнут его за этим занятием... Ухватился за прутья, подтянулся и залез – не без того, чтобы поцарапать руку об острые железные штыри. Заглянув во двор, Реми убедился в том, что он пустынен. Паши в будочке не было.

Приладившись, Реми аккуратно спрыгнул во двор.

Взошел на пустое крыльцо.

Дверь в дом была открыта. Стараясь ступать бесшумно, Реми двинулся вперед, осторожно прижимаясь к стенкам...

В центре гостиная – никого. Тихо, тихо, крадучись: налево столовая – тоже пусто. Так же крадучись направо, в телевизионную – ни души.

Впереди еще дверь, за ней коридор и кухня. Мельком подумалось, что устроено нерационально: кухня должна соединяться со столовой, чтобы удобно было подавать блюда... Неужели русские архитекторы не понимают таких элементарных вещей? Оттого ли, что у русских, живших десятилетиями в коммунистической бедноте, совсем потерялось представление о комфорте? Впрочем, Тимур был одинокий мужчина, и ему подавала прислуга, на удобства которой он скорей всего чихать хотел...

Он был уже перед приоткрытой дверью кухни, когда услышал какое-то звяканье и понял, что в кухне кто-то есть.

Притеревшись вплотную к стенке, Реми осторожно высунулся. У плиты стояла Барбара и следила за

чем-то, что на ней кипятилось. От двери нельзя было рассмотреть, что именно она варила, но сделать еще один шаг было опасно – он попадал в поле ее зрения.

Где же остальные? Где Ксюша? Заговорить с Барбарой или... Или что? Сбить ее одним ударом? Лишить сознания? А толку? Заговорить – но как, если она не знает английского? И где, в конце концов, Ксюша?

Реми не мог никак понять, что ему следовало делать дальше. Он решил все же полюбопытствовать, что там варится на плите. Если там, к примеру, кофейник – то значит, Ксюшу угощают кофе и ситуация более-менее мирная, можно и показаться Барбаре на глаза. Если там что-то такое, что не предназначено для гостя, то... Короче, надо бы увидеть.

Реми пригнулся, встав на четвереньки, и осторожно высунул голову снизу...

На огне стояла маленькая металлическая коробочка – такая, в которой раньше кипятили шприц!

Плохо дело, понял он, вспомнив блестящие и бессмысленные глаза, которыми смотрела на него Ксюша в спортзале школы. Действовать надо было срочно, и Реми проклинал свою медлительную нерешительность, из-за которой он потратил столько времени перед воротами. Проблема была, однако, в том, что он не был вооружен, а против него могли выступить трое людей – Паша, Барбара и приехавший на машине человек.

Но сейчас Барбара была одна на кухне, и следовало этим воспользоваться.

Глаза Реми быстро обежали кухню. На дальнем столе он увидел нож. Но для того, чтобы его схватить, нужно сначала пересечь кухню, а для этого нужно было пробежать мимо Барбары, а потом уже броситься к ней. Тогда у нее есть время отреагировать и хотя бы закричать. Конечно, если все сделать молниеносно... Но надо же уметь делать молниеносно!

Реми имел весьма приличную физическую подготовку – он неплохо владел карате и кон-фу, он хорошо стрелял, бегал, плавал, но он вовсе не был спецназовцем, специально оттренированным для того, чтобы лазать по стенам, бесшумно красться и неожиданно и точно нападать. В его работе никогда не было подобной надобности, тут Кис был прав – дальше слежки за неверными супругами и конкурентами дело шло крайне редко, а когда и шло, то работать приходилось в основном мозгами. И потому ему пришлось призвать себе на помощь всю свою сообразительность, чтобы найти способ захвата Барбары в заложницы.

Реми задвинулся обратно в коридор и распрямился. Подумав немного, он вернулся в гостиную и снял с крючка шнур, придерживающий тяжелый занавес на окне. Снова вернулся к кухне и, не раздумывая, запрыгнул одним прыжком на ее середину и стремительно накинуд шнур на шею Барбары. «Shut up!»^[10] – произнес он по-английски и затянул шнур потуже. То ли девушка солгала ему в прошлый раз, что не понимает по-английски, то ли веревка на горле оказалась хорошим переводчиком, но та и не пикнула.

Реми отступил несколько шагов назад, вынуждая Барбару шагнуть за собой, взял нож со стола и приставил ей к ребру таким образом, чтобы она ощутила его острие.

– Где Ксюша? – спросил он. Это она тоже поняла и стала ему показывать рукой вниз.

Реми подтолкнул ее впереди себя и, держа шнур, плотно закрученный вокруг ее горла, как поводок, пошел за ней. Перед дверью в подвал он, не выпуская шнура из рук, быстро наклонился и снял с Барбары домашние туфли, чтобы не стучали.

Они спустились. В подвале не было света, но он сочился из приоткрытой двери спортзала. Реми крутанул шнур потуже вокруг горла Барбары – так, что она схватилась за него руками, но он только грубо подтолкнул ее вперед. Они тихо приблизились к двери.

От картины, открывшейся его взгляду, у Реми волосы встали дыбом: Ксюша, совершенно обнаженная, была распластана на тренажере, и над ней склонились два черных чудовища в африканских масках – одна была расписана бело-красными полосками, вторая – красно-зелеными...

Реми, подталкивая Барбару перед собой, ступил в зал. Двое распрямылись и устались на них. Реми сначала молча продемонстрировал им большой кухонный нож, затем снова приставил его к ребру Барбары, кольнув ее при этом так, что она вскрикнула, вернее, всхрипнула.

Мужчины в черном растерянно стояли по обеим сторонам от Ксюши. Вид ее обнаженного, распростертого перед двумя негодями тела выводил Реми из себя. Грязно выругавшись, он приказал им по-английски развязать Ксюшу. К его удивлению, они поняли, во всяком случае, один из них, с бело-красными полосками, моментально склонился к Ксюше и начал отвязывать ее кисть. Второй медлил, глядя на Барбару. Та прохрипела:

– Что стоишь, недоумок! Делай, что сказали!

После чего тот последовал примеру первого, более понятливого.

Развязанная, Ксюша села, обхватив себя руками, стараясь не смотреть на Реми.

Одно было хорошо: с ней, судя по всему, ничего не успели сотворить. Они, видимо, хотели сделать укол, и только после этого приступить к действиям. Непонятным оставалось зачем. У насильников логики мало, но все же ему показалось странным, что этим двоим вдруг сделалось так невтерпеж, что они набросились на Ксюшу... К тому же специально вызвали еще одного участника, которого Реми не различил за стеклами, отражавшими веселые солнечные лучи... В этом надо будет разобраться, в этом есть что-то странное...

– Где ее одежда? – спросил Реми и услышал, как тот, который начал первым развязывать Ксюшу, перевел его слова второму. По-английски, стало быть, понимает...

– В раздевалке сауны, – неуверенно произнес второй, откашлявшись.

Это был голос Павла.

Ксюша встала и прошла мимо Реми, избегая его взгляда. Ей было стыдно, он это понял. Но сейчас было не время и не место для утешений.

– Снимайте маски! – приказал Реми.

Мужчины медлили. Реми демонстративно закрутил потуже веревку, и Барбара не на шутку захрипела. Переглянувшись, мужчины стащили маски с себя.

Один из них был, конечно же, Пашей. А вот второй...

Второй был негром.

Вернувшись домой, Кис удивился, что Реми до сих пор нет. Он куда-то умчался – то ли к Ксюше, то ли с Ксюшей, – но не сказал, когда вернется.

Зато дома был Ваня, и Кис, припомнив вчерашний разговор с Александрой, спросил у него, не слышал ли он чего интересного о талантливом русском модельере по фамилии Корсаков.

Ваня не слышал. Но сдается Ване, что в библиотечных поисках материалов по Версаче ему попадалась какая-то статья о русском кутюрье с такой фамилией... Он статью ту не читал – в его задачи не входило, но если Киса это интересует...

Киса интересовало, и Ваня был тут же отправлен в библиотеку. А Кис уселся в ожидании Реми чертить

схемы, кружочки и стрелочки...

Кружочки, однако, никак не хотели соединяться, стрелочки никуда не вели, Кис злился. Группа кружочков Тимур – Андрей – Александра была связана университетским знакомством и аферой с Версаче. При этом Тимур был влюблен в Александру, а Андрей – «голубой».

Ну и что с того?

Группа Тимур – Павел – Варя была связана местом обитания, то есть дачей, и, возможно, постельными утехами.

Ну и что с того?

Тимур – Анатолий Николаевич... Толстый трусливый врио явно очень хотел Тимуркин пост, и это единственный возможный мотив, позволявший заподозрить его в убийстве... К тому же наложить лапу на компромат, собранный Тимуром, ему должно было показаться делом весьма заманчивым. Хотя и крайне опасным. Но – как знать? – Анатолий мог не предвидеть и не учесть, что за компроматом пойдет охота и с такими стрелками, как хозяева Тимура, лучше не вступать в соревнования по биатлону; а теперь вон дрожит как осиновый лист... Но что-то эта свинина плохо представляется Кису в роли убийцы. Такой трус, как он? Разве что нанял профессионала? Но наемник бы тихо снял Тимура выстрелом, а не стал бы бить по голове и топить в Москве-реке. Выходит, тоже не он.

Да и одно ли лицо – убийца и вор? Кто возьмется заверить Киса, что Тимура не убил один человек из личных, положим, соображений, а папочки с «бомбой» в придачу не прибрал к рукам другой, воспользовавшись смертью их владельца? Тот, у кого просто был доступ к месту их хранения? Но тогда было бы неплохо это место установить, а им пока что не удалось. Конечно, идет всего лишь второй день расследования и все еще впереди, но уж как-то больно туманно это «впереди»...

Кого Тимур мог шантажировать? Кого-то из своего списка. Этот «кто-то» мог бы стать очень подходящей кандидатурой на убийцу и грабителя одновременно, вот только как его вычислить? Не станут же люди, доверявшие Тимур и попавшие в его сети, рассказывать Кису: да-да, было дело, собрал он на меня досье, и как я взятки брал, и как денежки предприятия присвоил, и как конкурирующей организации ценную информацию продавал, и как от налогов уклонялся, и незаконные финансовые операции совершал, подлоги банковских документов делал, с чужой женой спал... Что там еще можно напридумывать?

Да только что ни придумай, а никто не расскажет этого Кису. Так что давай, Кис, напрягай мозги!

Думай, думай, думай...

Вздыхнув, Кис поплелся к секретеру и снова вытащил еженедельник Тимура. Все-таки этот список, состоящий из двадцати восьми фамилий с денежными суммами напротив, должен что-то означать! Плата за шантаж? Тогда надо будет признать, что Тимур успел охватить шантажом двадцать восемь человек! А вот это вряд ли, это было бы для него слишком рискованно – компромат предназначался для пользования хозяев, а Тимур не дурак, чтобы так подставляться. Ну еще один, максимум два шантажа – куда ни шло: не устоял Тимур, соблазнился... Но не двадцать восемь!

Тогда взятки? Надо будет созвониться с этими людьми. Если взятки давали – то, конечно, не признаются, но вдруг это просто деньги в долг? Тогда хоть одна загадка отпадет...

Кис решил приступить к прозвону немедленно и, вооружившись списком клиентов, направился к телефону.

«Вы давали суммы в долг Тимур Рустамовичу? Нет? А брали у него займы? Тоже нет? А что может означать сумма в тридцать тысяч долларов, проставленная против вашей фамилии? Ах, понятия не

имеете...» – в таком примерно роде происходили разговоры. Кису наскучило слушать одни и те же фразы, и на седьмом звонке он это занятие оставил.

В еженедельнике была еще одна таблица, состоящая из цифр, например: 2-37, 5-24, 9-18, и так далее. Цифры в левой колонке шли до двадцати восьми, и можно было бы предположить, что под ними значатся те двадцать восемь фамилий, что были указаны в списке с денежными суммами. А вот что могли означать цифры справа? Порядковый номер... Полки? Ящика? Папки?

Хрен его знает. Право, чувствуешь себя полным идиотом, когда у тебя в руках такие неразгадываемые шарады.

От чувствования себя идиотом Киса оторвал телефонный звонок. Это был «культурный человек» Валентин, который сообщил, что сейчас детективу подвезут ключи от квартиры на Ленинском.

В ожидании этого Кис приступил к разгадыванию другой загадки: где Тимур должен был хранить документы? Ну-ка, на выбор: за железной дверью, на даче или на набережной? Железная дверь – это надежно. Ее нельзя ни вскрыть, ни взломать. Во всяком случае, с ходу. Нужны специальные инструменты для взлома и время. А рядом все-таки соседи живут, могут милицию вызвать. Маловероятно, что кто-нибудь мог пойти на подобный риск, и Тимур не мог этого не понимать. Кис бы на месте Тимура хранил свои секреты именно там.

На даче – там все время люди, ненадежно... Конечно, там ворота тоже не слабые, да и искать тайник на даче – задачка не для нервных. И все же там слишком много народу, а Тимур бывал там только по выходным, и желающие запустить руку в его секретные папки имели предостаточно времени... Варя с Пашей в качестве охраны? Кис бы, к примеру, только поглядев в светлые очи этой девчонки, не доверил бы ей даже хранение батона из ближайшей булочной...

С другой стороны, Тимур забрал в пятницу какие-то папки с работы. Все? Частично? И зачем, интересно? Поработать над ними дома? Перепрятать? Боялся оставить на работе? Или там только текущие дела были, а основной архив он где-то прятал?

После чего он поехал на дачу. Мог оставить папки там, рассчитывая вернуться в субботу и посидеть над своими многотомными трудами. Или – доложить их к основному архиву?

Но он вернулся в Москву. Была назначена встреча? Но с кем? Еженедельник умалчивал о свидании, предполагавшемся в пятницу... Если оно, конечно, предполагалось.

Папки он мог и до Бережковской довести, рассчитывая вечером же над ними посидеть. Без Вари с Пашей, без свидетелей, один. Или он привез их в Москву, чтобы кому-то показать? Тому, с кем встречался? Не устоял, начал шантажировать? И оттого-то в речку и попал? Но снова: была ли у него назначена встреча?

Или он решил их дома спрятать? Да, но меньше всего Кис стал бы полагаться на надежность квартиры на набережной. Обычная дверь, хоть и с тремя замками. К тому же у Андрея Зубкова могли остаться ключи – что-то Кису не верится в то, что он все отдал жильцу. Тимур был человеком осторожным и хитрым, следовательно, мог предполагать, что у хозяина остался доступ в квартиру... Нет, Кис голосует за Ленинский.

Тут и посыльный подоспел с ключами от железной двери, и Кис, оставив Ваньке записку, убыл на Ленинский.

Барбара жалобно хрюкала в туго затянутой на ее шее петле, и в глазах у Паши Реми приметил самый настоящий страх. Это его порадовало – на крепком витом шнуре, стало быть, он мог удерживать не только

Варю, но и как минимум ее мужа тоже. Он приотпустил веревку, и Варя шумно задышала. Паша смотрел на нее с ненаигранным состраданием.

Вернулась Ксюша, одетая, причесанная, умытая. Она затравленно посмотрела на Реми, и тот не выдержал, притянул ее к себе, держа одной рукой Варю.

– Как ты? – тихо прошептал он. – С тобой все в порядке? Они не успели ничего с тобой?..

– Не успели, – кивнула Ксюша. – Ничего не успели. Мне повезло, что ты за мной следил... Я, кажется, сделала жуткую глупость, приехав сюда.

Реми ограничился ласковым поцелуем в ее разгоряченный лоб и легонько отодвинул ее от себя: Ксюшина близость стесняла его действия.

Он зорко следил за двумя весьма крупными мужчинами, стоявшими в отдалении. На обоих были черные трико в обтяжку – обтягивать было что: мощные тела были впечатляюще красивы, мускулы вздымались под тонким трикотажем, как и все прочее, что могло вздыматься. Лицом, правда, негр не был так красив, как Паша, но и безобразен, впрочем, тоже не был. Так себе, ничего особенного... Вот только это черное лицо отчего-то показалось Реми знакомым. Впрочем, подобное предположение было совсем невероятным.

– Документы! – бросил Реми негру. Тот было поплелся в сторону раздевалки, как Реми рявкнул: – Стоять! Ксюша, пойди найди его документы, пусть объяснит где.

Коротко переговорив по-русски с негром, Ксюша ушла искать.

«Позвать русскую милицию? – размышлял Реми. – Смысла нет: сцену насилия они не застанут, я буду иметь неприятности – у меня ведь нет лицензии на работу в России, и ничего мы с Ксюшей не докажем, только все испортим. Киса сюда вызвать? Но пока он доедет... Сам управлюсь», – решил он.

Ксюша принесла ему студенческий билет и перевела: «Рональд Нтихемука. Студент Университета дружбы народов». Нет, разумеется, нет – Реми не мог быть знаком с этим человеком.

Студенческий билет Реми сунул к себе в карман – этот подонок перебьется без него, а они с Кисом будут знать, где его найти.

– Что вы собирались ввести Ксюше в вену? – Ксюша вопрос перевела, и Реми для пущей убедительности кольнул Варю в бок. Та вскрикнула.

Павел, умоляюще глядя в глаза Реми, приблизился услужливой трусцой и протянул ему пузырек. Покрутив в руках маленькую бутылочку из темного стекла с наклейкой, написанной по-русски от руки, Реми и ее отправил в карман.

– Наркотик? – уточнил он, получив в ответ два кивка. – Какой?

– «Забычивый», – торопливо пояснил Павел. – Память отшибает. А состава я не знаю...

– Что вы собирались делать с Ксенией? – Этот вопрос потребовал от Реми усилий, и он придал голосу максимальную суровость – не для них, для самого себя, чтобы голос не дрогнул.

– Ничего! – быстро дернулась в его руках Варя, пытаясь повернуть голову в веревочной петле и посмотреть на Реми. – Просто попугали, и все.

– Ах, ничего? – Реми притянул ее к себе поближе и, затягивая веревку, прошептал ей на ухо по-английски: – Так-таки ничего?

Варя не ответила – не поняла или не хотела отвечать, но зато ответил негр:

– Мы поиграть просто хотели...

Реми с удовольствием дал бы ему в морду, но не мог – надо было держать эту паршивку Барбару. Поэтому он просто спросил у Ксюши:

– Зачем ты сюда приехала, детка? Ты что-то хотела узнать?

Но и Ксюша молчала, глядя на него исподлобья. Он был прав, она что-то пытается скрыть от него... Ну, с этим он после разберется.

– У вас тут все неплохо налажено, я смотрю, для подобных игр. И часто вы так развлекаетесь?

– Первый раз! – просипела Варя.

Реми заглянул ей в лицо:

– Первый?

Варя молчала, сверля изо всех сил Пашу фарфоровыми глазами. Тот, не слишком уверенно, подтвердил:

– Правда первый...

– И вы хотите меня убедить в том, что вы срочно вызвали сюда этого Рональда вот так, ни с того ни с сего? Что же вы ему по телефону объяснили? Что у вас пожар?

Рональд, невозмутимо глядя на Реми, спокойно произнес:

– Я просил, если вдруг встретят хорошенькую девушку, то меня позвать для знакомства. Я красивых девушек люблю, а русские девушки – красивые девушки! – И он мечтательно закатил глаза.

Убил бы сволочь!

Но убить его не представлялось возможности, пришлось ограничиться разговорами под тихий перевод Ксюши.

– Так это у вас, значит, такой способ знакомиться? – хлестко проговорил Реми. – С раздеванием и наркотиком в вену?

– Рональд тут ни при чем! – Варя снова дернулась в петле, поворачивая к Реми профиль. – Это Пашка придумал, а он у нас глупенький. Умственно отсталый. У него это в медкарте написано!

Ага, валит вину на того, с кого спроса меньше...

– А почему ты не возразила? Ты тоже умственно отсталая?

– Так девушка была согласна! Мы ей предложили поиграть, сказали – ощущения испытаешь – потрясные! – она и согласилась. Правда, Ксения?

Ксения даже не сумела перевести, задохнувшись от негодования.

– Это неправда, Реми, она лжет!

– Переведи сначала, детка, – попросил он, – а потом объяснишь.

– Она сказала, что я сама хотела! Но это неправда!

– Правда, правда, – говорила Варя, – теперь тебе стыдно сознаться, а тогда ты согласилась! Паша у нас красавчик, перед ним женщины просто теряют голову и все остальное тоже – от нетерпения! И ты не исключение! Ты ему тоже приглянулась, он это дело любит, бог ему ума недодал, но остальное отпустил щедро, – тараторила Варя, – и Паша по этому делу у нас мастак! Он тебе предложил, что еще негра для экзотики позовет, ты согласилась! Ты еще, помнится, обронила, что это довольно неожиданное предложение и такие вещи не в твоих правилах, но поскольку другой такой оказии не будет, а ощущения

испытать охота, то, мол, так и быть, давайте развлечемся... Чего теперь прикидываешься невинной овечкой?

У Ксюши на глазах стояли слезы, щеки ее залило краской. Она не находила слов.

– Переведи, – попросил Реми.

– Не буду! Это чудовищно, это бред, это немыслимое, отвратительное вранье – все, что она говорит!

Однако роль переводчика охотно взял на себя Рональд, с явным удовольствием изложивший Варину тираду по-английски, не упустив ни слова.

Реми показалось, что ему дали под дых. Ревность ослепила его. Неужто Ксюша... Как она могла!!! После ночи, проведенной с ним, с Реми! Как же он был глуп, как же он не сумел оценить, распознать ту совершенно неожиданную раскованность, с которой Ксюша вчера... О, как он обольщался! Просто невозможно в это поверить! Ксюша? Она? Искательница острых ощущений? Mon Dieu, он этого не вынесет!!!

Барбара радостно зашевелилась в его руках, чувствуя, что Реми проняла ее ложь. Она прекрасно знала, что люди обычно не способны даже представить, что можно лгать с ноля, на пустом месте. Поговорка утверждает, что «нет дыма без огня», и все полагают, что вранье – это тогда, когда преувеличивают, приписывают дополнительные детали или извращают смысл – но реальных фактов! Того, что было! И, основанная на глупой доверчивости человеческого рода, такая стопроцентная, от начала и до конца вымышленная ложь была мощным оружием, к которому Варя успешно прибегала уже не раз в своей жизни.

Веревка, обхватывающая ее шею, ослабла, и Варя только ждала того мгновенья, когда Реми окончательно прожарится в огне ревности, чтобы вывернуться из его рук и кинуться к двум мужчинам, стоявшим напротив. Тогда... О, тогда она будет в безопасности, и они справятся с французом и его девкой! В конце концов, первая мысль бывает чаще всего правильной, и идея тихо похоронить незваных гостей в ближнем лесу была, конечно, самым разумным вариантом... Как только она вырвется, Рональд с Пашей быстро справятся с французом, а веревка и нож, которые он сюда сам притащил, послужат им, чтобы довести дело до конца! Ночью дачный поселок спит, и они вынесут два тела... Она даже знает, куда именно: там, в глубине леса, есть болотце. Утопить в нем нельзя, оно недостаточно жидкое, но выкопать яму в торфе будет легко, и...

В этот момент веревка стянулась на ее шее, острое ножа легонько кольнуло ее бок, и Реми произнес: «You are lying, bitch!»[\[11\]](#)

Рональд перевел...

Реми понадобилось некоторое время, чтобы опомниться и взять себя в руки. Как большинство мужчин, Реми был ревнив, но, как их меньшинство, он был способен совладеть с собой, призвать на помощь разум, вспомнить, что он уважает собственные суждения и доверяет своей интуиции. И если до сих пор его интуиция и разум говорили о том, что Ксения – редкий образец неиспорченной человеческой природы, то почему он должен вдруг поверить не ей, а этой порочной девчонке со лживыми и продажными глазами?

Ясно, что все сказанное паршивкой Барбарой – просто наглая, циничная ложь! И степень наглости и цинизма этой лжи прямо пропорциональна ее убедительности! Поэтому он и купился – но ненадолго, пока не включился оторопевший разум... Редко встречались ему экземпляры, которые лгали вот так, как эта Барбара, сочиняя все от начала и до конца, причем вдохновенно и с ходу. И Реми знал, что люди,

способные на подобную ложь, являются законченными подлецами.

Окончательно придя в себя, он увидел, что Ксюши нет в зале. Он понял, что она, должно быть, плачет где-нибудь...

– Ксюша, – позвал он, – Ксюша! Вернись, пожалуйста, я тебя уверяю, что тебе незачем плакать, я не верю ни одному их слову! Иди сюда, моя милая, прошу тебя! Мне необходима твоя помощь!

Но она не появилась. Реми не мог отправиться за ней, он не имел права ни покинуть этот зал, ни даже просто повернуться спиной к двум мужчинам. Делать было нечего, и он принялся за дальнейший допрос.

– Значит, Павел «это дело любит»? А только что вы утверждали, что в первый раз так развлекаетесь! Переводи, Рональд!

– Ну... Знаете, – вдохновенно сочиняла Барбара, – откровенно скажу вам: бывает, конечно. Это Пашино дело, я не вмешиваюсь... Я сама в него влюблена, как кошка, и других женщин понимаю: всем хочется с таким красавчиком трахнуться; вот я и не мешаю им развлекаться. У него такой дикий темперамент, меня одной ему мало! И Рональд – он тоже правду сказал – тоже любит это дело и беленьких девочек любит!

И Рональд не замедлил ему ехидно перевести эту речь.

Реми даже не заметил, как стянул шнур на шее у Вари. Он бы, наверное, задушил ее в бешенстве, но она схватилась обеими руками за веревку, прохрипев:

– Меня задушите – толку не будет, а сами в тюрьму сядете!

Самое смешное, что она была права. Реми приотпустил шнур. У Паши на лице появилось облегчение, когда Варя снова нормально задышала.

Правды он у них не добьется, это ясно. По крайней мере, сейчас. Не убивать же, в самом деле, для устрашения остальных эту мерзавку!

– Где находится монитор? – решил сменить он тему.

– Какой еще монитор? – вылупил глаза Паша.

– К которому подключена камера при входе.

– Монитор... Ах, монитор! В будке у входа.

Это могло быть правдой, и даже наверняка было ею... Но не всей. Конечно, у русских, может, мозги устроены иначе, но во всех домах с *video surveillance*^[12], которые Реми доводилось видеть на своем веку, монитор обязательно был в доме, и, кстати, дополнительные камеры были...

Стоп! Вот оно что! Должны быть еще камеры!

Реми стал внимательно разглядывать стены и потолок спортзала. Ничего похожего на объектив ему не удалось разглядеть, но... Камеры наблюдения обычно прячут, и среди мощных ламп под потолком вполне мог быть вмонтирован объектив, снизу незаметный... Но доказать он им ничего не сможет, пока не ткнет пальцем в стеклянный глазок.

– Ксюша, – снова позвал он, – иди сюда, моя хорошая! Мне нужна твоя помощь, прошу тебя!

Заплаканная Ксения появилась на пороге, и Реми, протянув руку, поймал ее плечи и прижал к себе.

– Что ты, глупенькая, ну что ты... – Он поцеловал ее в макушку и прошептал тихо в ухо: – Я люблю тебя...

Она заглянула в его глаза, прочитала в них, что и хотела прочитать, немного расслабилась и чуть-чуть повеселела, улыбка тронула краешки ее губ.

– Пойди, пожалуйста, в прихожую, – тихо сказал Реми, – и осмотри внимательно стены и потолок: не заметишь ли объектив видеокамеры... Смотри внимательно, он может быть закамуфлирован, ладно?

Ксюша кивнула и вышла из зала.

Реми не стал терять времени и решил выяснить еще кое-что, его интересовавшее, велел Рональду переводить.

– Откуда в доме наркотики?

– Тимур привозил... У нас еще запасы остались, – ответил Павел.

– Из Узбекистана?

Реми не знал точно, где находится Узбекистан, но знал, что поставка наркотиков в бывший Советский Союз идет из Средней Азии.

– А кто его знает... Наверное, – безразлично ответил Павел.

– Он сам употреблял?

– Нет.

– А зачем привозил? Это он придумал так развлекаться?

– Откуда нам знать, как хозяин развлекался! – возмутилась Варя. – Что мы, подглядываем, что ли! Я вам еще в прошлый раз объясняла: мы прислуга, не больше того. И ничего не знаем.

– Мимо, красавица! Мы справки навели – прислуга здесь другая! А вот чем занималась ты, расскажи!

– Хозяйством! Ой, вы мне больно делаете! Хватит колоть меня ножом, так и зарезать недолго!

– А ты не крутись, – посоветовал Реми, – стой смирно. На меня смотреть не обязательно, когда отвечаешь, все равно твои лживые глаза тебе не помогут... Так каким это хозяйством ты занималась?

– Я все покупки делала, счета вела, за уборщицей и поваршей следила, – принялась перечислять Варя, – за вещами...

– Гладила, – подсказал Паша.

– Вот-вот, гладила белье...

Опять врут. Ну что же с ними делать! Нет, не справится он с ними без Киса! Все эти разговоры с переводом дают им время, чтобы придумать ответ...

Вернулась Ксюша и тихо прошептала Реми: «В оленьей голове».

Он был прав. Ну что ж, раз камера есть в доме, то и монитор должен быть в доме. Не отвертятся, придется им показывать!

Реми был полон решимости:

– Ксения, встань сзади меня. А вы, господа, проходите вперед и ведите меня туда, где находятся мониторы!

Паша тревожно высматривал что-то в Варином взгляде – совета, приказа, согласия? Реми высунулся из-за ее плеча и попытался заглянуть ей в лицо. Варя делала «большие глаза».

– Так, – сказал он. – Я считаю до трех. Вот этот нож – вы его хорошо видите? – вот этот нож на счет «три» отрезает ей ухо. Раз... Два...

– Не надо! – не выдержал Павел. – Пойдемте!

Варя прошипела:

– Не смей, дурак!

Право, она надоела Реми. Он не был сторонником насилия, но девица слишком много позволяла себе. Не долго думая, он вложил шнур в Ксюшины руки, зашел спереди и ударил Варю дважды по лицу наотмашь. Почувствовав, что Павел готов прыгнуть на него сзади, Реми быстро вернулся за Варину спину, перехватил шнур, подкрутил его потуже, прижав Варю вплотную к себе и демонстративно приставив кухонный нож к ее боку, распорядился:

– Делайте, что сказано!

Он внимательно проследил за продвижением двух мужчин к выходу из зала, готовый среагировать на любое их неосторожное движение, и пошел за ними.

Они поднялись по лестнице и вошли в столовую. Паша подошел к шкафу, в котором стояла нарядная посуда и безделушки, и остановился возле него, глядя неуверенно на Варю.

Реми почему-то подумал, что присутствие негра здесь явно лишнее. Он посмотрел на Рональда: тот оглядывался с неподдельным любопытством в ожидании спектакля – видно, о существовании пункта наблюдения он не знал. Пожалуй, ему и не следовало бы знать...

– Ты мне больше не нужен, – сказал он негру по-английски. – Убирайся.

Тот ответил Реми разочарованным взглядом, помедлил, поглядел на соратников по сомнительным развлечениям и неохотно двинулся к выходу из столовой. Реми велел и Паше пройти вперед, чтобы не оставлять его за своей спиной, и так они сопровождали всей компанией Рональда до тех пор, пока не закрылись ворота за его машиной.

Реми вздохнул с облегчением: теперь ему приходилось держать в поле зрения только Пашу.

Вернувшись в столовую, Паша снова подошел к шкафу. Реми с нетерпением ждал, какой секрет он сейчас увидит... Вон та яшмовая статуэтка в шкафу, изображающая женщину с коромыслом, – не в ней ли скрыт механизм, приводящий в движение потайную дверь? Сейчас Павел нажмет на нее, и разъедется стена... – размышлял Реми в предвкушении сцены из Джеймса Бонда. Но Паша самым примитивным образом потянул шкаф за полку на себя, и шкаф открылся, как обычная дверь. Реми до того удивился, что шагнул поближе и разглядел, что нарядная посуда с безделушками на полках были бутафорскими, а сам «шкаф» – декорацией, хотя и очень хорошо сделанной из какого-то легкого материала, украшавшей обычную дверь.

Все оказалось проще простого, упрекнул Реми себя мысленно, и если бы он не страдал предрассудками, то и сам бы давно догадался! Потому что, когда видишь нелепость или странность, то нужно думать! А не делать поспешные идиотские выводы! Ведь заметил же, что мало логики в том, что кухня не соединяется со столовой и блюда приходится носить в обход, через гостиную! И что же? Понес чушь: русские не привыкли к комфорту, видите ли! А ведь из этого факта было всего лишь четверть шага до простейшего вывода, что проход, запланированный архитектором, был закрыт! А раз хозяин пошел на такое неудобство, значит, он что-то от этого выигрывал!

Теперь ясно, что выигрывал Тимур небольшое пространство, отведенное под пост наблюдения. Не хотел, стало быть, чтобы кто-нибудь из его гостей догадался об этом...

Реми заставил Пашу войти первым в тесную комнатку и остановился с Варей в дверях. Ксюша вытягивала шею из-за его плеча – за ним она была в безопасности, и Реми не позволил ей пройти вперед:

кто его знает, этого Пашу, еще схватит Ксению и начнет соревноваться с Реми, какую из женщин задушат первой!

В комнатке находился пульт с четырьмя мониторами. На первом была площадка перед воротами, на втором – двор, на третьем – прихожая, на четвертом – сад за домом. Неплохо.

Но мало. Должно быть что-то еще, должно! Для четырех планов хватило бы одного монитора, максимум двух! А здесь – четыре!

– Меняй картинку, – распорядился он.

Паша снова уставился на Варю. Реми надоели эти вопросительные взгляды, которые Павел, не зная, как себя вести, постоянно бросал на жену, и он сказал Ксюше: «Пойди найди что-нибудь, чем можно завязать этой паршивке глаза».

Ксюша вернулась через несколько секунд с шелковым шарфиком и не без мстительного удовольствия затянула им Варины глаза.

– Так-то оно лучше, – удовлетворенно произнес Реми и повторил: – Меняй картинку, сказано!

Через пятнадцать минут Реми, невероятно удивленный и одновременно очень довольный, покидал в обнимку с Ксюшей негостеприимную дачу.

В кармане Ксюши лежал шелковый шарфик, предусмотрительно снятый с Вариных глаз.

Глава 19

В квартире на Ленинском проспекте было все перевернуто. Здесь что-то искали, и Кис даже, кажется, знал, кто именно.

Он в бешенстве набрал номер Бориса и, не церемонясь в выборе выражений, переговорил. Если опустить все упоминания о «маме», а также указания, чем занять свой досуг и куда следовало идти, то основная мысль разговора сводилась к следующему: Кис свое время уважает и настоятельно требует того же от других, и если квартира была уже обыскана самым тщательным образом, то незачем беспокоить серьезного человека и вводить его в заблуждение, поскольку вот уже второй день, как он идет по неверному пути, полагая, что квартира за железной дверью содержит хотя бы часть разгадок, тогда как ее уже давно обыскали вдоль и поперек...

Борис нисколько не обиделся и, выслушав гневно-нецензурную речь, сказал примирительно:

– У меня же парни натренированы, чтобы морду бить, – могли и не найти. А ты детектив, головастый к тому же... Во всяком случае, так мне о тебе сказали. Я думал, может, ты что найдешь, чего мои парни не заметили!

Польщенный Кис притих и даже буркнул извинения.

Отключившись от Бориса, он снова оглядел комнаты. Ворошить перевернутое не имело смысла – здесь уже точно ничего интересного нет. Вот разве что попробовать отыскать тайник?

Кис приступил. Сантиметр за сантиметром просматривал пол, стены, мебель. В каждую щель совал свой нос, каждую цапку покрутил в руках, исследовал настольные лампы и книги – в напрасной надежде наткнуться на механизм открывания какого-нибудь тайника.

Спустя два часа, изрядно наглотавшись пыли, он вернулся домой ни с чем – квартира за железной дверью не содержала никаких тайн... Во всяком случае, тех, что интересовали его.

Дома на столе его ждала ксерокопия статьи о модельере Корсакове и записка от Вани, сообщавшая о том, что, охваченный внезапным приливом необычайной тяги к знаниям, балбес отправился в университет на две последние пары.

Кис уселся, рассеянно глядя в текст. Из статьи следовало, что самородок Корсаков, обладая потрясающим чувством гармонии, был бы способен сделать честь отечественной моде и даже потеснить с мировых подиумов всяких там Версаче и Карденов, если бы нашлись люди со вкусом и деньгами, желавшие помочь молодому русскому кутюрье встать на ноги... Но несчастье заключается в том, что разные дельцы с тугими кошельками заваливают страну импортными безвкусыными поделками... «Дорогие дешевки» от Версаче диктуют моду в России...

Так-так-так, это уже интересно. Это почти списано со слов Александры... Как тут бишь фамилия? Ага, вот она: Константин Завьялов. Не иначе как ее приятель! Ладно, почитаем дальше.

«Наши богатеи вкладывают деньги в иностранные банки и в иностранные товары, а в это время разоряется русская казна, гибнет наука, искусство, гибнут отечественные таланты – гибнет Россия, но никому нет до этого дела...»

Это были уже не просто мысли Александры, а почти ее слова, сказанные ею в ресторане. Кто у кого содрал, интересно?

Или?..

Кис позвонил в редакцию газеты. На вопрос об авторе статьи ему ответили столь уклончиво, что Кис только укрепился в догадках.

Он опять набрал номер телефона редакции и, изменив голос и придав ему старческие интонации, начал морочить голову ответившей ему женщине: он-де старый журналист (последовали биография с воспоминаниями о былых временах); просматривал в библиотеке подшивки газет (последовала критика газетных материалов, и Кис чувствовал, как на другом конце провода накаляется трубка); и из всего прочитанного вот разве что статья некоего Константина Завьялова ему кажется достойной звания патриота (последовали патриотические рассуждения).

Женщина не выдержала:

– Что вы, собственно, хотите от нас? Ваше мнение вы можете изложить в письме и прислать в редакцию!

– Нет, – прогнусавил Кис, – я, дражайшая, всего лишь хотел лично поблагодарить этого юношу! От имени, так сказать, старой журналистской гвардии! Подскажите, драгоценная, как мне с ним связаться?

– Никак! – раздраженно ответила женщина. – Константин Завьялов – это псевдоним, а мы псевдонимы не разглашаем!

Ну и чудненько. Кис узнал все, что хотел узнать.

Заверив Реми, что с ней полный порядок, и нежно, но нетерпеливо распрощавшись, Ксюша выпорхнула из такси у подъезда Александры.

Она застала сестру за маникюром. Прикусив кончик языка от усердия, Александра орудовала маленькими щипчиками, лопаточками, пилочками.

– Где ты болтаешься? – сурово встретила она младшую сестру. – Никого не предупредила, родители беспокоятся! Пропала, и все! Когда ты наконец повзрослеешь, Ксения, когда ты станешь ответственным человеком!..

Ксюша ответственным человеком не была – она была человеком беспечным. Молодость и сопутствующая ей радость бытия, неопытность и сопутствующая ей неомраченность представлений о жизни, а также славный, легкий характер (тут уж просто природа постаралась и родительское воспитание) – Ксюшину беспечность и обеспечивали.

И посему она довольно легко стряхнула с себя пережитый на даче ужас. Ведь главное, что все хорошо кончилось, не правда ли?

А может, просто ее по-детски здоровое подсознание вытесняло сцены пережитого на даче кошмара хлопотами об Александре...

Так или иначе, но теперь терзала ее только одна мысль, только одно тягостное и ужасное открытие: знакомство Александры с Тимуром. И вытекающие из этого знакомства последствия.

Какие именно последствия, Ксюша представляла плохо, да и представлять боялась – в воображении моментально нагромождались самые дикие предположения; но она была намерена это узнать. Намерена решительно – и тем решительнее, что разговаривать с Александрой ей было не просто. И потому Ксюша всю дорогу домой готовилась к этому разговору, набиралась мужества и упрямства...

И приготовилась.

– Я была на даче, – перебила она сестру, ожидая, что слова ее произведут эффект.

Александра, однако, продолжала заниматься своими ногтями и даже не посмотрела в ее сторону.

...Но и не спросила, на какой даче!

– На даче Тимура, – веско добавила Ксюша.

Александра отставила руку в сторону и полюбовалась на свои отполированные ногти.

...Но и не поинтересовалась, зачем Ксюша туда ездила!

– Я разговаривала с Варей и Павлом, которые там живут, – с напором добавила Ксюша.

– Ну и что? – безразлично-холодно произнесла наконец Александра.

– А то! Не считаешь ли ты, что нам надо наконец поговорить откровенно?

– Я уйду, – заявила Саша. – У меня сегодня тусовка в бизнес-центре на Пресне.

– Нам надо поговорить, Александра! – в отчаянии воскликнула Ксюша.

Ее решительность куда-то стремительно испарялась. Саша всегда вела себя с нею так, будто Ксюша маленькая неразумная девочка, и Ксюша ничего не могла поделать с собой – она и становилась маленькой девочкой перед старшей сестрой, против воли входя в эту навязанную ей роль...

На глазах у Ксюши появились непрошеные слезы.

– Мы должны объясниться, я не могу больше так! Я не могу тебя подозревать, я должна узнать правду!

– Подозревать – в чем? – правдоподобно изумилась старшая сестра.

– Ты была знакома с Тимуром! Ты знала, на чью квартиру ты меня отправила! Ты знала, что его убили!

– Ты бредишь, – пожала плечами Александра. – Пойди отдохни лучше, это последствия наркотика. А мне надо одеваться.

Она встала и направилась к шкафу. Распахнув дверцы, Александра принялась сосредоточенно перебирать свои роскошные туалеты, придирчиво прикладывая к себе то один, то другой перед зеркалом, не обращая внимания на Ксюшу.

Ксюша молчала, ее душили слезы, она робела перед старшей сестрой и одновременно жалела ее. Ей было больно ее унижить, ее припирать к стенке... Но когда Александра накинула на себя великолепное изумрудное платье и, покрутившись перед зеркалом, спросила ее небрежно: «Ты здесь останешься или домой поедешь? Пора бы навестить родителей, они волнуются, между прочим!» – Ксюша не выдержала.

Она вскочила с подоконника, на котором сидела, и, вытащив из кармана пыльный шелковый шарфик, взмахнула им перед носом у Александры.

– А это что, по-твоему?

– Шарфик, – невозмутимо ответила Александра. – Где ты его нашла? Он у меня давно куда-то запропастился.

– Где я его нашла?! Где нашла?! – Ксюша задыхалась. – На даче у Тимура, вот где!!!

Пауза была мучительна, как звук ножа по стеклу.

Ксюша молчала изо всех сил, хотя ей хотелось кричать, кричать без остановки свои бесконечные и ужасные, унижительные вопросы – но она старательно молчала. Разве не Александра ее учила: в затянувшейся паузе всегда кто-то первым нарушает молчание, и если это не ты – то другой? Вот она и

выжидала, что сестра заговорит.

Александра села.

Потянулась за сигаретой.

Прикурила.

Смотрела, сощурившись, сквозь дым на Ксюшу.

Наконец сказала:

– Ну и что с того? Это не доказывает, что я там была.

– И что ты Тимура знала – тоже? – почти истерично выкрикнула Ксюша. – Шарфик своими ножками пришел к нему на дачу? Даже если Тимур у тебя его украл – для этого надо быть знакомыми!!!

Снова пауза, долгая, как зимняя ночь.

Сигарета закончилась. Александра вытянула другую из пачки и прикурила.

И опять смотрела, сузив глаза, на Ксюшу сквозь витиеватый сизый дым...

Ксюша ждала, ждала, ждала...

Уже решила, что ничего не дождется.

Как вдруг Александра произнесла:

– Ты уверена, что ты хочешь знать правду?

– Да! – горячо воскликнула младшая сестра. – Конечно, хочу!

Александра грустно улыбнулась:

– Сразу видно, что ты еще маленькая и наивная девочка. Опытный человек подумал бы, прежде чем решиться узнать правду... Это штука чаще всего неудобная, спать на ней жестко, можно и бока отдавить, и сна лишиться...

– Я *должна* знать правду, – тихо проговорила Ксюша. – Я не могу по-другому жить, не могу с тобой говорить, смотреть тебе в глаза... Какая ни есть эта правда – мне необходимо ее знать...

– Ну что ж, Шерлок Холмс, ты не оставила мне выбора... Слушай.

Александра рассказывала жестко, словно желая отомстить сестре беспощадной хлесткостью слов за ее расспросы.

Слушая подробности визита Александры к преподавателю марксистско-ленинской философии на «чашечку кофе», Ксюша отводила глаза, словно оказалась невольным свидетелем сцены, не предназначавшейся для ее глаз, – свидетелем стыда Александры, жгучего и интимного, в котором нет места для посторонних, даже близких людей...

Ксюша мучилась от своей бестактности. Ей хотелось перебить Александру, сказать: извини, не надо дальше, я сожалею... Но она еще не услышала самое главное – знала ли Александра о смерти Тимура, когда посылала ее к нему на квартиру. И потому она уговаривала себя дослушать все до конца, надеясь, что, выдержав описание этой сцены, она сможет дальше расслабиться, потому что хуже этого уже ничего не может быть...

Но она сильно ошиблась. Хуже могло быть и было.

– После той встречи у Андрея, когда мы праздновали выход статьи о Версаче, – ровным голосом рассказывала Александра, орудуя пилочкой вокруг своих холеных ногтей, – он попытался вновь ухаживать за мной... Я ему отказала сразу же – резко, не оставляя ни надежд, ни двусмысленностей между нами.

Он, казалось, оставил меня в покое. Я было вздохнула с облегчением... Но вдруг начала сталкиваться с ним в самых неожиданных местах: он попадался мне на улице, на приемах, в метро – машина тогда барахлила, и приходилось пользоваться городским транспортом. Кажется, он за мной следил. Может, и тогда в аэропорту, когда ты обратила внимание на перстень, – тоже. Я не знала, зачем ему это нужно, да и не стала ломать голову. При этих якобы случайных встречах я его игнорировала, не видела в упор. В конце концов, ему нравится время зря тратить – ради бога, его дело! Если он на что-то надеется – то зря. Ему не перепадет с моего стола!

Но однажды...

Однажды, довольно поздним вечером, Александра торопливо шла к метро после просмотра нашумевшего спектакля в театре «Ленком». Темный силуэт внезапно отделился от колоннады при входе в здание «Известий» и, шагнув к ней, взял ее под руку.

Александра вздрогнула. Тимуру это, кажется, доставило удовольствие.

Однако она его узнала достаточно быстро и вырвала руку.

– В чем дело? – ледяным тоном спросила Александра.

– Ты сделала глупость, Шурочка.

Саша ненавидела, когда ее называли Шурочкой. Не вникая в смысл его слов, она резко повернулась к Тимуру:

– Не смейте меня называть так! Я вам не Шурочка, не Сашенька и даже не Александра! Я вам вообще – никто, и знать вас не желаю, и видеть тоже! Прекратите за мной шпионить, прекратите меня подстерегать – вы все равно ничего не добьетесь, ясно?

И она повернулась, чтобы идти.

– Ладно, не буду тебя называть Шурочкой! – прозвучало у нее за спиной. – Я буду называть тебя Костенькой... Завьяловым!

От тихого иезуитского смеха, раздавшегося сзади, у нее побежали мурашки по спине.

Александра не то чтобы жалела о написанной в поддержку Версаче статье – деньги были необходимы, требовала ремонта машина, хотелось сменить мебель, а журналистские гонорары, несмотря на ее престижную и достаточно привилегированную позицию в этом мире, были смехотворными... Но на сердце у нее была тяжесть. Написав статью, она покривила душой. Причем ладно бы просто похвалила самого по себе модельера Версаче – в конце концов, вопрос вкуса, некоторые его вещи ей даже нравятся, хотя в целом она действительно не любит его стиль... Но дело было не только в нем и даже вовсе не в нем... Проблема была куда глубже, проблема была в позиции, в мировоззрении, в принципах, наконец! Александре резко не нравилось засилье всего иностранного в России, начиная от мусора иностранных слов и кончая товарами. Легко и выгодно было вкладывать деньги в импортные продукты и шмотки, станки и машины: капиталы оборачивались мгновенно! А в это время производство в России гибло совсем не медленно и ужасающе верно. И кризис, случившийся прошлым летом, для Александры был не случаен и вполне ею ожидаем – в стране почти не было ничего своего, не было никакой базы для независимого существования, и она была обречена. Кризис только начался, и еще никто не понял, что это всерьез и

надолго! Народ гадал, чьи происки стоят за махинациями с валютой, – и никто не хотел осознать, что кризис в стране – лишь закономерный результат поведения ее граждан... Внезапные богатства кружили головы, сводили людей с ума, которого и так-то было маловато у тех, кто сколачивал капиталы, пользуясь хаосом в стране. Им хватало хитрости, да, но и не более. Не было у этих людей ни культуры, ни чести – и они разоряли и разоряют страну, кладя в карман то, что принадлежит ей, и не возвращая стране даже в ничтожной степени у нее наворованное...

Не все, конечно, не все – Александра была достаточно умна, чтобы не стричь всех под одну гребенку, – но основная масса новых богачей была именно такова, и Александра их глубоко презирала. Неприятность же заключалась именно в том, что статья о Версаче лила воду именно на их мельницу...

И от этого она чувствовала себя препротивно. Мучила совесть. Совесть, ставшая в нынешнее время чем-то вроде атавизма...

Но только не для Саши, с ее воспитанием в лучших традициях семьи шестидесятников, с ее склонностью к излишней категоричности, с ее способностью вкладывать себя до конца, без остатка – в дела, в идеи, в отношения... И потому она, выждав пару месяцев, рискнула написать статью о Корсакове под псевдонимом. Она писала довольно часто статьи под псевдонимами – о светской жизни, о моде, о шоу-бизнесе – и многие это знали. Для Корсакова она выбрала новый, никому не известный псевдоним, к тому же мужской – Константин Завьялов, договорилась с редакцией о неразглашении. Она не боялась, что ее разоблачат, вернее, не думала, что в случае обнаружения ее авторства она может иметь неприятности, – в конце концов, не она, так кто-нибудь другой мог написать о нем статью и высказать мнение, не совпадающее с точкой зрения автора статьи о Версаче! У нас, в конце концов, страна хоть и разоренная, но демократическая!

Но все же осторожничала. Внутренний голос нашептывал, что заинтересованные лица могут по головке и не погладить... Вроде как она предала тех, по чьему заказу писала о Версаче. Андрюшка дал понять – весьма туманно, – что люди за ним стоят могущественные. И Александре очень не хотелось, чтобы их пути пересеклись.

И вот теперь Тимур назвал ее, с тихим гадким смешком, Константином Завьяловым...

Она остановилась. Она растерялась. Уйти гордо, не оборачиваясь? Спросить, чего ему надо от нее?

Тимур ждал за спиной. Саша колебалась. И он чувствовал, что она колеблется...

Решившись, Саша гордо вздернула подбородок и направилась в метро, не оборачиваясь.

Он нашел ее на следующий день, на банкете, который давал в честь своего дня рождения некий супермодный певец. Она стояла в окружении нескольких известных артистов, обсуждая последний альбом юбиляра, и крутила в руках пустой бокал из-под шампанского. Кто-то из мужчин спохватился:

– Вам принести еще?

– Да, благодарю. Шампанское.

Не успел ее любезный собеседник отправиться на поиски шампанского, как в поле зрения Александры появился бокал, наполненный золотым пузырящимся напитком. Бокал протягивала мужская рука, и, даже не повернув голову к ее обладателю, Александра узнала синий камень, сверкнувший всеми гранями в ярком освещении зала.

Она сделала вид, что не заметила, и, срочно извинившись перед своими собеседниками, направилась к юбиляру.

– Какие люди! – пьяно закричал тот и полез целоваться. – Сашечка, ты у нас как солнышко!..

Наскоро проговорив слова поздравления, Александра незаметно выскользнула из зала. Вечер был вконец испорчен. Тимур вызывал в ней отвращение, она не могла находиться с ним в одном помещении, дышать с ним одним воздухом...

И, самое ужасное, – он вызывал в ней страх.

«Нет, – убеждала себя Саша, садясь в такси, – ничего особенного, это просто подонок, каких навалом на свете, и у меня нет никаких оснований его бояться...»

Телефон зазвонил, едва она успела открыть дверь своей квартиры.

– Костенька, сынок, – продребезжала трубка, – не обижай дядю Тимура! А то дядя Тимур может и рассердиться!

Саша швырнула трубку. Но она уже понимала, что просто так она не отделается.

Спустя пару дней она нашла в почтовом ящике конверт без подписи. С плохим предчувствием Александра вскрыла его: там лежал вырезанный из газеты заголовок какой-то статьи, гласивший: «Как поступают с предателями?» У Александры все поехало перед глазами. Она больше не пыталась себя убедить, что не боится Тимура, – она его боялась.

Тимур больше не появлялся в поле ее зрения, но зато «заговорил» ее почтовый ящик. Следующий день принес новый конверт с очередным заголовком: «Мафия не знает милосердия».

В течение недели она получала белые неподписанные конверты с вырезками из газет: «Преступление и наказание», «Беспредел: убивают за малейшую провинность», «Братки не шутят», «Не пощадив ни женщин, ни детей» – и так далее и так далее в том же духе.

Страх стал постоянным спутником Александры. Она было решила пойти к Андрею и рассказать о своей статье под псевдонимом, но...

Но в голову лезли заголовки: мафия не знает милосердия, как поступают с предателями...

Что нужно было Тимуру, Александра себя не спрашивала: она была уверена, что ему нужен реванш. Она не просто отказала ему, нет – она его унизила, она его отвергла, она поставила его в смешное положение; она смотрела на него с нескрываемым презрением, она язвила на его семинарах, она пускала по рукам карикатуры на него, одна из которых попала однажды Тимуру Рустамовичу в руки... Александра помнила, как он тогда долго смотрел на Александру потемневшим взглядом, в котором было что-то странное, тяжелое...

Как любовь мазохиста, который испытывает боль и наслаждение, смешанное одновременно с поклонением...

Как любовь садиста, который лелеет то мгновенье, когда предмет его обожания попадет к нему в руки, окажется в его власти, и тогда можно будет осуществить все то, что долго грезилось безумными бессонными ночами...

Преподаватель марксистско-ленинской философии мог уничтожить студентку Александру Касьянову, он мог выгнать ее из университета – и она, честно говоря, с ужасом ждала именно таких последствий своего дерзкого поведения. Однако он ее не выгнал. Он больше не пытался к ней приставать, только смотрел на нее своим тяжелым странным взглядом – и все.

Но Саша не забыла этот взгляд. И теперь она была убеждена: для Тимура наступил час реванша. Он уверен, что сумеет ее сломать, заставить приползти к нему, униженную, согласную на все...

Это было невыносимо. Александра не находила выхода. В редакции ей сказали, что какие-то люди настоятельно желают узнать, кто скрывается под псевдонимом «Завьялов». Александра понимала, что это происки Тимура... Но от этого ей было не легче. Ее мучило ощущение, что вокруг нее все теснее сжимается кольцо...

Последней каплей в чаше ее страха был новый конверт, на этот раз большой, подписанный «Константину Касьянову и Александре Завьяловой».

В конверте лежали обе ее статьи – о Версаче и о Корсакове, с ярко-желтыми полосками маркера. В обоих текстах были выделены все места стилистических совпадений, несомненно, указывавших на одно и то же авторство...

Там же лежал красивый квадратик белого картона, с розами по бордюру, на котором значилось:

«Уважаемые господа журналисты приглашаются пожаловать на чашечку кофе в удобное для них время по адресу...»

Следовал пригородный адрес.

«...Извольте позвонить по телефону... и уточнить удобное для господ журналистов время».

Реми появился на Смоленке около пяти. Он как-то неловко потоптался на пороге, словно видел эту квартиру первый раз, потянул носом воздух, и лицо его приняло, как показалось Алексею, растроганное выражение.

Кис не ошибся: погрузившись в атмосферу его холостяцкой квартиры, пахнувшей табаком и пылью, небогатой и не очень-то прибранной, Реми вдруг ощутил прилив какого-то умиления... В этом кусочке земного пространства размером в каких-то восемьдесят квадратных метров было заключено, как в волшебном сосуде, тепло неподдельных человеческих отношений. Глядя на встрепанного Алексея, чьи курчавые непокорные волосы, взъерошенные в раздумье пятерней, комично торчали в разные стороны, чьи глаза были устремлены на Реми с беспокойством, Реми почувствовал прилив благодарности до спазма в горле – за это беспокойство, за этот вопрошающий взгляд, за готовность разделить любое чувство, мысль или проблему, которую ему может выложить Реми...

Осознав, что он подозрительно замер на пороге, а глаза его странно заблестели влагой, Реми быстро прошел в кухню, роняя в оправдание на ходу: «Устал. Знаешь, не очень много пришлось спать сегодня ночью...»

– То-то я смотрю, ты осунулся... Даже загар твой как-то полинял за эти дни. Я уж было подумал, что эта проклятая страна на тебя так влияет – мы тут все озабоченные... Но если это от сегодняшнего недосыпа – то все в порядке! Я всегда ратую за озабоченность, если это озабоченность – сексуальная! – хохотнул он. – Где ты пропадал весь день?

– Сейчас расскажу, дай допить... – Реми набрал полный стакан из-под крана и, опрокинув голову, шумно заглатывал холодную воду. – А ты как провел день, что ценного накопал?

– Я на Ленинском был...

– А я на даче...

– Ты знаешь, что я обнаружил?..

– А Ксюша, знаешь, едва не влипла в новую историю!..

Проговорив одновременно минут пять, детективы утихли, уставившись друг на друга.

– Давай по очереди, а? – предложил Кис. – Начинай! – великодушно уступил он.

– Ты начинай, – устало соперничал в любезности Реми, – а то у меня долгая история.

Кис ломаться не стал и быстро отчитался о своем бесплодном броске на Ленинский и о статье под псевдонимом.

Выслушав Киса, Реми заметил, что на роль убежища для секретных документов наиболее реальной кандидатурой ему представляется дача, по той простой причине, что Паша с Варей что-то об этом знают. Во всяком случае, у него, у Реми, сложилось именно такое впечатление.

– Ты прав, кажись... – задумчиво почесал в затылке Кис. – Тогда... Знаешь что? Надо там делать не осмотр, как мы с тобой сделали, а настоящий обыск. Борис – или кто там за ним стоит – рассуждал, видимо, как и я, и на Ленинском они весь дом перевернули. А на даче смотрели поверхностно... Надо будет у него парней попросить для обыска – одни мы с тобой там трое суток просидим. А что насчет «Константина Завьялова» думаешь?

– Что в тебе погиб актерский талант.

– Реми!

– Скажи, дружище... Я правильно понял, что непосредственным заказчиком Андрея является вовсе не сама фирма Версаче, а люди, которые занимаются в России «раскручиванием» этой марки?

– Не ошибся.

– Следовательно, люди это русские и денежные. А русские люди, имеющие большие деньги, – это, как ты мне сам объяснил, люди мафии. Верно?

– Примерно так.

– Значит, люди опасные... Неспроста Андрей Зубков так испугался, когда мы раскопали его шашни с Тимуром по рекламе! Тогда понятно, почему Александра печатала подобную статью под псевдонимом...

– Реми, она в любом случае не могла напечатать две статьи с интервалом в два месяца между их выходом, с диаметрально противоположными точками зрения, под одной и той же фамилией! Согласись, для уважающего себя журналиста это просто невозможно: сегодня утверждать одно, а завтра – другое!

– И все-таки я думаю, что она хотела скрыть факт своего авторства второй статьи от Андрея и его заказчиков...

– Тут я с тобой полностью согласен.

– И что мы с этого имеем?

– Пока не знаю. Поживем – увидим... Давай рассказывай свои похождения, твоя очередь!

Глава 20

...Александр не у кого было искать ни поддержки, ни совета: родители и сестра в качестве советчиков исключались – во всей семье Саша была самым трезвым и деловым человеком. Андрей? Рискованно. Не следовало ставить его в положение человека, мучительно решающего, что важнее: долг старой дружбы – или долг служения хозяевам, хорошо эту службу оплачивающим...

И Александра не выдержала психологического прессинга Тимура – позвонила по указанному в розах номеру.

– Что вам от меня нужно? – высокомерно спросила она, услышав голос Тимура.

– Сашенька, мы же перешли на «ты», когда чокались у Андрея за твои блистательные успехи!

– Что вам от меня нужно? – упрямо повторила Саша.

– Чашечку кофе! – промурлыкал Тимур, как кот Матроскин. – Всего лишь чашечку кофе вместе! Поговорим мирно, как старые друзья...

– Мы не старые друзья. Мы старые враги.

– Ну зачем же так... – слащаво улыбнулся в трубку Тимур. – Я тебя давно простил...

– Вы – меня??? Простили?!

– Конечно, Сашенька. Ты мне причинила много боли... Но это дело прошлое. А кто прошлое помянет, тому глаз вон – правильно?

– Глаз – не глаз, а я вашу «чашечку кофе» не забыла! И не простила! И больше не хочу – с тех пор сыта вашим «кофе»!

– Ой, какие мы пугливые маленькие девочки! Ты все еще та студенточка, которая мне так нравилась! Непримируемая, гордая... Это хорошо, что ты осталась такой. Мне льстит, что такая девушка, как ты, придет ко мне в гости.

– С чего это вы взяли, что я приду?

– Придешь, милая, куда денешься! Ты ведь не захочешь, чтобы старичок Тимур на тебя сильно обиделся? Потому что, я хоть и старенький стал, – кокетничал Тимур, которому было сорок семь лет, – но – как и ты – гордым остался. И наказываю тех, кто меня обижает. А к тебе, Сашенька, у меня расположение особое. Я обижать тебя не хочу – не обижай и ты меня. Приходи на кофе.

– Зачем?

– Обсудим дела.

– У меня нет с вами дел.

– Ох, и терпеливый же я! Просто диву даюсь... Что делает с людьми любовь! Другой женщине я бы не простил такого гонора! А в тебе – люблю, люблю твой гонор, твой независимый характер – вот ведь какая, знаешь, что у меня в руках, а ерепенишься! Ну, мне это только в радость... Мы, значит, на делах остановились. У меня, Сашенька, к тебе есть некоторые предложения. И поскольку ты девушка с характером, мне пришлось прибегнуть к небольшому шантажу, чтобы вынудить тебя пойти на контакт со мной... Ты уж извини старика. А разговор у нас с тобой будет действительно деловой.

– Я знаю, какие дела означает «чашечка кофе»! Ученая! Горьким опытом... И повторять его не намерена!

– Что ты, радость моя, что ты! Я уже импотент, мне уже не до развлечений с девушками!

Саша недоверчиво замолчала.

– А как ты думаешь, не будь я импотентом – жил бы я один? А я ведь один живу, Сашенька, женщины у меня нет уже давно – об этом все знают. Приходи. Когда тебе удобно. Я твою дамскую безопасность тебе гарантирую. Ничего такого не произойдет, чего ты сама не захочешь. Слово чести.

Как будто у этого человека была честь! Но если у него и не было чести, то у Саши не было выбора.

Она поехала на дачу к Тимуру в ближайшую же субботу.

Ксюша слушала историю, рассказываемую Александрой, как триллер. И самое ужасное в этом триллере было то, что главным действующим лицом в нем была ее любимая сестра – умная, гордая, независимая Александра, пример для подражания, объект обожания и так далее, и так далее, и так далее...

Саша машинально водила пилочкой по ногтям и уже, не замечая того, спилила один ноготь наполовину, но Ксюша была не в силах остановить Александру. Отрешенное, побледневшее лицо сестры, жесткий прищур ее миндалевидных темных глаз, гневно и немного хищно заострившийся нос, выражение презрительного омерзения, кривившее ее красивые черты, – все это было необычно и тяжело для Ксюши. Сердце ее разрывалось от жалости, сочувствия, обиды за Сашу и стыда за свою бестактность, с которой она настояла на этих трудных, болезненных воспоминаниях.

Но то, что она услышала потом, не шло ни в какое сравнение с первой частью истории Александры. Это было уже не тяжело – это было невыносимо слышать. Молча, со слезами в больших карих глазах, она смотрела на сестру, не в силах произнести ни звука, не в силах ни остановить ее, ни продолжать и дальше содрогаться от каждого ее слова...

Реми максимально сократил подробности первой части своей истории поездки на дачу – язык не повернулся рассказать, в каком виде он обнаружил Ксению. Он только заметил коротко, что ей собирались ввести в вену укол, видимо, наркотик...

Дальше пошло легче. Когда он принялся описывать взятие Барбары в заложницы, к нему уже вернулось чувство юмора, и он закончил почти весело, с энтузиазмом повествуя о сделанных им на даче открытиях.

Дослушав его до конца, Кис так разволновался, что проголодался и потащил Реми, хоть и было только шесть часов вечера, срочно ужинать в недорогой соседний ресторан – его холодильник напоминал африканскую пустыню в разгар лета, в которой если что и росло, то только шапочка плесени на забытом в углу горошке.

Уплетая телячьи отбивные по-милански, Кис возбужденно обсуждал услышанное.

– Значит, во всех помещениях находятся камеры? И, говоришь, чистая кассета была приготовлена для записи того, что должно было произойти в спортзале? Это же просто подарок!

При мысли о том, что должно было произойти в спортзале, Реми нахмурился. А если бы ему не пришло в голову следить за Ксюшей?..

– Извини, дружище, я... – Кис немного смутился, осознав, что его детско-детективная радость была достаточно бестактной. – Право, я не хотел... Я имел в виду, что для нас это ценная информация...

– Ладно тебе. Что не случилось – то не случилось. Да, у них явно наработанная схема постановки подобных сцен: наркотик, блондин Паша и негр Рональд, видеокамера – расклад для дешевого домашнего

порнофильма.

– Думаешь, делали порнофильмы? Или сами развлекались, снимали для «души»? Узнать бы, что за наркотик! Надо подумать, может, найду какие-нибудь концы в лаборатории для твоей трофейной бутылочки... Я полагаю, должен был быть какой-нибудь возбуждающий, а?

– Павел назвал его «забывчивым уколом»... Я подозреваю, это «сексуальный грабитель».

– Что еще за грабитель?

– Есть такой синтетический наркотик, он был произведен во Франции в начале 60-х годов как лекарство – сильное успокоительное средство... Теперь он вошел в список запрещенных к производству наркотических веществ. Им пользуются насильники – жертва ничего не помнит об изнасиловании... Во Франции его окрестили «сексуальный грабитель».

– Вот это да! Ты точно знаешь?

– Имел дело с одним таким... Литературу почитал, справки в криминальных лабораториях навел, поднаторел. Новое поколение наркотиков – как и лекарств, кстати, – имеет узко целевое назначение, способно влиять избирательно на разные функции организма...

– Ты меня потряс, Реми! Это гениально, «сексуальный грабитель»! И если твоя догадка правильна... Ты понимаешь, куда это нас ведет?

– Не очень. Укол, отшибающий память, почти профессионально поставленная порносцена... Странный вид развлечения, скажу я тебе. Тимур явно был извращенцем!

– Думай, друг француз, думай! Запись на *видеокассету* !

– Тимур развлекался просмотром – он явно любитель этого жанра, у него порнухи навалом. Может, и в компании показывал, гостям перед банькой...

– Да нет же! Шантажировал!

– С чего ты взял? – удивился Реми. – Как можно шантажировать сценой насилия? С таким «компроматом» сам загремишь в тюрьму!

Кис задумался. Действительно, кассету со сценой изнасилования не предъявишь... Но он чувствовал, что он на верном пути. Он был уверен, что нащупал важную деталь, которая должна пролить свет на личность и деятельность Тимура, он знал, что подобрался к чему-то важному...

– Знаешь что? Завтра съездим на дачу и произведем там обыск. Я уверен, что мы там найдем немало других наркотиков – Тимурка, конечно, из Узбекистана возил, но и из Европы тоже мог: он много летал и в Швейцарии, в частности, не раз бывал... А там, слышал я, немало этой дряни производится. Да и у нас есть у кого купить, если припечет... Понимаешь, тут проглядывается целый ассортимент наркотиков для разных случаев жизни: мы уже видели «правдивый», который вкололи Ксюше Борис с Валентином, теперь мы с тобой наткнулись на «забывчивый», то есть «сексуальный грабитель», – почему бы там не быть еще и какому-нибудь возбуждающему? Я сразу о нем подумал, и уверяю тебя, не случайно, не зря эта мысль изволила посетить мою голову! Какой-нибудь наркотик, раскрепощающий сексуальную энергию, на базе кокаина, к примеру... Или героина? Он тоже в этом деле способствует, а? Сам говоришь, наркотики теперь все узкоспециализированные!

– «Экстази», к примеру.

– Вроде как в экстаз приводит?

– Типа того.

– Ну, тогда все становится на свои места!

– Сначала «забывчивый», потом возбуждающий, потом – «камера, мотор, поехали»?

– Именно! – Кис потер руки от удовольствия. – И в результате кассеточка, на которой барышня млеет от удовольствия в руках белого и черного юношей, а они имеют ее вдоль и поперек... А дальше – «Не желаете ли посмотреть кое-что? Вот тут у нас зафиксировано, как вы с нашей прислужкой развлекаетесь? Ах, не помните? Пить надо меньше, девушка... А не хотите ли, чтобы эту кассетку вашему супругу показали? Или, допустим, вашим конкурентам? Уж они-то найдут ей применение! Ах, не хотите? Тогда сделайте то-то и то-то, как вам будет велено». Не слабо?

– Хм... Если ты прав...

– Я прав, Реми, прав!

– А зачем им при этом «сексуальный грабитель»? Под действием возбуждающих средств сцена и так выглядит как добровольное участие...

– Да нет же! Если барышня из нашего примера все помнит – то ведь тут же начнет суетиться, пытаться кассетку выкупить или выкрасть, а то и от свидетелей избавиться! А так она ни сном ни духом – до тех самых пор, пока шантажисту не понадобится этот компроматик в ход пустить: ба, какая пренеприятнейшая неожиданность! А меры принимать – поздно!

– И все же не пойму до конца... Что можно заставить сделать женщину путем подобного шантажа?

– Ну, смотри, – вдохновенно начал развивать Кис, – смотри: допустим, дамочка занимается политикой или бизнесом, у всех на виду. Пригрози отдать такую порнушку с ее участием в руки конкурентов или политических противников – уж те постараются оповестить как можно более широкую публику, правда? А ей это вовсе не с руки. И политическая или финансовая дамочка начинает работать на шантажиста – денежки проводить, документки подписывать, счета открывать, предприятия создавать – много чего, Реми! На что ее власть простирается – то и сделает!

Далее, допустим, дамочка сама ничего собой не представляет, зато ее супруг – человек заметный. Что она может? Да многое! На супруга повлиять в важных решениях, секреты его выдать, бумажки его откопировать... Сечешь? Или строгому политическому папашке, толкающему речи с трибун о нравственности, в руки: гляньте, как дочурка развлекается! А не хотите ли, чтобы вся Москва узнала? А вся страна по телевидению? У нас тут года два назад прошла кассетка – министр голенький в бане с девочками. Назавтра же слетел! Кто ж захочет, чтобы любимое грешное чадо так засветилось? Вот и начнут уважаемые люди крутиться, чтобы из всех сил остаться уважаемыми, не подмочить репутацию, сохранить имидж... И все, друг мой Реми, все до одного стройными рядами отправятся плясать под дуду шантажиста! Причем шантажист не простой, не какой-то там человечиска, которого можно тихо убрать за умеренную плату, – шантажистом должна выступать мафиозная структура! Уж не знаю, какая именно, но явно та, которую представляют нашему благосклонному вниманию «культурные люди», Борис с Валентином...

– Тогда... – задумчиво проговорил Реми. – Уж если министр на следующий день слетел... Тогда и Барбара должна быть задействована: для мужской части!

Кис шумно хлопнул Реми по плечу.

– Я тебе уже говорил, что ты гений? Нет еще? Грубое упущение с моей стороны. Исправляюсь: ты гений! Ты сто раз прав! Мужичок, особенно политический, – а сейчас чуть не все, кто деньги имеет, в политику лезут, – в штаны со страху наложит, увидев такие кадры. Он ведь с трибун врет, жене врет, избирателям врет! А тут этакая чудненькая фотка на память... Слушай, Реми, а в бане нет камеры?

– Есть.

– Если Тимур еще и в бане записывал!.. – мечтательно проговорил Кис. – Представляешь, с девочками? Это же целый видеобукет получается! Уже есть с чем шантажисту в гости на день рождения пойти!

– Я тебе уже говорил, что ты гений? – смеясь, спросил Реми. – Нет еще? Грубое упущение с моей стороны...

– Вот оно, дело жизни Тимура! – Кис вдохновенно вскинул руки и, зажмурив глаза от удовольствия, немного постоял так. – Я гений, говоришь? – приоткрыл он один глаз. – Гений, конечно, – кивнул он, опустил руки и открыл второй глаз. – Мы с тобой – оба гении. Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что ты нашел?

– И что я нашел?

– «Бомбу»! Тот самый компромат, который Тимур приготовил в подарок своим хозяевам! И о котором они до сих пор ничего не знают, кроме слова «бомба»!

Реми отодвинул от себя тарелку. Выходит, тогда они и Ксюшу собирались заснять на видеопленку... и потом ее шантажировать?.. Но, бог мой, зачем?!

Жизнерадостный Кис полез к нему чокаться водкой.

– За гениев сыскного дела! – провозгласил он.

Реми осмотрелся по сторонам, потом зачем-то заглянул под стол.

– Что ты ищешь? – настороженно спросил Кис.

– Ну, если я бомбу нашел, она должна где-то лежать?

– ?

– А если она нигде не лежит, значит, ни я, ни ты пока ничего не нашли... Ни бомбу, ни компромат.

– Ну вот, пессимист, все настроение испортил.

Саша слишком поздно поняла, какую ловушку ей уготовил Тимур.

Сначала закружилась и поехала голова, тронулись все вещи в комнате, будто она опоздала на поезд и осталась стоять на перроне вокзала, охваченная слабостью и негой, а они помчались куда-то, набирая ход, и Саше даже захотелось помахать им вслед веселым и пьяным жестом...

Потом вдруг вещи вернулись на свои места, а ею овладела странная невесомость, словно на сей раз она собралась покинуть их, но уже по воздуху, оторвавшись от кресла и воспарив вверх, под потолок, под крышу, в небо...

Но и ее тело скоро вернулось на место, и все, казалось, затихло – в ней и вокруг нее...

Как вдруг что-то сдвинулось внутри. Словно тяжелая, плотная глыба попробовала оторваться, как айсберг, от бесконечной ледовой тверди... Еще одно странное, судорожное движение, от которого вздрогнули все ее внутренности, и наконец глыба пошла!

Саше показалось, что она умирает. Тяжелая, как скала, обжигающая, как лед, глыба проридалась сквозь ее чрево, перла вверх, подступала к легким, сжимала горло, душила. Кровь рванула в сосуды, глаза едва не выскочили из орбит, и Саша прошептала: «Ты меня отравил...»

И подумала: «И никто, никто меня не спасет. Я умираю...»

Ей показалось, что она теряет сознание. Ей показалось, что Тимур гладит ее руку и что-то ей говорит.

Она не понимала, что именно, слова доносились издалека, Саша оставляла эту жизнь, она ее покидала, и больше не имело значения, кто и что может сказать: ни друзья, ни враги, ни те, кого она любила, ни те, кого ненавидела...

Но неожиданно тело ее сделалось легким, глыба больше не раздирала ее внутренности, расплавилась, растаяла; и в ней лишь полыхал легкий, сухой жар, как при высокой температуре. Она полулежала в кресле, закинув голову на его спинку, закрыв глаза, и не могла видеть, как склонился над ней Тимур, вглядываясь в ее ровно-розовые щеки, прислушиваясь к ее прерывистому дыханию...

Саша открыла блестящие глаза, горевшие лихорадочным огнем. Тимур сидел перед ней, с легкой усмешкой изучая ее лицо.

– Зачем ты это сделал? – прошептала Александра. – Неужели за это убивают?..

– Ты о чем, Сашенька? – ласково пропел Тимур. – Если здесь кто кого и убивает, так это ты меня – своей неземной красотой!

До нее не сразу дошли его слова, а когда дошли, когда она наконец поверила, что ее не убивают, она выпрямилась в кресле, села поглубже и с удивлением прислушалась к своему телу. С ним все же что-то происходило странное, небывалое, это ясно. Оно горело, гудело, словно внутри был небольшой, но мощный мотор, перегонявший кровь в бешеном ритме, накачивавший органы кровью...

И только тогда, когда адская механика, запущенная внутри ее, вдруг плеснула в ее жилы первые волны обжигающего, раздирающего желания, она поняла, что за ловушку ей уготовил Тимур!

Теперь она поняла и его усмешку, и этот изучающий взгляд, теперь она поняла выражение жадного ожидания, с которым он вглядывался в ее черты: он ждал, когда подействует наркотик.

Что ж, его расчет Александра поняла: не мытьем, так катаньем; не захотела Александра сама близости с ним – заставим захотеть! Как он сказал? «Слово чести, ничего такого не произойдет, чего *ты сама не захочешь*»!

Вот, значит, что он придумал!.. Александре казалось, что она слышит, как работает моторчик, гоняющий кровь: уф, уф, уф... Ничего у тебя не выйдет, негодяй! Я справлюсь с твоим наркотиком, я совладаю с моим телом! Не видать тебе Александры как своих ушей!

Собрав всю свою волю в кулак, успокоив дыхание, – во всяком случае, так ей казалось, – она произнесла небрежно:

– Ну что, какое у вас ко мне дело?

Тимур окинул ее внимательным взглядом.

Ага, беспокоился, подонок! Решил небось, что недосыпал своей гадости в кофе! – торжествовала Александра.

– Дело? – переспросил Тимур. – У меня только одно дело: развлечь тебя, моя красавица! Какое еще дело может быть у настоящего джигита?

– Валяйте, развлекайте. – Александра не сумела справиться с голосом, и это прозвучало немного развязно, будто она была навеселе.

– Да я уже начал! Первый акт мы уже отыграли, ты не заметила?

И Тимур, блестя глазами, вдруг покачал на весу перед Александрой чем-то белым и кружевным... В чем Александра с некоторым усилием и изумлением опознала свои трусики, оставленные у Тимура дома десять лет тому назад.

Тимур, удовлетворенно вглядываясь в ее лицо, понизил голос, сойдя почти на шепот:

– А сейчас начнется второй акт... Половой, радость моя.

Покончив с едой и с разговорами, Реми собрался было повидаться с Ксюшей, но она его разочаровала, сославшись на плохое самочувствие. Он, конечно, понимал, что девочка пережила на даче такой шок... Но ему хотелось быть с ней рядом, держать за руку, утешать!

Однако Ксюша оказалась на редкость непреклонна. Александра осталась с ней дома, и Реми, скрыв разочарование, сказал понимающим тоном, что сестрам, конечно, тоже есть что обсудить...

Зато Кис был вовсе не разочарован тем, что Реми остался с ним. С неугасающим энтузиазмом он вытащил еженедельник Тимура и раскрыл его перед Реми, тыча пальцем в загадочные списки.

– Думай, гений! Мы должны понять, что скрывается за этими суммами и колонками цифр!

– Сам ты гений, – ворчал Реми. – Я ничего не соображаю. Я из-за тебя объелся, и у меня вместо головы – пищеварение.

– Вместо головы может быть желудок, а вместо мыслительного процесса – пищеварительный, – назидательно сказал Кис.

– Ты тоже объелся – но по своей вине, потому что ты есть обжора, – и твои мозги не работают. Я просто сократил логическую конструкцию.

– А-а, – уважительно сказал Кис. – А сам врешь, что ничего не соображаешь!

– Я из-за тебя растолстею, – ворчал Реми, – и меня девушки перестанут любить!

– Ты знаешь, какой вид деятельности затрачивает наибольшее количество калорий? Умственный! Так что хочешь похудеть к завтраму – думай давай. Налить тебе чего-нибудь крепенького для пищеварения?

– Я уже залит по уши, как бак твоей машины...

– Ну, как хочешь, – пожал плечами Алексей. – А я выпью.

С этими словами он плеснул себе полстакана коньяка. Реми только головой покачал – это ж какое здоровье надо иметь, чтобы столько пить! – и уставился в раскрытые перед ним страницы.

Ему думалось плохо, открытие, которое они сделали с Кисом, сверлило мозг. Ксюшу собирались снять на видеокассету. Как уже делали не раз до нее. И делали с целью шантажа. Зачем им шантажировать Ксюшу? И что произошло бы, если бы Реми не поехал за ней?

– Ты куда смотришь? – подтолкнул его локтем Кис. – Я тебе о таблице талдычу, а ты в окно глядишь!

Реми нехотя обратил глаза к странице еженедельника.

И вдруг до него дошло. Вот так, ясно и просто, и очень неожиданно: до-шло.

– Вот этот список, с двумя колонками цифр, – я, кажется, знаю, что это означает!

– Да ну, – недоверчиво покосился на него Кис. – Вот так прямо глянул и знаешь?

– Ага. Это номера кассет.

– Кассет?

– Видеокассет. У Тимура повсюду есть видеокассеты – в квартире, на даче... На Ленинском не приметил?

– Валялись какие-то.

– Значит, и на Ленинском. И все с разными номерами – ни логики, ни порядка в кассетах! А надписи-то по-русски я не понимаю, ну вот и решил...

– Не тяни резину, с чего ты взял, что эти цифры означают номера кассет?

– А ты не суетись, слушай... Видишь ли, мне физиономия Рональда показалась знакомой. Я немножко погадал, поломал мозги и решил, что ошибся, – знаешь, как мы устроены: все китайцы на одно лицо, все черные тоже. А вот теперь, после всех наших с тобой разговоров о видеосъемках, я понял... Поскольку я надписи по-русски прочитать не сумел, то решил все кассеты просмотреть по чуть-чуть, по минуте примерно. Большинство оказались порно или эротические, да несколько боевиков попало... Ладно, смотрю. И вдруг на одной кассете с порнушкой как-то внезапно план прыгает. Конечно, все эти фильмы, сам знаешь, сделаны крайне плохо, по дешевке, но все-таки странно: вроде бы только что-то в саду затевалось, как все перенеслось в помещение, только что все в цвете было, как вдруг прыгнул черно-белый кадр, в котором какой-то черный мужчина трудится над белой женщиной, крашеной блондинкой... И его потная морда над ее гениталиями крупным планом... Тогда, разумеется, я не придал этому значения – решил, что качество низкое. А вот сейчас дошло: это был Рональд!

– Я чего-то не просеку: он в порнофильмах снимался?

– Нет. Я другое думаю: на магазинных кассетах с порнухой Тимур переписывал свои фильмы. Только отступал на несколько минут, оставляя на кассете «родное» начало. Как раз для таких случаев, если вдруг кто нос сунет без ведома. Причем записывал не на всех подряд, часть из них так и остались нетронутой магазинной порнухой, а на нескольких он разместил свои шедевры порношантажа. И во втором списке слева – номер клиента, а справа – номер кассеты, где он выступает в главной роли.

– И, следуя твоей логике, «бомба» у нас просто под рукой?

– Именно. Съездим на Бережковскую набережную?

– Не съездим! Слетаем!!! А потом на Ленинский! Соберем все кассеты!

Но их затея удалась только частично. Из всех находившихся в обеих квартирах кассет только четыре содержали доморощенную Тимурову порнуху. По первому списку удалось установить личности «порнозвезд» – все были женщины, и все занимали приличные посты в разных московских фирмах и предприятиях.

Глядя на изощренно, с фантазией поставленные в дачном спортзале сцены, где спортивные снаряды служили совсем по другому назначению, Реми холодел при мысли о том, что не вздумай он утром следить за Ксюшей, то и она бы...

Кошмарные видения затеснились в его воображении. «Увезить ее отсюда! Увезить немедленно! Это моя девочка, моя, понимаете вы?! И я ее никому не отдам на поругание!..»

...Хорошо, что Кис был рядом. Он смотрел, сведя брови к переносице, на Реми.

– Хочешь, поедem, набьем этим гадам морду? – предложил он. – Вдвоем-то управимся! И тебе полегчает... Давай? А можно нанять специалистов по этому делу – они им все яйца, весь «куй» отобьют, впредь неповадно будет! Хочешь, а, Реми?

Реми улыбнулся вымученно, но благодарно. Он, конечно, никого нанимать не будет, но понимание и соучастие друга оценил. Все-таки Алексей тонкий человек, хоть частенько его прямота шокировала Реми... Жаль, что Кис не живет в Париже, где-нибудь рядом!

Впрочем, если бы он жил в Париже, то он был бы другим.

Наркотик разгорался в крови, вместе с ним разгоралось желание, а воля и рассудок бессильно хлопотали с никому не нужными потугами. Александра не знала, как оказалась в роскошной спальне Тимура, на огромной кровати под балдахином. Ей вспомнилась сцена из феллиниевского фильма «Джюльетта и духи»: лежит женщина, распростертая на кровати, а над ней склоняется необыкновенной красоты мужчина...

Над ней действительно склонялся очень красивый молодой мужчина, со сладкой, обещающей лаской вглядываясь в ее лицо. Тимура в комнате не было, были только двое: она и красавец.

Но она не вскочила, как Джюльетта из фильма. Не убежала, не спаслась. Не было сил и не было желания убежать. А было желание совсем другое: отдаться этому парню. Причем было нестерпимо сильным, таким, что она торопила его мысленно – а может, и вслух, она уже не знала сама, – пока он, красуясь и ловя ее восхищенный взгляд, картинно раздевался перед нею. Александра застонала, когда этот юный Аполлон снял трусы – последнее прибежище, укрывавшее скульптурное великолепие его форм.

Наконец белокурый красавец приблизился к ней, протянул ей руку, помогая подняться с постели, и, прижавшись всем телом так, что она почувствовала его горячую плоть, обжег ее прикосновением к губам. Александре не нужны были никакие эротические игры, ей нужен был прямой секс, простой и грубый, без изысков – только бы спастись от этого жара, сжигавшего ее внутренности! Но мальчик и не думал торопиться. Он медленно, нарочно медленно и легко касался ее тела, раздевал ее, театрально и бережно снимая с нее каждую вещь.

Когда на Саше осталось только белье, замер восхищенно: Александра любила красивое белье, и на ней сейчас был прелестный французский гарнитур цвета спелой вишни, который необыкновенно шел ее светло-золотистой коже; но в данный момент она, право, меньше всего нуждалась в комплиментах.

Ей хотелось самой содрать с себя остатки одежды, и остановил ее не разум, не приличия, не гордость – а врожденное эстетическое чувство. Разыгрывавшийся спектакль было просто невозможно сломать столь выпадающим из стиля жестом, и она смиренно ждала, пока юное божество, вдоволь налюбовавшись ее бельем, неторопливо избавило ее от его пут.

Александра было набрала воздух полной грудью в предвкушении их совместного падения на кровать, но не тут-то было: красавчик играл следующую сцену – восхищения ее телом. Он пожирал ее глазами, он опустился перед ней на колени и смотрел блаженным взглядом снизу вверх, легонько поглаживая ее бедра. Александра не выдержала: поймав его крупные, красивой формы, горячие руки, она положила их себе на живот.

– Тс-с, – прошептал юноша, – тс-с, не будем торопиться... Эти мгновения столь прекрасны...

Саша не знала, что наслаждение можно превратить в пытку. Медленную пытку поджаривания на костре собственного желания. Она содрогалась от каждого прикосновения белокурого красавца, она металась на широкой постели под балдахином, извивалась, стонала, вскрикивала – все было напрасно. Стойкий юноша не торопился, изоощряясь все в новых и новых выдумках; но как только он чувствовал приближение ее оргазма, он замирал и сбавлял ритм, а то и вовсе отодвигался, переходя в молчаливое и бездейственное любованье ее телом...

Саше казалось, что вся ее личность, глубокая и разносторонняя, сузилась сейчас до простого физического, животного тела, в котором бушевали гормоны; ее внутренний мир, ее интеллект, ее желания и мысли – все переплавилось в горниле плотского вожделения, все превратилось в одну безграничную эрогенную зону, нетерпеливо ожидающую того, кто придет удовлетворить ее звериный зов разгоряченной

самки. Явись сейчас сам Тимур, она бы приняла и его...

И Тимур явился.

Ночь упала на город, сузив бескрайний мир до маленькой, освещенной лишь настольной лампой комнаты, в которой сидели сестры. На Саше по-прежнему было изумрудное платье, она все так же сидела за столом, держа в руках давно не нужную пилочку для ногтей. Ксюша за все это время ни разу не встала с дивана, переменив лишь однажды положение ног.

Александра взглянула на часы:

– Одиннадцать, Ксюша. Давай хоть чаю выпьем...

Ксюша охотно поддержала эту мысль. Передышка была нужна обеим.

«Увезить Ксюшу!» Ни о чем другом Реми не был способен думать. При мысли о том, что должно было произойти в дачном спортзале, – и произошло бы, не реши он невзначай следить за Ксюшей! – Реми сделалось так плохо, что скрутило в животе.

– Налей мне тоже... – попросил он Киса. – Коньяку, что ли...

Кис внимательно глянул на него и протянул ему рюмку.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать? – спросил он.

– Нет... Сейчас пройдет. Давай лучше поговорим... О чем-нибудь занимающем мозги... Где же искомые документы и кассеты, по-твоему?

– Ты же сам сказал, что голосуешь за дачу...

– Ну да. Эти двое – они что-то скрывают, верно?

– Скрывать-то скрывают... Ну а если просто свое участие в Тимуровой порнухе? Тимур вряд ли доверил им хранение такого компромата!

– И что дальше? – вяло спросил Реми, изо всех сил стараясь не думать об увиденном сегодня.

– А вдруг Тимур поместил все в какую-нибудь камеру хранения? Ищи-свищи тогда по всем вокзалам и аэропортам!

«Нет сомнений, Паша с Барбарой заманили Ксению в ловушку, – не слушал его Реми, против воли возвращаясь к своим болезненным мыслям, – и собрались поставить с ней одну из своих мизансцен... И заснять «развлечения» на пленку. Но вот только зачем? Ясно, у них была какая-то цель! Обычно снимали для шантажа... А Ксюшу-то им чем шантажировать? Неужто все было затеяно только с целью поразвлечься? Нет, нет, слишком сложно, слишком много всего. Для этой цели хватило бы Павла, и черного Рональда не стали бы звать, и чистую кассету не приготовили бы для записи... Тут другое...

Зачем вообще шантажируют? Чтобы что-то поиметь. Деньги, услуги. Или – заткнуть, заставить замолчать. Но что могла знать Ксения?»

– Реми... – позвал его Алексей, – если тебе этот разговор неприятен... Мы можем его отложить, знаешь ли. Уже поздно, ложись спать, если хочешь. А я еще немного посижу, подумаю...

– Признаться, меня хорошенько потрянуло увиденное...

– Понимаю.

– Я, кажется, даже больше потрясен, чем Ксюша.

- К счастью для нее.
- Я бы сейчас сам охотно согласиться употребить их наркотик, чтобы все забыть...
- Ложись спать. Утро вечера мудренее, как у нас говорят.
- Куда там спать! Я одного не могу понять, зачем им было ставить эту сцену с Ксенией?
- Они решили ее шантажировать?! Но что им от нее могло понадобиться?
- В том-то и вопрос.
- А зачем Ксюша поехала на дачу?
- Она мне не сказала.
- Ты спрашивал?
- Спрашивал. Она не *захотела* мне сказать.
- Она скрывает что-то?..
- Она *покрывает* кого-то...
- Сестру?
- Подозреваю, что она каким-то иным путем, неизвестным нам, пришла к выводу, что Александра была знакома с Тимуром...
- И поехала за подтверждением своим догадкам на дачу?
- А они испугались. Поэтому решили подстраховаться уже изведанным путем: видеокассетой.
- И испугались они?..
- Могли испугаться только одного: Александра бывала на той даче. И если бы об этом узнала Ксюша, а от нее – мы, то мы сумели бы расколоть Александру...
- Следовательно, Александра знала об этих делишках!
- Потому что... Они снимали и *ее* !..

Павел, в руках которого уже столько раз умирала от наслаждения Александра, неожиданно распрямился, отодвинулся от нее и сел, поджав под себя колени, рядом. И вот тогда она увидела Тимура.

Он стоял в комнате, прямо напротив кровати, и возможно, уже давно – Александра просто не видела его за великолепным телом красавца Паши.

Он стоял и смотрел на нее. Его черные узкие глаза жгли ее, прожигали насквозь, – казалось, жадно бегая по ее телу, они оставляют, как угли, черные дымные ожоги.

Его возникновение в спальне было для Александры столь неожиданным – в нежных Пашиных руках она давно забыла о существовании Тимура, о том, что она на его даче, да и вообще обо всем, – что она было решила, что грезит.

Нет, ей не пригрезилось. Он действительно стоял, сплетя руки на груди, и смотрел на нее с улыбкой, леденящей ее кровь. Он был гол, и Александра, бросив взгляд пониже, откинулась со стоном отвращения на подушку.

Тимур ее не обманул. Он действительно был импотентом. Вялый, длинный, темный столбик его пениса безвольно висел между волосатых ног.

Тимур злорадно улыбнулся, как будто ему льстило и радовало отвращение Александры, и сделал к ней шаг. Потом другой. Саша не могла отвести глаз от приближавшейся к ней смуглой фигуры, жегшей ее черными раскосыми глазами, от мягкой тряпочки бездейственной плоти, мотающейся при каждом его движении...

Мысль ее металась: что он хочет сделать с ней? Что может сделать импотент? Может ли он вообще что-то?..

Нет, она не хочет его! Боже мой, она не хочет его прикосновений! Зачем ему это??? Он накачал ее возбуждающим наркотиком, он отдал ее на растерзание красавцу Паше, он стоял, смотрел, наслаждался этим зрелищем – и все, и хватит с него! Пусть стоит, если ему так нравится, пусть смотрит, но только не прикасается к ней!!!

И вдруг до нее дошло... Паша умело не давал ей достичь оргазма, Паша сохранил ее оргазм для... Тимура?!! Нет!!! Только не это!!!

При мысли о том, что ненавистный Тимур начнет сейчас втискивать свою безвольную плоть между ее ног, ее затошнило. Она вскочила.

– Не выйдет! – разъяренно крикнула она ему в лицо. – Ничего у тебя не выйдет, подонок! Ты мне обещал, что ничего не произойдет, если я не захочу сама? Так вот: я тебя не хочу!!! Я тебя ненавижу! Ты думал, что мне сам черт покажется ангелом после всех твоих наркотиков и усилий этого мальчишки? А вот нет! Тебе удалось довести меня до предела, я умираю от желания, тут все ты рассчитал верно, – но удовлетворять с *тобой* я его не буду, ясно?! С кем угодно, хоть с чертом лысым – только не с тобой! Не смей ко мне приближаться!!! – завизжала она, видя, что Тимур продолжает медленно двигаться в ее сторону. – Не смей!!!

Она схватила подушку и запустила ею в Тимура. Тот поймал, кинул на пол и продолжал идти на нее.

– Паша! – закричала Александра. – Сделай же что-нибудь! Не отдавай меня этому чудовищу! Я его ненавижу, меня от него воротит! Паша, умоляю тебя!!!

Она схватила Павла за плечи и опрокинула его на себя. Тот не ожидал и послушно упал на Александру. Обхватив его торс ногами, Александра буквально заставила юношу войти в нее и бешено задвигалась под ним, торопя его содрогания.

Тимур остановился, изумленный. Такой поворот событий явно не входил в его сценарий, и он растерялся от подобной наглости.

– Павел! – крикнул он. – Не смей! Сейчас же оставь ее!

Но Павел только мычал, не в силах остановиться. Два обнаженных тела бешено двигались перед остолбеневшим Тимуром, сцепившись, словно в схватке насмерть.

– Еще, еще, не отпускай меня, мальчик, не отдавай меня Тимуру! – кричала Саша, цепляясь за Павла. – Пусть он сдохнет от ревности, пусть он удушится от зависти, импотент проклятый!

– Ах так, – прорычал Тимур, приходя в себя. – Черта лысого, говоришь? Я тебе устрою черта, я тебе покажу! Рональд! – крикнул он.

В спальню задвинулся огромный негр. Он начал быстро раздеваться, распространяя душный, терпкий запах пота.

Павел оторвался наконец от Александры и, виновато косясь на Тимура, снова сел, поджав под себя колени, возле нее.

Тимур окинул Александру взглядом, полным обжигающей ярости.

– Варька, – заорал он бешено, – ты где, шалава? Отдельное приглашение нужно?

– Тут я, тут! – весело пропел девичий голосок, и в комнату проскользнула девушка, довольно хорошенькая, с блудливыми кошачьими глазками на треугольном личике. Одета она была по стандарту порнофильма: черный пояс с резинками, из-под которого, за отсутствием трусиков, с абсолютной непристойностью являл себя миру наголо выбритый, незагорелый лобок; прозрачные чулки да красные туфли с острыми каблуками, которые она не сняла, даже когда забралась на постель, поджав под себя ноги, как Паша, по другую сторону от Александры.

Громадный негр, названный Тимуром Рональдом, сел у ног Александры.

В сознании Александры, мутившемся от наркотика, страха, вожделения и стыда, мелькнуло: три хищных зверя перед тушкой убитого животного, готовые вонзить голодные зубы в парную плоть...

– Вперед! – задыхаясь от злобы, рыкнул Тимур. – Сделайте мне ее по полной программе!

И звери накнулись.

Когда в просветах трех тел мелькал побледневший от страсти и ярости Тимур, оставшийся стоять в ногах кровати, Александре удалось разглядеть в его руках видеокамеру, бесстыже и похотливо уставившуюся глазком прямо в ее раскинутые ноги...

Глава 21

...Звонок раздался сразу после полуночи, когда детективы уже решили отправиться по койкам. Подняв удивленно брови, Кис снял трубку. Некоторое время он слушал неразборчивые всхлипывания и наконец произнес:

- Варя? Это вы?
- Я... Приезжайте, скорее... Мне страшно!..
- Что случилось, скажите толком?
- Паша... Паша... – Рыдания с новой силой хлынули в трубку.
- Что «Паша»? Варя, говорите же! Что случилось? Что сделал Паша?
- Его... Пашу... убили-и-и!..

Варю они застали во дворе дачи. Она сидела на корточках возле бездыханного тела мужа. Он был мертв, и огнестрельная рана, черно зиявшая среди спутанных светлых кудрей, не оставляла в этом никаких сомнений. Пашин профиль заострился, черты разгладились, и мертвый голубой взгляд был безразлично устремлен в звездное ночное небо.

– Он уезжал вечером по делам... – рыдала Варя, – а час назад кто-то позвонил в переговорное устройство. Мне никто не ответил, я подождала – тихо, и потом хоть и страшно было, но все же я решилась выглянуть за ворота... Там никого не было. Только на земле лежал Паша-а-а... – захлебывалась она в реве.

- Это вы его втащили во двор?
- Он тяжелый... Я только сюда и смогла дотащить...

Детективы решили не трогать тело и оставить его на месте для милиции. Кис попросил фонарик и, получив его от Вари, осветил мертвое тело. На юноше не было ни куртки, ни свитера – хотя погода была достаточно холодной, и, по словам Вари, Паша уходил, одетый в соответствии с погодой. Рубашка была расстегнута до брюк, и на груди отчетливо виднелись красные, набухшие следы ожогов.

- Его пытали, – произнес, разогнувшись, Кис. – Куда он ходил?
- По делам, – тихо всхлипнула Варя.
- Ах, по делам, значит? – протянул Кис. – А тогда чего боитесь вы? Вы сказали по телефону, что вам страшно.
- Я? Трупов боюсь...

– Ладно, – легко согласился Кис. – Трупов – так трупов. По делам – так по делам. Обсуждать нам с вами нечего – мы уходим. Оставьте номер моего телефона Евдокии: когда ваш труп со следами пыток подбросят к воротам – пусть мне позвонит. Пошли, Реми.

- Пойдите!!! – зашлась в истеричном реве Варя. – Не уходите!!! Я скажу! Я расскажу!

Кис пожал плечами:

- Ну, если вы хотите...

Они вошли в дом, где устроились в креслах гостиной, и приготовились слушать. Но Варя упорно молчала, всхлипывая и сморкаясь.

– Ладно, я вам помогу, – смиловился Кис. – Ваш хозяин собирал компрометирующую информацию на разных высокопоставленных людей. Информация эта содержалась в папках с документами и на видеокассетах. Она еще была в компьютере, но к вам это отношения не имеет: на даче компьютера нет. А вот папки и видеокассеты Тимур хранил скорее всего здесь, на даче. И вы об этом знали. Не только знали, но и в съемке видеоматериалов – назовем это так – участвовали.

– Никаких папок я не знаю! Тут не было папок!

– И видеокассет не было?

Варя сникла и молча кивнула.

– Ну, дальше будете рассказывать?

– Мы... Это... – И она снова замолчала.

– Хорошее начало, – кивнул головой Кис. – «Мы это» – очень информативно. Что-нибудь добавите?

Варя ответила ему злым взглядом.

– Где хранятся папки Тимура с компроматом?

– Нету тут таких! И никогда не было!

– Допустим... Хотя где ж они тогда? Ну да ладно... А видеокассеты?

Варя сидела, не глядя на детективов, зажав ладошки между колен, отчего голова ее ушла в плечи и некрасиво очертилась складочка второго подбородка под треугольным личиком.

– Ладно, последняя попытка вам помочь: когда Тимура не стало, вы задумали воспользоваться его «видеоматериалами»... Так? Ну, Варя, отвечайте! Иначе мы уходим!

– Так, – безнадежно махнула рукой она. – Тут дня четыре назад приходил один тип... Просил продать ему кассеты за тысячу долларов. Я возмутилась: что это за цена такая! Они каждая стоят по тысяче, а то и больше!

– Человек этот представился?

– Нет. Сказал, что не имеет значения, как его зовут. Что у него к нам коммерческое предложение...

– От чьего имени действует, не сказал?

– Нет... Он просил все кассеты, на всех.

– Так вы решили, что цена низковата?

– Он явился на следующий день опять, пять тысяч предложил. Пять тысяч – за все! Мы отказали. Решили сами проверить, по какой цене их можно толкнуть. И сегодня Пашка ходил на пробу к одному клиенту, хотел ему кассету продать за пять тысяч... Если бы мы могли каждую за пять тысяч продать, вы представляете, какие это деньги? – блеснули Варины глаза. – Клиент по телефону обещал заплатить! И вот, и вот... – Губы ее снова задрожали. – И вот его убили... И меня могут убить! Они могут решить, что я тоже с Пашей заодно!

«Могут решить! – мне это нравится. Что же тут иное можно решить? Конечно, заодно, стоит только в глаза твои посмотреть, красавица, – подумал Кис. – Более того, вы не просто заодно, а в вашем маленьком семействе все решала ты: Паша мозгами был слаб. И сегодня, после ухода Реми, вы испугались, что до вашего сокровища доберутся, – Реми ведь увидел наблюдательный видеопост, а отсюда недалеко было до выводов, что и кассеты где-то есть! И вы поторопились – нет, ты поторопилась, потаскушка, – выручить за них деньги. И ты послала Пашу к первому клиенту: продавать компромат... Да только мозгами ты недалеко

ушла от мужа, иначе бы поняла, что отправила его на смерть».

– Хотел бы я знать, что за мужик приходил за кассетами и, главное, кто его послал... – задумчиво посмотрел на Реми Алексей. – Хитро, ничего не скажешь: он своего нанимателя не выдал, все кассеты пытался на корню скупить!

– Ну, правильно, – ответил Реми, – если бы он попросил кассеты, на которых заснят такой-то, то сразу стало бы ясно, кто его прислал! К тому же его наниматель небось надеялся, что еще что-нибудь в руки перепадет, на других...

– При условии, что он знал о компромате на других.

Варя, которая было затихла на секунду, вдруг припустилась с новой силой:

– Они его пытали! И все выпытали! И за мной придут тоже! – сотрясалась она в истерике.

Реми, которому Кис кратко переводил диалоги с Варей, вдруг произнес:

– Если бы выпытали, уже бы пришли.

– Тело Павла скорее всего подбросили как угрозу для Вари. Кассету, которую он пытался продать, у него отобрали, а о существовании других порнушек этот человек скорее всего не знает. К счастью для Вари. К кому Павел ходил? – повернулся Кис к Варе.

– Есть такой один... Сергеев его фамилия.

– Сергеев? Депутат? Губа не дура... Что, Варя, решили, что депутат живее других помчится вам деньги за кассету выплачивать?

Сергеев Петр Сергеевич, депутат Думы, был в списке Тимура, что лишний раз подтверждало правильность их догадок: клиенты его рекламного агентства из первого списка соответствовали номерам кассет во втором списке...

– А в вашу голову не пришла такая незатейливая мысль, что этот самый депутат живее других побежит избавляться от компромата вместе с непрошеным свидетелем? Нет? А ведь вы себя небось неглупой считаете!.. Что на кассете было?

Варя насупилась. Отвечать ей явно не хотелось.

– Баня с девочками? Или вы с ним в постельке развлекались?

– Я с ним не развлекалась!

– Ладно, как у вас это называется? Работали с клиентом? Или как?

– С ним Рональд работал! – выпалила Варя.

Детективы дружно переглянулись. До такого они не сумели додуматься. Ай да Тимур, ай да изобретатель! Ничего себе бомбочка, депутат с негром занимаются однополый любовью! К тому же депутат, известный своим националистическим уклоном! Вот уж действительно, пусти такое по рукам...

– А клиент, значит, находился под действием наркотика?

Варя кивнула.

– Наркотик, который отшибает память?

– И другой, который возбуждает...

– Название знаете?

– «Забывчивый» и «сексуальный».

– Это Тимур их так называл. А настоящее название, медицинское?

– Зачем мне? – пожала она плечами. – Тимур все склянки надписал. Все и так понятно...

– Ладно, Варя, – произнес, вставая, Кис, – показывайте, где кассеты хранятся.

– А что мне за это будет? – вдруг вскинулась она. – Это ж каких денег стоит! И вы хотите все это себе к рукам прибрать?! Тогда платите мне! Я так просто ничего не отдам!!!

Кис так удивился, что сел обратно.

– Что вам за это будет? – проговорил он медленно. – Жизнь, Варя. Жизнь. За эти кассеты вы, конечно, можете выручить деньги – но только ценой вашей жизни. А вряд ли вас интересуют деньги после смерти – в раю как при коммунизме: все бесплатно... Впрочем, я не уверен, что вы попадете в рай. Но утешьтесь: в аду, хоть набор услуг несколько и отличается от райских, зато тоже все бесплатно... Напрягите ваши куцые мозги проститутки и попробуйте понять: в этом мире не всегда все продается. И, что в данном случае существенно, – не всеми. Кассеты предназначались, конечно, для шантажа, для того, чтобы получить за них денежные суммы или услуги – но не вами, девушка. И даже не Тимуром – и ему такое было не потянуть! Не исключено, что он, как и вы, не устоял – оттого-то в речку и попал... Ведите нас, Варя, показывайте, где кассеты.

Варя, красная от досады и задетого самолюбия, поднялась с таким видом, будто ей к затылку приставили дуло пистолета. Кис никак не мог понять: разве его слова были не доходчивы? Не убедительны? Разве это они с Реми не оставили ей выбора, а не сама жизнь? Отчего же идет она, ссутулившись, впереди, с видом приговоренного к расстрелу? Или тупость глаза застит, или жадность слепит? И ей по-прежнему мерещится, что двое мужчин, следующих сзади, намерены обобрать ее, бедную беззащитную девушку, и воспользоваться кассетами в своих целях? Чудно, право, люди устроены... Они, можно сказать, ее от верной смерти избавляют, и вот – благодарность!..

Пока Кис предавался философским размышлениям о ничтожности человеческой природы, они достигли третьего этажа, где Варя провела их в незаконченную библиотеку. Наклонившись к одной из пустых нижних полок, она потянула ее на себя, и полка сработала как примитивная ручка, вытянув за собой вместительный ящик, набитый кассетами.

Кис с Реми бросились в будущую оранжерею: все было до обидного просто! В одной из ниш для растений, примыкавшей к соседней с библиотекой стенке, земля была насыпана лишь поверху, и под ее тонким слоем прощупывалось дно: именно под него и входил ящик со стороны библиотеки!

Они вернулись в библиотеку, выгребли кассеты с разрозненными номерами, сложили их в две высокие стопки и с трудом снесли вниз. Варю нести не доверили: она могла не устоять при мысли, какие деньги у нее в руках, и припрятать по дороге свою смерть...

– И что? – истерично закричала Варя внизу, увидев, что детективы переносят кассеты в машину. – Что же это?! Все забрали, меня всего лишили, а что теперь со мной будет? А меня оставляете, да?! Пусть тут меня убивают, да?!

– Варя, тише, не надо так кричать, – поморщился Кис. – Об этих кассетах вряд ли кто знает. За исключением того человека, который мирно пытался их выкупить у вас по дешевке. Но он не опасен для вас. А остальные, если бы знали, уже бы давно пришли. И ваше холодное тело уже бы присоединилось к супругу. Так что живите спокойно и думать забудьте об этих кассетах и об их стоимости.

– А с ним что делать? – мотнула она головой в сторону тела мужа. – Вы меня хотите одну с трупом оставить?!

Интересно, любила ли она его хоть немножко? Как относятся при жизни к человеку, который спустя

пару часов после своей смерти не удостоился иного наименования, как «труп»?

– Сейчас милиция приедет, я уже вызвал, – огорошил ее Кис.

– Почему? Я не хочу милицию... Не надо милицию!..

– Надо. Мы обязаны ее вызвать, ведь совершено убийство! Насчет тела не волнуйтесь: санитары увезут его в морг. Вы можете рассказать милиции все как было, но в ваших интересах не упоминать о других кассетах и о том, что мы здесь были и их унесли, – тоже. Иначе никто не сможет гарантировать вашу безопасность. Милиция ведь если услышит «а», то вытянет из вас и «б», доберется до кассет и увидит, что на них запечатлено... А на многих из них запечатлены вы, не правда ли, Варенька? Утечка информации из милиции, сами понимаете, весьма вероятна. После чего вы сразу становитесь человеком, который слишком много знает. Откуда вам ровно полшага до той участи, которая постигла вашего мужа...

Варя послушно кивала, утирая заплаканные глаза.

– Так что ни слова о кассетах, ни намек о компромате, который собирал Тимур, о тайнике в библиотеке... Да вы ведь девушка неглупая и практичная и должны понимать, что можно говорить, а что нельзя, правда?

– А может, вы тут останетесь? А то я не знаю, как же я буду одна, с ментами!..

Разумеется, старая ненависть проститутки к «мусорам» разыграла.

– Вы меня разочаровываете, Варвара. А я ведь вам только что отвесил комплимент по части практичности! Ну, подумайте чуть-чуть, зачем нам тут светиться? Что мы тут делали? Зачем приходили? С чем ушли? Нет, нам нельзя оставаться, и рассказывать о нашем визите тоже не надо. Милиции – милициево, а детективам – детективово, – закончил Кис, забираясь в машину.

– Что? – изумилась Варя. – Чего это вы сказали?

Но «Нива» Киса уже выезжала в ворота.

Ксюша плакала безмолвно, глядя сквозь пелену слез на застывший, окаменевший профиль сестры. Они сидели в маленькой уютной кухне, чай давно остыл, Ксюша к нему почти не притронулась, а Саша, напротив, пила уже третью чашку – у нее пересохло в горле от рассказа, долгого и трудного...

– Самое нелепое во всей этой истории заключается в том, – горько говорила она, – что Тимур, шантажируя меня статьей о Корсакове, скорее всего блефовал; однако ему удалось меня запугать и вынудить приехать к нему на дачу... И тут-то я влипла по-настоящему: после этой «чашечки кофе» он получил в руки неплохой порнофильм с моим участием... Фантазия у него богатая, скажу я тебе, и опыт просмотра подобного жанра – тоже.

Спустя несколько дней он настоял на моем приезде на Бережковскую и поставил мне кассету: «Теперь ты у нас звезда экрана, Сашенька! Гляди, гляди, как все отлично получилось! Ты просто прирожденная актриса, ты не находишь? И знаешь, в чем особый класс этого фильма? В нем нет пошлости! Ты натура утонченная, и этот чудный фильмик получился прямо-таки лирическим, поэтическим, я бы даже сказал... Ты не находишь?..»

Я ему залепила пощечину и ушла.

Тимур позвонил мне спустя две недели – справиться о моем самочувствии. И велел приезжать снова в выходные...

Что было делать? Я приехала.

Тимур торжествовал. Все понеслось по порочному кругу: он меня шантажировал видеокассетой, вынуждая приехать, а как только я являлась, все начиналось сначала, и он получал в руки новую видеокассету с моим участием и снова угрожал пустить ее по Москве... Я стала ездить к нему регулярно.

Саша замолчала, залпом допила свой чай и прикурила, попыхивая сигаретой.

– Ты очень много выкурила, Саша... – заботливо заметила Ксюша. – Может, остановишься?

Александра только рукой махнула.

– А он, – отважилась спросить Ксюша, – а Тимур сам... Он так к тебе и не притронулся? Только снимал?

Саша вздохнула:

– После того, первого раза он стал являться в вечернем костюме. С бабочкой. Единственный одетый среди обнаженных тел – должно быть, он находил в этом какое-то особое удовольствие... Прижав камеру к животу, глядя то на нас, то на боковой экранчик камеры, он отдавал распоряжения. Он дирижировал этим действием; он, как режиссер, ставил сцены; он управлял телами, как кукловод марионетками! Все, что придумывало его извращенное воображение, все, на что было способно его трудолюбивое сластолюбие, – все немедленно и послушно воплощалось перед его воспаленным взором... Он ловил каждый мой вздох, каждый стон, он их пил, как пьют дорогой коньяк: маленькими глоточками, смакуя... Однажды, заметив это, я запретила себе издавать даже малейший звук. Сцепив зубы, я молчала, даже дыхание сдерживала. Тимур начал беспокоиться, заглядывать мне в глаза. Когда он понял, что я это делаю нарочно, чтобы ему досадить, он улыбнулся плотоядно... Кажется, нет такой гадости с моей стороны, которая, против моей воли, не обернулась бы наслаждением для Тимура!

– И что он сделал?

– Обрадовался, вот что! Даже разругался от удовольствия. И с удвоенной энергией стал руководить своими марионетками... Через пять минут я уже не помнила ни о Тимуре, ни о своем решении не проронить ни звука; я уже готова была не то что стонать – на стенку лезть...

– А он, значит, так сам и не...

– С тебя достаточно подробностей, Ксюша.

На некоторое время воцарилась тишина, и Ксюшин опаленный мозг перемалывал в воображении описанные Сашей сцены.

Стон боли и унижения, испытанного за сестру, невольно вырвался из груди. Ксюша прикрыла лицо руками.

– Как он мог тебя, гордую, независимую, так поломать! – хрипло проговорила она из-под рук. – Как он должен был наслаждаться твоим унижением! И как же ты должна была его ненавидеть, бог мой!

– Я его и ненавидела. Ненавидела от начала и до конца. Но дело не в унижении... Оно, как это ни странно, потеряло остроту очень быстро и даже стало частью игры... Все значительно хуже, Ксюша: я привыкла.

– К наркотикам? – в ужасе спросила младшая сестра.

– Нет, представь себе, нет. Я получала легкую дозу и не употребляла их между «сеансами», как называл наши встречи Тимур... Я привыкла, Ксюша, к другому: к такому сексу! Изощренному, бесстыдному, беспощадному! Дающему немислимое наслаждение... Это страшнее наркотика! Ты все меня спрашивала: почему это у меня никого нет? А потому, Ксюша, что я уже не могу заниматься любовью по-другому. Ни с кем, сестричка... Я могу теперь только *так*, иначе я уже просто *не чувствую*...

Ксюша раскрыла глаза до рези в веках.

– Но, Саша, этого не может быть... Но как же так... – бормотала она, не в силах осознать, в какую пропасть свалилась Александра и с какой степенью безнадежности. – Как, ты хочешь сказать, что ты не можешь теперь никого любить? – воскликнула она отчаянно. – Но, Саша, дорогая моя, любимая моя сестричка, этого же не может быть! Как же так? – растерянно повторяла она.

Саша молчала, прикуривая одну сигарету от другой. В пепельнице была уже нешуточная гора окурков, горло саднило, но она курила, курила, чтобы чем-то занять свои руки, свои дрожащие пальцы; чтобы горечью во рту забить горечь сердца, чтобы дым заволок сознание и приглушил мысль, безнадежно-острую мысль: я уже не могу никого любить...

– Вот почему ты стала такая... – шептала Ксюша. – Я все время чувствовала, что с тобой что-то не то, что ты изменилась, в тебе появился какой-то горький, циничный взгляд на жизнь, на людей... А оно вот что!.. И как же теперь жить?!

– Не знаю. – Александра резко погасила сигарету. – Хватит на сегодня, ты не находишь? Три часа ночи, давай попробуем поспать.

– Погоди-погоди. – Ксюша подняла на сестру глаза. – Александра, но ведь... – Она встала, не замечая того, и подалась вперед, вглядываясь через столик в лицо сестры. – Саша, ты... Ты должна была его убить за это! Ты убила Тимура, Саша! Это ты! Да?!

– Нет. Пойдем спать, уже поздно.

– Скажи мне сначала! Я должна знать!

– Я тебе уже ответила, Ксения: нет.

– Не верю. Я тебе не верю! Скажи мне правду, прошу тебя!.. Я тебя не выдам, Сашенька, я никому не скажу, потому что так ему и надо, негодя! Он тебе всю жизнь поломал! Но только я должна знать правду! Умоляю тебя!

– С каких это пор ты стала подозревать меня во лжи? – холодно осведомилась Александра. – Повторяю: я Тимура не убивала. Хотела, правда... Но убила не я. И все, кончай разговоры.

Она взяла Ксюшу за руку и потащила к ванной.

– Иди умойся, я за тобой.

– Нет! – вывернулась Ксюша. – Я тебе не верю! Ты убила Тимура, больше никому! Ты знала, что он живет в Андрюшиной квартире, и ты воспользовалась мной... Ты сочинила для меня всю эту историю о Шарон Стоун, ты научила меня, как встретиться с Реми, ты послала нас на квартиру Тимура стирать отпечатки – твои отпечатки!

Ксюша стояла, раздувая ноздри, перед сестрой. Она выдержала гневный взгляд Александры, хотя ей показалось, что сестра готова ударить ее.

– Я тебя не осуждаю, Саша, – уже мягче продолжала Ксюша. – Я тебя понимаю, очень хорошо понимаю! Я бы на твоём месте сама его убила! Но только ты должна была мне это рассказать давно, и я бы сама тебе предложила свою помощь! Понимаешь, сама! Но так, за моей спиной, – это нечестно, Саша! Я знаю, ты меня все еще за малышку с соской держишь, в этом все дело! Такие истории не для моих детско-невинных ушей – вот как ты считаешь! Поэтому ты ничего мне не сказала... А получилось – нечестно! Так не поступают! – с обидой бросала слова Ксюша. – Ты знаешь, как я люблю тебя, я же для тебя на все готова, а ты!.. Ты!.. Ты все еще хочешь мне сопلي вытирать! А я, а я могла бы тебя поддержать, и морально тоже, думаешь, я все еще маленькая и глупая...

Короче, Ксюша ревела уже в голос.

Александра подошла к сестре и обняла ее.

– Конечно, ты еще маленькая, – прошептала она в ее душистые волосы, – но уже не глупая. Вернее, уже не очень глупая. А вот если бы была совсем взрослая и умная, то вспомнила бы, как я с самого начала была против идеи найти реальную квартиру; как я не хотела помогать тебе ее найти, когда ты мне позвонила из кафе; ты бы тогда вспомнила, как сама на всем настояла; как ты додумалась до Андрюшкиной квартиры и умоляла меня, заклинала тебя спасти! Мне пришлось делать выбор: помочь тебе укрепить знакомство с Реми, который тебе так приглянулся, – или пойти на поводу у моих собственных страхов при мысли, что тело Тимура исчезло!

Саша гладила длинные Ксюшины волосы, нежно прижимая сестренку к себе, но та вдруг вырвалась, как взбесившаяся кошка.

– Что значит – *исчезло*? Это я *придумала*, что труп исчез! О каких таких страхах ты говоришь? – заглядывала она настороженно в лицо сестры.

Александра поздно спохватилась. Она безумно устала от этого разговора и теперь стояла под градом Ксюшиных вопросов, бессильно жалея о неуместно вырвавшихся словах. Но делать было нечего: слово, как известно, не воробей, вылетит – не поймаешь. Надо было что-то снова объяснять...

Но у нее уже не осталось сил.

– Все, – сказала она строго. – На сегодня разговоры окончены. Спать!

Глава 22

Утро вовсе не оказалось мудренее вечера, как обещал Кис. Утро было отвратительно-серым, беспросветным, отдававшим тупой головной болью, ломавшей тело тяжелой усталостью.

После завтрака детективы просмотрели кассеты, и Кис, пометив галочкой все двадцать восемь фамилий, с облегчением выключил телевизор и произнес, откинувшись в кресле: «Знаешь, это убивает. Еще немного таких просмотров, и я сделаюсь импотентом. И даже виагра меня не спасет!»

Помимо этих кассет, на которых клиента, находящегося под действием наркотика, ублажали в спортзале «работники» Тимура, были записи – как и предполагал Кис, – сделанные в бане. На последних оказались запечатлены голые представители мужского рода в обрамлении услужливых девочек, которых поставляла Рита. Среди уже знакомых по другим кассетам и незнакомых лиц Кис опознал толстую тушку Анатолия...

Но Александры на кассетах не было. Что означало одно из двух: либо они с Реми ошиблись, либо эти кассеты хранятся в другом месте.

Нет, поразмыслил Кис, была еще третья возможность: Александра выкрала их у Тимура...

Откуда прямое допущение, что именно она его и убила.

Алексею сильно не хотелось об этом думать. Ни о том, что она могла быть участницей Тимуровых оргий, ни о том, что она могла оказаться убийцей...

Она не на шутку нравилась Алексею. Александра принадлежала к тому редкому типу женщин, которых разочаровавшийся и скептический Кис принимал тем не менее безоговорочно и сразу. Эта королевская повадка, эта дурацкая, но чарующая гордость, эта демонстративная независимость, за которой из всех сил прятался крик о помощи, – этот противоречивый и великолепный характер сводил его с ума. Он прекрасно понимал, что никогда не быть им вместе, что никакие отношения с Александрой для него невозможны – она просто не подпустит его к той черте близости, от которой можно сделать шаг в сторону отношений... Так что его восхищение ею было вынужденно платоническим и, парадоксальным образом, оттого особенно острым. Недоступность Александры окружала ее образ ореолом блоковой Прекрасной Дамы.

И представить себе Прекрасную Даму в клубке голых разноцветных тел, копошащихся над нею, представить себе ее красивое, тонкое лицо, искаженное сладострастной мукой, сменяемое на равных правах в кадре половыми органами, – это было за пределами его сил...

Но чувства – чувствами, однако гипотезу о причастности Александры к убийству необходимо было проверить. Кис посмотрел на Реми. Тот сидел в кресле, прикрыв глаза, и по его бледному лицу Кис легко догадался, что просмотр Тимуровых порнушек угнетал его столь же сильно, особенно при мысли, что на одной из пленок могла оказаться Ксюша.

Кис решил, что им необходимо сменить направление мыслей.

– Реми, – позвал он, – что у нас на сегодня? По-моему, нам надо вплотную заняться поисками досье с компроматом.

Реми ответил ему рассеянным взглядом.

– Ксюша... – сказал он. – Мне надо позвонить Ксюше.

Но Ксюша еще спала, о чем ему сонным голосом сообщила Александра.

Побарабанив пальцами по подлокотнику, Реми наконец заходил по комнате.

– Искать досье – это раз, – с излишним энтузиазмом заговорил он. – Выяснить у Александры насчет дачи и ее возможного участия в фильмах – это два... Погоди! – перебил он самого себя. – Что же мы не спросили вчера Барбару об Александре? Ей вчера не до вранья было, она бы призналась! Каюсь, я совсем упустил это из виду – меня убийство этого мальчика перевернуло...

– Я тоже не подумал, – сдержанно произнес Кис.

В самом деле, не мог же он объяснить Реми, что вопрос так и крутился у него на языке, но так с него и не слетел? Что Варя одним коротким «да, снималась» могла его убить, уничтожить, сразить наповал? Что он бы дорого дал за то, чтобы подобная догадка миновала его мозг, оставив его в благодушном неведении?

Нет, не мог он этого объяснить Реми...

Но и избежать разговора о Саше – не мог. У нее был мотив для убийства Тимура. Кроме того, ее сильный и надменный характер позволял увидеть ее в роли убийцы... Кис вполне представлял себе: попав в лапы ненавистного Тимура, Александра не могла выбраться из его плена иным путем, как только хорошо продуманным убийством... Она могла расставить сети Тимуру, заманить его и прикончить. И не пожалеть ни на секунду гнусного марксиста-лениниста. Кстати, в таком случае и кассеты со своим участием она уже давно прибрала к рукам. Если только нашла...

Да, нашла! Несомненно, уже нашла – иначе бы сейчас дергалась, искала, пыталась проникнуть в его квартиру или на дачу...

А ведь кто-то их ищет, до сих пор ищет! Кто-то ведь послал человека торговаться с Варей и Пашей! Уж не Александра ли?

Посыльный просил все кассеты. Видимо, покупатель знал, что немалое количество людей попало в сети Тимура, и пытался выкупить все скопом, на корню...

В таком случае...

– Слышь, Реми! Я вот что подумал: покупатель, который прислал посыльного за кассетами, – это должен быть один из тех, кого Тимур записывал в бане! Именно в таком случае этот человек мог быть уверен...

– Что на тот же крючок попались и другие!

– Поскольку в баньке они парились коллективно!

Реми согласно хлопнул Алексея по плечу.

Однако, подумав, возразил:

– Возможно, покупатель имел в виду все кассеты с ним лично, зная, что их несколько, но не зная, что есть кассеты с другими людьми.

– Тоже верно, – нехотя признал Кис.

– Тогда за этим человеком может стоять Александра. Если, конечно, мы не ошиблись в своих догадках и Александра тоже была объектом съемок и шантажа...

– Боюсь, что не ошиблись, – хмуро произнес Кис.

– Но в таком случае, Кис, у Александры был веский мотив для того, чтобы избавиться от Тимура...

Реми был прав, и от этого некуда было деться. Необходимо было встретиться с Александрой.

Но как разговаривать с ней об этом? Алексей был не в состоянии задавать ей подобные вопросы! Хуже того, было выше его сил услышать ее ответы! «Да, мы занимались любовью с Пашей, с Рональдом, с Тимуром...» Нет, нет, он этого не вынесет! Пусть едет к ней Реми; пусть он выдерживает этот допрос, ему все равно, его мозги заняты только Ксюшей, а Ксюша, слава господа, в этом деле не замешана...

– Хочешь, я сам встречусь с Александрой?

Мягкий взгляд голубых глаз, едва заметное выражение понимания – не сочувствия, нет, сочувствие могло бы оказаться бестактным! – просто сдержанного понимания сложности момента... Bravo, Реми! Какое славное изобретение – друзья!..

– Ты...

Кис хотел сказать: ты классный парень, спасибо, – но отчего-то постеснялся.

– Если ты думаешь, что так будет лучше... – произнес он.

Реми кивнул и посмотрел на часы:

– Наши спящие красавицы скоро продерут ясны очи – позвоню еще через полчаса. А пока давай решать: будем делать обыск на даче? За нами ведь еще папки с материалами!

– Сдается мне, что их на даче нет. Верить Варваре – дело пустое, и все же вчера она, похоже, сказала правду.

– Это не означает, что их там нет! Это означает, что Барбаре о них ничего не известно.

– Тоже верно. Позвоню-ка я Борису, пусть дает помощников.

Кис потянулся к телефону.

– Заодно порадуй его известием о найденной «бомбе»!

Кис поставил телефон на место и посмотрел неуверенно на Реми.

– Что? – спросил тот, увидев странное выражение лица приятеля.

– Неохота мне, признаться, отдавать ему эти кассетки...

– Ты что, Кис? Почему нет? Ты за эту работу, между прочим, деньги получил. И – не забудь – угрозы в придачу! Неужто ты решил ими попользоваться?

– Боже упаси!

– Тогда в чем дело?

– Да уж больно это гадостно...

– Мой русский друг! – воскликнул Реми. – Ты распространяешь границы своей необъятной и загадочной русской души туда, куда не следует! Уж извини за это примечание, но дела – это дела, а этическая сторона вопроса – не твоя забота! Пусть об этом печется их духовник!

– У них нет духовника, – буркнул Кис, смущенный замечанием Реми. – А этическая сторона... Конечно, это не мое дело, но все же...

– Именно не твое дело! Уж не собрался ли ты сделаться арбитром для двух стай хищников, сошедшихся в смертельной схватке? Уж не хочешь ли ты проповедовать мораль тем, кто живет по законам стаи? Тогда тебе следовало избрать другую профессию, дружище! Профессию...

Кис ожидал слово «священника».

Но Реми закончил:

– ...клоуна. Потому что нет ничего комичнее дурака, который пытается уговорить гильотину, что поступать так, как она, нехорошо.

– Я бы понял, – продолжал Реми, – если бы у тебя на руках оказались кассеты с детской порнографией. Я бы понял, если бы кто-то заснял интимную жизнь честных граждан. Но ведь речь идет о счетах между людьми, замаранными грязными делами? Так оставь им валять и дальше друг друга в грязи!

– Так рассуждают некоторые в нашей полиции: нехай мафии перестреляют друг друга!

– Во всяком случае, я бы не послал хороших парней совать головы под пули стреляющих друг в друга негодяев. И твоя славная голова мне дорога как русский сувенир. Отдай, пожалуйста, эти кассеты тем, кто нанял тебя для их розыска. И побереги свою мораль для тех, кто знает само это слово.

– Узнаю практичный французский дух.

– Мы – нация реалистов.

– О, вив ля Франс!

– К вашим услугам, – раскланялся Реми.

– Раз так, то послужи: включи свой картезианский ум и сосредоточься на занимающем меня вопросе – отчего Зубков утверждал, что Тимур уезжает в пятницу, тогда как его заместитель мне сообщил, что Тимур планировал отъезд в понедельник, а выходные собирался провести на даче?

– Иными словами: Андрей нас обманул или Тимур обманул Андрея?

– Именно. Может, к Андрею подъедем?

Реми глянул на часы.

– После. Сначала я бы хотел поговорить с Александрой. Надеюсь, девушки уже пробудились...

Девушки уже пробудились. Александра готовила завтрак, Ксюша принимала душ. Стоя под струями горячей воды, она заново перебирала в голове рассказ сестры. Сегодня с утра он ужасал ее немного меньше, чем ночью, но при этом куда больше ее занимал самый конец разговора, где Александра обмолвилась о трупце...

Нет сомнения, Ксюшины худшие предположения верны, и Саша причастна к убийству. Вот это-то и есть самое страшное во всем. Что могут сделать люди, нанявшие Алексея, с убийцей Тимура? Какую месть они способны придумать, чтобы наказать виновного? Сашу надо спасать. Сашу надо спасать! Спасать!!!

Но как?

Детективы идут по следу... Они могут дойти до сестры! Варя с Пашей могут признаться. Пленки могут найтись! Этого нельзя допустить!

Но как?

Нужно самим найти эти пленки. Раньше всех!

Но как?

Надо спросить Сашу, что она об этом знает!

Ксюша выскочила из душа, едва вытершись.

– Сашенька, – закричала она с порога кухни, – нам с тобой необходимо выкрасть видеокассеты, на

которых Тимур тебя снимал! Нам нужно ехать на дачу! Они должны храниться там!

Ксюша так и не рассказала сестре свои приключения на даче. Но та и не спрашивала, и Ксюша была тому рада. Незачем подливать масла в огонь – сестре и так досталось сверх меры...

Саша не ответила, молча заваривая чай, спиной к Ксюше.

– Ты слышишь? Надо ехать на дачу! Сейчас позавтракаем, и...

– Я их уже выкрала, – не оборачиваясь, произнесла Александра.

– То есть?..

– Что слышала.

– То есть их больше нет нигде? Они у тебя?

Александра развернулась и, не глядя на Ксюшу, поставила на стол поджаренный хлеб, масло и ветчину.

– Иди оденься. Завтрак стынет.

– Саша! Ответь на мой вопрос!

Александра уселась за стол, намазала себе гренку, откусила, хрустнув... Ксюша стояла в дверях кухни, обмотанная полотенцем.

– Оденься, Ксения. Ты остываешь вместе с гренками.

– Я оденусь. Когда ты мне ответишь.

Саша положила гренку и сложила руки на столе. Некоторое время она смотрела на младшую сестру, словно взвешивая, достойна ли она такого доверия.

– Я их уничтожила, – наконец произнесла она.

– Вот здорово! Как же тебе удалось?

– Очень просто. Я сумела сделать копию с ключей от его квартиры, пришла и выкрала.

– На Бережковской? Кассеты были там?

Александра молча кивнула.

– А Тимур?

– Его не было дома. Иди одевайся.

Ксюша нырнула в комнату и принялась быстро натягивать на себя вещи: ей хотелось поскорее вернуться к разговору.

– А потом? – не выдержав, крикнула она из комнаты.

Александра не ответила. Ксюша торопливо закончила свой туалет, расчесала мокрые длинные волосы и примчалась на кухню.

Александра кивнула ей на тарелку: «Ешь давай. Все уже холодное» – и принялась разливать в чашки чай. У Александры хранились бабушкины чашки: старинный тонкий фарфор с позолотой и медальонами, в которых были изображены пастушеские сцены. Ксюша оценила: не каждый день сестра пользовалась такими чашками, это Ксюше была оказана такая честь.

Она подождала, пока Саша сядет, и настойчиво переспросила:

– А потом?

– А потом его убили. – Саша села напротив нее и посмотрела в упор. – Хватит, а? Мы слишком долго говорим на эту тему.

Тут Ксюше и вспомнились вчерашние слова Александры: «пойти на поводу у моих собственных страхов при мысли, что *тело Тимура исчезло* !»

– Саша, что ты вчера такое сказала: тело Тимура исчезло? Почему ты так сказала? Ведь это я придумала, правильно? *Придумала!* Так почему ты...

– Тебе слышалось, должно быть.

– Нет, я хорошо помню...

– Слышалось, – припечатала Александра. – Я ничего такого не говорила.

– Саша, ну почему ты скрываешь от меня? – с обидой заговорила младшая сестра. – Я хочу тебе помочь! И я уверена, что *могу* тебе помочь! Но только для этого я должна знать правду!

– Ничего ты не должна. К тому же я тебе рассказала правду! Всю ночь рассказывала! Тебе мало?

– Нет... Я очень ценю, что ты мне доверила такой секрет... И я, поверь, очень сочувствую...

– Я не нуждаюсь в сочувствии.

– Но, Саша...

– Хватит, Ксения.

– А кто же убил Тимура?

– Не знаю. Прекращай этот разговор.

– Саша, но надо же разобраться...

– Для этого у нас есть детективы, целых две штуки. Пусть разбираются. А мы с тобой эту тему закрываем.

– Конечно, пусть разбираются! Если только не ты убила Тимура! А вот если это сделала ты, то тогда вовсе не надо, чтобы они разбирались! Тогда надо их остановить!

– Я тебя сейчас выставлю за дверь. Тебе, кстати, пора бы и родителей навестить!

– Саша!

– Все.

Ксюша закончила свой завтрак в молчании. Быстро помыв посуду, она собрала сумку и чмокнула сестру: «Пока! Я поехала к родителям!»

...На звонок Реми Александра любезно ответила, что Ксюша уже упорхнула и минут через сорок ее можно будет застать по телефону родителей. Реми не успел произнести свою просьбу о встрече с Александрой, как она уже повесила трубку.

Он собрался было вновь набрать номер Александры, но телефон зазвонил у него в руках.

– Нам надо встретиться, Реми! – запыхавшись, выкрикнула Ксюша в трубку. – Немедленно! Прямо сейчас! Приезжай!

– Что случилось, детка? Ты где, у родителей? Александра мне сказала...

– Я звоню из автомата! С улицы! Где мы можем встретиться?

– Как скажешь. – Реми старался не выдать растущего беспокойства. – Я подъеду, куда хочешь...

– Давай в то же кафе, где мы были в первый раз. Найдешь?

Сидя за столом, покрытым красной клетчатой скатертью, и уминая с удовольствием воздушные пирожные безе, Реми слушал сбивчивую Ксюшину речь.

– ...Тогда я все это придумала только для того, чтобы с тобой познакомиться, но теперь...

Реми поймал ее руку и поцеловал в знак признательности, приложив затем прохладную ладонь к своей щеке. С той ночи, когда Ксюша была в его объятиях, прошла, казалось, целая вечность. Как было хорошо; как хочется снова оказаться с ней, крепко держать в руках нежное тело, лить меж пальцев шелк волос, дышать ею, пить, умирать от блаженства...

– ...Но теперь, Реми, теперь я всерьез прошу тебя о помощи. Только поклянись, что никто не узнает ни слова из того, что я тебе сейчас расскажу! Клянешься?

– Клянусь, – произнес удивленный Реми.

– Так вот, теперь мне действительно необходима твоя помощь. Твоя голова, твой совет! Надо спасти Сашу. Надо что-то сделать, чтобы никто и никогда не узнал, что она была связана...

Ксюша запнулась. Реми участливо подождал, уже догадавшись, о чем хочет рассказать ему Ксения, и чувствуя, как трудно ей об этом говорить.

– Понимаешь, – пробормотала Ксюша, теряя вдруг свою уверенность в том, что она правильно делает, посвящая во все Реми, – дело в том, что Саша... Она всегда ненавидела Тимура... И однажды... Так получилось, что он, когда Александра была еще студенткой, попытался затащить ее в постель...

– Но ему это не удалось, – помог ей Реми.

– Как ты догадался?!

– Я не догадался. Александра рассказала об этом Алексею.

– Да? – Кажется, Ксюша была разочарована. – Ну, тогда ты можешь представить, что Тимур затаил на нее злобу. Он ждал много лет, пока он сможет ей отомстить. И наконец дождался... Дело в том, что Саша написала однажды статью в целях рекламы Версаче, по заказу заинтересованных людей, которых представлял Андрюша. Саша и Андрей отмечали успех статьи. И к Андрею пришел Тимур... Он опять попытался за Сашей ухаживать, и она ему снова резко отказала, как и много лет назад. Понимаешь, в нем это должно было разогреть желание мести! Он стал следить за Сашей... Надеюсь, что в какой-то момент сумеет найти что-то, чем можно ее шантажировать. И нашел, представь себе! Саша однажды написала статью под псевдонимом в пользу другого, русского модельера. И в этой статье она даже позволила себе критиковать Версаче...

– А фамилия русского модельера – Корсаков...

– Откуда ты знаешь? – раскрыла глаза Ксюша.

– Кис нашел эту статью... Послушай, девочка моя, – Реми снова поймал через стол Ксюшины ладони и сжал их, – я понимаю, что тебе тяжело рассказывать все это. Я знаю, что ты очень любишь сестру. Давай, чтобы облегчить тебе задачу, я сам расскажу тебе эту историю, а ты меня поправишь, если я ошибусь, ладно?

Ксюша растерянно смотрела на Реми, высвободила свои ладони из его рук и сплела пальцы.

– А ты... Откуда ты знаешь?

– Догадался.

Действительно, теперь, когда Ксюша добавила несколько неизвестных ему деталей, он представил

себе картину яснее ясного.

– Итак, Тимур нашел повод для шантажа. Он ухватился за тот факт, что статьи Александры противоречат друг другу, и, поскольку за статью о Версаче она получила большую сумму денег, он припугнул ее разоблачением ее псевдонима... Так? Насколько угроза была реальной, я судить не могу, но Александра испугалась. И сделала какую-то уступку Тимуру. Так?

– Она согласилась поехать к нему на дачу для якобы делового разговора. Она долго Тимуру не верила и считала, что он заманивает ее в ловушку, но он сумел убедить Сашу, что женщины его больше не интересуют... Что он импотент.

– И она согласилась поехать, напуганная угрозами разоблачения... На даче Тимур, по всей видимости, подсыпал ей наркотик в какой-то напиток...

– В кофе.

– В кофе... После чего устроил небольшую съемку домашнего порнофильма с ее участием. У него на даче повсюду спрятаны камеры наблюдения, и он заснял при их помощи...

– Нет-нет, ты ошибаешься! Он снимал обычной видеокамерой, он сам держал ее в руках! Саша мне рассказала...

– Вот как? Я, кажется, начинаю понимать... Но погоди, Александра тебе сама рассказывала? Значит, она все помнит?

– Какой ты странный вопрос задаешь! Почему она не должна помнить?

– Дело в том, что наркотик, которым он пользовался, стирает память.

– Нет! Александра все помнит! Он ей подсыпал какую-то гадость, которая вызывает плотские желания, но на память не влияет!

– Стало быть, для Александры сделано было исключение... – задумался Реми.

– Почему – исключение? Он еще кого-то снимал?

– Да. Разных людей, с целью шантажа. Снимал при помощи камер наблюдения. И пользовался, судя по всему, «сексуальным грабителем» – это наркотик, стирающий память на определенный период...

– Вот это да!.. – ахнула Ксюша.

– Но для Александры он сделал исключение. Да, я, кажется, понимаю почему... Тем более что он, как ты говоришь, был уже импотентом... Это вытекает из его характера, насколько я могу себе его представить...

– Что вытекает? Ты о чем, Реми? Я ничего не понимаю!

– Тимуру надо было унижить твою сестру. И, главное, – насладиться ее унижением! Он хотел смотреть ей в глаза, когда снимал ее...

Ксюша с каким-то ужасом смотрела на Реми.

– Откуда ты знаешь? – пролепетала она. – Как ты можешь это знать? Ты способен понять такие вот чувства... Как у этого Тимура?

– Тебя это пугает? Но, Ксюша, милая моя, разница между людьми не в том, какие чувства они способны испытывать – тут мы все более-менее одинаково устроены, а в том, как с этими чувствами душа обращается... Понимаешь, о чем я? Ум, культура, интеллект – они дают структуру желаниям, притязаниям, чувствам... Они не дают опуститься до низменных страстей, до патологии. Но это не означает, что

невозможно понять, откуда появились и как развивались чувства такого типа, как Тимур!

Ксюша пришла в себя.

– Да, конечно, – заверила она Реми, – я понимаю. Просто всего так много случилось за последние дни, что у меня совсем с головой плохо...

– Я благодарен этим дням, хоть они и вправду кошмарные... Потому что они мне подарили – тебя.

И он снова сжал ее руки.

– Итак, – вернулся к разговору Реми, – Тимур сумел заманить Сашу на дачу, а там пошло: чашечка кофе с подмешанным наркотиком, снятая сцена, в которой участвовали дачные обитатели и...

Он хотел добавить: «Рональд», – но деликатно не стал развивать вслух догадку. Ксюша тоже чуть не дополнила: «Рональд», но решила обойтись без подробностей из личной жизни своей сестры.

– И затем видеокассета, – продолжал Реми, – снова шантаж, снова чашечка кофе с наркотиком, новая кассета, и так по кругу. Я в чем-нибудь ошибся?

Ксения молча покачала головой, грустно глядя на Реми.

– Теперь вопрос: ты *думаешь*, что Александра убила Тимура? Или ты это *знаешь*?

– Я этого боюсь...

– Мы сейчас вот как поступим: я поеду к твоей сестре и попробую все узнать сам. Не говори ей о нашем разговоре.

– Тем более что ничего нового я тебе не открыла... А Кис тоже все это знает?

Реми подал руку Ксюше и повел ее к выходу. На ступеньках он наконец добрался до нее, обнял, прижал, вдохнул, припал губами к шее и прошептал в свежую волну волос: «Мы же детективы, мон кёр...»

Спустя полчаса Реми нажимал кнопку звонка у квартиры Александры. Она распахнула дверь – бледная, ненакрашенная, усталая. На ней был синий бархатный халат, на голове тюрбаном закручено полотенце: после Ксюшиного ухода Александра погрузилась в горячую ванну и долго лежала в ней, словно надеялась, что откиснут и смоются горячей пенной водой ее воспоминания...

Она молча кивнула Реми и пропустила его в комнату.

– Тебе следовало позвонить сначала, – заметила она, – но раз пришел... Чаю хочешь? Или кофе?

– Я сварю, – вызвался Реми. – Я уже знаю, где находится кофеварка и кофе.

Он направился на кухню, Александра устало приплелась за ним и уселась за столик, молча наблюдая за его действиями.

– Кстати, у меня еще не было возможности поблагодарить тебя, – стараясь быть непринужденным, заговорил Реми. – Спасибо за вечер, который ты нам предоставила с Ксюшей, я имею в виду.

Она не ответила. И только когда Реми придвинул к ней ее чашку, наполненную обжигающим душистым кофе, спросила:

– Надо понимать, ты пришел с допросом? Охотничья ищейка взяла след?

Реми внимательно посмотрел на нее. С Александрой все время будто в состязаниях участвуешь. То колкости, то неожиданные выпады, то язвительные замечания...

Он подумал. Следовало решить, какой взять тон. Ясно, что нельзя разговаривать с ней в том стиле, на

который она его провоцирует...

– Я здесь для того, чтобы тебе помочь, Александра... – тихо произнес он.

Она уже было открыла рот, но он не дал ей вымолвить ни слова:

– Только не говори, что ты в помощи не нуждаешься, ладно? Я не хочу, чтобы кто-нибудь пришел к заключению, что ты убила Тимура...

– «Кто-нибудь» – это Кис?

– Те, кто Киса нанял.

– А Кис, стало быть, уже к этому заключению пришел? И тебя прислал?

– Меня никто сюда не присылал. Я сам хотел с тобой поговорить... Я, повторяю, хочу тебе помочь.

– Ты меня опекаешь в каком качестве? Будущей родственницы?

– А ты полагаешь, что ты можешь интересоваться других только в качестве сестры Ксюши? – отпаривал Реми.

– Ты будешь хорошим мужем для нее, – сказала спокойно Александра. – Если мафия меня прикончит, то, по крайней мере, я буду знать, что оставляю сестру в надежных руках.

Реми не мог понять, серьезно она говорит или ерничает. Признаться, в ее присутствии он чувствовал себя некомфортно. Кису, кажется, нравился именно такой жанр постоянной схватки, перманентной борьбы: кто кого. Он задиристо препирался с Александрой, и, со всей очевидностью, ему это доставляло большое удовольствие. Для общения с Александрой требовался хорошо развитый садомазохистский комплекс, и у Киса он явно имелся. Как и у Тимура, между прочим... Только разница между ними огромна и заключается именно в том, что Реми так хорошо удалось сформулировать в разговоре с Ксюшей: в том, как с этими чувствами душа обращается...

А Реми... Не то чтобы сестра Ксюши ему не нравилась, нет, он отдавал ей должное... Но предпочел бы держаться подальше.

Так и не найдя нужный тон, он решил не морочить себе голову и спросил в лоб:

– Ты убила Тимура?

– Каким образом тебе удалось прийти к такому глубокому заключению?

– Александра, я знаю все: о кассетах, о наркотике, о Тимуре... И о том, что ты его ненавидела. Отсюда недалеко до вывода...

– Поздравляю! Кис тоже знает?

Он посмотрел ей прямо в глаза:

– Знает.

– Что ж он не явился меня допрашивать? Нервишки бережет?

Слышал бы Кис – порадовался бы! Реми видел, что Александра задела некие глубокие струны Кисовой души, и не раз, наблюдая их взаимные колкости, задавал себе вопрос, есть ли у его русского друга хоть малейший шанс завести отношения с Ксюшиной сестрой. Глядишь, и породнились бы!.. Но ответом, который Реми находил на свой вопрос, было перманентное «нет». Усталая горечь разочарования, привкус которой был в каждой реплике Александры, в самом ее облике, не позволяла его воображению начертать счастливую сцену их единения в нежных и взаимных чувствах. И теперь, узнав и поняв, что произошло с Александрой, Реми мог легко проследить превращение самолюбивой, но достаточно наивной девушки,

каковой ему представлялась Александра в юности, в разочарованную, надломленную женщину с холодным и надменным взглядом...

Однако ее постоянный переспрос об Алексее ему показался не случайным. Вряд ли кто-нибудь решился сказать, что Кис всерьез нравится Александре... Но что-то он в ней все же задел! Она в нем, скажем так, опознала мужчину, который *мог бы* ей понравиться. И его мнение Александре небезразлично!

– Ты бы предпочла, чтобы к тебе пришел Алексей? Извини, я подумал, что тебе будет легче разговаривать со мной... Точнее, не в его присутствии.

– Надо же! Следует сделать вывод, что присутствие или отсутствие твоего приятеля для меня имеет какое-то значение? Ты ошибся, дорогой Реми, он для меня пустое место. А от перемещения пустого места в пространстве сумма не меняется. И его наличие в этой квартире ничего для меня не прибавит и не убавит... Как и твое, впрочем.

Может, Реми и впрямь следует ретироваться и предоставить Алексею сражаться с Медузой-горгоной? Тем более что Кис каменеет от ее взгляда там, где надо, тогда как у Реми каменеют только челюсти.

И все же он решил игнорировать ее колкости и сделать последнюю попытку.

– У нас с тобой предмет для обсуждения очень простой. Если ты убила Тимура, то мафия может с тобой расправиться. И милиция на тебя может выйти. И моей задачей является твое прикрытие. Это и есть помощь, которую я тебе предлагаю. Теперь тебе решать...

Александра неожиданно расхохоталась.

– Такого не может быть! – смеялась она. – Это переходит границы правдоподобия! Все, что мы напридумывали в этой истории, фатальным образом превращается в правду! Я сочинила сценарий для сестренки, в котором она просит тебя помочь скрыть следы преступления, – и вот, пожалуйста, у нас уже и преступление, и детектив, предлагающий помощь! Ой, не могу, – вытирала она выступившие слезы, – так же не бывает!

Реми попробовал не обращать внимания на это неуместное веселье.

– Для того чтобы я мог тебе помочь, ты должна рассказать мне правду. Только тогда я смогу сориентироваться и понять, как скрыть твое участие... – упрямо твердил он.

Александра все еще всхлипывала от смеха.

Не получив ответа, Реми встал и прошелся по комнате. Александра затихла, сопровождая его перемещения в пространстве холодно-враждебным взглядом.

– Ну, как хочешь. Я собирался помочь тебе. Я попытался быть тактичным и не привлекать к этому разговору Алексея... Полагая, что в его присутствии тебе будет труднее говорить – это ведь так, признайся? Но ты не хочешь ни помощи, ни деликатности. Ладно. В таком случае я звоню Алексею, пусть он едет сюда и участвует в разговоре. В конце концов, мы ведь не в детские игры играем, мы убийцу ищем...

В подтверждение своих слов он направился к телефону. Александра проводила его равнодушным взглядом.

И только когда в трубке раздался голос Киса, тонкий палец лег на рычаг и разъединил его.

Александра стояла за спиной Реми. Он слегка повернул голову.

– Тимур любил меня... По-своему, конечно, но любил, – заговорила она без всякого предисловия. – Попытался дарить подарки, опекать. Если бы я согласилась – он, наверное, был бы мне очень хорошим мужем...

Александра прошла к креслу и уселась, натянув на колени разъезжающиеся полы халата. Лицо ее было непроницаемо, голос ровным.

– Спустя какое-то время после начала наших... скажем так: вынужденных отношений моя ненависть к нему притихла, потеряла остроту, затаилась... Я смирилась – до поры до времени, конечно, – я стала понемножку позволять ему меня опекать и развлекать. Мы крайне редко встречались с ним вне дачи – надо отдать ему должное, он берег мою репутацию и не светился в городе в моем присутствии. Но иногда мы все же ходили с ним в ресторан...

Однажды я подгадала таким образом, чтобы он в конце рабочего дня подъехал ко мне. Я попросила фруктов – Тимур, кажется, скупил полрынка. Вечером мы должны были идти ужинать, и между его приездом ко мне и нашим ужином у него была какая-то встреча, а у меня было время: пока он загружал мой холодильник, я выкрала из его кармана кожаную ключницу с четырьмя ключами. И до нашего похода в ресторан у меня уже были копии – не зная точно, какие именно ключи открывают его дверь, я сделала на всякий случай копии со всех... Подожди, я сейчас, – неожиданно перебила свой рассказ Александра и ушла в ванную.

Реми задумчиво ждал, и минут через десять Александра появилась переодетая, причесанная и подкрашенная. «Женщина есть женщина», – усмехнулся Реми про себя. Но не мог не признать, что за эти рекордные десять минут она необычайно похорошела, даже глаза заблестели и оживились – и тусклая пленка усталости и равнодушия исчезла.

– Налить тебе еще кофе? Или что-нибудь покрепче?

– А ты?

– Пожалуй, плесну себе джин-тоник.

– Мне то же самое.

– В ресторане, – продолжала Александра, разливая джин по стаканам, – когда Тимур стал расплавиться и вытащил портмоне из кармана, я воспользовалась этим моментом – незаметно бросила его кожаную ключницу под стол, выждала пару минут и, приподняв край скатерти, заглянула под стол: «Тимур, смотри, это твои ключи! А я никак не пойму, на что это моя нога наступила!» – добавила я и протянула ему кожаный сверточек.

«Спасибо, – произнес он, – надо же, какой я растяпа!»

Он улыбнулся и, как мне показалось, ничего не заподозрил.

Я ошиблась. Но тогда я еще не знала об этом.

С нетерпением я ожидала дня, когда он уедет...

– Ты рассчитывала найти кассеты в его квартире? – уточнил Реми.

Саша кивнула:

– Я была уверена, что они у него дома. Во-первых, просмотр самой первой кассеты он мне устроил здесь, в Москве. Во-вторых...

– А остальные?

– Остальные я просто отказалась смотреть, мне одной хватило... Я давно пыталась определить, где он мог устроить склад видеокассет...

– Ты бывала в квартире на Ленинском проспекте?

– Это его старая квартира? Как-то довелось... Давно, еще в студенческие времена. Но разве она еще

ему принадлежит?

– Да. Но с тех пор, как он возглавил агентство, Тимур предпочел снять скромную квартирку Андрея... На Ленинском он, видимо, проводил только деловые встречи и только с избранными старыми клиентами, знавшими о существовании старой квартиры.

Александра вскинула на него напряженный взгляд.

– И что?.. – осторожно спросила она. – Там – вы там были?

– Не волнуйся, ничего касающегося тебя в той квартире нет.

Саша незаметно перевела дух.

– Кассеты у Тимура были повсюду, но те, на которых была я, он подписывал инициалами КЗ – «Константин Завьялов», мой псевдоним, и ставил дату. Вот я и пыталась найти их. Я слонялась по даче, я пробовала выпытать у Паши – он немножко глуповат, но добрый мальый...

– Его убили.

Александра вскинула брови:

– Жаль парнишку... Кто же это?

Реми кратко объяснил. Александра замолчала, и, казалось, надолго.

– Ты остановилась на том... – заговорил Реми, желая услышать продолжение.

– На том, что я пыталась отыскать мои кассеты... – подхватила Саша, очнувшись. – Однажды Тимур застал меня за поиском. Он усмехнулся: «Кассеты свои ищешь? Не найдешь, зря стараешься. Неужели ты думаешь, я так глуп, чтобы оставить их на даче, где я бываю только по выходным? Мне эти записи, Сашенька, дороги, очень дороги: найди их кто да обнародуй – чем я тебя удерживать стану? Ты ведь тогда и здороваться со мной перестанешь, не то что в гости на кофеек заглядывать, а? Знаю я тебя, гордячку, ты лошадка норовистая, таким, как ты, нужна крепкая уздечка!»

Из чего я и сделала вывод, что он хранит их в своей квартире.

Наконец Тимур дал мне понять, что будет отсутствовать несколько дней. У Андрюши я уточнила, что Тимур собрался в командировку и должен уезжать в пятницу во второй половине дня. В пятницу же вечером, с нетерпением переждав массированное возвращение соседей с работы по домам, часов в девять, я отправилась к нему в квартиру...

Пробралась я никем не замеченная. Тихо открыла дверь, проскользнула вовнутрь.

Шторы в квартире были плотно задернуты, с улицы почти не проникало света, но для этого предприятия я припасла фонарик... Было страшно. Как-то неуютно, зябко, беспокойно... Сделав над собой усилие, я приступила к поиску. Для начала перебрала все кассеты, которые сумела найти в квартире. Но, к моему отчаянию, моих там не было. Я присела на ручку кресла и задумалась. Они должны были быть здесь, я в этом была уверена. Но где? Слабый луч фонарика выхватывал из темноты только фрагменты интерьера – невозможно было окинуть взглядом всю квартиру целиком и прикинуть возможное место их нахождения. По некотором размышлении я сочла разумным начать просмотр всех кассет – решила, что Тимур мог передумать и замаскировать мои кассеты – надписать их какими-нибудь названиями фильмов... Я смотрела кассеты одну за одной, убеждаясь все больше и больше, что среди них тоже нет тех, за которыми я пришла. Помнится, в какой-то момент я вышла на кухню, выпила воды и вымыла за собой стакан... И снова смотрела, смотрела, смотрела – боевики, порнофильмы, мизансцены которых были мне отчасти знакомы – по моему собственному опыту...

Неожиданно я наткнулась на что-то знакомое: я увидела лицо Рональда... Ты знаешь, кто это? – обернула Александра свое невозмутимое лицо к Реми.

Тот кивнул.

– В таком случае ты понимаешь, что это могло меня сильно заинтересовать. Я продолжала просмотр этой кассеты и минут пять спустя с большим разочарованием – и почему-то с облегчением – убедилась в том, что это не моя кассета...

Меня, однако, это навело на мысль... Дело в том, что на только что просмотренной кассете Рональд возник минуты три спустя после начала фильма, а до того там шла какая-то стандартная порнуха... Из чего следовал вывод, что все кассеты придется прокручивать заново. Мне ужасно не хотелось задерживаться в квартире Тимура, но делать было нечего: я не могла уйти с пустыми руками. С немалым раздражением я вставила заново одну из кассет и нажала на кнопку пульта, проматывая пленку вперед, как вдруг...

Как вдруг я услышала звук ключа, поворачивавшегося в замке.

Глава 23

Тихий скрежет ключа прозвучал для Александры как гром среди ясного неба.

Вскочив с кресла, она растерянно замерла посередине гостиной.

Тихо проскрипел второй замок.

Александра быстро выключила телевизор и снова застыла в нерешительности. Что делать? Куда бежать?

Третий замок.

Она бесшумно скользнула в спальню, не посмев притянуть за собой открытую дверь.

Кто-то вошел в квартиру. Сначала в прихожей, затем в гостиной вспыхнул свет. Затаив дыхание, Саша прижималась к стенке, боясь выглянуть.

Человек что-то делал в комнате. Внезапно она услышала звук выдвигаемой кассеты из видеомэгнитофона – она не успела ее вытащить сама и убрать на место, и пластиковая коробочка из-под фильма валялась на столике, – и на некоторое время все замерло.

Затем человек прошел на кухню. Александра осторожно выглянула, но разглядеть его в кухне не могла. Кассета, которую она смотрела, лежала на журнальном столике. А рядом с ней лежал небрежно брошенный... коричневый кошелечек-ключница Тимура!

С бьющимся сердцем она спряталась обратно, лихорадочно обдумывая способ бегства из этой квартиры. Может, надо прямо сейчас, пока он на кухне? Попытаться?

Александра снова осторожно высунулась. Он все еще был на кухне. От входной двери ее отделял небольшой коридор. Если сейчас сделать по нему несколько шагов до угла, от которого идет маленький коридорчик в сторону кухни, то можно будет увидеть, чем он там занимается... И, в зависимости от этого, либо быстро прокрасться к двери, либо бежать назад и снова прятаться в комнате.

Она осторожно ступила в коридор. Мягкие кроссовки скрадывали звук ее шагов. Медленно и бесшумно Александра заскользила вдоль стенки. Вот уже и угол в полуметре от нее...

За углом слышались шаги!

Саша попятилась задом и через долю мгновенья снова укрылась в спальне.

Она слышала, как Тимур что-то поставил на столик – звук стакана или чашки.

«Что же делать? – паниковала она. – Как выбраться из ловушки? Почему он не уехал? Не мог же Андрей меня обмануть! Да и Тимур дал понять, что в эти выходные уезжает и они, слава богу, не увидятся... Планы переменились? Да, но как же отсюда выбраться?!»

Не имея возможности наблюдать за его действиями, она была полностью скована в своих решениях. Александра уж отважилась было со всеми возможными предосторожностями выглянуть из своего укрытия и, дождавшись момента, когда Тимур прочно займется чем-нибудь, выскользнуть из спальни, добраться до двери и выскочить из квартиры...

Как вдруг услышала его голос.

– Мне всегда нравились твои духи... – произнес он и шумно потянул носом воздух. – Как они называются? «Аллюр», кажется? Как приятно вернуться к себе в квартиру, где витает облако этого чудесного запаха... Они тебе очень идут. В них, как и в тебе, есть тайна... Я тебе налил, Сашенька. Твой

любимый джин-тоник со льдом и с лимоном. Иди сюда, давай выпьем. За любовь, а? За нашу с тобой любовь, Сашенька!

Александра похолодела. Нет, она не похолодела, она оледенела – от разрывающей душу ненависти и омерзения. Она замерла у стенки, не зная, что делать, что придумать. Выйти смиренно из своего укрытия и тем самым признать его очередную победу над ней?! Нет, о нет! Только не это! Сегодня, по ее замыслу, должен был наступить конец ее мучительной связи с Тимуром, и она была не способна продлить эти отношения не то что на один день – на один час! Она не позволит ему больше издеваться над собой!

– Ты кассетки свои ищешь? – донесся до нее его спокойный голос. – Плохо ищешь, радость моя. Они здесь, здесь, у тебя под носом, можно сказать. А ты не нашла! Ну, спрашивается, можно ли тебя отпустить, такую беспомощную, от себя? Ты нуждаешься в опеке, моя красавица. Тебе нужно рядом сильное, надежное плечо опытного мужчины... Как раз такого, как я. Ты ведь это понимаешь, моя сладкая? Ты ценишь опеку преданного тебе Тимура? Я знаю, ценишь... Ты знаешь, у меня когда-то была любовница – до тебя, конечно, тебе я верен, можешь не беспокоиться! Она меня звала «Тимурчик – мон амурчик»^[13]. Почему бы тебе тоже не звать меня так? Ты ведь меня любишь, а, Сашенька? К тому же это звучит красиво на твоём любимом французском!

Судя по доносившемуся до нее голосу, Тимур пока не собирался идти в ее сторону. Он что-то делал в гостиной, ходил... Скоро она услышала, как скрипнуло кожаное кресло. Сел.

Но ведь рано или поздно он придет сюда! Если она не выйдет первая из своего укрытия – а выходить она не собиралась, – то Тимур придет к ней. И тогда?..

И что же она тогда будет делать?!

Александра судорожно оглядывала комнату, словно ища у нее помощи. Кровать, кресло. Шкаф. Залезть в него? Бред.

Книжные полки. Небольшой телевизор между ними, под ним видеомагнитофон. Проглядывал, стало быть, на сон грядущий фильмы... Возможно – кассеты с Александрой!.. Ее передернуло при этой мысли.

Но это все не то, это ей ничем не поможет! Что еще есть в комнате? На полу ковер, на ковре, возле шкафа, стоит раскрытая дорожная сумка со сложенными в нее рубашками – стало быть, действительно собирался уезжать в командировку, только почему-то не сегодня... У широкой кровати коврик на полу. На коврике гантели. Две гантели килограмма по три каждая...

В гостиной неожиданно резко прозвучал звонок телефона. Тимур разговаривал с кем-то неприветливо, сухо и категорично, что так не вязалось с его обычной мягкой, с задушевными интонациями речью.

– Нет, – говорил он, – не стоит труда. Повторяю, нет! Все уже решено. Надо было раньше думать. Есть вещи, которые я не прощаю. Предательство, к примеру...

«Предательство»! Александра почувствовала, как слабеют ее колени от страха. Ее визит с целью выкрасть кассеты Тимур, несомненно, расценит как предательство... И он наверняка уже лелеет в своем воображении сцены наказания! Тимур, со своими садистско-иезуитскими наклонностями, не мог не воспользоваться такой промашкой Александры и уготовил ей утонченную месть...

«Господи! – мысленно простонала она. – Когда же это кончится, когда?!» Больше нет никаких сил сносить его! Она-то думала, что сегодня последний день ее мучений! А вместо этого сидит в его квартире, как в мышеловке!

– Не извиню! Незачем меня было беспокоить! Разговоры о делах – в рабочее время, а сейчас я отдыхаю! – с небывалой суровостью произносил в трубку Тимур.

Он отдыхает! Это его отдых – издеваться над ней! Как же она его ненавидит! Убила бы – так ненавидит...

Тимур бросил трубку на рычаг.

– А ледок-то тает! – снова донесся до нее его сладкий голос. – Смотри, уж почти растаял. Придется тебе пить твой джин с водичкой! Ну, иди же, чего ты прячешься? Смелей, смелей, чувствуй себя как дома! Ты же знаешь, мой дом – твой дом! Мне для тебя ничего не жалко, радость моя... За твою любовь я все готов отдать! Кроме кассет, разумеется. Я ведь тебя знаю, нет кассет – нет любви. А? Скажи, разве я не прав? Ты меня только из-за этих кассет любишь? Боишься... – с удовольствием протянул он. – Боишься, что я тебя опозорю...

Он снова затих минут на пять, и Саша слышала, как он что-то подлил в свой стакан. Один, стало быть, уже прикончил. Тимур пил обычно хорошее вино, пьянел медленно и как-то странно – его всегда это очень возбуждало, он начинал говорить, растягивая слова, и хмельные интонации выдавали какое-то особое, блаженное сладострастие, словно он только что проснулся и потягивался в кровати после эротического сновидения. А может, он и себе подмешивал наркотик?..

– Зря боишься, между прочим, – почти пел Тимур. – Я тебя позорить не стану. – Он шумно глотнул из своего стакана и мечтательно вывел, сойдя почти на шепот: – Я твой позор для себя сохраняю, королева моя, для себя одного... Команда моя не в счет – это так, секс-приспособления, вроде разных штучек из секс-магазина... Ну, да ты знаешь, о чем я, правда же?

Он подождал, словно всерьез надеялся услышать подтверждение своим гнусеньким речам. Саша едва переводила дух, задыхаясь от возмущения и гадливости.

Послушав несколько минут тишину, Тимур вновь заговорил – казалось, он и не думал торопиться и вытаскивать Александру из ее убежища, словно эта игра доставляла ему радость... Собственно, почему «словно»? Безусловно, доставляла! Он знал, что Саша в ловушке, притаилась в спальне, ни жива ни мертва от страха, и вынужденно слушает, беспомощная, его мерзкие откровения.

– Все для меня, для меня одного... Я жадный, ни с кем тобой не поделюсь! Все мне, все для меня! Зря ты, моя сладкая, кассеточки отказалась смотреть – это же праздник эстетической души! Шедевры, которые способны создать в союзе режиссер-эстет и великолепная актриса... Ты прекрасна, Сашенька, ты знаешь об этом? Тебе необыкновенно удаются твои роли! Посмотрела бы ты, как глазки твои гневаются, горят лютой ненавистью, а сама в это время послушненько ножки раздвигаешь... Ах, как же хорошо! И всего-то несколько крошечных молекул в твоей крови – а какой восхитительный результат! А как стонешь, как вскрикиваешь, убить бы меня рада, – а губки просят: «еще...» Даже жалко, что показать никому нельзя, – такие шедевры нуждаются в широком признании, в блеске кинофестивалей, в благородных призах за эстетизм!..

Вот, сейчас, – застыла Александра. Сейчас он пойдет в сторону спальни и вытащит ее за шкурку, как нашкодившего котенка! Что он сделает с ней? Он ведь импотент, и без помощи своей «команды» он ничего не может!.. Какое же «наказание за предательство» он придумал для Саши?!

– А скажи, прелесть моя, ловко я все обставил? – Тимур не торопился, наслаждаясь игрой. – Я ведь знал, что ты придешь сюда! А ты, глупенькая, и не догадалась! Видишь, самонадеянность к чему ведет? Ведь ты себя умной считаешь? Да это полбеда, хуже то, что ты других за дураков держишь. Ключики мои под стол кинула – ох ты меня и насмешила, крошка! Неужто и впрямь думала меня на такую дешевую уловку купить? Тебя за это надо бы наказать примерно!

Все. Он произнес это слово: «наказать».

...Уж лучше бы пришел сюда поскорее! Иначе она умрет от страшного ожидания раньше, чем он решит приступить к выполнению своей угрозы!

– Но я добрый, я тебя прощаю, это по малости лет, по глупой самонадеянности... Я тебе, наоборот, подарочек приготовил. Сказать какой? Ты там небось умираешь от любопытства, признайся? Женщины любят подарки... Так и быть, не буду тебя томить: я, радость моя, виагру принимаю. Оцени, какие жертвы для тебя, – это ведь штучка небезобидная, на сердце влияет, так недолго и концы отдать... Но чего не сделаешь для любимой женщины! И знаешь что? Работает виагра-то, работает! Ты удивишься – как хорошо работает! Вот я и решил – хватит мою Сашеньку другим отдавать, а самому ролью зрителя наслаждаться! Хоть зритель я и благодарный, ты знаешь, сам каждый раз – все равно как поучаствовал... И все-таки не то это, не то! А тут ты, со своими ключиками под столом...

Саша окаменела.

Снова донесся звук наливаемого напитка.

Не может этого быть! – бессильно билась мысль. Нет, только не это! Виагра?! Боже, какое дьявольское изобретение для всех насильников!..

«Я его убью. Я его задушу. Я... я... я не знаю, что я сделаю, но этому не бывать!!!»

Саша снова и снова обводила комнату глазами, ища что-нибудь такое... Такое... Она сама не знала, что именно.

До тех пор, пока ее взгляд в очередной раз не наткнулся на гантели. Саша наклонилась и быстро подхватила одну из них.

Теперь она знала, что ей делать.

– Ты там не умерла, случаем, от радости при таком известии? – поинтересовался Тимур. – А то что в темной комнате торчать, шла бы сюда... Все равно ведь придешь, что тебе еще делать? Придешь. И выпьешь со мной. А потом... А потом мы с тобой начнем наш медовый месяц! Только ты и я. Никого больше. Мне теперь больше никто не нужен, чтобы насладиться тобой! Все будет мне, мне одному – твой стыд, твоя ненависть, твое наслаждение, твое унижение – все мое будет!

Скрипнуло кресло. Тимур поднялся. Саша сжала гантель в руке. Металл холодил, тянул ее руку, пальцы немели...

Но он остался в комнате – слышно было, как он открыл бар. Должно быть, взял какую-то бутылку. Еще несколько минут протекло в томительной тишине.

– Не надоело прятаться, Сашенька? А, понимаю: стыдно стало. Конечно, стыдно! Пришла, как воришка, выкрадывать кассеты... Думала: уехал Тимур, так можно и воспользоваться моментом, чтобы отделаться от него? А Тимур не уехал! Тимур пришел, чтобы подарить тебе эту ночь! Ночь любви, нашу первую брачную ночь!

Александра не понимала, всерьез он несет эту пламенную ахинею на грани шизофрении или издевается над ней? Он ведь знал, что ни о какой «ночи любви» не может быть и речи, что она ненавидит его до обморока, несмотря на свое долгое вынужденное смирение, несмотря на развратное и могучее наслаждение, которое его затеи приносили ей... И сейчас, услышав о виагре и представив, что уже не под жгучим взглядом Тимура, а непосредственно в его руках она будет получать свою наркотическую, отравляющую дозу экстаза, она содрогнулась от отвращения. *Этого не будет никогда!*

Александра переложила гантель из затекшей руки в руку и напряглась.

Вовремя: шаги Тимура медленно приближались к ней.

– Знаешь, что в тебе нравится? – негромко и плотоядно говорил он, мягко ступая по паркету. – Твоя склонность к игре. То прятки, то кошки-мышки... Умеешь ты мне доставить удовольствие, Сашенька, чувствуешь ты мужскую натуру!..

Он не договорил. Удар обрушился на его голову, едва он переступил порог темной спальни. Качнувшись и изумленно уставившись на Александру, он осел, словно решил посидеть на корточках, затем неуверенно вытянул руку вперед и тяжело завалился, подмяв руку под себя...

Саша остолбенела над ним, все еще держа в руках тяжелый кусок металла...

Придя в себя, она кинулась в ванную. Тщательно обмыв гантель, она бросила ее на место. Гантель глухо ударилась о пол, покрытый ковром. Поколебавшись, она приблизилась к Тимуру и склонилась над ним.

Тимур был жив. Он потерял сознание, рана на голове кровоточила, и кровь медленно и ало текла на глаженные рубашки, сложенные в сумке, куда Тимур, падая, уткнулся головой...

Что теперь ей делать? Убивать Тимура она не собиралась – все, что ей было нужно, это отделаться от него и найти кассеты...

Кассеты! Она так и не нашла их!

Саша кинулась снова перебирать полки. Где они могут быть, где? Все дверцы переоткрывала, даже под кровать заглянула. Неужто она ошиблась и их нет в этой квартире? Но ведь Тимур сказал: «Они здесь, здесь, у тебя под носом...»

Под носом – это где???

Она перестала метаться и остановилась, оглядываясь. Горел яркий свет, зажженный Тимуром. В квартире есть тайник? Где-нибудь в стенке, за картиной?

Спустя каких-то десять минут все картины были сдвинуты. Все полки обследованы. Все безделушки, выпуклости и прочее, что могло таить в себе кнопку, которая вдруг раскрыла бы, как в кино, какой-нибудь люк или дверцу, – все было перетрогано.

И вдруг ее осенило.

Третья дверь!

Конечно, эта комната осталась за Андрюшей, он там что-то хранит, но ведь – как знать? – хитрый Тимур мог найти и туда доступ! Это было бы даже вполне остроумно: никто не догадается искать в этой комнате, поскольку известно, что Тимур ею не пользуется, комната осталась за владельцем и всегда заперта!..

Заперта. Вот в чем проблема! Саша долго дергала ручку – нет, закрыта на ключ.

Ключ...

Ключ?

Она где-то видела ключ!

Где?!

Вот где: на связке ключей!!!

Когда она открывала дверь, у нее дрожали руки.

Свет упал из гостиной, выхватив из душной темноты старый хлам: мебель, велосипед, лыжи... И потрепанные сумки, портфели, чемоданы, коробки на полу. Александра ступила в комнату.

Кассеты лежали в первой же коробке у входа.

Те самые кассеты, подписанные только инициалами «КЗ» и датами, на которых Тимур запечатлел сцены ее позора...

Александра расстегнула спортивную синюю сумку, которую предусмотрительно прихватила с собой, и аккуратно сложила туда свой трофей.

Свободна! Все, отныне она свободна! Тимур нужно будет вызвать врача – пусть живет, подлец, теперь он не опасен! А старые истории в виде двух ее статей – это сказочка для маленьких детей, которую он выдумал, чтобы запугать ее! Как будто мафии есть дело до ее творчества!

Так что Александра теперь свободна.

Сво-бод-на!

Оставался Тимур. Она снова подошла к неподвижному телу, скрючившемуся на ковре. Верхняя рубашка в сумке из белой сделалась красной.

Саша нашла какое-то полотенце, перевязала как могла его голову. Ничего, от потери крови он не умрет, не так много натекло... А чтобы не умер от травмы, надо бы его поскорей в больницу...

Но как? Нельзя, чтобы ее застали здесь! Вызвать «Скорую» и убежать, оставив дверь открытой?

Саша задумалась. Врачи в милицию сообщат. Начнут искать отпечатки – ее отпечатков полно, но она сейчас их сотрет...

Тимур, конечно, придет в себя... Укажет ли он на Сашу? Ну и пусть: она отопрется. Ее никто не видел, он ничего не докажет! Теперь, когда у него больше нет видеокассет, он ей не страшен!

Да, но у нее нет алиби. Он, конечно, не докажет, что Саша была у него, но и она не докажет обратное...

Время шло, а Александра никак не могла найти выход. Лихорадочно протирая все места, которых могли коснуться ее пальцы, она пыталась что-нибудь придумать. Больше всего Александра боялась, что Тимур умрет, – в ее планы не входило сделаться убийцей, такого она себе не простила бы. Она нервничала, руки дрожали, дыхание прерывалось, словно что-то тяжелое давило грудь... Мысли были хаотичны и невняты.

Вынести бы его из квартиры... Тогда место преступления меняется и картина меняется! Женщины не нападают на улице на мужчин! Другое дело в квартире: тут любой подумает, что он посягал на ее честь, и она, защищаясь...

«Честь». Знал бы кто, что стало с ее честью за последние полтора года...

Александра заставила себя присесть. На столике стоял джин-тоник, приготовленный для нее Тимуром. Она взяла стакан и глотнула потеплевший напиток. Но тут же отставила: там мог оказаться наркотик. Александра вылила его содержимое, заново наполнила стакан и выпила залпом. Стало немножко легче.

«Спокойно, – сказала она себе. – Никто не знает, что ты здесь, и больше никто сюда не придет. Нужно отправить Тимура в больницу. Нужно все продумать и четко выполнить. Все будет в порядке».

Александра вымыла стакан и посмотрела на часы. Как это ни странно, было всего лишь около одиннадцати – а ей казалось, что скоро утро... Выглянула в окно – в этот час набережная была практически пуста, только редкие машины иногда появлялись на проезжей части. Под окнами был газон с кустами, видна площадка перед подъездом – никто не входил и не выходил из него...

Александра прикинула: люди, конечно, еще не спят. Но все уже пришли с работы, все, кто собирался, уже ушли в гости, и еще рановато для того, чтобы народ начал расходиться по домам... Правда, сейчас самое время для театрального разъезда!

Значит, следовало подождать!

Но у нее больше нет сил находиться в этой квартире! Да и Тимура надо бы поскорей отправить в больницу...

Она снова вернулась к окну и постояла у него, наблюдая за пустынной улицей.

В конце концов... То, что она собиралась проделать, займет каких-то пять минут!

Бесшумно открыв дверь квартиры, она спустилась вниз. У подъезда, отступив в тень кустов, Александра огляделась. Два окна Тимура на втором этаже ярко светились, и даже за плотными занавесками было понятно, что горит верхний свет. Под ним два окна первого этажа также были задернуты занавесками. Одно из них было темным, другое выдавало ночник где-то в глубине квартиры. Остальные окна тоже были безразличны к внешнему миру: где-то было совсем темно, где-то за занавесками горел свет, только одно окно на пятом этаже ярко светило в ночь – но, рассудила Александра, при таком ярком свете внутри невозможно рассмотреть, что делается снаружи.

Это все, что ей нужно было увидеть. Александра легко взбежала на второй этаж и вернулась в квартиру. План был ясен.

Еще десять минут ушло на то, чтобы обвязать Тимура крепкой бельевой веревкой, найденной в чулане.

Наконец все было готово. Александра погасила свет и подошла к окнам. Глянула на улицу – тихо, пустынно. Она осторожно потянула оконные створки на себя.

Тело Тимура было тяжелым, и он тихо застонал, когда она, подсаживая и прижимая к стенке, пыталась перевалить его через подоконник. Конец веревки был под ее ногами – она встала на него, боясь, что не сумеет удержать немалый вес Тимурова тела.

Тимур завис в воздухе, прямо под окном. Перехватив веревку руками, Александра стала медленно перебирать ее, отпуская понемногу, до тех пор, пока тело его не коснулось пожухшей травы...

Она сбросила конец веревки вниз и, оглядев последний раз квартиру, прихватила свою сумку с кассетами, сумку Тимура с окровавленными рубашками, тихо заперла дверь...

Внизу она снова оглядела окна: все в порядке. Створки закрыты, шторы задернуты, свет не горит – Тимура нет! Он еще только шел домой, как вдруг кто-то напал на него у подъезда! И уж конечно, этот кто-то – не Александра, да и вообще не женщина! Конечно, милиция рассудит, что это был мужчина, а желающих избавиться от Тимура должно хватать – так что пусть ищут! Впрочем... Почему бы не вытащить его портмоне из кармана, давая повод думать, что некий обычный хулиган напал на него ради денег? Так даже лучше!

Теперь можно заняться непосредственно им. Александра нырнула в кусты. Тимур лежал среди них, обвязанный веревками, скрытый от посторонних глаз. Он был, слава богу, жив. «Потерпи немного, сукин сын, – прошептала Александра, – еще чуть-чуть осталось. Может, ты этого и заслуживаешь – сдохнуть, как

собака, – но не от моей руки, не от моей, нет...»

Она быстро развязала веревки, спрятала их в сумку. Размотала полотенце с его головы, достала прихваченную в прихожей куртку Тимура и надела ее на неподвижное тело. Из кармана его брюк вытащила портмоне и вложила в кожаную ключницу, которую предусмотрительно обтерла рукавом своего свитера. Мелькнула мысль: следует снять перстень и золотые часы. Уж если действительно входить в роль случайного грабителя...

Александра мялась. Очень ей не хотелось это делать... Она знала, что этот перстень был подарен Тимуру его отцом и он очень дорожил им. Но доводы разума взяли свое, и она осторожно стащила перстень, расстегнула браслет часов и отправила их к себе в карман. «Очухается – верну», – успокоила себя Александра. Осмотрела: вроде бы все в порядке. Взяв его за ноги, она подтащила к краю газона, таким образом, чтобы можно было его заметить с тротуара. Кажется, все. Можно уходить.

Телефон-автомат, находившийся у соседнего дома, не работал. Где находится другой, она не имела понятия, и спросить было не у кого – в этот поздний час здесь не было ни одного прохожего. Александра решила идти в сторону метро – свой мобильный она не взяла в этот вечер, боясь, что подскочит от страха в квартире Тимура, если он зазвонит в ее сумочке.

До самого метро ей не попала ни одна будка. Добравшись наконец до телефона, она набрала 03 и объяснила, что, проходя мимо дома... Такой-то адрес... Видела тело... Вроде жив, но без сознания, и лучше бы они приехали поскорее... Как можно скорее!

– Ваше имя, пожалуйста, и адрес? – попросил ее женский голос.

Но Александра уже повесила трубку.

Она погрузила сумки в свою машину, припаркованную на Садовом кольце, села за руль, вставила ключ...

Но снова вышла из нее, заперла и пошла в сторону дома, который только что покинула. Скрывшись в глубине соседнего двора, стала ждать приезда «Скорой». Машина появилась минут через двадцать, затормозила у нужного подъезда, и Александра зашагала в ее сторону с видом припозднившегося прохожего. Она хотела убедиться, что Тимур все еще жив и что врачи особо не паникуют...

...Врач и шофер растерянно оглядывались по сторонам.

Тимура нигде не было.

Пожав плечами, мужчины в белых халатах забрались в микроавтобус «Скорой» и, не обратив внимания на Александру, укатили.

Александра даже в кусты заглянула, строя догадки одну нелепее другой. Однако и в кустах Тимура не было. Она подняла глаза к его окнам.

В окнах горел свет.

Александра посмотрела на Реми. Тот ответил ей взглядом, крайне озадаченным.

– Это все, что я знаю, – пояснила она, на случай, если Реми еще не понял. – Я в ужасе сбежала домой, запретив себе даже думать, куда и каким образом исчез Тимур. Конечно, самым разумным было бы предположить, что он пришел в себя и поднялся в свою квартиру...

В понедельник я позвонила на работу. Там мне любезно сообщили, что он уехал в командировку. Я решила, что мое предположение, что он пришел в себя, оказалось верным... И для меня было большой

неожиданностью известие о его убийстве.

– И когда Ксения стала тебя просить помочь с местом действия в вашем сценарии, ты уступила ей, подумав, что это к лучшему и если там что-нибудь и осталось после твоего пребывания, то уж мы с ней окончательно уничтожим последние следы... Так?

– Примерно.

– Я рад, что это не ты его убила.

– Я тоже. С этим на совести – я бы не смогла жить. Я бы давно уже призналась.

– Что ты сделала с кассетами?

– Сожгла.

– Ну и хорошо. А с рубашками?

– Постирала и отдала бомжам. Сумку выбросила в мусорный контейнер.

– Ты точно помнишь, что гантели лежали возле его кровати?

– Еще бы!

– И ты положила ту, которой нанесла Тимуру удар по голове, на место?

– Конечно!

– А дверь третьей комнаты ты заперла, уходя?

– Да. Почему эти вопросы?

– Дело в том, что... Я видел эти гантели. Они лежали *в третьей, запертой комнате*.

Александра изумленно раскрыла глаза. По спине ее побежали противные мурашки страха.

– Поскольку гантели сами не ходят, кто-то их туда положил после твоего ухода? – даже Реми сделалось не по себе, и он произнес эту фразу чересчур тихо.

Александре от этого тихого голоса сделалось совсем страшно.

– И раз это не я... – пробормотала она, едва разжимая сведенные зубы.

– *То кто-то другой.*

Глава 24

Кис долго греб пятерней свои непослушные волосы.

– Третья комната? – переспрашивал он. – Ты там был? Ты точно помнишь, что гантели лежали там?

– Точно. Рядом с небольшой штангой.

– И что же получается? Кто-то пришел в квартиру после Александры?

– Если это не Тимур...

– Нет, дружище, Тимура кто-то отправил прямиком в воду.

– Следовательно, кто-то пришел потом... Тот, кто нашел тело Тимура на газоне? И взял его ключи?

– В таком случае этот человек должен был знать, к какой квартире ключи подходят. Как минимум сосед по подъезду, который узнал Тимура...

– И не вызвал «Скорую»? А пошел сбрасывать тело в воду? Неужто и соседям Тимур насолил?

– Если бы этот человек взял ключи, то для того, чтобы войти в квартиру. А если он вошел в квартиру, то наверняка с целью ограбления. Но мы, однако, никаких...

– ...следов ограбления не нашли. Значит, кто-то пришел туда после Александры.

– Или уже был там и прятался в третьей комнате?

– Но Александра ведь входила туда?

– Она нашла свои кассеты в коробке у входа. А там столько хлама, что человек мог легко спрятаться...

– И во всех случаях это тот, у кого есть ключ от квартиры!

– И от третьей комнаты!

– Едем к Зубкову!

Андрея Зубкова они поймали в тот момент, когда он запирает машину у подъезда своего дома. Он покосился на детективов, и лицо его приняло угрюмое выражение.

– Что еще? – не приветливо спросил он.

– Может, к вам пойдем? Или на улице разговаривать будем? – спросил Кис.

– Я вообще не обязан с вами разговаривать.

– Ваше право.

Андрей помялся:

– Ладно, пойдемте...

Они снова погрузились в шоколадный сумрак. Усевшись на диван, Кис без всяких предисловий спросил:

– Тимур имел доступ в закрытую комнату?

– Официально – нет, я с него деньги брал, как за двухкомнатную квартиру... – отчего-то вздохнул Андрей. – Но однажды Тимур попросил у меня разрешения ею пользоваться. Сказал, что он хотел бы поставить туда ненужные вещи. Я согласился. И ключ ему отдал. Мне без разницы.

– Там находились штанга и гантели... Это чье добро?

– Мое. Я теперь хожу в спортивный клуб, мне эти снаряды без надобности...

– Тем не менее Тимур взял гантели для своего пользования.

– Ну и что?

– А после его убийства кто-то убрал их на место. То есть в третью комнату.

– Ну и что? – повторил Андрей.

– Как вы думаете, зачем?

– Почему я должен вообще что-то думать?

– Потому что ключ от этой комнаты был только у Тимура и у вас, правда? И не вздумайте уверять, что отдали ключ Тимуру и не оставили второй себе – я вам не поверю, так что не теряйте времени. И ключи от самой квартиры, помимо Тимура, есть только у вас.

– Ну и что?

– Не утомились, «ну и что» повторяючи? А то, что в квартиру могли войти только вы!

– Ну и что? – с безнадежным упрямством повторил Андрей.

– Вы убили Тимура. Вот что.

– Нет!

– Больше никому. Вы были в квартире, когда туда пришел Тимур, и...

– Я не убивал!

– Вы знаете, Андрей, – вмешался Реми, – в конечном итоге нам уж не так важно найти убийцу. Главное – найти досье, которые вел Тимур на известных людей. И если вы нам подскажите, где их искать, то все может обойтись... Во всяком случае, я на это надеюсь!

Молчание.

– Ну? Ну же, Андрей, решайтесь, черт побери! – поторопил Кис.

Андрей сосредоточенно смотрел в окно.

– Вы убили Тимура?

– Нет!

– Правильно, нет. Вы его не убили. Вы его *добили* !

Однако и эти слова не произвели на Андрея должного впечатления. Он продолжал хмуро созерцать хмурое окно, как будто надеялся, что за это время детективы исчезнут, растворятся, как дурное сновидение.

– Зачем было перетаскивать гантели обратно? Из любви к порядку?

– Ничего я не перетаскивал, – буркнул Андрей.

– А я вам скажу зачем, – проговорил Кис, не обращая внимания на его реплику. – Вы ведь весьма нежно относитесь к Александре, не так ли? Она ваша давняя подруга, и, хоть ваша сексуальная ориентация направлена в сторону мужского пола, к Александре вы испытываете глубокую привязанность, уважение... Возможно, даже некоторый пиетет... Она сильная личность, яркий характер, умница, надежный друг... И эти гантели вы унесли подальше от греха потому, что знали: Александра нанесла одной из них удар

Тимуру! Этого бы не сделал никто другой на вашем месте. Никто!

Андрей угрюмо молчал, избегая смотреть на детективов.

– Итак, вы унесли гантели в запертую комнату – только вы могли сделать этот дружеский жест для Александры, и только вы могли знать, где их настоящее место... Из чего следует, что вы были в квартире в то время, когда там находилась Александра и, позднее, Тимур... Вы спрятались в запертой комнате, правильно? Вы слышали, что произошло, и, когда Александра ушла, вы выбрались из комнаты, и постарались уничтожить следы ее и вашего пребывания, и унесли с места действия орудие преступления – гантель. Правильно? Правильно, – ответил Кис сам себе. – Теперь скажите мне, зачем вы приходили в квартиру?

– Убирайтесь вон, – сказал Андрей. – Ничего я вам не скажу.

– Андрей, напрасно вы так! – снова вмешался Реми. – Мы уйдем, но кто вместо нас придет? Русская полиция или, еще хуже, мафия! И тогда мы с Алексеем покажемся вам самыми милыми людьми на свете!

– Но только поздно будет, – подхватил Кис.

– Поверьте, нам в этой истории уже известно слишком много элементов, чтобы легко вычислить оставшиеся... – продолжал убеждать Реми. – Вот, к примеру: ваша гомосексуальная ориентация не могла пройти мимо Тимура, и он наверняка завел досье и на вас... Чем вас и шантажировал, да? Что вы делали под его давлением? Рекламу для Версаче по рецепту Тимура, рискуя тем, что ваши хозяева пронюхают, куда ушли деньги на нее, и вас накажут? Потом вы организовали ему встречу с Александрой по его настоянию, да? Вы просто не посмели ему отказать, хотя и поняли, что вашей дорогой подружке от этой встречи сладко не придется! Не говоря уж о том, что в голове Тимура, возможно, роились новые проекты с вашим участием, в которых вы должны были рисковать своей головой... И вам очень хотелось от него избавиться, верно? И от папочки с компроматом тоже! Вот вы и явились на квартиру, дождавшись, пока Тимур уедет... А там все произошло самым неожиданным образом: пришла Александра, движимая тем же стремлением выкрасть компромат; затем она нанесла удар Тимуру, а вы, воспользовавшись наполовину сделанной работой, добились его: сбросили в реку... Правда ведь?

– Нет! – почти закричал Андрей, крутя изо всех сил круглой стриженной головой. – Неправда! Я не убивал! Это не я, это, это...

Оба детектива уставились на Андрея, ловя имя, готовое сорваться с его губ. Тот совсем сник.

– Это?.. – поднажал Кис.

Андрей повесил голову и тихо выговорил:

– Его убила Александра...

– Ну что же, нам остается только вас послушать, – улыбнулся акулей улыбкой Кис.

Лет пять тому назад Андрей встретил Тимура случайно, на улице. Тимур узнал бывшего студента и с интересом стал расспрашивать о жите-бытье. Похвастаться Андрею было нечем: с кислым видом он пояснил, что с журналистикой дела обстоят неважно, что без блата хороших заработков не найти, что до бульварной прессы опускаться не хочется, а в приватизированной серьезной прессе приличные места расхватили новые, «свои»...

У Тимура было участливое лицо и дельное предложение. В одной фирме как раз ищут хорошего, толкового парня для работы с клиентами...

Для начала, в качестве благодарности, Андрей подкинул Тимуру информацию о финансовом

директоре приютившей его фирмы. Спустя некоторое время он стал выполнять роль посредника между Тимуром и их финансистом...

И пошло-поехало. Каждая маленькая услуга запутывала Андрея все больше и больше в сети. Сначала он боялся, что прозная начальство – уволит, и он потеряет приличное место и приличную зарплату. Затем стал бояться, что потребуют вернуть те суммы, которые сворачивали с предназначенного пути и, ловко обогнув ряд препятствий с помощью Тимура и финансового директора, оседали в конечном итоге в карманах троицы – эти деньги быстро тратились, и Андрей, у которого был явный вкус к роскоши, находил им немедленное применение...

Достаточно скоро Тимур узнал, что Андрей склонен к однополый любви, и, хотя он уже и без того держал Зубкова на крючке, ему показалось мало...

Однажды Тимур пригласил его к себе на дачу, где познакомил с хорошеньким мальчиком лет семнадцати. «Вова, сын одного моего приятеля, – представил Тимур. – Родители уехали, а меня попросили приютить парнишку на выходные, а то мальчонка шептунной, они побоялись оставить его одного в квартире...»

Тимур порадовался, заметив, как вспыхнули глаза Андрея.

Андрей так и не сумел понять, каким образом он потерял голову. Помнится, после обильного обеда с большим количеством алкоголя Тимур предложил им отдохнуть в тени сада, предоставил к их услугам Пашу, а сам, сославшись на дела, уехал. В саду было жарко, хотелось пить. Вова сидел в шезлонге, мечтательно глядя поверх учебника – ему надо было приготовить уроки к понедельнику – куда-то в глубину сада. Андрей с тем же успехом рассматривал газету. Близость мальчика волновала его, и косые взгляды, которые тот иногда бросал в его сторону, казались ему кокетливыми. Паша услужливо подносил напитки, бросая ласковые взгляды на обоих...

Жара ли, алкоголь ли сыграли с ним злую шутку, но вскоре Андрей сбежал из сада, испугавшись нахлынувших на него чувств. Еще немного, и он бы набросился на парнишку...

– Наркотики, – подсказал Кис. – Тимур подмешал в питье. Это его любимая уловка, и не только вы попали в эту западню...

– Вот оно как!.. А я все искал объяснение: что это на меня нашло? А он, подлец, оказывается...

– И вы оказались с мальчиком в постели? – поторопил его Кис.

– Сначала я оказался в сауне. Там есть маленький бассейнчик, и я полез освежиться. Спустя какое-то время Вова присоединился ко мне... А потом, вы правы, мы оказались... В спортзале.

– Правильно, – кивнул Кис. – Там вас Тимур и заснял на видеопленку. И стал шантажировать...

– Этого Вову я больше никогда не видел, но пленка-то осталась... К нам еще присоединился какой-то здоровый черный... Смотреть эту видеозапись было невозможно! Начинало тошнить, хотелось повеситься оттого, что в этом участвовал – я. Разумеется, Тимур дал понять, что родители Вовы – люди серьезные и шутки с ними плохи...

– Сказать вам, что я думаю? Что он купил вас с потрохами! Вову этого он подобрал скорее всего где-нибудь на улице, помыл, одел, вам представил. Это была для вас ловушка, и никаких родителей, «серьезных людей», у парнишки наверняка нет. Тимур ему заплатил за спектакль вашего «соблазнения», а остальное Вова, думаю, и вовсе не помнит...

– Как это – не помнит?

– А вот как: есть такой наркотик, который стирает память, зовется в Европе «сексуальный грабитель», а у нас – не знаю, никогда не слышал... И вы послушененько попали в уготовленную западню... Но, прошу, давайте вернемся к пятнице, когда Тимур должен был уехать в командировку. Это он вам сказал о пятнице?

– Он.

– И он вас обманул. Потому что у него на работе знали, что уезжает он в понедельник и выходные должен провести на даче...

– Зачем?

– Рассчитывал, что вы передадите это Александре. Ей он приготовил западню – любитель был, видать, подобных развлечений. Но и вы, стало быть, решили покопаться в квартире? Надеялись компромат разыскать?

Андрей мотнул головой, выражая неуверенное согласие. Он осунулся за протекшие полчаса разговора, и его усталое лицо больше не пряталось за снобистской маской преуспевающего бизнесмена.

– Вы пришли туда до Александры?

– Да. Услышав звук ключа, я юркнул в третью комнату и успел запереть за собой дверь. И просидел в духоте и пыли несколько часов. Признаюсь, – улыбнулся Андрей, – ужасно хотелось писать. Едва не решился пописать в окошко... Я слышал, как Александра чертыхалась, просматривая видеокассеты. Из чего я сделал вывод, что она, как и я, попала в сети. Показнулся, что свел их...

– Ну, Тимур и без вас бы нашел подход. Вы просто оказались наиболее простым вариантом.

– Несомненно. Спустя какое-то время я с ужасом услышал, как в квартире появился Тимур. То есть поначалу я не знал, что это он, просто кто-то открыл дверь и вошел. Но, судя по хозяйской манере – ходить на кухню, открывать бар, что-то наливать, – я решил, что это он. И не ошибся. Он вскоре заговорил. Он обращался к Александре...

– Это нам уже известно... Давайте перейдем к концу.

– Мне было слышно все: глухой удар, падение тела – я в тот момент не понял, чьего... Затем еще один тяжелый стук об пол. И этот звук оставался для меня загадкой до тех пор, пока я не вышел и не увидел гантели у кровати... После того, как упало тело, я слышал какую-то возню; шаги были легкими, и я подумал, что это Саша... Другого шума не было слышно, из чего я заключил, что упавшее тело – тело Тимура и что оно до сих пор лежит неподвижно. То есть что она убила его... Затем услышал щелчок выключателя – Саша погасила свет. Тихо скрипнули створки – она открывала окно. Она поволокла тело Тимура к окну... Она тяжело дышала... В тот момент я тоже не понял, чем она занимается... Когда за ней захлопнулась дверь, я переждал еще пять минут, хотя и так было ясно, что ушла она совсем – она закрыла ключом все три замка... Я выбрался из убежища. В квартире никого не было. Ни живого, ни мертвого. Я, первым делом...

– Ринулся в туалет... – догадался Кис.

– Верно, – измученно улыбнулся Андрей. – Затем я подкрался к окну: вроде никого. Все тихо. И вдруг кусты под окнами зашевелились, и через пару минут из них вынырнула Александра. Она, взяв за ноги, подтащила тело Тимура к краю газона... Окинула взглядом плоды своих трудов, отряхнула руки и ушла.

Убедившись, что Александра скрылась из виду, я зажег свет и стал продолжать свои поиски. Прячась в третьей комнате, я видел, как Александра нашла кассеты едва ли не у моих ног. Меня спасло то, что свет она не зажгла и коробка с кассетами стояла у входа, в то время как я изо всех сил вжимался в узкое пространство между стенкой и шкафом... Короче, я решил поискать мой компромат там же. И нашел! В

старом портфеле, причем моем же! Там же лежало досье на меня с историей всех наших махинаций, где была описана только моя роль в них, и кассета... Не могу рассказать, как я обрадовался! Я тут же прихватил мою находку, проверил квартиру, унес гантели, как вы выразились, от греха подальше, запер комнату, погасил свет и тихонько спустился по лестнице...

Я пытался понять действия Александры. Было ясно, что она Тимура убила. Еще как-то можно было объяснить, зачем она спустила тело через окно – вытаскивать его на себе было тяжело и рискованно, а она по каким-то причинам не хотела, чтобы Тимура обнаружили в квартире... Но зачем Александра подтащила его тело к краю газона? Вот чего я никак не мог уловить! Но, выйдя из подъезда, я понял все.

Тимура на газоне не было! Я, оказывается, не досмотрел спектакль, увидел только первый акт – Александра подтаскивала его тело к краю, чтобы скорее всего погрузить его в багажник своей машины!

И лишь потом, когда я узнал, что тело Тимура обнаружили в реке, я понял, что не багажник машины был уготован Тимуру! Александра вернулась, чтобы сбросить его в воду...

– Вы это домыслили? Или все-таки видели?

– Нет, я предположил... А что, ошибся?

– Дело в том, что, если верить Александре, Тимур был жив, только без сознания.

– Она его... живым скинула?

– Нет. Она ушла, чтобы вызвать «Скорую помощь»... И когда вернулась, Тимура не было.

У Андрея глаза на лоб полезли.

– Помилуйте, но как же такое может быть?

– Вот и я спрашиваю: как же такое может быть? В квартире Тимура были вы и она. И кто-то из вас сбросил Тимура в речку. Если не вы – то Александра. Если не Александра – то вы. Либо, на худой конец, вы вместе. Вот и выбирайте, Андрей, что вам больше нравится... Третьего не дано.

Больше они, однако, не добились от Зубкова ни слова. Он молча открыл дверь своей квартиры и одним жестом выставил их за дверь.

– Вот и гадай теперь, – проворчал Кис. – Что прикажете думать об этой истории?

– Как хочешь, а я Александре верю, – сообщил Реми.

– А Зубкову?

Реми пожал плечами:

– Поверил бы... Да только не очень получается. Третьего не дано, как ты сказал.

Кис мялся. Реми решил собрать всех за ужином, позвонил сестрам и вот уже полчаса уговаривал Алексея.

– Она не хочет меня видеть, я тебя уверяю! – капризничал Кис.

– Но ведь Саша приняла приглашение!

– Ей просто некуда деваться! Ты бы слышал свой торжественный тон, тут последний идиот догадался бы, что собираешься делать Ксюше предложение!

Реми и вправду собирался. С той ночи, в которую он принял это решение, уже прошло несколько дней, но обстоятельства, мягко говоря, мало способствовали подобному разговору. И вот теперь, когда их

расследование близилось к концу, а пребывание Реми в Москве – к отъезду, когда стало ясно, что ни одна из сестер в смерти Тимура и похищении документов не замешана – ну разве что весьма косвенно, – теперь Реми решился вернуться к заветной теме.

– Алексей, ты не понимаешь простую вещь: неловкость надо снимать немедленно. Иначе ты просто никогда – никогда, поверь мне, – уже не сможешь общаться с Александрой. Не знаю, впрочем, хочешь ли ты с ней общаться... Но если таковая мысль притаилась в каком-то уголке твоего мозга и тебе было бы жалко потерять это... мм-м, скажем, это знакомство... то необходимо срочно с ней повидаться и не дать накопиться неловкости и обоюдному смущению! Ей стыдно, что мы, а особенно ты, узнали ее секрет; тебе стыдно, что ты узнал его; обоим хочется сбежать при мысли, как посмотрит на него другой, – я понимаю. Но только избегать встречи – это самая большая глупость, которую можно сделать в подобной ситуации.

– Ты проповедником поработать не пробовал? У тебя был бы самый богатый приход во Франции!

– Александре кажется, что то, что произошло с ней, покрыло ее позором. Если ты как мужчина способен найти в себе мужество, чтобы принять и пережить все, что ты узнал; если в тебе достаточно сил, чтобы поддержать ее, – то дай ей почувствовать, что жизнь не закончилась, что она как женщина по-прежнему достойна уважения и любви... Знаешь, у нас есть центры поддержки жертвам насилия, они разрабатывают специальные программы для восстановления психики, получившей такой страшный удар... Но никакой центр и никакой психолог не способны сделать то, что может сделать для женщины понимающий и любящий ее мужчина...

Кис посмотрел на Реми с каким-то мягким, даже растроганным выражением.

– Ты немного ошибся, Реми, – помолчав, ответил он. – Я не влюблен в Александру. Она мне очень нравится, она относится к такому типу женщин, от которого я схожу с ума... Но я еще не сошел. Может, просто не успел. А может, вот здесь что-то не пускает... – указал Кис на грудь.

– Это... Извини, что я спрашиваю... Это твой развод?

– Да, – грустно улыбнулся Кис, – болят старые раны! Тебе, молодому, не понять.

– И все-то вы, русские, усложняете! Нет бы посмотреть на вещи позитивно!

– И чего ж тут позитивного?

– А вот что: люби ты действительно Александру, может, и не сумел бы перенести все это... Ну, я имею в виду эти видеофильмы... А так – тебе же самому легче, и помочь ей – проще.

– Нет, пожалуй, тебе стоит в психиатры податься. Деньги будешь грести лопатой!

– Иди-ка ты лучше костюм надевай. Скоро выходить! – Реми посмотрел на часы.

Кис до сих пор валялся на диване, задрав ноги на спинку. Услышав последнюю фразу, он спустил ноги и даже привстал.

– Что, и галстук надевать? – с ужасом спросил он.

– Разумеется.

– И когда ты уедешь наконец, мучитель?

– Скоро, а может быть, и раньше. Как только разыщем папочки. А разыщем мы их, чует мое сердце, не позднее завтрашнего... ну, в крайнем случае, послезавтрашнего дня.

– Твоими бы устами... Какой костюм надеть, серый или синий?

– Покажи.

Детективы не хуже девиц потратили еще полчаса на обсуждение костюма. Реми придирчиво рассматривал рубашки и галстуки Киса, и наконец был выбран серый костюм, бледно-голубая рубашка, и Реми подобрал один из своих галстуков, ворча, что у Киса вовсе нет никакого понятия о приличной одежде, и как это он может рассчитывать на интерес к себе красивых девушек в таком раскладе, остается совершенно непонятным...

Впрочем, девушки с щедростью уделили обсуждению туалетов в три раза больше времени. Ксюша сияла от счастья, Александра была возбужденно-весела...

Ну, хоть весела, рассудила Ксюша, а уж как именно – десятое дело!

Одним словом, на этот вечер намечался хеппи-энд, хоть и несколько преждевременный, но ощущение чего-то важного и праздничного лихорадило всех четверых.

Ресторан выбрала Александра. Все оценили уровень роскоши, претенциозной изысканности и цен. Кис даже украдкой посмотрел на Реми: как пережил француз веселенькие циферки в «условных единицах», проставленные напротив блюд? Француз был, однако, невозмутим.

Всем отчего-то было неимоверно весело, все шутили, пили водку, перебрасывались остротами и репликами, вспоминали фрагменты расследования – все казалось смешным.

– А помнишь, как я тебе обещала по физиономии дать? – хохотала Александра.

– А я тогда еще тебе ответил, что меня бы устроило, если бы ты приходила почаще! – рыдал от смеха Кис. – И колбаску нарезала!

– Ты помнишь, как ты мне сказал, что я тебя обманула? Я-то думала, что ты догадался о моем розыгрыше! – веселилась Ксюша. – А ты был уверен, что я убийца!

– А ты, как ты растерялась, когда я тебя спросил о ликере! – отвечал ей Реми.

– Братцы! По-моему, у нас отходняк! – прохрипел Кис, утирая слезы смеха.

– Друзья мои! – провозгласил Реми. – Пока ваш национальный спорт не добил меня окончательно...

– Что это он имеет в виду? – тихо спросила Ксюша Александру.

– Водку! – прыснула та.

– ...Пока голова моя еще соображает и мои слова способны вызывать доверие, я хочу в присутствии вас всех...

– Сделать предложение Ксюше! – хором проговорили Алексей и Александра и снова покатались от хохота.

– Месье, мадам, прошу оценить серьезность момента! – едва сдерживал улыбку Реми. – У меня, можно сказать, один из важнейших моментов жизни!

– Не «один из», Реми! Важнейший! Наиважнейший! – веселилась Саша. – Ты поймешь это потом, когда начнешь жить со своей женой, *русской женой*!

– Но до того мне хотелось бы узнать мнение Ксюши! – отчаянно воздел руки к небу Реми. – Согласна ли...

– Она согласна, согласна! – смеялась Александра.

– Ты только глянь на нее! – вторил ей Кис. – Сразу поймешь!

Ксюша обводила компанию своими блестящими, счастливыми глазами.

– Мы сейчас этих двоих весельчаков отселим за соседний столик! – проворчал Реми. – Портят мне торжественность момента!

– Тс-с! – приложила палец к губам Александра. – Прекрати, Кис, ты ведешь себя неподобающе! Ты – хулиган с задней парты!

– А сама? Сама-то?! – дурачился Кис. – Ты первая начала!

– Какой наглец!

– Сама нахалка!

– Грубиян!

– Грубиянка!

– Е-мое, с тобой невозможно разговаривать!

– Е не твое, Е общее!

Все, кроме Реми, которому было не дано понять эту русскую часть разговора, уже съезжали под стол от хохота.

Александра умчалась в туалет – тушь попала ей в глаза. Кис последовал в том же направлении по несколько иному делу: он, что называется, едва не уписался от смеха.

Когда оба вернулись, Реми с Ксюшей целовались. Кажется, слова уже не были нужны, и все шумно сдвинули предусмотрительно наполненные шампанским бокалы...

Спустя еще полтора часа, когда был обсужден официальный визит Реми к родителям Ксюши, сроки ее приезда во Францию и масса других важных и неотложных дел, Кис вдруг помрачнел и произнес:

– А убийцу-то мы так и не нашли. И досье тоже.

Реми оторвался от созерцания чудных Ксюшиных глаз:

– Ладно тебе... Найдем.

– Саша, – повернулся Кис к своей соседке по столу, – ты ведь не убивала Тимура? Скажи мне правду!

Тут Александра замолкла, и глаза ее потемнели, погасли.

– Извини, – пробормотал Кис. – Но если не ты, то это – Андрей... Больше некому.

Александра отвернулась от него.

На выручку бросился Реми.

– Мой друг не отличается деликатностью, ты не обращай внимания...

– Ну я же сказал: «ты его *не* убивала», я же не сказал: «ты его *убила* !..» – ворчливо оправдывался Кис.

– Просто мы в небольшом тупике, – продолжал Реми. – Мы встречались с Андреем Зубковым, и если верить его рассказу, то выходит, что...

Реми пустился в объяснения, сопровождаемые поддакиваниями смущенного Киса.

– Вот видишь, – сказал последний под конец рассказа, разводя руками, – что еще прикажешь думать? Раз не ты – то дружок твой. Третьего не дано.

– Почему? – удивилась Александра. – Мало ли кто мог еще зайти в тот вечер к Тимуру!.. Андрюша не мог убить, я его знаю! Нет, у него рука бы не поднялась, он, в конце концов, умный и добрый человек! Ну, а

если допустить, что он все-таки задумал убийство, то как-нибудь сам бы управился, а не стал бы, как гадкий трус, исподтишка пользоваться ситуацией и топить живого человека! Нет-нет, третьего надо искать, надо!

– То есть ты вот так, совершенно недвусмысленно, заявляешь, что в тот вечер еще кого-то нелегкая принесла? А не многовато ли в нашей истории совпадений?

– Каких совпадений, Алексей? – спросила Александра, отметив про себя слова «в нашей истории...». – Совпадений в нашей истории нет! Это вы с Реми их придумали, потому что не знали о розыгрыше! Совпадение здесь только одно – в том, что Ксюша «надела» на свой воображаемый труп перстень Тимура. И то совпадение лишь частичное, скорее работа интуиции: ведь Ксюша наверняка видела именно его в аэропорту! Он следил за мной, он все хотел знать: куда я иду, куда я еду, куда я лечу... Так что ищите, господа детективы, ищите третьего!

– Тимур занимался сбором компромата, – поддержала сестру Ксюша. – И должны существовать люди, которые об этом знали и хотели от него избавиться! Кто-нибудь мог решить, как Саша и Андрей, залезть в квартиру, чтобы выкрасть компромат на себя...

– Три замка – не шутка, девочка. И подавляющая часть населения орудовать отмычками не умеет. А выкрасть ключи у Тимура, чтобы сделать копии, как показала история с Сашей, совсем не просто. Тимур был человеком хитрым, жестким и расчетливым, а такие люди обычно не доверяют ближнему: судят о ближнем по себе...

– Как хочешь, Кис, а третий там был! – возразила Александра. – На что-то он все же рассчитывал... Я знаю, что надо делать! – вдруг воскликнула она. – Надо найти человека из окружения Тимура, который, как и мы с Андрюшей, считал, что он уезжает в пятницу! Именно такой человек решился бы прийти!

– Александра! – завопил Кис и полез обниматься. – Я с самого начала понял, что ты потрясающая женщина!

Как это ни удивительно, но Саша, со смехом отбиваясь от Киса, вдруг зарделась, как юная девица.

– К тому же ты необыкновенная умница! – продолжал Кис.

Он все-таки выиграл их маленькую драчку и оставил руку на плече Александры.

– Ты сейчас сказала одну замечательную мысль – насчет пятницы! Только все надо было сказать наоборот!

Кис подождал и, видя, что его слова остались для всех загадкой, торжествующе пояснил:

– Этот «третий» знал, что Тимур *будет* дома в пятницу!

– Почему? – изумились все.

– Потому что Тимур ввел в заблуждение только Андрея, причем с конкретной целью: чтобы Саша узнала об этом от него. А всем остальным было прекрасно известно, что Тимур уезжает в понедельник! Нет, кто-то зачем-то шел к Тимур в гости... Я раньше думал, что Тимур вечером в пятницу съездил на дачу, а потом вернулся в Москву, потому что у него встреча назначена. Теперь понятно, что на дачу он мотался скорее всего, просто чтобы дожидаться вечера... Так как на вечер пятницы у него был план: поймать в ловушку Александру! Следовательно, никакой другой встречи у него не было запланировано! И кто-то явился к нему непрошенный в гости, *зная, что он должен быть дома*! Кто-то, кого Тимур не звал, поскольку он расписал по сценам этот вечер для Саши... И нашел Тимура на газоне!

– Погоди-погоди, – заговорил Реми, – что там у нас о звонке было?.. Александра! Кто-то звонил Тимур, когда ты пряталась в спальне, ты нам рассказывала! Ну-ка, вспомни поподробней!

– Верно... Тимур сказал: «Разговоры о делах – в рабочее время, а сейчас я отдыхаю!» И еще про

предательство... Что он его не прощает! Его собеседник, судя по всему, пытался оправдаться... Я, к сожалению, плохо помню... Я испугалась, и мои собственные страхи и худшие ожидания занимали мой мозг в тот момент...

– Это уже немало! Некто, кого Тимур не прощает! И кто пытается тем не менее выторговать прощение! И этот некто должен был бояться, бояться не на шутку, раз позвонил Тимуру домой... Ты говорила, Тимур был крайне холоден с ним?

– Да. Резок, категоричен.

– Тем не менее человек рискнул позвонить... Зная Тимура, он не мог не предполагать, какой его ожидает прием. И все же позвонил! Вымаливал прощение! Значит, для него это был крайне важный вопрос, раз он полез на рожон! – оживленно говорил Кис. – Этот человек, попав в немилость к Тимуру, что-то терял! Что терял? Отчего он трясся? – Кис торжествующе обвел всех глазами.

– Может, это кто-то с работы? – предположила Ксюша. – Боялся, что его уволят?

– Работа? – фыркнула Александра. – Тот, кто находился в руках шантажиста, мог потерять куда больше, чем работу!

– А ты что скажешь, жених? – Кис устремил взгляд на Реми.

– Тимур имел дела с таким количеством людей, что я не позавидую тому, кому придется перетряхивать все его контакты в поисках ночного визитера, – несколько мрачно ответил «жених».

Девушки заметно расстроились, представив себе необъятность предстоящей задачи. Один Кис по-прежнему сиял, как новенький рубль. Реми кинул на него вопрошающий взгляд, и вслед за ним и сестры устремили удивленные глаза на жизнерадостную Кисову физиономию.

– У тебя есть какие-то соображения? – осторожно поинтересовался Реми.

– Я вам уже говорил, что Александра – потрясающая женщина? – еще пуще засиял Кис. – А то я могу и повторить!

– А если немножко ближе к делу? – невозмутимо подняв одну бровь, проговорила Александра.

– Боишься, что характер испортится от избытка комплиментов? – Кис посмотрел на нее почти нежно. – Не бойся, он у тебя и так скверный! Дальше портить некуда...

Тут ему пришлось уворачиваться от запущенного в него маленького помидорчика.

– Так вот, – Кис поймал помидорчик и демонстративно отправил его в рот, – м-мм, как вкусно... Я тебе уже говорил, что люблю, когда обо мне заботятся? Помидорчики подают, кормят там, поят?..

Александра приготовила второй помидорчик.

– ...В постельку укладывают, колыбельную поют, – быстро договорил Кис, на всякий случай уворачиваясь от Александры.

– Кис, не отвлекайся! – нетерпеливо позвал его Реми. – Почему ты считаешь?..

– Александра знаете какую мудрую вещь сказала? Что Андрей не стал бы действовать, как подлый трус! Убийца – человек, лишенный, за редким исключением, морали и каких бы то ни было духовных достоинств... Но не лишенный все же определенной смелости! В крайнем случае это человек, у которого приглушен инстинкт самосохранения. Но никак не трус!

И Кис окинул всех победным взглядом.

Александра, однако, не разделяла его энтузиазма.

– И это все? – скептически проговорила она.

– Пока все.

Реми задумчиво молчал, догадываясь, куда клонит Кис. Ксюша лишь заинтригованно переводила глаза с одного лица на другое.

– Не густо, – хмыкнула Александра.

– Надо было телефонный разговор получше слушать, – проворчал Кис. – Как можно работать с подобными свидетельскими показаниями?

– Дураки мы с тобой, – сообщил вдруг Реми. – Ведь там же и Андрей был! Он тоже должен был слышать!

Залепив себе в лоб звонкий хлопок, Кис вытащил мобильный и пошел по залу искать тихое местечко. Александра последовала за ним.

Минут через десять, за которые Реми успел обсудить с Ксюшей половину их будущей счастливой жизни, они вернулись.

– Выудил одну детальку, – оживленно заговорил Кис, – маленькую, но упитанную: собеседник Тимура явно напрашивался к нему домой на разговор. И еще одну детальку, но эта уже потолще будет: кто-то звонил в домофон, пока Андрей находился в квартире.

– Ну вот и примерная схема, – откликнулся Реми. – Некто испугался гнева Тимура...

– Вопрос номер один: почему? – встрял Кис.

– И стал пытаться вытянуть из Тимура прощение, – кивнул ему Реми. – Тимур его осадил, во встрече отказал, и этот некто рискнул прийти непрошеным гостем... Погоди, это похоже на бред! В столь поздний час? Без приглашения?

– Друг мой француз! Ты в Москве, не в Париже! Это у вас после девяти вечера звонить неприлично! У нас же люди ходят в гости прошеными и непрошеными, в ранний час и в поздний! А человечку этому, видать, в одном месте так припекло – до утра дожить не мог! Как ты сказала, Саша? Тимур предательства не прощает, Тимур наказывать любит! Стало быть, наказание было заготовлено, и какое именно – это вопрос номер два; и вот оттого-то человечку не спалось... И поперся человек умолять Тимура сменить гнев на милость! И нашел Тимура на газоне!

– Ты, Кис, себя на литературном поприще не пробовал? – ехидно поинтересовалась Александра. – Стоит рискнуть. Глядишь, и прославишься...

– Правда, все так убедительно выглядит!.. – произнесла с сожалением Ксюша. – Но только у вас пока нет ни одного факта! Только одна теория...

– Теория, говоришь? – нахмурился Кис. – А вот завтра мы посмотрим... Завтра мы кое-кого навестим.

– На газоне надо пошарить, – добавил Реми. – В конце концов, человек тащил тело, он его раздел, мог оставить какие-то следы! Уронить что-нибудь...

– Поищем, – кивнул Кис. – Только он скорее всего... Если представить себя на его месте... Скажем, я бы из осторожности сначала перенес тело в какое-то укромное местечко, где можно было снять с него одежду не торопясь, дожидаться, пока все затихнет, а потом уж сбрасывать его в воду... В тот момент, когда за ним приехала «Скорая», Тимур скорей всего был еще жив...

– Паскудно как, – пробормотала Александра.

– Правда, гадость какая-то! – поддержала ее Ксюша. – Какой бы он ни был, этот Тимур, но вот так,

беспомощного, беззащитного человека, которому, наоборот, надо было оказать помощь... – Голос ее дрогнул. – Так подленько утопить...

– Ничего, – утешил девушек Кис, – завтра мы этого подленького человечка достанем. Вот увидите!

Глава 25

На следующее утро детективы отправились на Бережковскую набережную. Однако осмотр места на газоне, где, по словам Александры, она оставила Тимура, ничего не дал. Во всяком случае, ничего того, что было в пределах возможностей двух частных сыщиков. Криминальная передвижная лаборатория, возможно, нашла бы чем тут поживиться...

Впрочем, может, она сюда и приедет. В конце концов, Кис обещал «борзых» Сереге и обещание должен выполнить.

Посовещавшись, детективы подъехали в «Феникс».

Красноротая секретарша рванулась доложить об их приходе, но Кис, рассыпавшись в самых изысканных комплиментах, которые только были ему под силу, предложил ей пообедать в компании двух отличных парней, каковыми, без сомнения, являлись два частных сыщика. Девушку звали Тамарой, по-английски она говорила превосходно (как рассказывал врио, кадры подбираются в «Фениксе» по дипломам, а не по знакомству!), голубоглазый Реми с неотразимой улыбкой на загорелом лице и французским акцентом произвел должное впечатление, а флакончик французских духов, прихваченный по дороге, завершил дело.

Обеденный перерыв начинался через пятнадцать минут, детективы поджидали Тамару на улице, и ее русая головка вскоре вынырнула из подъезда, обдав их смущенно-кокетливой улыбкой красного ротика.

– Я замужем, – с сожалением предупредила она, зашагав с детективами по улице.

– Милая Тамара! – воскликнул Кис. – Мы же вас обедать зовем, а не замуж!

– А... – остановилась вдруг она. – Почему вы хотите пообедать со мной?

– Вы красивая девушка, а мужской душе это приятно, – доверительно сообщил Кис. – Кроме того, хочется кое о чем с вами побеседовать...

– О чем? – Она продолжала стоять на месте.

Кажется, известие о том, что ее не зовут замуж, Тамару расстроило. Она действительно была замужем и никаких проектов по смене мужа на данный момент не имела, но каждый мужчина, попадающий в орбиту хорошенькой Тамары, был, полагала она, просто обязан за ней ухаживать, и она выбрасывала факт своего замужества изначально, как сигнальный флаг: осторожно, далеко не заходить! Что, по ее мнению, должно было вызывать к ней дополнительное уважение и разогревать дополнительный интерес, провоцировать еще большие и утонченные усилия со стороны ухажеров. А там, глядишь, и...

Мужчина же, который не имел намерения ухаживать, был крайне подозрителен. Это настораживало, это даже пугало, в этом была, скажем прямо, какая-то патология... Что может быть нужно мужчине от женщины, если он зовет ее в ресторан и при этом не является ее поклонником?

И Тамара упрямо стояла на месте, не желая идти дальше, пока не услышит вразумительных объяснений.

– Дорогая Тамара! – воркующим голосом произнес Кис. – Поверьте, мы совершенно не опасные, мирные детективы... Де-тек-ти-вы! Это не то же самое, что гангстеры, – на всякий случай пояснил он. – Мы вас пригласили, чтобы поболтать немножко в непринужденной обстановке, и мы могли бы провести приятный часок в приятном месте в обществе приятных людей. Реми у нас мастер выбирать хорошие рестораны, правда, Реми? – подмигнул ему Кис.

Тот ответил ему грозным взглядом.

– Хотя, поскольку вы здесь работаете, – льстиво продолжал Кис, – то небось лучше нашего знаете, какие тут имеются шикарные заведения?

При слове «шикарные» глазки Тамары зажглись, спинка распрямилась, грудь (весьма и весьма...) направились прямо по курсу и к лицу прилепилась та улыбка, с которой в американских телесериалах богатые красотки входят на светский party... Девушка, должно быть, уже видела себя в обрамлении шикарного ресторана.

Она решительно повела их, и вскоре они сидели за столиком, выбирая блюда под услужливым надзором официанта.

Отработав первые двадцать минут на комплиментах, окончательно истощив фантазию на утонченных и уже перейдя к низкопробным, детективы, поглядывая украдкой на часы, все же сумели подобраться к расспросам. Девушка была безмерно тщеславной, и Кис поймал ее на пошловатом восклицании: «Перед вами все мужчины должны просто складываться в штабеля! Вам, должно быть, трудно работать в мужском коллективе?»

О, разумеется! Все так и норовят завести шашни с восхитительной секретаршей. Один Тимур проявил завидную стойкость, впрочем, он сухарь, так что он как бы и не считается. Зато остальные...

Детективы оживились: разговор клонился в нужное русло.

Однако «остальные» для Тамары исчерпывались начальством, ниже ее благосклонное внимание не опускалось, и Кис с Реми сосредоточились на разговоре об Анатолии Николаевиче. Как следовало из пояснений Тамары, бывший заместитель Тимура, а ныне временно исполняющий обязанности директора хоть и кажется увальнем, но мужчина приткий и до женского тела охочий. Разумеется, Тамара ему сообщила, что она замужем. Да и он женат, да к тому же на дочери одного из акционеров! Ему роман на стороне не с руки, жена еще полбеда, хуже ее папаша!

– Толю, конечно, по-своему жалко, – объясняла Тамара, – она такая страшненькая, как лягушка! Такое, знаете, маленькое тельце и большая голова, разлапистые губы и выпученные глаза! Вот вляпался мужик! – сочувствовала замужняя секретарша.

– И как же это он так промахнулся? – с неподдельным интересом спросил Кис.

– Он мне не рассказывал... – склонила головку набок Тамара, – но... У меня в голове кое-что имеется! – похвасталась она, и Кис даже глянул на аккуратно причесанную головку, словно ища подтверждения ее словам. Не найдя, перевел взгляд на красный ротик со смазавшейся от еды помадой, который в это время произносил: – Ясно же, женился он по расчету! Такую страшилую никто не брал замуж, к тому же она старше его на три года, и женился он – я вас уверяю! – в обмен на обещание карьеры со стороны ее папаша! Бедняжка...

Кис никак не мог понять, как можно сочувствовать человеку, женившемуся по расчету, да еще такому, как этот врио, но у Тамары, видно, были свои представления о жизненных ценностях...

– Разумеется, – неискренне поддакнул он, – в такой ситуации он не мог себе позволить ухаживать за вами, даже если вы ему очень, – Кис посмотрел с театральным восхищением в глаза Тамары, – ну о-очень нравились!

Она согласно кивнула:

– Да и Тимур, этот сухарь, пресекал «неделовые отношения» на работе! – Тамара передернула

плечами, будто само воспоминание о Тимуре вызывало у нее дрожь.

– Кажется... Поправьте меня, если я ошибаюсь: Анатолий вам небезразличен?

Девушка захохотала.

– Бог с вами, это я вам просто объяснила, почему он за мной не ухаживал! И только! Что вы, Анатолий Николаевич – приятный человек и очень душевный, но никаких чувств у меня к нему нет!

То есть Тамара, добрая душа, просто сочувствует мужчине, который лишен счастья за ней ухаживать, так надо понимать? – озадачился Кис.

– Ну и как, Анатолий Николаевич получил компенсацию за свою женитьбу? Тесть исправно обеспечивает карьеру?

– Видите ли, – кокетливо улыбнулась Тамара, – только это между нами, ладно? Так вот, проблема в том, что папаша жены пытается его продвинуть, это верно, но сам Толя... – как-то интимно проговорила она, и Кис подумал, что все-таки что-то там между ними проскочило разок-другой-третий. – Он милый, добрый, всегда подарки мне дарит, – продолжала Тамара, – ни одного праздника не пропустит. Но выше места замдиректора ему не прыгнуть... Во всяком случае, так Тимур считал. И даже как-то сам сказал ему об этом, я слышала. А он в таких вещах хорошо понимал! Толя – отличный хозяйственник, но не стратег. Это тоже Тимур говорил. Толя, правда, никогда не соглашался с таким мнением... Он убежден, что у него хватит опыта и таланта, чтобы руководить фирмой. А может, он и прав! Тимур, знаете, к людям всегда был слишком строг и унижать любил... Не с клиентами, конечно, – те его обожали, – а со своими, с персоналом...

– Ну а как же тесть? Взял бы да поставил его директором! Зачем было искать на эту должность Тимура?

– Видимо, его тесть тоже считает, что у Анатолия таланта не достанет! Родня родней, а в нашей фирме котируется в первую очередь профессионализм! – гордо вздернула головку Тамара, полагая себя, должно быть, одним из образцов того. – А может, он к мнению Тимура прислушивался – его все уважали, хоть и мало любили... И все-таки вот сейчас Толя занял место директора, хоть и временно, – и ничего, пока справляется!

– Рад небось? – спросил Кис.

– Ой, страшно рад! Как маленький! В кабинете мебель меняет!

– А что, плохая разве мебель? Мне понравилась...

– Сначала он ее решил просто переставить. Начал со стола для посетителей: в понедельник велел подвинуть его ближе к окну. Во вторник распорядился убрать его... Потом, когда узнал, что Тимур погиб, решил мебель совсем по-другому переставить. А недавно сообщил, что хочет ее полностью сменить! И знаете почему? – Тамара посмотрела на них с тонкой улыбкой. – Не хочет, чтобы ему о Тимуре хоть что-то напоминало! Так они «любили» друг друга...

– В какой понедельник он передвинул стол? – вдруг спросил Реми. – В прошлый, если я правильно вас понял?

– В прошлый. А что, есть разница?

– Есть, – ответил без малейшей улыбки Реми. – И очень большая...

Кис бросил быстрый взгляд на Реми и, кажется, понял, о чем подумал его друг.

– Надо понимать, они ссорились с Тимуром? – снова обратился он к Тамаре.

– Тимур никогда ни с кем не ссорился. Тимур просто людей уничтожал! За малейшую провинность

готов был распать!

– Ох, неужто прямо-таки распать? Вы не преувеличиваете?

– Сами посудите, я однажды хотела лак на ногтях освежить: в конце концов, для посетителей и стараюсь! Чтобы все было в хорошей форме... А он как рывкнул! «Еще раз увижу – выгоню!» Я ему попыталась объяснить, что лак начал облезать и я же для дела стараюсь... Так он мне в ответ: «Дома будете маникюр делать! А то скоро вы начнете в нижнем белье приходить на работу и одеваться за рабочим столом, уверяя меня, что заботитесь о клиентах!» Я, конечно, стала плакать – очень уж обидно было, такая несправедливость! «Тимур Рустамович, – говорю, – но я делала маникюр дома! Не моя вина, что лак не держится!» – «Вы получаете достаточно хорошую зарплату, чтобы купить себе лак приличной фирмы, который держится!» Вот какой он был... Никакого понимания, никакого сочувствия...

– А как же Анатолий? Вы хотели что-то рассказать, помните? – немножко приврал Кис.

– Анатолий? То же самое с ним: чуть что – голова с плеч! В четверг там такой крик стоял – через звуконепроницаемую дверь слышно было!

Кис обрадованно пихнул под столом ногу Реми.

– И что ж за крик? – спокойно спросил он.

– Даже удивительно, Тимур вообще-то никогда голоса не повышает... Я впервые слышала, чтобы он так кричал! Что-то там должно было произойти у них... А вот что – не знаю. Голоса слышны были, а слова – не разобрать. Одно только помню: «уволю!» Тимур несколько раз повторил.

– А что Анатолий? Объяснил как-нибудь?

Тамара пожала плечами:

– Да он сам не понял, за что! Он ничего такого не сделал! Зашел в кабинет к Тимуру, а Тимура в этот момент не было, и Толя к его компьютеру подошел от нечего делать... Как вдруг Тимур врывается и кричит, что Толя пытается залезть в его секретные документы! Вы представляете? Толя и не смотрел никуда! Так просто на экран уставился в ожидании...

– У вас в компьютерах нет хранителя экрана? – спросил ее Реми. – Экран не гаснет, когда компьютером не пользуются какое-то время?

– Гаснет. Сначала там рыбки какие-то плавают, а потом гаснет. А что?

– Так как же Анатолий мог смотреть «от нечего делать» в темный экран? Там смотреть не на что! Он должен был тронуть мышку, чтобы нормальное изображение появилось, а это уже не то же самое, что «уставиться в ожидании»!

Тамара только плечами пожала и засобиралась на работу: обеденный перерыв заканчивался.

– Получается, – говорил возбужденно Реми, когда они, проводив Тамару до рабочего места, покинули «Феникс», – что Анатолий начал переставлять мебель, еще не зная, что Тимура нет в живых! А если мы исходим из его характера, в котором наличествует трусость, и из характера Тимура, в котором наличествует властность и жесткость, то я слабо представляю себе, чтобы заместитель Тимура мог позволить себе подобный жест! Он должен был считать, как все, что Тимур уехал в командировку... Помнишь, Саша сказала, что она звонила на работу Тимуру в понедельник? И ей что ответили? Что он в командировке! Как же Анатолий мог переставлять мебель в кабинете *самого* Тимура, полагая, что тот вернется через четыре дня?

– Никак, – ответил Кис. – Он знал, что Тимур *не вернется*.

– Именно!

– Потому что он...

– Его убил, – закончил Реми. – Мотив – угроза увольнения?

– Тимур застукал Анатолия за попыткой залезть в его файлы... Я думаю, именно это Тимур назвал «предательством»... Представь: Анатолий, который считает, что его недооценивают, зажимают, унижают, и кто? – Тимур. Он Тимур завидует и злится, но понимает, что Тимур сидит высоко и крепко. Чем же это он лучше Анатолия? Умнее? Лучше в качестве начальника? Умеет и стратегию выбрать, и персонал держать в руках? Нет, с этим Анатолий никогда не согласится. Как все ограниченные люди, он не способен признать, что кто-то объективно лучше его... А дело, по мнению Толи, в том, что у Тимура есть какая-то таинственная деятельность, какие-то секреты, которые он делит только со своим руководством...

– Разумеется, Тимур скрывал, какого рода эта деятельность, но ее наличие чувствовалось, вокруг него витал запах тайны... – добавил Реми.

– И Толе смертельно хотелось узнать, что за секреты такие, которые позволяют Тимур стоять на недостижимой высоте... – подхватил Кис. – Он надеялся, подобрав ключ к этим тайнам, встать с Тимуром на один уровень...

– А Тимур это понял. Может, даже нарочно подстроил, как тогда, с Александрой? Знал, что она выкрала ключи, что она придет, и подстерег. По той же схеме: знал, что Анатолий умирает от желания сунуть свой нос в его дела, предоставил ему такую возможность и схватил за руку!

– Не исключено! Только Тимура уже не спросишь, о чем он догадывался и что предполагал... Нам остается только фантазировать.

– Ну, мы пока справляемся, фантазируем... Значит, Тимур назвал это предательством. И решил Анатолия уволить. Анатолий испугался место потерять и, воспользовавшись okazji, убил его... Тебе не кажется, что тут чего-то не хватает?

– Не хватает, не хватает... Давай представим, – задумался Кис. – Тимур заявляет, что увольняет Анатолия. Место, конечно, хлебное, но ведь не такая уж катастрофа, в конце концов! У Толи, как у любого другого человека, имеются связи, и найти себе другую работу, тоже достаточно сытную, не так уж сложно. К тому же у него тесть... Он взялся обеспечивать карьеру зятю. И должен был ему помочь...

– Но сначала должен был спросить: «Что случилось, зятек? Что ты там с Тимуром не поделил, что он решил тебя уволить, несмотря на то, что ему прекрасно известно, чей ты зять?» – вдохновенно входил в роль Реми.

– Правильно! Тесть ведь из тех, кто является для Тимура вышестоящим по положению, кто хозяин и начальник! Тимура наверху, конечно, ценить должны были безмерно, но тут родственное и барственное должно было сыграть: как же это Тимур посмел моего зятя увольнять, ничтожный? И что же Толе тут отвечать? Что он «от нечего делать в экран темный смотрел»? А Тимур чегой-то осерчал? – с не меньшим энтузиазмом разыгрывал сцену Кис.

– А тесть ему: «И вот за такую-то малость он тебя увольняет?» Может, Анатолия и пожурил: мол, ты впредь, конечно, не суйся, куда не прошено, у нас с Тимуром свои дела, но...

– Но и Тимура надо на место поставить: зарвался! Характер у него, видишь ли, вспыльчивый! Так это его проблемы, его кровь азиатская. А мы ему сейчас покажем, кто тут хозяин! А ну позвать его сюда, Тимура этого!

– И тут Тимур приходит... с компроматом!

– С кассетками из бани!

– И гнев папаши за свою дочку, Толину жену, не сравнить даже с гневом Тимура!

Кис захлопал в ладоши.

– Браво! – сказал он. – Браво нам! До чего умны, черт подери!

– Приятно, конечно, сознавать, что наша догадка была верной, – отозвался благодушно Реми, – что мы идем по правильному пути, что мы нашли убийцу... Но неприятно осознать, что мы не нашли доказательств. Ведь психологический этюд к делу не пришьешь! И досье Тимура пока гуляют на свободе...

– Поехали Толино алиби проверять, – предложил Кис. – Адрес у нас есть. А там, глядишь, и с досье разберемся.

Кис завел машину.

Им повезло: жена Анатолия была дома. Описание Тамары было хоть и злым, но точным: женщина действительно была крайне некрасива, а высокомерно-враждебное выражение ее водянистых глаз начисто лишало ее последнего шанса – обаяния. Светлана Тимофеевна удивительным образом вписывалась в интерьер гостиной – богатой, претенциозной, довольно безвкусной, но стерильно вылизанной, – которая была видна в раскрытую дверь: дальше коридора сыщиков не пустили.

С первой же секунды детективы поняли, что не сумеют от нее добиться правды, и не ошиблись: «Анатолий Николаевич все свои вечера проводит дома. Так же, как и выходные», – отрубила она.

Неправдой было уже то, что Анатолий проводит дома выходные: от него самого Кис знал, что тот не раз ездил на уик-энд к Тимуру на дачу. Женские комплексы этой некрасивой дамы были очевидны, и ее желание придать респектабельный оттенок их браку – тоже. К тому же неумное, но устойчивое высокомерие, весьма свойственное людям, вышедшим из номенклатурных семей, никогда не позволит ей признаться, что у нее может быть в жизни что-то хуже, чем у других. Нет, такие, как она, с детства привыкли, что у них все лучше, намного лучше, на зависть всем: деньги, квартира, семья... что там еще? Хотя, с точки зрения Алексея, принадлежность к номенклатурным кругам следовало бы скрывать: это же стыдно, разве нет? Всем ведь известно, какими средствами эти места под солнцем обеспечивались...

Кис вышел с тяжелым чувством жалости, безразличности и неловкости. Женщина была несчастлива, это было очевидно, а Кис по природе был жалостлив и уже успел ей посочувствовать. Он понимал, что за маской чванливого снобизма Светлана Тимофеевна прячет свое одиночество и страх перед людьми, страх не быть ими любимой... И тем самым не оставляя людям ни малейшего шанса ее любить.

– Скажи-ка, – произнес Реми, – вчера, в ресторане, ты Анатолия имел в виду, когда запустил свое рассуждение о трусе?

– Его. Просто не стал развивать мысль, поскольку вчера у нас не было ничего...

– Да и сегодня не густо, – вздохнул Реми.

– Все-таки ты пессимист по натуре. Это национальное или ты один такой уродился?

– Ничего я не пессимист! – возмутился Реми. – Я просто объективно констатирую факт!

Шутки шутками, а Реми был прав. Они близились к разгадке – нет, они уже нашли ее! Но не нашли доказательств, которыми можно было добить Анатолия, после чего и подарить его Серере. Что же касается компромата... Кис отчего-то был уверен, что, размотав клубок до конца, они непременно, без особых усилий, наткнутся на Тимуровы досье.

А пока, выйдя из квартиры лягушки, они бесцельно болтались по старинным переулкам Центра –

подышать, подумать, на Москву посмотреть...

Свежий ли воздух прояснил мозги, прихорошившийся ли вид столицы их вдохновил (Реми похваливал московского мэра и сравнивал его с Шираком), но уже через час детективы покупали в магазине золотую зажигалку, схожую с той, что Кис видел у Анатолия, и, дождавшись, пока гравер закончит выводить на ней инициалы, они позвонили Александре.

– Помнишь, ты говорила, что настоящий журналист должен уметь играть роли? А ты ведь настоящая журналистка, правда, Саш? Тогда у меня для тебя есть роль. Какая? Вос-хи-ти-тель-на-я!

Светлана Тимофеевна распахнула дверь. На пороге стояла высокая, красивая и нахальная девица. Лицо ее было не лишено изящества, но излишне ярко накрашено, фигура хороша и щедро подчеркнута: короткая кожаная юбка открывала почти всю длину стройных ног, обутых в какие-то невероятные ботинки на трехэтажном каблуке; из-под расстегнутой кожаной куртки выглядывало глубокое декольте, обнаженное ярко-красным топом. Девушка изогнула бедро и по-хозяйски спросила:

– Толя дома?

– *Анатолий Николаевич* на работе, – поджала губы Светлана Тимофеевна. – Что вам от него надо? И кто вы такая?

– А вы кто? – развязно ответила девица. – Жена его?

– Супруга, – сквозь зубы подтвердила та.

Девица окинула ее наглым, оценивающим взглядом.

– Теперь понятно, отчего он загулял! Он мне про вас, конечно, говорил, что вы похожи на лягушку, но чтобы до такой степени!..

Светлана Тимофеевна хлопала ртом, хватая воздух, отчего сделалась похожа уже даже не на лягушку, а на жабу.

– Вы зачем сюда явились?.. Что вам угодно?! – едва сумела выговорить она.

– Мне? – удивилась девица. – Мне от него *ничего* не надо. Только передайте ему вот это. – С этими словами девица протянула Светлане Тимофеевне золотую зажигалку. – Он у меня ее забыл, когда был в позапрошлую пятницу.

Светлана Тимофеевна обалдело разглядывала Толины инициалы на золоченом корпусе.

– Да-да, он тогда был у меня! А вам сказал, что уходит по делу, к Тимуре... – хихикнула девица. – Я все знаю! Он вас давно обманывает, неужто вы не догадывались?

– Я?.. В позапрошлую пятницу?!! Когда он мне сказал, что пойдет к Тимуре решить один срочный вопрос?!!

– Толик все с тех пор не находил времени, чтобы прийти ко мне! – обиженно продолжала девица, не обращая внимания на восклицания супруги временного директора. – А теперь уже *мне* не нужно. Я себе другого поклонника нашла, не менее богатого! И скажите ему, что я от него ушла! И пусть зарубит себе на носу: красивых девушек надо лелеять, это ему не жена, об которую можно ноги вытирать! С такими, как я, надо поспевать – не то опоздаешь! Вот и опо...

Ее голос перекрыл визгливый крик.

– Мерзавка! Да как ты смеешь! Это он тебе такое про меня сказал?! Ах ты дрянь, ах ты... ах ты... – задыхалась Светлана Тимофеевна, не находя слов. – А ему... Я ему покажу! Он у меня попляшет, скотина,

дрянь! Ничтожество! В позапрошлую пятницу?!! Это он, значит, мне сказал, что идет к Тимуру о деле поговорить!!! А сам к этой проститутке!.. О, не могу!!!

Она захлопнула дверь прямо перед носом Александры, которая быстро повернулась и весело застучала каблуками по лестнице.

Дверь наверху тут же снова открылась. «Как вас зовут? Имя ваше как?!» – с безнадежным отчаянием прокричала вдогонку Светлана Тимофеевна.

Но поздно. За Сашей звучно хлопнула дверь подъезда.

Внизу она попала прямо в распростертые объятия Киса.

Александра вытащила из кармана маленький магнитофончик.

– На, прослушай, как получилось.

Они сели в машину, и Кис включил. «В позапрошлую пятницу?!! Это он, значит, мне сказал, что идет к Тимуру о деле поговорить! А сам к этой проститутке... О, не могу!!!» – прозвучало в салоне.

– Сашенька, ты прелесть! До чего же ты хороша была, я едва удержался от аплодисментов! Ты чудо, я теперь навсегда в поклонниках твоего таланта!

Кис галантным жестом поймал руку Александры и прижал свои губы к ее тонким пальцам.

И почувствовал, что оторваться от них ему будет не просто...

– Куда тебя отвезти? – спросил через пять минут Алексей, вставляя ключ зажигания. – Домой?

– Ксюша с Реми должны скоро вернуться, они по магазинам отправились – снедь для праздничного стола покупать... Поехали к нам?

– Я бы с удовольствием, но мне еще в одно местечко надо заглянуть: к соседке Тимура. Может, она по описанию признает Анатолия? Тогда бы у нас это дело совсем было в кармане! Слушай, – вдруг оживился Алексей, – а ты не хочешь со мной, а? Понимаешь, эта женщина так боится посторонних – ее час надо уговаривать, чтобы в квартиру пустила! А если бы ты была со мной, она бы не так боялась: девушка все-таки!

– В таком виде? – с сомнением спросила Александра.

– А ты куртку застегни, помаду немножко сотри – и вполне!

– Ну, если ты так считаешь...

Кис оказался прав: завидев рядом с ним девушку, соседка куда охотнее пустила их в квартиру и даже предложила пройти в комнату. Скромненько сев на краешке дивана, Александра подобрала свои чрезмерно оголенные ноги под себя, тогда как Кис, напротив, расположился вальяжно в кресле и закинул ногу на ногу, обнажив при этом довольно подозрительные носки...

Александра едва заметно улыбнулась этой холостяцкой примете.

– Полный, лет сорока, среднего роста, глаза светлые, бегают все время, лицо гладкое, розовое... – говорил Кис.

Соседка качала головой.

– Вы поймите, – оправдывалась она, изо всех сил желая помочь следствию, – я в прошлый раз еще вам сказала: я не подсматриваю! Могу увидеть случайно, это да. Вот если на лестнице столкнусь, то запомню, у меня хорошая зрительная память... А в «глазок», честное слово, специально не смотрю! В тот

раз глянула, потому что уже у двери была, шум слышала...

– Да вы не волнуйтесь так, – произнесла Александра, – никто вас ни в чем не упрекает. Я вас очень хорошо понимаю, это как окно: я в него специально не смотрю, но если нахожусь рядом, то гляну, конечно...

– Вот-вот! – обрадовалась женщина. – Именно так!

– Хорошо, – сдался Кис. – Давайте сделаем по-другому. Постарайтесь вспомнить всех, кого видели в позапрошлую пятницу. Всех подряд.

– Да разве ж я вспомню позапрошлую пятницу?

– Ну, тогда всех, кого видели до того, как узнали о смерти Тимура.

– Попробую... – женщина наморщила лоб. – Девушку в берете...

– О ней я уже знаю. И, как вы мне в прошлый раз сказали, других женщин вы здесь не видели. Так что давайте попробуем мужчин вспомнить!

– Знаю! Вспомнила! Ходил такой, как вы описали, – толстый, холеный... Видела я его! Только давно, месяца с два будет, – упавшим от огорчения голосом добавила она. – И еще вспомнила! – Голос снова пошел оживленно вверх. – Молодой! Такой милый, приятный молодой человек! Лет тридцать, одежда на нем хорошая, так ладно сидит!

– Должно быть, фигура хорошая, раз ладно сидит? – подсказала Александра.

– Точно! Стройный, спортивный, приятный такой, лицо интеллигентное... Стрижка короткая, вот что еще! Такая аккуратная, круглая голова, темные волосы... Куртка темно-зеленая...

Кис посмотрел на Александру. Уж не Андрея ли тут описывают?

– Вы его как видели? На лестнице? В «глазок»?

– В «глазок», верно. Мусор хотела вынести, вот и выглянула на шум.

– И что увидели?

– Он к Тимур у шел. Только Тимура дома не было, и он открыл дверь ключом. Я еще подумала, Тимур, стало быть, ему ключи дал...

Кис с Александрой снова переглянулись.

– Вы давно в этой квартире живете? – спросил Кис.

– Да вот уж скоро будет два года! Мне сын купил! – похвасталась она.

– А вы знаете, что квартира напротив сдавалась? – перехватила инициативу Александра. – Тимур ее только снимал, а хозяин у квартиры другой.

И Кис подумал, что она могла бы быть отличной партнершей в работе... Жаль, что у нее уже есть профессия... С которой она к тому же превосходно справляется.

– Нет, – удивилась женщина. – Я с ним никогда ни о чем не разговаривала, это такой, знаете, человек был, с которым не поговоришь о жизни... Значит, снимал? И кто ж хозяин?

– Скорее всего тот приятный молодой человек, которого вы видели.

– Вот оно что... Значит, поэтому он с ключом приходил!

– Постарайтесь вспомнить, когда вы его видели!

– Разве упомнишь? Только помню, что днем дело было...

– Днем? Вы ничего не путаете? Может, все-таки вечером? В пятницу вечером?

– Точно, днем: светло было на лестнице. А вот какой день...

Женщина задумалась.

– Припомните, – пытался подсказать Кис, – может, в это время какая-то передача по телевизору шла или телефон звонил...

– А ведь правы вы... – произнесла она. – Я, когда в квартиру от мусоропровода вернулась, телефон уже звонил. Я скорей бегом к нему! Не успела. Телефон опять перезвонил, и это был мой сынуля: напомнил, что в воскресенье мы идем в гости к родителям его жены... Так что суббота это была, суббота!

– Хм, не пятница?

– Суббота, – упрямо повторила женщина.

Кис помолчал, не зная, что спросить дальше. Свидетельств против Анатолия не было. Зато был второй, субботний визит Андрея... Что само по себе весьма любопытно и наводит на размышления.

– А в пятницу вы никого не видели? – осторожно поинтересовалась Александра, холодея при мысли, что эта женщина, теоретически, могла видеть и ее.

– Днем или вечером?

– Вечером, поздно вечером.

– Нет, я спать рано ложусь...

Кис от души поблагодарил женщину.

Едва выйдя из квартиры, Александра предложила:

– Поехали к Андрюше?

– Я вот о чем думаю... Милиция собрала показания, в которых фигурировала какая-то машина, припаркованная со стороны паркета напротив подъезда. Никто номеров не запомнил, цвет неопределенный, вроде серый, но ты ж понимаешь, ночью все кошки серы... Но это могла быть машина Анатолия! Он ведь не думал прятаться, не зная наперед, что найдет Тимура без сознания на газоне... Позвоню-ка я для начала Сереге, может, у них чего новенького!

Кис было вытащил из кармана свой мобильный, но, посмотрев на черное пластиковое тельце телефона, отчего-то раздумал и сунул его в карман.

– Серега ведь тоже не дурак, – ответил он на вопросительный взгляд Александры. – Он меня начнет за грудки брать, интересоваться, что у меня новенького... А мне бы, честно говоря, не хотелось отдавать ему Толю раньше, чем я все не распутаю – чтобы уже никто на вас с Ксюшей не покусился и не начал разматывать всю эту историю сначала... А для этого, вишь ты, мне надо ему разгадку на блюдечке принести!

– Алеша, – произнесла Александра, и он, вынырнув из озабоченных размышлений, обмер – как хорошо это прозвучало: «Алеша»...

Нет, он не был влюблен в Александру, это было что-то помимо него, за пределами его воли, черная магия: он просто балдел в ее присутствии. Ему все нравилось, абсолютно все: как смотрит, как говорит, как выглядит, как одевается, как думает, как пишет, как капризничает и как шутит...

Наваждение эта журналистка, просто наваждение! Но он был рад его продлить.

Он, конечно, не был влюблен в Александру... Но...

– Прости, задумался! – встрепенулся он, услышав ее настойчивый голос. – К Андрею, говоришь? Ты со мной хочешь?.. Поехали!

– Только ты дай мне начать разговор, – произнесла Александра, когда они подъезжали к дому Андрея. – Мы все-таки старые друзья с ним... Ладно?

– Ну, если ты настаиваешь... А о чем ты хочешь с ним поговорить? – Кис вдруг сообразил, что мыслью, которая промелькнула в его голове, пока он слушал соседку Тимура, он с Александрой не делился.

– Увидишь, – загадочно ответила та. – Думаю, о том же, о чем и ты...

Глава 26

Глядя, как нежно расцеловались старые однокашники, Кис испытал некое неприятное чувство, которое определялось где-то между ревностью и завистью. Да, конечно, Кис не влюблен в Александру, а уж Андрей – тем более.

Но все же! Чего это они так нежно целуются?

– Андрюша, – Александра прошла в шоколадную гостиную и уселась на диван, – мы за досье Тимура приехали. Отдай, пожалуйста!

Последовала немая сцена, в которой изумление Киса мешалось с восхищением, а изумление Андрея – с ужасом. Он уставился на Александру так, как если бы ему явилось потустороннее видение и проглаголило громоподобные слова.

Кис украдкой наблюдал за Андреем, стараясь не шокировать его своим присутствием, не добавлять неловкости, и так уже безмерно испытываемой бедным однокашником Александры.

Александра ласково посмотрела Андрею в глаза:

– Андрюша, я знаю, что ты взял эти досье. Я видела портфель, набитый документами, когда заходила в запертую комнату. А теперь он стоит пустой. И там был только ты.

«Вот это да! – ахнул мысленно Кис. – И ничего мне не сказала!»

– Эти досье смертельно опасны, Андрюшка. Не стоит гнаться за собственной смертью. Ты со мной согласен, Алексей? – вовлекла она детектива в разговор.

– Хм, – откашлялся сраженный поворотом событий Кис, – Александра, конечно, права... За них могут голову оторвать – и те, кто их ищет, и те, кто в них значитесь! Вы никак не сможете ими воспользоваться, и никакой выгоды они вам не принесут... Лучше отдать.

Андрей молча развернулся и пошел по винтовой кремовой лесенке вверх. Вернулся он через десять минут с черной спортивной сумкой, очень тяжелой, судя по виду, и поставил ее у ног Киса.

– Спасибо, – произнес Кис и сунулся в сумку.

Цветные папки из твердого пластика с резинками по краям хранили в себе копии и оригиналы каких-то счетов, договоров, сделок... Были фотографии самого разного рода, фиксировавшие встречи каких-то людей; были напечатанные на компьютере краткие описания всех грехов, подтверждаемых документами из папки, и опись самих документов...

Андрей остался стоять посреди комнаты, не зная, что делать и как себя вести.

– Ну, отлично, – проговорила Александра. – Это самое разумное, что можно было сделать... Присядь, что стоишь?

Кто у кого в гостях, интересно? – озадачился Кис.

Андрей перевернул стул задом наперед и неуклюже оседлал его, уперев локти в спинку.

– Вы не видели?.. – заговорил Кис, поскольку неловкость, исходившая от Андрея, была уже невыносима. – В тот вечер, когда вы находились в квартире Тимура, не видели ли вы машину напротив подъезда? Большую, серую?

– «Ауди»? – Андрей наконец посмотрел на него.

– Вы там видели «Ауди»? – вскричал Кис, едва не кинувшись к Андрею на шею от радости.

– Да... Когда уходил.

– Который был час?

– Начало двенадцатого... Точнее не могу сказать.

– Модель, номер запомнили?

– Номер нет, а модель... Кажется, это была шестерка.

– Ну, Андрей, ну порадовал! Прямо подарок сделал! – мотал головой Кис. – Ну, спасибо!

– Сдается мне, Кис, что ты знаешь эту машину! – тонко улыбнулась Александра. – Уж не того ли самого Анатолия...

– Того самого! Еще как того! Я самолично полюбовался ею перед входом в «Феникс»!

– Пошли! – вскочил Кис. – Все, у нас все есть!

Александра встала.

– Извини, – обратилась она к Андрею, – что не можем остаться на чай.

А разве его кто-нибудь предлагал? – вновь озадачился Кис. Все-таки она нахалка, эта журналистка!

Александра снова расцеловалась с Андреем и дружески похлопала его по плечу, словно желая передать азбукой Морзе то, что она не сказала ему словами.

На улице, шагая рядом с Александрой к машине, Кис спросил обиженно:

– Почему ты мне ничего не сказала о том, что видела портфель, набитый документами?

– Потому что я его не видела!

Кис остановился:

– Как это?..

– Да так! Я это придумала! Ты сам сказал, что нанимаешь меня на роли...

– Это был чистый блеф?!

– Ага, – беспечно ответила Александра. – Согласись, если бы мы начали бубнить, что, мол, сдается нам, что на следующий день ты, Андрюшенька, вернулся в квартиру и сделал это по той простой причине, что решил, по зрелом размышлении, забрать все папки, виденные тобой накануне, то знаешь, что он бы нам ответил?

– Что он там уронил носовой платок...

– Ручку, зажигалку, ключ – все, что угодно! И вернулся за «этим». А так ему некуда было деваться. Даже свидетельство соседки не понадобилось.

– Слушай, ты не хочешь по совместительству поработать со мной, а? Хотя бы на полставочки? Я тебе платить буду... Или, хочешь, комнату в квартире выделяю, как Ваньке...

– У меня есть работа, Кис. И деньги есть. И комната в собственной квартире.

– Да? – почесал в затылке Кис. – Верно... Чем же мне тебя соблазнить?

Александра искоса глянула на него.

Она бы сказала ему: любовью, Кис. Люби меня так, как уже любишь – даруя, но ничего не требуя взамен, не обязывая меня отвечать, оставляя мне свободу, чтобы прийти в себя душой и телом... А я, как

дряхлый ветеран, погреюсь у ее костра, – может, и затихнут старые раны...

Но она не могла этого сказать, она не могла даже мысленно рассчитывать на подобное бескорыстие, при котором один дает все, а другой взамен – ничего...

И потому она ответила с несколько наигранной веселостью:

– Не хлопочи, Кис. Мы с Ксюшей уже и так у тебя в долгу... Впрочем, можешь купить мне мороженое. – И она указала на лоток, мимо которого они проезжали.

Сдав Александру на руки Ксюше с Реми, которые вовсю колдовали над приготовлением блюд для праздничного ужина – они ждали в гости родителей девушек, и Реми хотел во что бы то ни стало удивить всех своим гастрономическим мастерством, – Кис решил ехать, не откладывая, к Анатолию.

Его долго уламывали остаться на ужин. Кис капризничал: «Это дело семейное, при чем тут я?»

Все хором расписывались ему в любви и дружбе, заглядывали в глаза и целовали в щеки.

Насилу уговорили. Однако, узнав, что до ужина еще есть полтора часа, Кис, клятвенно заверив всех, что непременно прибудет к торжествам, и отказавшись от предложения Реми поехать вместе, отправился к Анатолию.

Первым делом Кис бухнул на стол магнитофон и включил диалог Александры со Светланой Тимофеевной.

Анатолий Николаевич по мере прослушивания успел поменять на лице всю цветовую гамму: от зеленого до черного.

– Как вы могли... – дослушав, бессильно прохрипел он, ослабляя узел галстука. – Она мне звонила... Это конец!

– Конец вашему браку? Конец вашей карьере? Вы это имеете в виду?

– Вы еще смеете спрашивать!!!

– Тогда вы ничего не поняли, Анатолий Николаевич. Это на самом деле конец всему. Потому что вы убили Тимура. И у меня, помимо этой записи, есть другие доказательства.

Кис приврал. Не связанный, как милиция, процессуальным кодексом, он позволил себе некоторую хитрость и присоединил к «свидетелям» (то есть к Андрею, единственно имевшемуся в реальности) некую соседку Тимура, якобы видевшую Анатолия у подъезда. Он был уверен, что Александра выручит его очередной ролью в случае надобности дожать временного директора.

Безжалостно выложив «свидетельские показания», как реальные, так и сочиненные, он посмотрел на Анатолия.

Тот, однако, тяжело молчал, не глядя на детектива. Лицо его покрылось каплями пота, губы слегка шевелились, будто он шептал про себя некую речь.

Кис подождал, подумал и вновь заговорил:

– Хорошо, Анатолий Николаевич, зайдем с другой стороны. Вы человек деловой, коммерческий, и посему я вам предлагаю сделку. Завтра с утра уже не я, а милиция займется вами, и это вне зависимости от того, расскажете вы мне сейчас подробности вашего преступления или нет. Но если вы сейчас удостоите меня вашим признанием, то я удостою вас помощью в налаживании семейного конфликта: я лично вместе с той девушкой, что приходила к вашей супруге, объясню ей, что это был розыгрыш. И кассету, на которой

вы запечатлены в сауне Тимура в оформлении голых женских тел, – вам подарю.

Анатолий все молчал, и Кис продолжил:

– Вы ведь дорожите вашим браком, не правда ли? Жену вы свою не любите, она, как вы позволяете себе заметить при посторонних, похожа на лягушку... Некрасивая и холодная – это вы вкладываете в сравнение? Вы помните детскую сказку, Анатолий? Как лягушка превращается в царевну? А помните, как заканчиваются сказки? «Сказка ложь, но в ней намек, добрым молодцам урок!» И урок заключается в том, что лягушка превращается в царевну тогда, когда ее любят... Да, Светлана Тимофеевна не станет красавицей, не помолодеет на пару десятков лет... Но если с ее лица исчезнет это выражение замкнутого высокомерия, эта злобная спесь – то она станет куда милее... А обаяние – это ведь даже сильнее, чем красота, вы со мной согласны? – посмотрел на него Кис.

Анатолий в ответ неуверенно пожал плечами.

Обаяние! – усмехнулся Кис. Пустой звук для свинины! Обаяние, летучая материя, исходящая, как духи, от тела, от души человека... А свинина смотрит только на круглые телесные места и в глазки заглядывает лишь для того, чтобы увидеть в них разрешение эти места полапать... И где размещается душа, ему невдомек и неинтересно.

Посему, оставив разговоры о летучих материях, Алексей продолжил:

– Жена ваша несчастна. Вы никогда не замечали закономерность: чем больше у человека внутренних проблем, тем больше он надевает на себя холодную маску высокомерия? Защищается человек, вывешивает рекламный щит: я лучше вас, у меня все лучше, чем у вас! Счастливые же люди не нуждаются ни в масках, ни в рекламе, ни в доказательствах.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – не выдержал Анатолий. – Что за психология с философией? При чем тут моя жена и ее дела?

– При том, Анатолий Николаевич, что это не ее дела. Это *ваши* дела. Вы ведь думаете небось: «Что скажет тесть?» А вам бы о любви вашей жены подумать стоило. Жены – страшная сила, и если бы вам удалось сделать вашу жену счастливой, то никакой тесть вам не страшен. Это для вас она – лягушка, а для ее отца – она дочь, и тем более любимая, что неудачная, некрасивая, озлобленная... А ведь вы – ключ к ее счастью. У нее, кроме вас, никого нет.

– Ну и что? – тупо спросил Анатолий. – Какое ваше дело? Чего вы мне мораль читаете?

– Я вам не мораль читаю, дорогой Анатолий Николаевич, – терпеливо пояснил Кис. – Я с вами торгуюсь. Я вам объясняю, что вы выиграете, если я в обмен на ваше подробное признание помирю вас с женой, погашу конфликт, который я же и спровоцировал. А вам только останется довести дело до конца: сумею дать вашей супруге немного долгожданной нежности, капельку внимания, несколько граммов лекарства под названием любовь... Преуспеете – и тестя в карман положите... Про «эгоизм разумный» слышали?

– Что-то такое...

– Правильно, в школе проходили, у Чернышевского. Вот я вас и призываю быть эгоистом разумным: принося добро, вы и получаете добро... Так понятно? Нет? Ну, смотрите: от суда вы не отвертитесь, это точно. Но, наладив отношения с женой – и я вам в этом обещаю посодествовать, – вы с ее помощью выкрутитесь с наименьшими потерями... Теперь понятно?

Прояснение на лице толстого врио свидетельствовало о том, что на этот раз дошло.

– И последнее, – сказал Кис. – Тимур умел окружать себя ореолом тайны, важности и могущества. Но

это был всего лишь имидж. Он являлся простым исполнителем, найденным на стороне. Это был, если хотите, одинокий волк, опасный, хищный и весьма зубастый, но – одинокий. За ним никто не стоял, и никого его смерть особо не интересует. Пожалеют об утрате ценного работника – и все. Все, что требуется сейчас его хозяевам, – это материалы, которые собирал Тимур. Так что вряд ли вам грозят серьезные неприятности со стороны хозяев, тем более что тесть, если вы сумеете наладить отношения с вашей супругой, вас прикроет...

Потное лицо Анатолия окончательно прояснилось.

– Ну что ж, – удовлетворенно кивнул Кис, – я вас слушаю...

– Тимур был сволочь, – начал Анатолий. – Толковый, хитрый, предприимчивый, это верно, – но сволочь отменная. Это все знают и в доказательствах не нуждается. Вот вы тут про «эгоизм разумный» только что распинались, мол, люби и тебе воздастся...

– Это не совсем то же самое. Не путайте Библию с Чернышевским, – перебил его Алексей.

– Да без разницы! Тимур добра никогда никому не сделал, а имел – ого-го-го!

– Так ведь потому Тимур и лежит сейчас в морге, неужели не понятно?

Анатолий посмотрел на него задумчиво, и некоторое удивление проступило вдруг в его лице:

– Может, вы и правы... В конечном итоге, если подумать...

– Именно! Вот чего не хватает людям: *подумать!* И если это сделать, то вы без труда увидите, что зло, как и добро, всегда возвращается к тому, кто его послал в пространство. Хуже того, если тот, кто совершил зло, по случайности не получит его обратно, то оно обрушится на его детей и внуков, ни в чем не повинных... Вы Библию читали? Там говорится, что грех падает до седьмого колена, кажется... Я Библию читал давно и поверхностно, но все же запомнил. И в последние годы, когда у нас стали публиковать всякие светские хроники, я с удивлением обнаружил, что существуют немало знаменитых семей, над которыми висит проклятие: вымирают члены семьи один за другим... Кто на самолете разбился, кого застрелили, кто с лошади упал – все вроде случайно, а глядь – от семьи ничего не осталось... Вот и задумаешься поневоле – что же натворили предки, раз кара небесная падает на детей и внуков!

– Ну, вы уж прямо... Мистику тут разводите!

– Не будем спорить. Для вас – мистика, для меня – осуществление законов, описанных в мудрейшей книге человечества... Продолжайте, прошу вас. Тимур был сволочью, сказали вы... Он вас унижал?

– Постоянно!

– Это в его характере, насколько мне известно. И он не давал вам расти, не пускал вас наверх, всячески давая понять, что вы...

– Что я дерьмо!

– Понимаю, насколько вам это было неприятно...

– Неприятно? Я его ненавидел! Я, ей-богу, убил бы его собственными руками!

– Но не знали как?

– Не знал. Не смел...

– И вы попытались обойти его, подобрав ключ к его таинственным делам. Надеялись разобраться в них и доказать...

– Верно. Вы психолог! – Анатолий вдруг улыбнулся неожиданно искренней улыбкой.

– Станешь психологом при такой работе, как у меня!

Анатолий уважительно покивал.

– Хотелось, конечно, доказать, что я могу справиться не хуже Тимура... Но подобраться к его секретам непросто, он все ловко припрятал. К тому же я знал, что он в бане снимал: у нас с ним пару месяцев назад ссора вышла, и он меня предупредил: чуть пикнешь – кассета ляжет на стол тестю...

– Так вы решили его убить?

– Нет. Я ничего не мог придумать. Только хотел... Но после того, как он меня застал в своем кабинете – а я всего-то только мышку тронул, там на экране ничего и не было особенного, у него все равно все засекречено паролями! – он заорал: «Уволю!» Тогда я стал всерьез обдумывать, как бы его устранить. Ведь об увольнении узнал бы тесть, стал бы интересоваться, что да как, и Тимур мог бы ему ту проклятую кассету показать... Но пока что я пытался уладить конфликт. Пробовал поговорить с ним в пятницу с утра, на работе – он выгнал меня из кабинета. Позвонил вечером домой, просил разрешения прийти – отказал. Я пытался обсудить мое увольнение по телефону – он грубо пресек все разговоры. Я был готов любой ценой вымолить прощение – и решил пойти к нему без приглашения...

Анатолию было невдомек, что грозный Тимур и не собирался его увольнять: он собирался его проучить. Толя устраивал Тимура – исполнительный, не слишком умный, хотя практичный и расчетливый, и в делах довольно компетентный. Он был, как все трусы, подловат, но его трусость являлась для Тимура крепким поводком, на котором можно было Толю всегда водить и в случае чего дернуть: к ноге! Искать нового работника, новое доверенное лицо не имело ни малейшего смысла: время, потраченное на его обучение, на изучение его самого, его слабых сторон, на которых можно было бы выстраивать преданность работника делу и самому Тимур, – это время огромное, которое, как известно, деньги. Тоже огромные.

Тимур, категорически пресекая все попытки своего заместителя уладить конфликт, хотел всего лишь помариновать его еще недельку до своего возвращения из командировки.

Но толстый Толя не знал этих соображений. Он проницательностью не отличался, он был хитер, но не дальновиден, и психологом он тоже не был.

Ведя машину по темным улицам, Анатолий думал, что пора с Тимуром кончать. Он не мог никак решить, нанять убийцу или самому придумать что-нибудь хитрое. Хитрости ему не занимать... Ему бы храбрости.

Анатолий действительно был труслив и, как все трусы, не умея смотреть в глаза, предпочитал действовать за глаза, за спиной. И притом неизбежно жестче – ведь, глядя в глаза, можно *договориться*, а действуя за спиной, можно только *устранить*.

Да, Тимура следовало устранить, это ясно. Но трусость и тут мешала ему обратиться к услугам убийцы: Анатолий был убежден, что заказное убийство поднимет большой переполох среди хозяев и в ход будут пущены немалые средства для поиска убийцы. Вот разве что найти такого специалиста, который подстроил бы несчастный случай?..

Подойдя к подъезду, он нажал кнопку домофона. Никто, однако, ему не ответил, хотя в окнах Тимура горел свет.

Бесплодно пронажимав кнопку в течение пяти минут, Анатолий растерянно отступил от двери и стал вглядываться в окна. Но в освещенных окнах тоже ничего интересного не происходило. Анатолий растерянно оглядывался по сторонам...

Вот тут он и заметил ноги, торчащие из кустов. Шагнув поближе, он раздвинул ветки, вглядываясь во мрак, который не в силах был разогнать тусклый свет отдаленного фонаря. И все же он сумел рассмотреть того, кто лежал на газоне...

Это был Тимур.

Нет, это был не Тимур – это был шанс, подарок судьбы!

Тимур – мертв. Все, свобода!

У Анатолия даже закружилась голова от прилива опьяняющего чувства легкости и независимости. Карьера немедленно представилась ему как безбрежный океан, раскинувшийся у его ног, по которому он теперь, не зная препятствий и преград, ловко поведет свою... яхту, конечно, не лодку. На место Тимура нет других кандидатов, кроме него. А там он доберется наконец до тех, кто по-настоящему правит делами и куда до сих пор доступ ему был заказан – у входа в эти райские кущи стоял, как вышибала, Тимур и никого не допускал... А там деньги, власть, могущество – есть от чего закачаться...

Он и вправду закачался, зажмурившись от счастливых видений. Однако, когда он открыл глаза и пришел в себя, перед ними были пока что не райские кущи, а труп.

Тимур – труп! – пела душа.

И вдруг душа запнулась. А труп ли?

Анатолий наклонился. На голове Тимура была рана. Кто-то его пристукнул, ну и поделом ему. Наверняка с целью ограбления: на пальце Тимура не было его знаменитого сапфирового перстня, с которым он никогда не расставался.

Вот только... До него донесся слабый, тихий стон.

А-а, черт! Жив, вот проклятье! Без сознания, но жив...

Нет, Анатолий не даст судьбе так нагло уволочь у него из-под носа подарок, которым она его поманила! Безбрежный океан карьеры с его личной яхтой-люкс уже расстился перед его взором, веселый ветер головокружительного успеха уже пел в уши!

Воровато оглядевшись по сторонам, он взял Тимура под мышки и заволок поглубже в кусты. Он еще не знал, что он будет делать через пять минут, но успел подумать, что если возникнет случайный прохожий, то он не должен видеть Тимура здесь... А то начнется: «Скорая», милиция, не знаю что еще...

Он высунулся из кустов: никого вокруг. Вышел на тротуар – ни души. А напротив – парапет набережной.

Он даже не заметил, как пришло решение. Он даже его не обдумывал, не осознавал, не принимал. Он просто подхватил Тимура, поставил его вертикально и начал было тащить на своем плече, вынуждая того передвигать ноги, как вдруг спохватился.

«Мне нужно выиграть время, – понял он. – Если тело найдут и начнут копаться в делах Тимура, то найдут наши банные кассеты... И тогда я пропал! Да и неплохо было бы наложить лапу на досье, которые вел Тимур... Но для этого нужно время! Нужно, чтобы никто не знал, что Тимур мертв!»

И он повернул в направлении подъезда. Там, по узенькой дорожке, проходившей прямо под окнами, которую скрывали от дороги обильно разросшиеся кусты с еще не до конца облетевшей листвой, он поволок Тимура к другому торцу дома. Забравшись в укромное местечко, он принялся лихорадочно раздевать неподвижное тело, ответившее ему почти неслышным стоном. Он снова осторожно высунул рыльце из кустов и снова убедился, что в этот поздний час неприветливого холодного октября нет ни души

на набережной, даже машины здесь появлялись изредка... Вернувшись в кусты, он перекинул обмякшее тело через плечо и, приседая под его тяжестью, пересек проезжую часть и с ходу перевалил тело через парапет.

Он не задержался ни на мгновение – даже просто для того, чтобы посмотреть, как поведет себя еще живой человек в ледяной октябрьской воде. Бросившись обратно в кусты, он быстро смотал вещи Тимура в узел, схватил его туфли и снова спрятался в кустах. Как оказалось, очень вовремя, потому что взвизгнула тормозами «Скорая помощь» и человек в белом халате вышел из машины.

Рассмотреть, что он делал у подъезда, Анатолий не мог, но он догадался, что кто-то – еще до него – заметил неподвижное тело и вызвал «Скорую»... Врач, конечно, решил, что ложный вызов – мало ли их по Москве!

Анатолий выпростался из веток, подхватил узелок под мышку и пошел дворами до первого мусорного контейнера.

«Нищие разберут – потом и следов не найдешь. Пока тело найдут, пока опознают – все это исчезнет бесследно...»

...Оставалось найти видеопленки. Анатолий не мог самолично заняться ими – он бы мгновенно засветился. Пришлось потратить несколько дней на поиски человека, которому можно было бы доверить такое конфиденциальное дело. Человек наконец был найден, отправлен на дачу выкупать кассеты, но – «жадность фраера сгубила» – Анатолий стал торговаться, и время было упущено. Проклятые детективы поспели раньше...

Кис, как обещал, прямо с Анатолием заехал к себе на Смоленку и вручил ему обещанный компромат по банному делу. Вместе они приехали и на проспект Мира, где с тысячей извинений Кис выдернул Александру из-за стола «на каких-нибудь полчаса».

Спустя еще час дело семейного примирения свинины с лягушкой было улажено, и усталый Кис уселся наконец за праздничный стол. Ему принесли горячее, которое остальные давно откушали, и он, вяло жуя – от усталости аппетит пропал, – рассказывал о заключительном этапе своего следствия.

Родители ахали и качали головами, Ксюша радовалась окончанию следствия и поздравляла гениев сыского дела, а Александра спросила невозмутимо:

– Хорошо, значит, утопил Тимура Анатолий. А кто же его по голове-то стукнул?

Кис едва не подавился и уставился на эту нахалку.

– Э-э, – начал Кис, – придется признать, что тут у нас с Реми полный прокол: не нашли. Но ведь в наши задачи это и не входило! Мы нашли убийцу, мы нашли интересующие заказчика материалы, а уж кто там проломил ему череп... Может, просто случайный хулиган? С целью ограбления? Анатолий утверждает, что на пальце Тимура перстня не было. Если Анатолию можно верить, конечно... А может, это кто-то, кому стало известно о компромате. А таких немало, поди найди! И этот человек под неким предлогом заставил Тимура выйти на улицу – потому что Тимур оставил, по свидетельству Анатолия, в квартире свет, – вдохновенно сочинял Кис, – и этот кто-то нанес ему удар по голове...

Но этой тайне так и суждено остаться нераскрытой... – печально заключил Кис, фальшиво вздыхая.

Провожали Реми в аэропорту все трое: Ксюша, Александра и Алексей. Отмахав руками до ломоты в суставах, пока Реми не исчез за стойками контроля, Александра приобняла Ксюшу, у которой стояли слезы на глазах.

– Ну что ты, глупышка, ты же поедешь к нему через пару месяцев!

– Да это я так, – хлюпнула носом Ксюша. – Столько всего пережили за эти две недели... У меня нервы разыгрались.

Кис обхватил обеих девушек за плечи.

– Ну вот еще, нервы! Скоро на вашей свадьбе гулять будем! А нервы побереги для супружества. Это штука такая...

– Кончай, скептик, – остановила его Александра. – Нечего рекламировать опыт своей неудачной семейной жизни!

И, помолчав, добавила, поправив пряди Ксюшиных волос, падавшие на глаза:

– Конечно, ты там будешь скучать... Там все другое, и люди другие, и тебе будет трудно с ними... Впрочем, твоя наивность тебя спасет. Как спасала до сих пор во всем...

– Опять наивность? – возмутилась Ксюша.

– Извини. Скажем так: тебя спасет твоя доброта, твоя вера в добро... В конечном итоге в этом и заключается человеческая сила, не так ли?..

Примечания

1

Chat – кошка (фр.).

2

Название пирожного идет от французского слова *baiser*, означающего «поцелуй», одновременно созвучного широко употребляемому слову «трахать» на арг.

3

Я тоже тебя люблю... (фр.).

4

Франция! Париж! Мой бог, Елисейские поля! (фр.).

5

Речь здесь идет не обо всем французском обществе, а о представителях его наиболее обеспеченной части. (Примеч. авт.)

6

Кофе с молоком (фр.).

7

Любовь к подглядыванию.

8

Мое сердечко (фр.). Французы любят и часто употребляют нежные обращения. (Примеч. авт.)

9

Мой бог (фр.).

10

Заткнись! (англ.).

11

Ты лжешь, сука! (англ.).

12

Видеонаблюдение (фр.).

13

Русифицированный вариант от французского mon amour – «моя любовь». (Примеч. авт.)